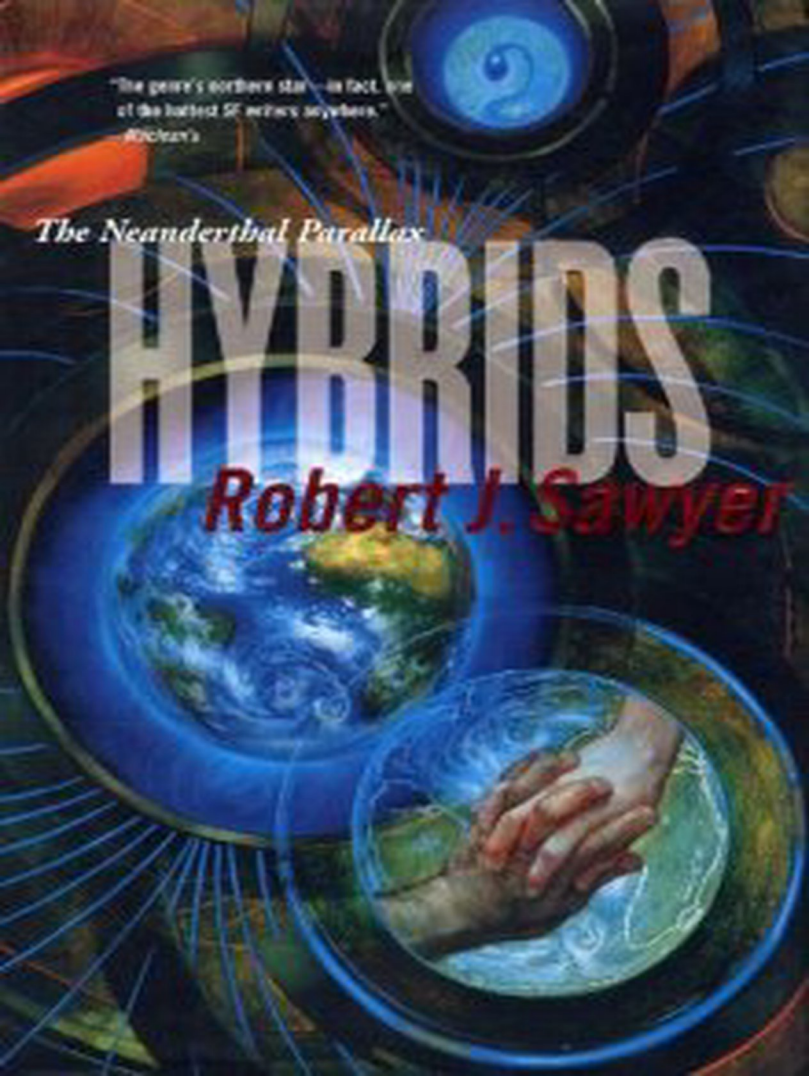
"The genre's northern star—in fact, one of the hottest SF writers anywhere."
—Analog
The Neanderthal Parallax
HYBRIDS
Robert J. Sawyer

Гибриды
Роберт Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Гибриды
От автора
Межмировой «Кто есть кто»
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44

Эпилог
Благодарности

Аннотация

Отношения между Понтером Боддетом и Мэри Воган продолжают развиваться. Их попытки найти способ завести совместных детей имеют неожиданные последствия в обоих мирах.

Роберт Сойер
Гибриды

Ллойду и Ивонн Пенни
замечательным человеческим существам

От автора

Нейтринная обсерватория Садбери, шахта «Крейгтон» корпорации «Инко», Лаврентийский университет (включая Группу нейрологических исследований) и Йоркский университет существуют в действительности. Однако все персонажи книги — целиком и полностью плод моего воображения. Они не имеют никакого сходства с людьми, которые на самом деле занимают те или иные посты в этих или иных организациях.

Межмировой «Кто есть кто»

Барасты (Homo neanderthalelnsis):

Понтер Боддет — квантовый физик (поколение 145)

Жасмель Кет — старшая дочь Понтера (147)

Мега Бек — младшая дочь Понтера (148)

Адекор Халд — квантовый физик (145)

Лурт Фрадло — партнёрша Адекора, химик (145)

Даб Лундай — сын Адекора (148)

Бандра Толгак — геолог (144)

Гарб — партнёр Бандры (144)

Хапнар — старшая дочь Бандры (146)

Дрэнна — младшая дочь Бандры (147)

Вессан Леннет — генетик (144)

Лонвес Троб — изобретатель (138)

Глексены (Homo sapiens):

Мэри Воган — генетик, «Синерджи Груп»

Кольм О'Кейси — проживающий отдельно муж Мэри

Джок Кригер — директор «Синерджи Груп»

Луиза Бенуа — физик, «Синерджи Груп»

Рубен Монтего — штатный медик на шахте

«Крейгтон»

Вероника Шеннон — нейробиолог, Лаврентийский университет

Кейсер Ремтулла — генетик, Йоркский университет

Корнелиус Раскин — генетик, Йоркский университет

Вера в Бога часто указывалась как не только величайшее, но и полнейшее из всех различий между человеком и низшими животными.

Чарльз Дарвин, «Происхождение человека» [1]

И потом учтите, бог вовсе не бесконечен, как утверждают католики. Он действует в радиусе шестисот метров, на краях он приметно слабеет.

Карел Чапек, «Фабрика абсолюта» [2]

Род человеческий по-прежнему делится на два вида: склонное к «созерцанию» меньшинство и чуждая ему масса, да посредине некая прослойка из гибридов.

Джон Голсуорси, «Сдаётся внаём» [3]

---

[1] Примечания: 1
Перевод М. М. Филиппова, цит. по изд. 1903 года.

[2] Примечания: 2
Перевод Валентина Мартемьянова.

[3] Примечания: 3
Перевод Н. Вольпина.

Глава 1

Мои дорогие американцы и все люди этой версии Земли. С огромным удовольствием я обращаюсь к вам этим вечером с моей первой речью в качестве вашего нового президента. Я хочу поговорить о будущем нашего вида гоминид, вида, известного как Homo sapiens — люди мудрости…

— Мэре, — сказала Понтер Боддит, — для меня большая честь представить тебя Лонвесу Тробу.

Мэри привыкла думать о неандертальцах как о расе крепышей — «коренастых шварценеггеров», как их окрестила «Торонто Стар» благодаря их невысокому росту и чрезвычайной мускулистости. Поэтому она испытала шок при виде Лонвеса Троба, тем более что тот стоял рядом с Понтером Боддетом.

Понтер принадлежал к неандертальскому поколению 145, что означало возраст 38 лет. Его рост был пять футов восемь дюймов[4] — выше

[4] Примечания: 4
173 см

среднего для мужчин своего вида, а его мускулатуре позавидовал бы любой бодибилдер.

Лонвес же Троб был одним из немногих ныне живущих представителей поколения 138 — то есть дожил до совершенно невообразимого возраста 108 лет. Он был костляв, хотя и по-прежнему широкоплеч. У всех неандертальцев была светлая кожа — это был народ, приспособленный к холодному климату — но у Лонвеса она стала практически прозрачной, так же, как и немногие сохранившиеся у него на теле волосы. И хотя его голова демонстрировала набор стандартных неандертальских особенностей — низкий лоб, надбровная дуга с двойным изгибом, массивный нос, квадратная челюсть без подбородка — она была совершенно лишена волос. Понтер, в отличие от него, на голове имелась довольно большая копна светлых волос (как и у всех неандертальцев, разделённая пробором ровно посередине) и густая светлая борода.

И всё же самой поразительной особенностью двоих неандертальцев, стоящих перед Мэри Воган, были глаза. Радужки Понтера были золотистыми; Мэри обнаружила, что способна смотреть в них, не отрываясь, бесконечно долго. А радужки Лонвеса оказались сегментированны-

ми, механическими: его глаза были шариками полированного металла с сочащимся из-под центральной линзы синевато-зеленоватым свечением.

— Здравый день, учёный Троб, — сказала Мэри. Она не протянула руки — у неандертальцев такого обычая не было. — Для меня честь познакомиться с вами.

— Не сомневаюсь, — сказал Лонвес. Он, конечно, говорил на языке неандертальцев — он у них был только один, и поэтому никак не назывался — но его имплант-компаньон переводил его речь, воспроизводя английский перевод через внешний динамик.

И то был всем компаньонам компаньон! Мэри знала, что Лонвес Троб сам изобрёл эту технологию во времена своей молодости, в году, который народ Мэри называл 1923-м. В признание тех благ, которые принесли компаньоны народу неандертальцев, Лонвесу Тробу был подарен компаньон с полностью золотой лицевой панелью. Он был вживлён на внутреннюю сторону левого запястья — левши среди неандертальцев были редки. В отличие от него компаньон Понтера имел лицевую панель из стали и рядом с аппаратом Лонвеса выглядел дешёвкой.

— Мэре — генетик, — сказал Понтер. — Во время моего первого посещения их версии Земли она доказала, что я генетически принадлежу к виду, который они называют неандертальцами. — Он протянул руку и взял ладонь Мэри в свою широченную лапищу с короткими пальцами. — Более того, это женщина, которую я люблю. Мы намерены в ближайшее время вступить в союз.

Взгляд механических глаз Лонвеса упёрся в Мэри; их выражение было невозможно прочитать. Мэри непроизвольно перевела взгляд на окно своего офиса на втором этаже старого особняка в Рочестере, штат Нью-Йорк, который занимала «Синерджи Груп». За окном серая поверхность озера Онтарио уходила за горизонт.

— Ну-у, — сказал Лонвес, или, по крайней мере, так его золотой компаньон перевёл резкий звук, который он издал. Но его тон тут же смягчился, и он перевёл взгляд на Понтера. — А я-то думал, что это я много делаю для налаживания межкультурного взаимодействия.

Лонвес был одним из десяти выдающихся неандертальцев — великих учёных и талантливых деятелей искусств — которые прошли через портал с той Земли на эту, чтобы помешать неандертальскому правительству разорвать связь

между двумя мирами.

— Я хочу поблагодарить вас за это, — сказала Мэри. — Мы все — все сотрудники «Синерджи». Явиться в чужой мир…

— Это было то, чего я меньше всего от себя ожидал, в моём-то возрасте, — ответил Лонвес. — Но эти плоскоголовые идиоты из Серого совета! — Он с отвращением покачал головой.

— Учёный Троб собирается сотрудничать с Лу, — сказал Понтер, — чтобы выяснить, возможно ли построить квантовый компьютер типа того, что построили мы с Адекором, с помощью оборудования, которое — как это у вас говорится? — которое вы серийно производите.

«Лу» — это доктор Луиза Бенуа, по специальности физик элементарных частиц; неандертальцы не способны произносить фонему «и», хотя их компаньоны добавляют её, когда воспроизводят английский перевод.

Луиза спасла Понтеру жизнь, когда много месяцев назад он впервые появился в этом мире, переброшенный из своей подземной вычислительной камеры в соответствующую точку на этой Земле — прямиком внутрь заполненной тяжёлой водой сферы детектора Нейтринной обсерватории Садбери, в которой работала Луиза.

Когда во время своего первого визита Понтер внезапно заболел, Луиза с ним и Мэри, а также врачом Рубеном Монтего оказалась на карантине и получила возможность подробно расспросить Понтера о неандертальских достижениях в области квантовых вычислений, так что было вполне естественно, что именно ей поручили попытаться воспроизвести эту технологию. И это была весьма приоритетная задача, поскольку достаточно большой квантовый компьютер был ключом к наведению мостов между вселенными.

— И когда же мы познакомимся с доктором Бенуа? — спросил Лонвес.

— Прямо сейчас, — произнёс женский голос с заметным акцентом. Мэри обернулась. Луиза Бенуа — красивая брюнетка двадцати восьми лет, длинноногая, белозубая и с безупречной фигурой — стояла в дверном проёме. — Простите за опоздание. Пробки просто убийственные.

Лонвис слегка склонил свою древнюю голову вбок, очевидно, прислушиваясь к объяснениям, которые давал компаньон по поводу перевода последних трёх слов, но, настолько же очевидно, остался в полном недоумении относительно их смысла.

Луиза вошла в помещение и протянула Лонвесу

свою бледную ладонь.

— Здравствуйте, учёный Троб! — сказала она. — Ужасно рада с вами познакомиться.

Понтер склонился к Лонвесу и что-то прошептал ему на ухо. Лоб Лонвеса пошёл волнами — это выглядит достаточно необычно, когда такое делает неандерталец с волосами на бровях, но в исполнении облысевшего столетнего старика это казалось форменным сюрреализмом. Однако он всё же протянул руку и осторожно пожал Луизину ладонь, словно касаясь чего-то неприятного.

Луиза улыбнулась своей фирменной улыбкой, которая, правда, не произвела на Лонвеса особого эффекта.

— Это великая честь для меня, — сказала она и посмотрела на Мэри. — Я не была так взбудоражена с тех пор, как познакомилась с Хокингом!

Стивен Хокинг посещал Нейтринную обсерваторию Садбери — это была непростая операция, если учесть, что детекторная камера располагается в двух километрах под землёй и в 1,2 километра по горизонтали от ближайшего подъёмника.

— Моё время чрезвычайно ценно, — сказал Лонвес. — Приступим к работе?

— Конечно, — согласилась Луиза, всё ещё улыбаясь. — Моя лаборатория дальше по коридору.

Луиза пошла к двери, и Лонвес двинулся следом. Понтер придвинулся ближе к Мэри и по неандертальскому обычаю лизнул ей в лицо, однако Лонвес, не оборачиваясь, произнёс:

— Боддет, за мной.

Понтер расстроенно улыбнулся Мэри, пожал плечами в знак извинения и последовал за Луизой и великим изобретателем, закрыв за собой тяжёлую деревянную дверь.

Мэри подошла к своему столу и принялась наводить порядок в бумагах, которыми он был завален. В свое время она бы… что? Взревновала? Занервничала? Она не была вполне уверена, но наверняка ей было бы не по себе от того, что Понтер проводит время в обществе Луизы Бенуа. Как Мэри случайно узнала, работающие в «Синержди» мужчины Homo sapiens за глаза называли Луизу «Эр-Эль». Мэри в конце концов спросила Фрэнка из группы обработки изображений, что эта аббревиатура значит. Он смутился, но всё же объяснил, что это означало «Роскошная Луиза», и Мэри была вынуждена признать, что это истинная правда.

Но теперь Мэри совсем не беспокоилась насчёт Понтера и Луизы. В конце концов, неандерталец любит её, Мэри, а не фигуристую франко-канадку,

а большая грудь и чувственные губы у барастов, похоже, находятся не на первых местах в списке привлекательных женских черт.

В этот момент раздался стук в дверь. Мэри вскинула голову.

— Войдите, — сказала она.

Дверь распахнулась, открыв взгляду Джока Кригера — высокого и худого седовласого мужчину с причёской, которая всегда напоминала Мэри о Рональде Рейгане. И не только ей: тайным прозвищем Джока среди сотрудников, наподобие Луизиного «Эр-Эль», было «Гиппер»[5]. Мэри полагала, что каким-то прозвищем они наградили и её, но пока она ни разу его не слышала.

— Здравствуйте, Мэри, — сказал Джок глубоким хриплым голосом. — Есть минутка?

Мэри шумно выдохнула.

— И далеко не одна, — ответила она.

Джок кивнул.

— Как раз об этом я и хотел поговорить. — Он вошёл и уселся на стул. — Вы закончили работу, для которой я вас нанял: нашли метод,

---

[5] Примечания: 5

The Gipper — прозвище Джорджа Гиппа, знаменитого игрока в американский футбол, умершего молодым в 1920 году; Рональд Рейган снялся в роли Гиппа в фильме 1937 года «Knute Rockne, All American», после чего прозвище «Гиппер» приклеилось к нему до конца жизни.

позволяющий безошибочно отличить неандертальца от любого из нас. — Так и было — и метод оказался до неприличия прост: у Homo sapiens двадцать три пары хромосом, тогда как у Homo neanderthalensis — двадцать четыре.

Мэри почувствовала, как учащается её пульс. Она знала, что эта работа мечты с её жирным окладом была слишком хороша, чтобы продлиться долго.

— Но, как вы знаете, я не могу вернуться в Йоркский университет — не в этом учебном году. Двое сезонных преподавателей, — один из которых — *жуткий отвратительный монстр,* — забрали мои курсы.

Джок вскинул руки.

— О, я вовсе не хочу, чтобы вы вернулись в университет. Но я и правда хотел бы, чтобы вы кое-куда съездили. Понтер скоро возвращается домой, не так ли?

Мэри кивнула.

— Сейчас он приехал для того, чтобы принять участие в каких-то встречах в ООН и, конечно, чтобы привезти Лонвеса сюда, в Рочестер.

— Так вот, почему бы вам не отправиться с ним, когда он будет возвращаться? Неандертальцы очень щедро делятся с нами своими знаниями о

генетике и биотехнологиях, но ведь всегда есть, чему поучиться. Я бы хотел, чтобы вы остались в их мире подольше — скажем, на месяц, и попытались бы узнать как можно больше об их биотехнологиях.

Мэри ощутила, как её сердце возбуждённо забилось.

— С превеликим удовольствием.

— Очень хорошо. Не знаю, правда, как вы там устроились в плане проживания…

— Я жила у партнёрши партнёра Понтера.

— Партнёрши партнёра… — повторил Джок.

— Ага. Понтер состоит в союзе с мужчиной по имени Адекор — ну, с которым они вместе создали квантовый компьютер. Адекор одновременно состоит в союзе с женщиной по имени Лурт, химиком по специальности. И когда Двое порознь — то есть, когда неандертальские мужчины и женщины живут отдельно — я живу в доме Лурт.

— Ах, — сказал Джок, качнув головой. — А я-то считал, что в «Молодых и дерзких»[6] запутанные семейные отношения.

— О, это-то просто, — улыбнулась Мэри. — Джек

---

[6] Примечания: 6

The Young and the Restless — американская «мыльная опера», впервые вышедшая в эфир в 1973 году и продолжающаяся до сих пор (2014).

Аббот был женат на Никки, урождённой Никки Рид. Это было после того, как она побывала замужем за Виктором Ньюманом — после первых двух раз, но до третьего. Но потом Джек женился на…

Джок замахал руками.

— Хорошо, хорошо!

— Так вот, как я сказала, Лурт, партнёрша партнёра Понтера — химик, а неандертальцы считают генетику отраслью химии — что, если подумать, так и есть. Она сможет свести меня с нужными людьми.

— Отлично. Так что если вы желаете снова побывать на той стороне, то нам пригодилась бы информация, которую вы соберёте.

— Желаю ли я? — сказала Мэри, пытаясь совладать с возбуждением. — Католик ли Папа?

— Был в последний раз, когда я проверял, — ответил Джок, сдержанно улыбнувшись.

Глава 2

И, как вы увидите, сегодня я буду говорить только о нашем будущем — о будущем Homo sapiens. И не только потому, что моя речь — это речь американского президента. Нет, дело не только в этом. Дело в том, что в данном случае наше будущее никак не связано с будущим неандертальцев.

Корнелиус Раскин боялся, что эти ненатурально реалистичные кошмары никогда не прекратятся: проклятый троглодит бросается на него, бросает на пол, увечит. Каждое утро он просыпался весь в поту.

Бóльшую часть того дня, когда Корнелиус сделал ужасное открытие, он провёл, свернувшись в постели в болезненный клубок и обхватив себя руками. Несколько раз начинал звонить телефон — по крайней мере однажды это наверняка звонил кто-то из университета, чтобы поинтересоваться, где он, чёрт возьми, шляется. Но он в тот момент был совершенно не в состоянии ни с кем разговаривать.

В тот же день вечером он позвонил на факультет генетики и оставил сообщение на голосовой почте Кейсер Ремтуллы. Он всегда ненавидел эту женщину, и ненавидел её ещё больше сейчас, когда с ним сотворили *такое*. Но он сумел совладать с голосом и сказал, что заболел и несколько дней не сможет выйти на работу.

Корнелиус внимательно следил, не появится ли в моче кровь. Каждое утро он тщательно прощупывал шрам на предмет протечек, регулярно измерял температуру, чтобы убедиться, что его не лихорадит. Его часто бросало в пот, но температуры и правда не было.

Он всё ещё не мог по-настоящему поверить — не мог осознать случившееся. Немного болело — но боль уменьшалась с каждым днём, и кодеиновые таблетки хорошо помогали: слава Богу, их в Канаде отпускают без рецепта. Он всегда держал в доме запас, и поначалу принимал их по пять штук за раз, но потом вернулся к одинарной или максимум двойной дозе.

Впрочем, помимо приёма болеутоляющего Корнелиус совершенно не знал, что делать. Он определённо не мог обратиться к своему врачу — да и к любому другому врачу тоже. От врача его увечье никак не скрыть — и кто-нибудь

обязательно разболтает. А Понтер Боддет был прав — на такой риск Корнелиус пойти не мог.

Наконец, ему удалось собрать достаточно сил, чтобы доползти до компьютера. У него был старенький Пентиум-90 никому не известного производителя, купленный ещё в аспирантуре. Для набора текстов и чтения почты машина вполне годилась, но лазать по интернету он предпочитал с работы: у Йоркского университета были широкие выделенные каналы, тогда как дома он мог себе позволить лишь медленный диалап от местного провайдера. Но ответы ему были нужны прямо сейчас, так что приходилось терпеть безумно медленную загрузку страниц.

Это заняло двадцать минут, но в конце концов он нашёл, что искал. Понтер вернулся на эту Землю с надетым на нём медицинским поясом, среди инструментов которого был каутеризирующий лазерный скальпель. С помощью этого прибора спасли жизнь самому Понтеру, когда его подстрелили возле здания ООН. Наверняка точно так же…

Корнелиус почувствовал, как все его мускулы непроизвольно сжимаются при мысли о том, что с ним произошло.

Его мошонку вскрыли, предположительно, с

помощью лазера, и…

Корнелиус закрыл глаза и проглотил подступивший к горлу комок, не давая желудочной кислоте подняться по пищеводу.

Каким-то образом — может быть, даже голыми руками — Понтер вырвал тестикулы из его тела. А потом, должно быть, снова воспользовался лазером, чтобы срастить края разреза.

Корнелиус лихорадочно обыскал всю квартиру в поисках удалённых частей своего тела в надежде, что их удастся снова вернуть на место. Но после нескольких часов поисков, с лицом, залитым слезами гнева и отчаяния, он, наконец, смирился с неизбежным. Понтер либо спустил их в унитаз, либо унёс их с собой. В любом случае, они утрачены навсегда.

Корнелиуса душила ярость. Ведь они заслужили то, что он с ними сделал. Эти женщины — Мэри Воган и Кейсер Ремтулла — стояли у него на пути. Им доставались его должности, его бессрочный контракт, просто потому, что они — женского пола. Это *у него* был Ph.D. из Оксфорда, Господи Боже ты мой, но ему не дали повышения, потому что Йоркский университет, видите ли, «исправляет исторически сложивший дисбаланс» в своём кадровом составе. Его поимели, и за это он показал

им — главе факультета, черножопой курице, и этой сучке Воган, получившей должность, которая была по праву *его* — каково это, когда тебя имеют.

Зар-раза, — подумал Корнелиус, в очередной раз ощупывая мошонку. Она сильно опухла — но была пуста.

Твою же ж мать!

* * *

Джок Кригер вернулся в свой офис, располагавшийся на первом этаже особняка «Синерджи Груп». Его большое окно было обращено на юг, в сторону пристани для яхт, а не на север, в сторону озера Онтарио; особняк находился на тянущейся с востока на запад косе в районе Рочестера под названием Сибриз.

Специальностью Джока была теория игр; он учился у Джона Нэша в Принстоне и тридцать лет проработал в корпорации RAND. RAND была наилучшим для него местом. Основанная Военно-Воздушными Силами, она была основным американским мозговым центром в годы Холодной войны, где исследовали различные аспекты возможного ядерного конфликта. И по сей день,

слыша аббревиатуру M.D., он думал не о врачах[7], а о megadeath — миллионе жертв среди гражданского населения.

Пентагон рвал и метал по поводу того, как проходил первый визит Неандертальца-прим — первого неандертальца, провалившегося из *их* реальности в *нашу*. История о живом пещерном человеке, появившемся в никелевой шахте в Северном Онтарио, казалась очевидной газетной уткой в одном ряду с сообщениями о встрече с инопланетянами или йети и тому подобной чепухой. К тому времени, как американское правительство — впрочем, и канадское показало себя не лучше — начало воспринимать эту историю всерьёз, о Неандертальце-прим уже узнала широкая публика, так что ситуацию стало невозможно взять под контроль и засекретить.

И внезапно появились деньги — какие-то из Службы иммиграции и натурализации, но в основном от Минобороны — на создание «Синерджи Груп». Это название придумал какой-то

---

[7] Примечания: 7

M.D. — *англ.* medical doctor или *лат.* medicinae doctor — доктор медицины, стандартное добавление к имени врачей в англоязычных странах. Уточнение требуется потому, что «доктором» называется любой человек, имеющий научную степень Ph.D. — примерный аналог кандидата наук. Megadeath или мегатруп — единица измерения потерь при ядерном ударе.

политик; Джок назвал бы её «Barast Encounter-Repetition Emergency Task-force»[8] или BERET. Но название и дурацкий логотип с переплетающимися мирами были утверждены ещё до того, как к нему постучались с предложением возглавить организацию.

Однако выбор теоретика игр в качестве руководителя был не случаен. Было ясно, что если контакт когда либо восстановится, интересы неандертальцев и людей (Джок до сих пор пользовался этим словом, по крайней мере, в мыслях, для обозначения *настоящих* людей) будут различны, и отыскание наиболее благоприятного исхода, возможного в данных обстоятельствах — это, собственно, и есть теория игр.

— Джок?

Джок обычно держал дверь офиса открытой — как и положено хорошему менеджеру, не так ли? Политика открытых дверей. И всё же он вздрогнул, увидев заглядывающее в неё неандертальское широкое лицо с надбровьем и бородищей.

— Да, Понтер?

— Лонвес Троб привёз из Нью-Йорка какое-то

---

[8] Примечания: 8
Группа быстрого реагирования на повторный контакт с барастами.

коммюнике. — Лонвес и девятеро других знаменитых неандертальцев, так же, как и Тукана Прат, неандертальский посол, большую часть времени проводили в штаб-квартире Объединённых Наций. — Вам известно об экспедиции к Соответствующему Месту?

Джок покачал головой.

— Есть планы открыть между нашими мирами большой постоянно действующий портал, который находился бы на поверхности земли, — объяснил Понтер. — По-видимому, ваши Объединённые Нации приняли решение, что этот портал должен соединять их штаб-квартиру и соответствующее место моего мира.

Джок нахмурился. Что происходит, почему он должен узнавать новости от неандертальца? Впрочем, он ещё не смотрел сегодняшнюю почту — возможно, ему прислали е-мейл. Разумеется, он знал, что вариант с Нью-Йорком рассматривается. По мнению Джока, тут всё было до предела просто: новый портал, очевидно, должен находиться на американской земле, а размещение его на Ю-Эн Плаза — технически на международной территории — несколько успокоило бы остальной мир.

— Лонвес говорит, — продолжал Понтер, — что

они планируют переправить группу представителей Объединённых Наций на другую сторону — на *мою* сторону. Мы с Адекором должны будем отправиться с ними на остров Донакат — наш аналог Манхэттена — для осмотра местности; экранирование любого квантового компьютера сколько-нибудь значительного размера от солнечного и космического излучения и фоновой радиации для предотвращения декогерентности — очень серьёзная задача.

— Понял. И что?

— Ну, я и подумал: может быть, вы тоже захотите поехать? Вы руководите институтом, задача которого — налаживание отношений с моим миром, но вы ещё ни разу его не видели.

Джок несколько растерялся. Ему и так было немного не по себе от присутствия двоих неандертальцев в его «Синерджи Груп»: слишком уж они смахивали на троллей. Он не был уверен, что хочет оказаться в населённом ими мире.

— Когда это будет?

— После того, как в следующий раз Двое станут Одним.

— Ах, да, — сказал Джок, пытаясь сохранить дружелюбный фасад. — То, про что Луиза говорит «Фи-еста!»

— Ну, это гораздо больше, чем просто праздник, — сказал Понтер, — хотя в ходе этой поездки вы его не увидите.

— У меня много работы, — сказал Джок.

Понтер улыбнулся своей противоестественно широкой улыбкой.

— Вроде отсутствие интереса к тому, что находится за соседним холмом, характерно для моего народа, а не для вашего. Вы должны посетить мир, который изучаете.

* * *

Понтер вошёл в офис Мэри и прикрыл за собой дверь. Он обхватил её своими массивными руками, и они крепко обнялись. Потом он лизнул её в лицо, а она поцеловала его. Однако после этого им пришлось расцепиться, и Понтер, тяжело вздохнув, сказал:

— Мне уже скоро возвращаться.

Мэри попыталась с серьёзным лицом кивнуть, но, похоже, ей нее удалось до конца подавить улыбку.

— Что смешного? — спросил Понтер.

— Джок попросил меня поехать с тобой!

— Правда? — переспросил Понтер. — Это же здорово! — Он на секунду замолк. — Но, конечно…

Мэри кивнула и махнула рукой.

— Знаю, знаю. Мы будем видеться только четыре дня в месяц. — В мире Понтера мужчины и женщины живут по большей части отдельно друг от друга: женщины в центральых частях поселений, мужчины — на их окраинах. — Но мы по крайней мере будем в одном и том же мире, и у меня там будет полезное занятие. Джок хочет, чтобы я в течение месяца изучала неандертальские биотехнологии — столько, сколько успею.

— Отлично, — сказал Понтер. — Чем больше культурного обмена, тем лучше. — Он коротко взглянул в окно на озеро Онтарио, вероятно, задумавшись о предстоящем путешествии. — Значит, нам нужно отправляться в Садбери.

— Двое станут Одним только через десять дней, не так ли?

Понтеру не требовалось консультироваться с компаньоном, чтобы убедиться в правильности этой цифры. Его партнёрша Класт умерла от лейкемии два года назад, но с дочерями он также мог видеться только тогда, когда Двое становятся Одним. Он кивнул.

— А после этого я уезжаю на юг — в моём мире, к месту, которое соответствует штаб-квартире Объединённых Наций. — Понтер никогда не го-

ворил «ООН»; неандертальцы так и не изобрели фонетического алфавита, и концепция называния по первым буквам была им совершенно чужда. — Там будут строить новый портал.

— Ах… — сказала Мэри.

Понтер поспешно вскинул руку.

— Но я не поеду на Донакат, пока Двое не перестанут быть Одним, и, разумеется, до следующего раза я вернусь.

Мэри ощутила, как её энтузиазм начинает слабеть. Умом она понимала, что между их с Понтером встречами будет проходить двадцать пять дней, даже если она навсегда поселится в мире неандертальцев, но к этому нужно было привыкнуть. Как бы ей хотелось, чтобы нашлось решение, какое-нибудь, в каком-то из миров, решение, благодаря которому они с Понтером могли бы всегда быть вместе.

— Если ты возвращаешься со мной, — сказал Понтер, — то мы, наверное, поедем в Садбери вместе. Меня обещала подвезти Луиза, но…

— Луиза? Она, что тоже отправляется…?

— Нет-нет-нет. Но она послезавтра едет в Садбери к Рубену. — Когда они все вместе находились на карантине, у Луизы Бенуа и Рубена Монтего случился роман, который продолжился и после

его снятия. — Кстати, — сказал Понтер, — раз уж мы все четверо будем в Садбери, можно бы было вместе поужинать. Мне так нравились барбекю у Рубена…

* * *

На этой версии Земли у Мэри Воган были два дома: она снимала квартиру в Бристоль-Харбор здесь, в окрестностях Рочестера, а также ей принадлежала квартира в кондоминиуме в Ричмонд-Хилле, северном предместье Торонто. В этот второй дом они и направлялись сейчас с Понтером — три с половиной часа на машине от штаб-квартиры «Синержди-Груп». По дороге, сразу после съезда с хайвэя в Буффало, они остановились поесть в KFC — Kentucky Fried Chicken. По мнению Понтера то была самая вкусная еда в мире — мнение, которое Мэри, с некоторым ущербом для своей талии, разделяла. Специи — продукт жаркого климата, изначально призванный маскировать вкус не слишком свежего мяса; народ Понтера, населяющий высокие широты, никогда свою еду ничем особенно не приправлял, так что комбинация из одиннадцати различных трав и специй была на вкус непохожа ни на что из того, что он ел раньше.

Во время поездки Мэри проигрывала CD-диски — её раздражало искать новую радиостанцию каждый раз, когда они удалялись от прежней. Она начала с «Лучшего» Мартины Макбрайд, а сейчас они слушали «Come On Over» Шанайи Твейн. Мэри любила большинство песен Шанайи, но терпеть не могла «Женщину во мне», которой не хватало её фирменного напора. Она всё надеялась как-нибудь собраться и прожечь собственный CD с этим альбомом, но без этой песни.

Они летели по шоссе, музыка играла, солнце садилось — в это время года оно садится рано — и Мэри задумалась. Отредактировать CD-диск проще простого. Отредактировать жизнь трудно. Конечно, в её прошлом было всего несколько моментов, которые она хотела бы вычеркнуть из него. Изнасилование, разумеется — неужели это было всего три месяца назад? Кое-какие финансовые неудачи. Плюс горсточка реплик, сказанных невпопад.

Но вот как насчёт её брака с Кольмом О'Кейси?

Она знала, чего Кольм от неё хочет: чтобы она заявила перед лицом Церкви и Господа, что её брака на самом деле никогда не было. Именно в этом и состояла церковная процедура аннулирования брака: в опровержении, в отрицании того,

что брак когда-либо имел место.

Понятное дело, что когда-нибудь Церковь отменит свой запрет на разводы. Пока Мэри не встретилась с Понтером, у неё не было особых причин для того, чтобы свернуть отношения с Кольмом, но теперь она действительно хотела их завершить. И она должна была выбирать между лицемерием — процедурой аннуляции — и отлучением в наказание за развод.

Какая ирония: католик может избавиться от любого греха, просто исповедавшись в нём. Но если тебя угораздило выйти замуж не за того человека, то простого пути назад нет. Церковь желает, чтобы вы оставались вместе, пока смерть вас не разлучит — если только вы не готовы лгать о самом факте своего брака.

Но, чёрт возьми, их с Кольмом брак не заслуживал того, чтобы вот так вот его стереть, вымарать, вычистить отовсюду.

Ну да, она не была на сто процентов уверена, когда принимала его предложение, и сомневалась, когда отец вёл её к алтарю. Но первые несколько лет их брака были хорошим временем, и когда всё испортилось, это произошло лишь из-за изменений в их целях и интересах.

В последнее время было много разговоров о

Большом Скачке, когда у людей впервые появилось подлинное самосознание около 40000 лет назад. В жизни Мэри был свой Большой Скачок, когда она осознала, что её желания и карьерные устремления вовсе не должны смирно сидеть на заднем сиденье позади желаний и устремлений её законного супруга. И с этого момента их жизни разошлись — и сейчас их разделяли целые миры.

Нет, она не хочет отрицать свой брак.

Из чего следует…

Из чего вместо аннуляции следует развод. Конечно, нет такого закона, согласно которому глексен — так неандертальцы называют хомо сапиенсов — официально состоящий в браке с другим глексеном, не мог бы вступить в союз с барастом противоположного пола, но в будущем, вне всякого сомнения, такие законы появятся. Мэри всем сердцем желала стать партнёршей Понтера, и чтобы сделать это по-правильному, нужно, наконец, окончательно завершить её отношения с Кольмом.

Мэри завершила обгон, потом взглянула на Понтера.

— Милый? — сказала она.

Понтер едва заметно нахмурился. Для Мэри

такое обращение было совершенно естественно, но Понтеру оно не нравилось из-за звука «и», который он сам был неспособен произнести.

— Да? — ответил он.

— Мы ведь собирались переночевать у меня в Ричмонд-Хилле, помнишь?

Понтер кивнул.

— И, в общем, ты также знаешь, что юридически я до сих пор состою в союзе с… с моим партнёром здесь, в этом мире.

Понтер снова кивнул.

— Мне… мне нужно встретиться с ним, если будет такая возможность, прежде чем мы отправимся из Ричмонд-Хилла дальше в Садбери. Скорее всего за завтраком или за ланчем.

— Мне будет любопытно познакомиться с ним, — сказал Понтер. — Посмотреть, какого рода глексенов ты предпочитаешь…

CD-проигрыватель переключился на следующую песню: «Есть ли жизнь после любви?»

— Нет, — сказала Мэри. — В смысле, мне нужно встретиться с ним одной.

Она опять взглянула на Понтера и увидела, как его единственная на оба глаза бровь взбирается на надбровный валик.

— О!.. — сказал он, воспользовавшись англий-

ским междометием напрямую.

Мэри снова перевела взгляд на дорогу.

— Пришло время расставить всё по местам.

Глава 3

Я говорил это во время своей предвыборной кампании, и я говорю это снова: президент обязан мыслить масштабно — не только до следующих выборов, а на десятилетия и целые поколения вперёд. И сегодня я хочу поговорить с вами об этой дальней перспективе…

Корнелиус Раскин лежал на своей пропитанной пóтом постели. Он жил квартире на верхнем этаже в Дрифтвуде, самом заброшенном районе Торонто — в своём «пентхаузе в трущобах», как он его называл, когда был в настроении шутить. Солнце светило в щель между потрёпанными занавесками. Корнелиус не завёл будильник — не заводил его уже несколько дней — и не находил в себе сил даже для того, чтобы перевернуться на бок и посмотреть на часы.

Но реальный мир очень скоро вторгнется в его жизнь. Он не мог вспомнить, какие именно пособия по болезни предусматривались его контрактом сезонного преподавателя, но без сомнения через некоторое количество дней

университет, профсоюз, профсоюзный страхователь или все трое вместе потребуют с него больничный лист. Так что если он не начнёт снова преподавать, ему перестанут платить, а если ему перестанут платить…

У него хватит денег на оплату аренды до следующего месяца, и, разумеется, первый и последний месяц срока аренды он оплатил вперёд, так что в этой квартире он может оставаться до конца года.

Корнелиус подавил желание протянуть руку и снова ощупать мошонку. Их не было; он знал, что их нет. Он начинал *смиряться* с тем, что их нет.

Конечно, это можно лечить: мужчины нередко теряют тестикулы из-за рака. Корнелиус мог бы принимать тестостероновые препараты. И никто — по крайней мере, никто из его знакомых — не знал бы, что он их принимает.

Личная жизнь? Её у него не было с тех пор, как Мелоди бросила его два года назад. Он был раздавлен разрывом и даже в течение пары дней подумывал о самоубийстве. Но она была выпускницей Осгуд-Холла — юридического факультета Йоркского университета, она отработала практику и получила место ассистента в «Купер Джегер» с окладом 180000 в год. Ему никогда было не стать

таким мужем — главой и опорой семьи — какого она искала, а теперь…

А теперь.

Корнелиус смотрел в потолок, чувствуя, как деревенеет всё тело.

* * *

Мэри не виделась с Кольмом О'Кейси довольно давно, но выглядел он сейчас лет на пять старше, чем она помнила. Конечно, обычно, думая о нём, она вспоминала то время, когда они ещё жили вместе, когда собирались вместе выйти на пенсию и вместе поселиться в милом сельском доме на острове Солт-Спринг в Британской Колумбии…

Завидев Мэри, Кольм встал и склонился к ней для поцелуя. Она отвернулась и подставила щёку.

— Привет, Мэри, — сказал он, снова усаживаясь. В этом стейк-хаузе в обеденное время было что-то сюрреалистическое: благодаря тёмному дереву, светильникам под Тиффани и отсутствию окон здесь словно всегда был вечер. Кольм уже заказал вино — «Л'Амбьянс», их любимое. Он налил вино в бокал Мэри.

Она устроилась поудобнее — насколько смог-

ла — на стуле на противоположном от Кольма краю стола; между ними мерцал в стеклянном сосуде огонёк свечи. Кольм, как и Мэри, был немного полноват. Линия волос продолжила отступление, виски поседели. У него был маленький нос и такой же рот — даже по глексенским стандартам.

— В последнее время о тебе постоянно говорят в новостях, — сказал Кольм. Мэри, автоматически ощетинившись, собралась уже было ответить что-то резкое, но он остановил её жестом руки и продолжил: — Я рад за тебя.

Мэри постаралась сохранить спокойствие. Разговор и без лишних эмоций предстоит нелёгкий.

— Спасибо.

— И как оно тебе? — спросил Кольм. — Там, в неандертальском мире?

Мэри слегка пожала плечами.

— Всё так, как рассказывают по телевизору. Чище, чем у нас. Меньше народу.

— Хочу как-нибудь тоже там побывать, — сказал Кольм. Потом посерьёзнел и добавил: — Хотя вряд ли у меня будет случай. Не представляю, зачем бы они стали приглашать кого-нибудь с моей специальностью.

И это в самом деле было так. Кольм преподавал

в Торонтском университете английскую литературу; предметом его исследований были пьесы, приписываемые Шекспиру, но авторство которых подвергалось сомнению.

— Никогда не знаешь, — сказала Мэри. Шесть месяцев своего саббатикала[9] и их брака он провёл в Китае: она никогда бы не подумала, что китайцы могут интересоваться Шекспиром.

В своей области Кольм был почти так же знаменит, как Мэри — в своей: ни одна работа о «Двух знатных родичах»[10] не обходится без цитирования Кольма. Однако реальный мир вторгся в их башни из слоновой кости очень рано. Как Йорский, так и Торонтский университеты устанавливают зарплату профессорам исходя из их ценности на рынке труда: профессорам права платят намного больше, чем профессорам истории, потому что у них гораздо больше возможностей найти хорошее место вне университета. Точно так же в последнее время — *в*

---

[9] Примечания: 9

В североамериканской академической среде — годовой оплачиваемый отпуск профессора с бессрочным контрактом, который он получает раз в восемь лет. Обычно в течение саббатикала учёный принимает участие в исследованиях, интересных лично ему либо не получивших финансирования, пишет книги, путешествует или просто отдыхает.

[10] Примечания: 10

The Two Noble Kinsmen — английская пьеса, приписываемая Джону Флетчеру либо Вильяму Шекспиру.

особенности в последнее время — генетики были ходовым товаром, в то время как специалисты по английской литературе за пределами учебных заведений не были нужны никому. У одного из друзей Мэри даже был такой тэглайн в электронных письмах:

Выпускник естественнонаучного факультета спрашивает «Почему оно работает?» Выпускник технического факультета спрашивает «Как оно работает?» Выпускник экономического спрашивает «Сколько оно стоит?» Выпускник факультета английской литературы спрашивает «Вам это кетчупом полить?»

Статус Мэри как главной добытчицы в семье был лишь одним из источников трений. И всё-таки она внутренне содрогнулась, представив себе, что бы было, узнай он, сколько она сейчас получает в «Синерджи Груп».

Подошла официантка, они сделали заказы: стейк с картошкой фри для Кольма, окунь для Мэри.

— Тебе понравилось в Нью-Йорке? — спросил Кольм.

На полсекунды Мэри подумала, что он имеет в виду *город* Нью-Йорк, в котором в сентябре

неудавшийся террорист прострелил Понтеру плечо. Но нет, разумеется, он имел в виду Рочестер, штат Нью-Йорк — новое место работы Мэри и её место жительства на время контракта с «Синерджи Груп».

— Приятное местечко, — сказала она. — Окно моего офиса выходит прямо на озеро Онтарио, и я снимаю отличную квартиру на одном из Фингер-лэйкс.

— Хорошо, — сказал Кольм. — Очень хорошо. — Он пригубил вина и выжидающе посмотрел на неё.

Мэри, в свою очередь, сделала глубокий вдох. В конце концов, это ведь она попросила о встрече.

— Кольм… — начала она.

Он опустил свой бокал на стол. Они были женаты семь лет; он наверняка знал, что таким вот тоном она вряд ли собирается сказать что-то приятное.

— Кольм, — снова сказала Мэри. — Я думаю, пришло время нам… завершить незаконченные дела.

Колм наморщил лоб.

— Да? Я считал, что мы утрясли все подробности…

— Я имею в виду, — сказала Мэри, — что при-

шло время сделать наш… наше расставание постоянным.

Официантка выбрала этот неподходящий момент, чтобы принести салаты: «цезарь» для Кольма, зелёный салат с малиновым соусом для Мэри. Кольм отослал официантку, которая предложила к салату молотого перца, и сказал тихим голосом:

— Ты имеешь в виду аннуляцию?

— Я… думаю, я предпочла бы развод, — сказала Мэри ещё тише.

— Ох, — сказал Кольм. Он смотрел в сторону, на незажжённый камин на дальнем краю зала. — Ох-ох-ох…

— Просто, кажется, пришло время, — сказала Мэри.

— Правда? — сказал Кольм. — Почему именно сейчас?

Мэри сделала унылое лицо. Если изучение Шекспира и оставляет какой-то след, то обычно это привычка видеть во всём движущие силы и скрытые смыслы: ничто не случается просто так. Но она не была уверена, как это правильно сформулировать.

Нет — нет, всё не так. По дороге сюда она прокручивала слова в голове снова и снова. Она не

была уверена в том, как он отреагирует.

— Я встретила другого человека, — сказала Мэри. — Мы хотим попытаться устроить совместную жизнь.

Кольм поднял свой бокал и снова отпил вина, потом взял из принесённой официанткой корзинки кусочек хлеба. Имитация причастия; этот жест уже сказал всё, что необходимо. Но Кольм всё-таки подкрепил своё послание словами:

— Развод означает отлучение.

— Я знаю, — с тяжёлым сердцем ответила Мэри. — Но аннуляция кажется таким лицемерием.

— Я не хочу покидать Церковь, Мэри. В моей жизни и без этого достаточно потрясений.

Мэри не понравился намёк на то, что инициатором разрыва была она. Однако, возможно, он прав. Возможно, она обязана ему хотя бы этим.

— Но я не хочу делать вид, будто нашего брака никогда не было.

Это смягчило Кольма, и на мгновение Мэри подумала, что он собирается потянуться над льняной скатертью и взять её за руку.

— Я его знаю — этого твоего нового спутника?

Мэри покачала головой.

— Какой-нибудь американец, я думаю, — продолжал Кольм. — Вскружил тебе голову, да?

— Он не американец, — ответила Мэри, словно оправдываясь. — Он канадский гражданин. — А потом, поразившись собственной жестокости, продолжила: — И да, он вскружил мне голову.

— Как его зовут?

Мэри знала, зачем он спрашивает: не надеясь на то, что имя окажется знакомым, а из-за того, что, по его мнению, фамилия могла многое сказать о человеке. Если у Кольма и был недостаток, то состоял он в том, что Кольм был сыном своего отца: косноязычного твердолобого человека, делившего мир исключительно по этническому признаку. Несомненно, Кольм уже сейчас перебирал варианты возможных ответов. Если бы ухажёр Мэри оказался итальянцем, Кольм заклеймил бы его как жиголо. Носи он еврейскую фамилию, Кольм предположил бы, что у него куча денег, и сказал бы что-то насчёт того, что Мэри никогда не была по-настоящему счастлива замужем за скромным преподавателем.

— Ты его не знаешь, — ответила Мэри.

— Ты уже это сказала. Я хотел бы знать его имя.

Мэри закрыла глаза. Она наивно надеялась вообще избежать этого вопроса, но, разумеется, он обязан был рано или поздно всплыть. Она

нерешительно ковырнула вилкой салат, а потом, глядя в тарелку и не в силах встретиться с Кольмом взглядом, произнесла:

— Понтер Боддет.

Она услышала, как его вилка резко звякнула о тарелку с салатом.

— Боже, Мэри! *Неандерталец?*

Мэри сама не поняла, как начала оправдывать Понтера, и тут ре пожалела, что не смогла подавить рефлекторную реакцию.

— Он хороший человек, Кольм, — сказала она. — Добрый, умный и любящий.

— И как теперь ты это делаешь? — спросил Кольм, но его тон был не так язвителен, как слова. — Снова играешь в «музыкальные имена»? И что там на этот раз, «Мэри Боддет»? Вы будете жить здесь, или собираетесь поселиться в его мире, и…

Внезапно Кольм замолк и вскинул брови.

— Нет-нет, так не получится. В газетах писали. Мужчины и женщины в их мире не живут вместе. Господи, Мэри, ну и странный же у тебя кризис среднего возраста.

Ответы роились у Мэри в голове. Ей было всего тридцать девять, чёрт побери — возможно, математическая «середина жизни», но совершенно

точно не психологическая. И это не она, а Кольм обзавёлся новой парой сразу, как только они перестали жить вместе, хотя их отношениям с Линдой уже больше года как пришёл конец. В конце концов Мэри остановилась на ответе, к которому так часто прибегала за годы замужества:

— Ты не понимаешь.

— Вот уж что есть, то есть — не понимаю, — сказал Кольм, явно сдерживая голос, чтобы его не услышали за соседними столиками. — Это… это извращение. Он ведь даже не человек.

— Понтер — человек, — твёрдо ответила Мэри.

— Я видел, как на «Си-ти-ви» рассказывали о твоём открытии, — сказал Кольм. — У неандертальцев даже число хромосом другое.

— Это не имеет значения, — сказала Мэри.

— Чёрта с два! Пускай я всего лишь профессор английского, но я знаю, что это означает принадлежность к другому биологическому виду. И я знаю, что *это* означает, что у вас с ним не может быть детей.

Детей, мысленно повторила Мэри, ощутив, как зачастило сердце. Конечно, когда она была моложе, то хотела стать матерью. Но ко времени окончания аспирантуры, когда у них с Кольмом наконец-то появились какие-то деньги, их брак

уже дал трещину. Мэри наделала в своей жизни немало глупостей, но ей по крайней мере достало ума не заводить ребёнка лишь для того, чтобы попытаться укрепить слабеющие узы.

А сейчас перед ней маячила большая жирная 40; Боже, да менопауза придёт, не успеешь оглянуться! И, кроме того, у Понтера уже двое своих детей.

И всё же…

И всё же до этого момента, пока Кольм не сказал, Мэри ни разу даже мысль не пришла об их с Понтером совместных детях. Но Кольм был прав. Ромео и Джульетта были просто Монтекки и Капулетти; разделяющий их барьер был попросту *ничем* по сравнению с барьером, разделившим Боддета и Воган, неандертальца и глексенку. «Под звездой злосчастной»[11], куда там! В злосчастной вселенной, на злосчастной исторической линии.

— Мы с ним не говорили о детях, — сказала Мэри. — У Понтера уже есть две дочери — собственно, через полтора года он станет дедушкой.

Мэри заметила, как сощурились серые глаза Кольма — должно быть, задумался о том, как можно настолько уверенно прогнозировать та-

---

[11] Примечания: 11
Шекспир, «Ромео и Джульетта», пер. Щепкиной-Куперник.

кие вещи.

— Цель брака — рождение детей, — сказал он.

Мэри прикрыла глаза. Это она настояла на том, чтобы подождать, пока она не закончит аспирантуру — именно ради этого она села на таблетки и послала к чертям Папу с его предписаниями. Кольм никогда по-настоящему не понимал, что это было необходимо, что её учёба пострадала бы, если бы ей пришлось быть аспиранткой и матерью одновременно. Но она знала его достаточно хорошо на том раннем этапе их брака и понимала, что бóльшая часть бремени по уходу за ребёнком свалится на неё.

— У неандертальцев нет брака в нашем понимании, — сказала она.

Кольма это не убедило.

— Разумеется, ты хочешь выйти за него замуж. Тебе не понадобился бы развод, будь это не так. — Но потом его тон смягчился, и на какое-то мгновение Мэри вспомнила, что привлекло её в Кольме тогда, в самом начале. — Ты, должно быть, очень сильно его любишь, — сказал он, — если готова на отлучение ради него.

— Да, — сказала Мэри, и потом, словно устыдившись сходства с тем, что она когда-то сказала перед алтарём, добавила: — Я очень его люблю.

Подошла официантка с заказанными блюдами. Мэри посмотрела на свою рыбу: весьма вероятно — последнее, что она съест в компании мужчины, бывшего её мужем. И внезапно её захотелось сделать для Кольма что-нибудь хорошее. Она намеревалась твёрдо держаться своего решения получить развод, но он был прав — развод *в самом деле* означает отлучение от Церкви.

— Я согласна на аннуляцию, — сказала Мэри, — если ты этого хочешь.

— Хочу, — ответил Кольм. — Спасибо. — Секунду помедлив, он отрезал кусочек от своего стейка. — Я думаю, ни к чему тянуть. Можем начать прямо сегодня.

— Спасибо, — сказала Мэри.

— Но у меня есть одна просьба.

Сердце Мэри тревожно забилось.

— Какая?

— Скажи ему — Понтеру — что наш брак развалился не из-за меня. Это не моя вина. Скажи ему, что я… что я неплохой, в сущности, человек.

Мэри потянулась над столом и сделала то, чего ранее не сделал Кольм — коснулась его руки.

— Обязательно, — заверила она его.

Глава 4

Позвольте начать с замечания о том, что речь не идёт о противостоянии — мы или они. Не о том, кто лучше — Homo sapiens или Homo neanderthalensis. Не о том, кто смышлёнее — глексены или барасты. Скорее, речь идёт о том, чтобы найти наши собственные сильные стороны, лучшие черты нашей собственной природы, и о том, чтобы делать вещи, которыми мы могли бы гордиться…

Сразу после ланча с Кольмом Мэри поехала домой за Понтером. Понтер с видимым удовольствием смотрел на канале «Космос» повтор классического «Стартрека». Понтер, разумеется, видел этот эпизод впервые, но Мэри его тут же узнала — напыщенный и наигранный «Пусть это будет полем последней битвы», в котором приглашённые звёзды Фрэнк Горшин и Лу Антонио разрывали пейзаж лицами, выкрашенными наполовину в белый, наполовину в чёрный цвет.

Они сели в машину Мэри и выехали в Садбери, куда планировали попасть часа через четыре —

как раз к ужину у Рубена Монтего.

Летя по четырёхсотому шоссе, Мэри вдруг нажала клаксон, а потом замахала рукой — их только что обогнал Луизин чёрный «форд-эксплорер» с номером D2O — химическая формула тяжёлой воды. Луиза махнула в ответ и умчалась вперёд.

— По-моему, она превышает максимально разрешённую скорость, — сказал Понтер.

Мэри кивнула.

— Уверена, что ей не составит труда отговориться от штрафа.

* * *

Час проходил за часом; километры оставались позади. Шанайю Твейн и Мартину Макбрайд сменила сначала Фэйт Хилл, а потом Сьюзан Аглукарк.

— Я, наверное, не лучший источник сведений о католицизме, — сказала Мэри в ответ на комментарий Понтера. — Наверное, нужно познакомить тебя с отцом Калдикоттом.

— Что делает его лучшим источником, чем ты? — спросил Понтер, отрывая взгляд от дороги — езда по скоростным шоссе всё ещё была для него в новинку — и поворачиваясь к Мэри.

— Ну, он рукоположен. — Специальным

жестом — небольшим поднятием левой руки — Мэри теперь могла предотвращать гудок, издаваемый компаньоном Понтера, когда она и сама знала, что слово, которое она только что произнесла, ему не знакомо. — Посвящён в сан — собственно, это и делает его священником. Ну, то есть, частью духовенства.

— Прости, — сказал Понтер. — Я всё равно ничего не понимаю.

— В религии существует два класса людей, — сказала Мэри, — клирики и миряне.

Понтер улыбнулся.

— Так совпало, что я не способен произнести ни того, ни другого слова.

Мэри улыбнулась в ответ; она уже начала привыкать к его чувству юмора.

— Так вот, — продолжала она, — клирики — это те, кто прошёл специальную подготовку для выполнения религиозных функций. Миряне — простые люди как ты или я.

— Но ты говорила, что религия — это система верований, этических и моральных принципов.

— Так и есть.

— Тогда все приверженцы религии должны иметь к ним равный доступ.

Мэри моргнула.

— Ну, да, конечно, просто… видишь ли, исходные тексты могут по-разному трактоваться.

— Например?

Мэри задумалась.

— Ну, например, вопрос о том, оставалась ли Мария — мать Иисуса — девственницей всю свою жизнь. Дело в том, что в Библии есть упоминания о сродниках Господних. «Сродники» — это старинное слово, обозначающее братьев.

Понтер кивнул, хотя Мэри подозревала, что если Хак сразу перевёл «сродников» как братьев, то Понтер, вероятно, услышал какую-то бессмыслицу наподобие «“братья” — это старинное слово, обозначающее братьев».

— И этот вопрос так важен?

— Нет, думаю этот — не особенно. Но другие, относящиеся к области морали, могут быть важны.

Они проезжали через Парри-Саунд.

— Какие, например? — спросил Понтер.

— Ну, к примеру, аборты.

— Аборт… это прекращение жизни плода?

— Да.

— А в чём моральная проблема?

— Ну, в том, можно ли это делать. Убить нерождённого ребенка.

— А зачем вам это может понадобиться? —

спросил Понтер.

— Ну, если беременность была случайной…

— Как можно *случайно* забеременеть?

— Ну, ты знаешь… Мэри оборвала себя. — Нет, разумеется, ты *не* знаешь. В твоём мире поколения рождаются каждые десять лет.

Понтер кивнул.

— А менструальные циклы всех ваших женщин синхронизованы. Так что когда мужчина и женщина сходятся вместе на четыре дня в месяц, это обычно происходит тогда, когда женщина не может забеременеть.

Понтер снова кивнул.

— Ну, в общем, у нас всё не так. Мужчины и женщины постоянно живут вместе и занимаются сексом в течение всего месяца. Случаются беременности, которых не ожидали и не планировали.

— Когда я впервые попал к вам сюда, ты мне говорила, что у твоего народа есть способы предотвращения беременности.

— Есть. Механические и фармацевтические.

Понтер смотрел мимо Мэри на залив Джорджиан-Бей.

— Они не работают?

— По большей части работают. Но не все их

применяют, даже когда не хотят зачать ребёнка.

— Почему?

Мэри пожала плечами.

— Неудобно. Дорого. Для тех, кто не пользуется контрацептивными таблетками — необходимость… э… отвлекаться от процесса…

— И всё же создать новую жизнь и потом от неё избавиться…

— Вот видишь! — сказала Мэри. — Даже для тебя это моральная проблема.

— Разумеется. Жизнь бесценна — потому что конечна. — Пауза. — Ну так и что же ваша религия говорит об абортах?

— Что это грех, причём смертный.

— О. То есть ваша религия предписывает применять средства контрацепции?

— Нет, — ответила Мэри. — Это тоже грех.

— Но ведь это… я думаю, тут подойдёт ваше слово «чушь».

Мэри двинула плечом.

— Бог велел нам плодиться и размножаться.

— Это поэтому у вашего мира такое большое население? Потому что так велел ваш Бог?

— Думаю, это один из факторов.

— Но… прости меня, конечно, но я не понимаю. У тебя ведь был партнёр в течение многих дека-

месяцев, не так ли?

— Да. Кольм.

— И у вас с ним не было детей.

— Верно.

— Но ведь вы же наверняка занимались сексом. Почему у вас не появилось детей?

— Ну, на самом деле я таки пользуюсь контрацептивами. Я принимаю таблетки — это комбинация синтетического эстрогена и прогестерона. И поэтому не могу забеременеть.

— Но ведь это грех?

— Многие католики это делают. Это дилемма для многих из нас: мы хотим быть послушны Богу, но должны принимать во внимание и практические соображения. Видишь ли, в 1968 году, когда весь Западный мир становился гораздо либеральнее в вопросах секса, Папа Павел VI издал энциклику. Я помню, как родители обсуждали её в последующие годы; даже для них она стала неожиданностью. Она гласила, что каждый сексуальный контакт должен быть открыт для зачатия. Если честно, большинство католиков ожидали ослабления, а не усиления ограничений. — Мэри вздохнула. — Я лично сторонница контрацептивов.

— Это безусловно лучше, чем аборт, — согла-

сился Понтер. — Но, предположим, ты всё-таки забеременела, не желая того. Предположим…

Мэри немного притормозила, давая соседней машине её обогнать.

— Что?

— Ничего. Прости. Поговорим о чём-нибудь другом.

Но Мэри уже поняла.

— Ты подумал про изнасилование, да? — Мэри пожала плечами, признавая, что тема непростая. — Тебе интересно, что моя Церковь ожидала бы от меня, если бы я забеременела в результате изнасилования.

— Я не хочу, чтобы ты лишний раз вспоминала об этом.

— Да нет, всё нормально. В конце концов, это ведь я завела разговор об абортах. — Мэри глубоко вдохнула, выдохнула и продолжила. — Если бы я забеременела, то, по мнению Церкви, я должна бы была родить ребёнка, пусть он и был зачат в результате изнасилования.

— И ты бы родила?

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, я бы сделала аборт.

— Ещё один случай, когда ты отказываешься соблюдать предписания своей религии.

— Я люблю католическую церковь, — сказала Мэри. — Мне нравится быть католичкой. Но я отказываюсь передавать кому бы то ни было контроль над своим телом. И всё же…

— Да?

— Нынешний Папа стар и дряхл. Я не думаю, что он протянет долго. Его преемник может ослабить правила.

— Ах, — сказал Понтер.

Они ехали дальше. Шоссе повернуло прочь от Джорджиан-Бей. По обе стороны дороги появились скальные обнажения Канадского щита и островки соснового леса.

— Ты не задумывался о будущем? — спросила Мэри через некоторое время.

— Последнее время я только о нём и думаю.

— Я имела в виду *наше* будущее, — сказала Мэри.

— Я тоже.

— Я… ты только не обижайся, но я считаю, что мы должны хотя бы обсудить такую возможность: что если, когда мне придёт время возвращаться, ты вернёшься вместе со мной? Ну, то есть, поселишься в моём мире постоянно.

— Зачем? — спросил Понтер.

— Ну, здесь мы сможем быть вместе всё время,

а не только четыре дня в месяц…

— Так-то оно так, — сказал Понтер, — но… но там у меня вся жизнь. — Он поднял свою массивную руку. — Да-да, я знаю, что твоя жизнь здесь, — быстро произнёс он. — Но у ведь меня ещё Адекор.

— Может быть… я не знаю… может быть, Адекор тоже поехал бы с нами?

Понтерова сплошная бровь немедленно взлетела на надбровье.

— А партнёрша Адекора, Лурт Фрадло? Она тоже с нами поедет?

— Ну, она…

— А Даб, сын Адекора, который через год должен переехать жить к нему? И, разумеется, партнёрша самой Лурт, и партнёр её партнёрши, и их дети. И моя младшая дочь, Мегамег.

Мэри шумно выдохнула.

— Я знаю, я знаю. Это совершенно непрактично, вот только…

— Что?

Она сняла одну руку с руля и сжала его бедро.

— Понтер, я так сильно тебя люблю. Видеться с тобой только четыре дня в месяц…

— Адекор очень сильно любит Лурт, но тоже видится с ней только в эти дни. И я очень любил

Класт, хотя наши встречи длились те же четыре дня. — Его лицо было бесстрастно. — Мы так живём.

— Я знаю. Я просто обдумываю возможности.

— А ведь есть и другие проблемы. Ваши города нестерпимо воняют. Я не думаю, что смогу выдерживать это постоянно.

— Мы могли бы поселиться за городом. Где-нибудь вдали от городов, от машин. Где-нибудь, где воздух чист. Мне неважно, где жить, если вместе с тобой.

— Я не могу оставить свою культуру, — сказала Понтер. — Как и бросить семью.

Мэри вздохнула.

— Я знаю.

Понтер несколько раз сморгнул.

— Хотел бы я… хотел бы я предложить решение, которое сделало бы тебя счастливой.

— Речь не только обо мне, — сказала Мэри. — А что сделало бы счастливым *тебя*?

— Меня? — переспросил Понтер. — Я был бы доволен, если бы ты встречала меня в Центре Салдака каждый раз, когда Двое становятся Одним.

— И тебе бы этого хватало? Четырёх дней в месяц?

— Мэре, ты должна понять: я и представить се-

бе не могу чего-то большего. Да, в твоём мире мы проводили вместе много дней подряд, но когда я здесь, то очень скучаю по Адекору.

По выражению лица Мэри Понтер, должно быть, заключил, что его слова её огорчили.

— Прости, Мэре, — продолжил он, — но ты не можешь ревновать меня к Адекору. У людей моего мира двое партнёров, однополый и разнополый. Обижаться на мою близость с Адекором совершенно неуместно.

— Неуместно! — воскликнула Мэри, но потом сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. — Да, ты, конечно, прав. Я это понимаю — по крайней мере, умом. И я пытаюсь примириться с этим на уровне чувств.

— Если это для тебя что-то значит, Адекору ты очень нравишься, и он желает тебе только добра. — Понтер помолчал. — Ты ведь тоже ему этого желаешь, правда?

Мэри ничего не сказала. Солнце висело низко над горизонтом. Машина летела вперёд.

— Мэре? Ты ведь желаешь добра Адекору, правда?

— Что? — встрепенулась она. — О, конечно. Конечно.

Глава 5

Пять десятилетий назад мой предшественник в Овальном кабинете, Джон Фицджеральд Кеннеди, сказал: «Пришло время делать большие шаги — время для нового великого американского проекта».[12] *В то время я был простым мальчишкой из негритянского гетто в Монтгомери, но я прекрасно помню, как от этих слов у меня по спине пробежали мурашки…*

Мэри и Понтер въехали в переулок, ведущий к дому Рубена Монтего незадолго до семи часов вечера. И Луиза, и Рубен ездили на «форд-эксплорерах» — несомненное свидетельство того, подумала Мэри, внутренне улыбнувшись, что они созданы друг для друга. У Луизы машина была чёрная, у Рубена — коричневая. Мэри припарковалась, и они с Понтером подошли к парадной двери. Проходя мимо машины Луизы, Мэри хоте-

[12] Примечания: 12

Слова, сказанные Кеннеди 25 мая 1961 года в речи, положившей начало американской программе пилотируемых полётов на Луну.

ла было потрогать рукой капот, но она и так была уверена, что он уже давно остыл.

Рубен владел участком площадью в пару акров в Лайвли, крошечном городке неподалёку от Садбери. Мэри нравился его дом — двухэтажный, просторный и современный. Она позвонила в дверной звонок, и мгновением позже появился Рубен, из-за плеча которого выглядывала Луиза.

— Мэри! — воскликнул Рубен, сгребая её в охапку. — И Понтер! — сказал он, выпустив Мэри, и обнял и его тоже.

Рубен Монтего был подтянутым тридцатипятилетним мужчиной, чернокожим, с гладко выбритой головой. На нём была футболка с логотипом «Торонто Блю-Джейз» на груди.

— Входите, входите, — сказал Рубен, впуская их в дом с прохладного вечернего воздуха. Мэри скинула туфли, Понтер — нет, потому что не носил обуви. На нём были неандертальские штаны, которые внизу штанин расширялись, превращаясь во что-то вроде встроенных мокасин.

— Встреча ветеранов карантина! — объявил Понтер, оглядывая их маленькое сообщество. Так оно и было: они вчетвером оказались заперты в этом доме по приказу канадского Минздрава, когда Понтер во время своего первого визита на

эту Землю внезапно заболел.

— Истинно так, друг мой, — ответил Рубен на заявление Понтера. Мэри огляделась. Ей очень нравилась здешняя мебель — органичное сочетание карибского и канадского стиля, повсюду тёмное дерево и встроенные книжные шкафы. Сам Рубен был довольно неряшлив, но его бывшая жена, очевидно, обладала отменным вкусом.

Мэри обнаружила, что, попав в дом, моментально расслабилась. Разумеется, сыграло свою роль то, что именно здесь зародилась её любовь к Понтеру, или что этот дом стал для неё надёжным убежищем, охраняемым офицерами федеральной полиции, всего через два дня после того, как Корнелиус Раскин изнасиловал её в кампусе Йоркского университета в Торонто.

— Сейчас для этого уже не совсем сезон, — сказал Рубен, — но ещё можно попробовать устроить барбекю.

— Конечно, здорово, — согласился Понтер с большим энтузиазмом.

Рубен рассмеялся.

— Значит, договорились. Сейчас я всё приготовлю.

* * *

Луиза Бенуа была вегетарианкой, но не имела ничего против тех, кто ест мясо — и это было весьма кстати, потому что Понтер мясо натурально обожал. Рубен положил на гриль три совершенно гигантских говяжьих пласта, а Луиза занялась приготовлением салата. Рубен постоянно сновал между грилем и кухней, помогая Луизе с приготовлениями. Мэри следила, как они работают бок о бок, время от времени словно невзначай нежно касаясь друг друга. У Мэри с Кольмом в первые дни их брака тоже было так; а потом стало казаться, что они вечно путаются друг у друга под ногами.

Мэри и Понтер предложили помочь, но Рубен сказал, что помощи не требуется, и скоро ужин был на столе, и все четверо расселись вокруг него. Мэри поразилась мысли о том, что она знает этих людей — троих самых важных людей в её жизни — всего три месяца. Когда сталкиваются миры, всё меняется *очень* быстро.

Мэри и Рубен ели свои стейки с помощью ножей и вилок. Понтер надел одноразовые обеденные перчатки, которые привёз с собой из дома; он просто брал мясо затянутой в перчатку

рукой и отрывал куски зубами.

— Это были поистине фантастические несколько месяцев, — сказал Рубен, похоже, думая о том же, о чём и Мэри. — Для всех нас.

И это в самом деле было так. Понтер Боддет случайно перенёсся в эту версию реальности, когда его эксперимент с квантовыми вычислениями вышел из-под контроля. Оставшийся в своём мире партнёр Понтера Адекор Халд был обвинён в том, что убил его и избавился от тела. Адекор и старшая дочь Понтера Жасмель Кет сумели снова открыть межмировой портал на достаточное время для того, чтобы Понтер смог вернуться назад и оправдать Адекора перед трибуналом.

По возвращении домой Понтер сумел убедить Верховный Серый совет позволить им с Адекором попытаться открыть постоянный портал, что им довольно быстро удалось сделать.

Тем временем магнитное поле на этой версии Земли внезапно начало флуктуировать, по-видимому, в преддверии смены полярности. Неандертальская Земля пережила подобное событие совсем недавно, и оно протекало невероятно быстро: магнитное поле их Земли пропало двадцать пять лет назад и полностью восстановилось всего через пятнадцать лет.

Мэри, всё ещё страдающая от нанесённой изнасилованием психологической травмы, покинула Йоркский университет и присоединилась к команде Джока Кригера в только что организованной «Синерджи Груп». Однако на обратном пути в Торонто Понтер идентифицировал насильника Мэри — им оказался Корнелиус Раскин, который также изнасиловал Кейсер Ремтуллу, главу факультета и непосредственную начальницу Мэри.

— Несомненно фантастические, — согласилась Мэри. Она улыбнулась Рубену и Луизе; они были такой прекрасной парой. Понтер сидел рядом с ней; она взяла бы его за руку, не будь она затянута в дурацкую перчатку. Но между Рубеном и Луизой такого препятствия не было; Рубен сжимал Луизину руку и буквально светился от любви к ней.

В продолжение ужина они оживлённо болтали, сначала за главным блюдом, потом за десертом и фруктовым коктейлем, и, наконец, за кофе (для троих Homo sapiens) и кока-колой (для Понтера). Мэри наслаждалась каждой минутой общения — но одновременно чувствовала грусть от того, что вечера наподобие этого, в обществе Понтера и их друзей, будут случаться нечасто — неандертальская культура устроена по-другому.

— О, кстати, — сказал Рубен, отхлебнув кофе, — одна моя знакомая из Лаврентийского постоянно просит меня свести её с вами. — В лаборатории Лаврентийского университета в Садбери Мэри провела первое исследование ДНК Понтера, подтвердившее, что он неандерталец.

Бровь Понтера приподнялась.

— Э?…

— Её зовут Вероника Шеннон, она постдок в тамошней Группе нейрологических исследований.

Понтер явно ожидал, что Рубен продолжит объяснения, но, поскольку он молчал, Понтер решил его подтолкнуть:

— *Ка?* — по-неадертальски это означало «да?».

— Прости, — сказал Рубен, — я просто не знаю, как это сформулировать. Ты ведь, наверное, не знаешь, кто такой Майкл Персингер?

— Я знаю, — сказала Луиза. — Читала статью про него в «Saturday Night».

Рубен кивнул.

— Да, там была про него большая статья. Про него также писали и «Wired», «The Skeptical Inquirer», и «Maclean's», и «Scientific American», и «Discover».

— Кто он? — спросил Понтер.

Рубен отложил вилку.

— Персингер — американский уклонист[13] из тех золотых времён, когда утечка мозгов происходила в обратном направлении. В Лаврентийском он работает много лет и изобрёл там прибор, который вызывает в человеке религиозные переживания путём магнитной стимуляции головного мозга.

— Ах, *этот* Персингер, — Мэри закатила глаза.

— Слышу в твоём голосе сомнение, — сказал Рубен.

— Это потому что я сомневаюсь, — ответила Мэри. — Это ведь всё чушь собачья.

— Я сам попробовал, — сказал Рубен. — Не с Персингером — с Вероникой, моей знакомой. Она разработала систему второго поколения на основе исследований Персингера.

— И ты видел Бога? — насмешливо спросила Мэри.

— Можно сказать и так. Там определённо что-то было. — Он посмотрел на Понтера. — И потому-то ей нужен ты, дружище. Она хочет засунуть тебя в свою установку.

— Зачем? — спросил Понтер.

— Зачем? — переспросил Рубен, словно ответ

---

[13] Примечания: 13

Имеются в виду американцы, уехавшие в Канаду, чтобы избежать призыва в армию во время Вьетнамской войны.

был очевиден. — Потому что наш мир стоит на ушах по поводу того, что твой народ так и не изобрёл религию. Причём не то чтобы она у вас была, но потом вы от неё отказались — за всю вашу историю вы ни разу даже не задумались об идее Бога или загробной жизни.

— Подобная идея стала бы — как вы это говорите? — плевком в лицо наблюдаемой реальности, — сказал Понтер. Потом посмотрел на Мэри. — Прости, Мэри. Я знаю, что ты во всё это веришь, но…

Мэри кивнула.

— Но ты — нет.

— Так вот, — продолжил Рубен, — группа Персингера считает, что нашла нейрологическую причину существования у Homo sapiens религиозных верований. И моя знакомая Вероника хочет посмотреть, удастся ли ей вызвать религиозное переживание у неандертальца. Если да, то им придётся найти какое-то объяснение тому факту, что у вас нет религиозных мыслей. Но Вероника считает, что метод, который работает на нас, не сработает на тебе. Она думает, что ваш мозг отличается от нашего на каком-то фундаментальном уровне.

— Интересное предположение, — сказал Пон-

тер. — Процедура не представляет никакой опасности?

Рубен покачал головой.

— Ни малейшей. Собственно, как раз на мне это и проверяли. — Он улыбнулся. — Большая проблема для большинства психологических исследований состоит в том, что практически все подопытные — студенты-психологи с младших курсов, то есть люди, решившие изучать психологию. Мы знаем невероятно много об устройстве мозга людей этого типа, но очень мало о мозге людей в целом. Я познакомился с Вероникой в прошлом году; она обратилась ко мне по поводу набора подопытных среди шахтёров — совершенно иной демографической группы, чем та, с которой они обычно работают. — Рубен работал штатным медиком на принадлежащей компании «Инко» никелевой шахте «Крейгтон», в которой располагалась Нейтринная обсерватория Садбери. — Она предлагала шахтёрам за участие по паре баксов, но руководство «Инко» пожелало, чтобы до начала набора добровольцев я одобрил процедуру. Я прочитал работу Персингера, ознакомился с модификациями Вероники и прошёл процедуру сам. Магнитное поле там используется совсем небольшое по сравнению, скажем, с МРТ,

на которую я регулярно направляю пациентов. Это совершенно безопасно.

— То есть она и мне заплатит пару баксов?

Рубен изумлённо посмотрел на него.

— Ну, мне же нужно на что-то жить, — сказал Понтер. Но долго удерживать серьёзное лицо у него не получилось, и его прорезала широкая ухмылка. — Нет, Рубен, ты прав, компенсация меня не интересует. — Он посмотрел на Мэри. — А интересует меня шанс понять эту сторону тебя, Мэри — то, что занимает такое важное место в твоей жизни, и что я совершенно не способен постичь.

— Если хочешь больше узнать о религии, пойдём со мной к мессе, — сказала Мэри.

— С удовольствием, — ответил Понтер. — Но я также хочу встретиться со знакомой Рубена.

— Но ведь нам нужно в твой мир, — сказала Мэри немного обижено. — Двое скоро станут Одним.

Понтер кивнул.

— Действительно. И мы не хотим пропустить из них ни мгновения. — Он посмотрел на Рубена. — Твоей знакомой придётся принять нас завтра с утра. Это можно устроить?

— Я сейчас ей позвоню, — ответил Рубен, под-

нимаясь. — Уверен, что она землю носом рыть будет, лишь бы тебя ублажить.

Глава 6

Джек Кеннеди был прав: тогда настало время для всех нас делать большие шаги. И такое время пришло снова. Ибо сильными сторонами Homo sapiens, которыми мы обладали с момента зарождения сознания 40000 лет назад, было желание посещать новые места, путешествовать, желание видеть, что находится за следующим холмом, желание расширять свои территории и — говоря словами, ставшими популярными через четыре года после той речи Кеннеди — смело идти туда, куда не ступала нога человека…[14]

Понтер и Мэри провели ночь в доме Рубена на раскладном диване. На следующий день рано утром они явились в маленький кампус Лаврентийского университета и нашли комнату C002B — одну из лабораторий Группы нейрологических исследований.

---

[14] Примечания: 14

«…to boldly go where no man has gone before» — фраза из заставки оригинального сериала «Стартрек» (1966–1969).

Вероника Шеннон оказалась костлявой белой женщиной под тридцать, с рыжими волосами и носом, который Мэри до знакомства с неандертальцами посчитала бы здоровенным. На ней был белый лабораторный халат.

— Спасибо, что пришли, доктор Боддет, — сказала она, тряся его руку. — Безмерно благодарна, что откликнулись.

Он улыбнулся.

— Можете звать меня Понтер. И не стоит благодарности — меня заинтриговала тема вашего исследования.

— И Мэри — я могу звать вас Мэри? — я *так* рада познакомиться с вами! — Она пожала Мэри руку. — Какая жалость, что меня не было в кампусе, когда вы приезжали сюда в прошлый раз — я ездила на каникулы домой, в Галифакс. — Она улыбнулась, потом ответа глаза, словно смутившись. — Вы для меня что-то вроде героя, — добавила она.

Мэри непонимающе моргнула.

— Я?

— Среди канадских женщин-учёных не так много ставших знаменитостями. Ещё до того, как появился Понтер, вы фактически нанесли нас на карту. Ваши работы по древней ДНК! Высший

класс! Совершенно изумительно! Кто сказал, что канадская женщина неспособна завоевать мир?

— Э-э… спасибо.

— Вы стали для меня образцом для подражания. Вы, Жюли Пейет[15], Роберта Бондар[16]…

Мэри никогда и представить себя не могла в такой компании знаменитостей — Пейет и Бондар были канадскими женщинами-астронавтами. Но, с другой стороны, она ведь побывала в другом мире раньше них обеих…

— Спасибо, — снова сказала Мэри. — Знаете, у нас правда не так много времени…

Вероника немного покраснела.

— Простите, вы правы. Давайте я объясню вам процедуру. Моя работа базируется на исследовании, начатом здесь, в Лаврентийском университете, Майклом Персингером в 1990-х годах. Базовая идея принадлежит не мне — но наука состоит в воспроизводстве результатов, и цель моей работы — подтверждение его идей.

Мэри оглядела лабораторию, которая оказалась обычной для университетов смесью сверкаю-

---

[15] Примечания: 15

Канадская женщина-астронавт.

[16] Примечания: 16

Первая канадская женщина-астронавт, по специальности врач-невролог.

щего новейшего оборудования с оборудованием старым и потёртым, а также обшарпанной деревянной мебелью. Вероника продолжала говорить:

— Так вот, у Персингера было около 80 % успешных экспериментов. Моё оборудование принадлежит к следующему поколению — модификация того, которым пользовался он, и у меня процент успеха достигает 94.

— Надо же, как совпало, что такого рода исследования проводятся поблизости от портала между двумя мирами, — сказала Мэри.

Но Вероника замотала головой.

— О, нет, Мэри, нет! Мы находимся здесь по той же самой причине, что и портал — из-за никеля, принесённого сюда астероидом два миллиарда лет назад. Видите ли, в самом начале Персингера интересовал феномен НЛО: как так получилось, что летающие тарелки в основном являются сельским увальням с именами вроде Клит или Бубба где-нибудь в глуши.

— Ну, — сказала Мэри, — наклюкаться можно и в глуши.

Вероника смеялась дольше, чем, по мнению Мэри, шутка того заслуживала.

— Это так, но Персингер решил ответить на этот

вопрос в соответствии с его буквальным смыслом. Конечно, ни он, ни я не верим в летающие тарелки, однако психологический феномен летающих тарелок безусловно существует: людям *кажется*, что они видят их, и Персингера заинтересовало, почему это обычно происходит под открытым небом в пустынной местности, когда вокруг никого нет. В Лаврентийском, разумеется, проводится масса исследований, связанных с геологией, и когда Персингер начал искать возможные причины для видений НЛО в сельской местности, горные инженеры предложили в качестве такой причины пьезоэлектрический эффект.

Хак, имплант-компаньон Понтера, пискнул несколько раз в знак того, что не понял некоторых слов, но ни Мэри, ни Понтер не стали прерывать Веронику, которая явно оседлала любимого конька. Однако она, по-видимому, подозревала, что термин «пьезоэлектрический» может оказаться незнакомым Понтеру, и поэтому объяснила его сама:

— Пьезоэлектричество — это генерирование электрического напряжения в кристаллах горных пород в результате их сжатия или деформирования. Такое происходит, к примеру,

когда грузовик едет по каменистому бездорожью — классический сценарий встречи с НЛО. Персингеру удалось надёжно воспроизвести электромагнитный эффект этого типа в лабораторных условиях, и будьте любезны — с его помощью смог практически каждого заставить думать, что он видит пришельцев.

— Пришельцев? — переспросила Мэри. — Вроде бы речь шла о Боге.

— То же самое, только в профиль, — сказала Вероника, зубасто улыбнувшись. — Явления одной природы.

— Каким образом?

Вероника стянула с полки книгу: «Почему Бог не уходит: биологические основы верований».

— Ньюберг и Д'Акили, авторы этой книги, выполнили сканирование мозга восьми тибетских буддистов во время медитации и нескольких францисканских монашек во время молебна. Разумеется, эти люди демонстрировали увеличенную активность в областях мозга, связанных с сосредоточенностью. Однако также наблюдалось *уменьшение* активности в теменной доле. — Она постучала пальцем по своему черепу, указывая местоположение. — Теменная доля левого полушария формирует образ вашего собственного

тела, а правого — помогает вам ориентироваться в трёхмерном пространстве. Таким образом, коллективно обе части теменной доли ответственны за определение границы, за которой заканчивается ваше собственное тело и начинается внешний мир. Когда теменная доля берёт отгул, ощущения при этом точно такие, о каких рассказывают монахи — потеря ощущения себя, чувство единства с вселенной.

Мэри кивнула.

— Видела про это статью в «Тайме».

Вероника вежливо покачала головой.

— На самом деле в «Ньюсуике». Так вот, работа Ньюберга и Д'Акили прекрасно согласуется с работами Персингера и моей. Они обнаружили, что во время религиозных переживаний активизируется лимбическая система — а именно лимбическая система оценивает события как важные или неважные. Вы можете показать матери сотню младенцев, но отреагирует она лишь при виде своего собственного. Это потому что лимбическая система пометила определённый визуальный раздражитель как важный. Ну и вот: когда лимбическая система возбуждается во время религиозных переживаний, *все* раздражители помечаются как чрезвычайно важные.

Именно поэтому религиозные переживания так тяжело описать другим: это как будто я говорю вам, что мой бойфренд — самый прекрасный мужчина на всём свете, и вы говорите, «ну да, ну да». А потом я открываю сумочку и показываю его фотографию, и жду, что теперь-то вы увидите, да? Скажете: «о, да он и правда красавчик!» Но если я это сделаю, то вы ответите по-другому. Он несравненно прекрасен *для меня*, потому что моя лимбическая система пометила его образ как имеющий для меня особое значение. Но я не в силах передать эту пометку вам с помощью слов или изображений. То же самое и с религиозными переживаниями: сколько бы вам ни рассказывали о нём, о том, какое важное оно было и какое глубокое влияние оказало на всю последующую жизнь, вы просто не сможете ощутить того же самого, что и рассказчик.

Понтер слушал очень внимательно, то поджимая широкие губы, то вскидывая светлую бровь к гребню надбровного валика.

— И вы считаете, — сказал он, — что эта особенность, которой обладает ваш народ и которой лишён мой — эта *религия* — связана с функциями мозга?

— Именно! — сказала Вероника. — Комбина-

ция активности теменной доли и лимбической системы. Взять, к примеру, пациентов с болезнью Альцгеймера: люди, которые всю жизнь посвятили религии, часто теряют к ней интерес, когда заболевают. Так вот, первым делом болезнь Альцгеймера нарушает работу лимбической системы.

Она помолчала, потом продолжила:

— Уже давно известно, что так называемые религиозные переживания связаны с химией мозга, поскольку могут вызываться галлюциногенными препаратами — и именно поэтому такие препараты используются в ритуалах многих племенных культур. Также довольно давно мы знаем, что лимбическая система может играть одну из ключевых ролей: некоторые эпилептики с припадками, ограниченными лимбической системой, испытывают невероятно сильные религиозные переживания. К примеру, Достоевский был эпилептиком, и он писал о том, что во время припадков «прикасается к Богу». Святой Павел, Святая Тереза Авильская и Эммануил Сведенборг также, вероятно, страдали эпилепсией.

Понтер в этот момент опирался на угол книжного шкафа и, особо не стесняясь, слегка двигал корпусом из стороны в сторону, почёсывая спину.

— Это имена людей? — уточнил он.

Вероника на мгновение растерялась, потом кивнула.

— Мёртвых людей. Знаменитых религиозных деятелей прошлого.

Мэри сжалилась над Понтером и объяснила ему значение термина «эпилепсия». Понтер никогда ни о чём подобном не слышал, и Мэри задумалась — внутренне содрогнувшись, как всегда при мыслях об этом — а не вычистили ли неандертальцы предрасположенность к эпилепсии из своего генетического пула много поколений назад.

— Но испытать подобное можно и не будучи эпилептиком, — сказала Вероника, — Ритуальные танцы, песнопения и тому подобное независимо применялись в различных религиях по всему земному шару. Почему? Потому что размеренные, повторяющиеся, стилизованные движения тела во время подобных церемоний заставляют лимбическую систему пометить их как имеющие особое значение.

— Это всё хорошо, — сказала Мэри, — однако…

— Однако вы теряетесь в догадках, какое это имеет отношение к ценам на чай в Китае, не так ли?

Понтер выглядел совершенно растерянным, и Мэри усмехнулась.

— Просто метафора, — сказала она. — Она означает «к теме разговора».

— И ответ, — объяснила Вероника, — состоит в том, что сейчас мы достаточно хорошо знаем, как мозг формирует религиозные переживания, чтобы надёжно воспроизводить их в лаборатории… по крайней мере, у Homo sapiens. И я умираю от желания узнать, смогу ли я вызвать что-то подобное у Понтера.

— Моё собственное любопытство не смертельно, — улыбнувшись, ответил Понтер, — но, тем не менее, я тоже хотел бы его удовлетворить.

Вероника снова посмотрела на часы и нахмурилась.

— К сожалению, мой аспирант ещё не появился, а оборудование довольно капризно — его нужно калибровать ежедневно. Мэри, не могу ли я вас попросить…?

Мэри ощутила, как у неё напряглась спина.

— Попросить *что*?

— Провести предварительный прогон. Мне нужно убедиться, что моё оборудование работает нормально, прежде чем я смогу оценивать результаты, полученные с Понтером. — Она вски-

нула руку, предупреждая возражения. — С этим новым оборудование полный цикл занимает всего пять минут.

Сердце Мэри учащённо забилось. Это было нечто, к чему она не хотела бы применять научный метод. Как и недавно умерший и оплаканный Стивен Джей Гоулд[17], она всегда верила, что наука и религия были — говоря его словами — «непересекающимися магистериями»: каждая из них важна, но не имеет никакого значения для другой. — Я не уверена, что…

— О, не беспокойтесь, это не опасно! Напряжённость поля, которое я использую для транскраниальной магнитной стимуляции, всего один микротесла. Я вращаю его против часовой стрелки вокруг теменной доли, и, как я уже говорила, почти все люди — точнее, все Homo sapiens — в результате этого испытывают религиозные переживания.

— Как… на что это похоже? — спросила Мэри.

Вероника извинилась перед Понтером и отвела Мэри в сторону от него, своего подопытного, так, чтобы неандерталец не слышал, что они говорят.

---

[17] Примечания: 17

Американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки, автор научно-популярных книг. Умер в 2002 году, после опубликования первой книги трилогии.

— Обычно при этом ощущают присутствие некоего мыслящего существа, стоящего рядом или позади, — сказала Вероника. — Однако конкретная форма переживания сильно зависит от индивидуальной предрасположенности подопытного. Посадите сюда уфолога, и он почувствует присутствие пришельца. Посадите баптиста, и он, скорее всего, узрит самого Христа. Другие говорят, что их касались ангелы Господни. Конечно, эксперимент проводится в полностью контролируемой обстановке, и подопытные полностью осознают, что они находятся в лаборатории. Но представьте себе, какой эффект это произведёт на наших друзей Буббу и Клита глубокой ночью у чёрта на рогах. Или когда вы молитесь в церкви, или мечети, или синагоге. Это реально может свернуть мозги набекрень.

— Я бы на самом деле не хотела…

— Прошу вас, — сказала Вероника. — Я не знаю, представится ли мне другой шанс проверить неандертальца — но сейчас мне нужно откалибровать аппаратуру.

Мэри сделала глубокий вдох. Рубен ведь лично подтвердил безопасность процесса, и, в конце концов, она не хотела подводить эту энергичную женщину, которая была о ней такого высокого

мнения.

— Прошу вас, Мэри, — повторила Вероника. — Если мои прогнозы относительно исхода эксперимента сбудутся, это станет для меня огромным шагом вперёд.

Канадка завоёвывает мир. На как тут скажешь «нет»?

— Ну, хорошо, — сказала Мэри без особой убеждённости. — Давайте попробуем.

Глава 7

Наша сила — в нашей жажде чудес, в нашем любопытстве, нашем пытливом духе…

— Всё в порядке? — спросила Вероника Шеннон через наушник у Мэри в ухе. — Вам удобно?

— Всё хорошо, — ответила Мэри в маленький микрофон, прицепленный к блузке. Она сидела в мягком кресле в затемнённой комнате размером с совмещённый санузел. Стены, как она успела заметить до того, как выключили свет, были покрыты маленькими поролоновыми пирамидками, предположительно, чтобы подавлять внешние шумы.

Вероника кивнула.

— Отлично. Всё должно быть совершенно безболезненно — однако если вы захотите прервать эксперимент, просто скажите.

На голове Мэри была надета конструкция, изначально, по-видимому, бывшая жёлтым мотоциклетным шлемом, с соленоидами по бокам на уровне висков. Шлем был подключён с помощью пучка проводов к стойке с оборудованием,

стоящей у одной из стен.

— О'кей, — сказала Вероника. — Начинаем.

Мэри думала, что услышит жужжание или ощутит покалывание за ушами, но ничего такого не было. Просто темнота, тишина и…

Внезапно Мэри почувствовала, как у неё напряглась спина и сгорбились плечи. Кто-то *был* здесь, в этой комнате, вместе с ней. Она не видела его, но чувствовала, как его взгляд буравит ей затылок.

Это смешно, подумала Мэри. Простое внушение. Если бы не все эти предварительные разговоры, она бы наверняка ничего не почувствовала бы. Это ж надо, на какую ерунду людям удаётся найти гранты. Это не более, чем салонный фокус, и…

И вдруг она поняла, кто это — кто был с ней в этой комнате.

И это был не он.

Это была *она.*

Мария.

Мария.

Дева.

Матерь Божья.

Она не могла её видеть, не по-настоящему. Это был просто яркий-яркий свет, движущийся

перед ней — но такой свет, на который ничуть не больно смотреть. И всё же она знала, кто это, была уверена: чистота, покой, доброта, мудрость. Она закрыла глаза, но свет не пропал.

Мария.

Та, чьё имя она носит, и…

И тут Мэри-учёный вышел на первый план. Конечно, она видит Марию. Если бы она была мексиканцем по имени Хесус[18] — она бы, наверное, увидала самого Христа. Будь её имя Тереза, она наверняка бы увидела Мать Терезу. Кроме того, они с Понтером говорили о Деве Марии не далее чем вчера, так что…

Но нет.

Нет, это не то.

Неважно, что говорит ей мозг.

Её *разум* знает, что этот свет — что-то другое.

Её *душа* это знает.

Это Мария, мать Иисуса.

А почему нет? подумала Мэри Воган. Только потому, что она здесь, в университете, в лаборатории, внутри испытательной камеры?

Мэри всегда скептически относилась к сообщениям о происходящих в наши дни чудесах, но

---

[18] Примечания: 18
Хесус — Jesús — по-испански Иисус.

если чудеса и правда происходят, то, наверное, Дева Мария может появиться где угодно?

Ведь появилась же она в португальской Фатиме.

И во французском Лурде.

И в мексиканском Гуадалупе.

И во вьетнамском Лаванге.

Так почему не в Садбери, Онтарио?

Почему не в капмусе Лаврентийского университета?

И почему не для того, чтобы поговорить с ней?

Нет. Нет, следует воззвать к скромности здесь, в присутствии Богородицы. К скромности, по её примеру.

Но…

Но всё же разве это настолько бессмысленно — что Дева Мария является к Мэри Воган? Мэри побывала в ином мире, мире, не знавшем Бога-Отца, мире, не видевшем Иисуса Сына Божьего, мире, которого не касался Святой Дух. Разумеется, Марии из Назарета любопытно взглянуть на того, кто это совершил!

Чистое и простое присутствие сдвинулось влево от неё. Не прошло, а просто сдвинулось — паря, не касаясь земли.

Нет. Нет, здесь нет никакой земли. Она нахо-

дится в подвале здания. Здесь нет земли.

Она в лаборатории!

И транскраниальная магнитная стимуляция воздействует на её мозг.

Мэри снова закрыла глаза, зажмурила их изо всех сил, но это ничего не изменило. Божественное присутствие никуда не пропало, она по-прежнему его чувствовала.

Чудесное, чудесное присутствие…

Мэри Воган открыла рот, чтобы заговорить со Святой Девой, и…

И внезапно её не стало.

Но Мэри ощущала подъём, какого не помнила со дня своего первого причастия после конфирмации, когда, в первый и единственный раз в своей жизни, она по-настоящему ощутила, как дух Христа входит в неё.

— Ну как? — спросил женский голос.

Мэри проигнорировала вопрос — грубое, незваное вторжение в её грёзы. Она хотела насладиться этим моментом, продлить его… хотя непередаваемое ощущение рассеивалось, словно сон, который ты пытаешься перевести в область сознательных воспоминаний, прежде чем он окончательно ускользнёт…

— Мэре, — произнёс другой, более низкий го-

лос, — тебе нехорошо?

Она знала этот голос, голос, который она когда-то страстно желала услышать снова, но сейчас, в это самое мгновение, пока это мгновение длится, она хотела лишь тишины.

Но мгновение быстро проходило. Через несколько секунд дверь в камеру распахнулась, и свет — яркий, слепящий, искусственный — проник в неё снаружи. Вошла Вероника Шеннон, за ней следовал Понтер. Женщина сняла шлем с головы Мэри.

Понтер склонился к ней и своим коротким широким пальцем провёл Мэри по щеке. Потом убрал руку от щеки и показал Мэри — палец был мокрым.

— Тебе нехорошо? — повторил он.

Мэри только сейчас осознала, что у неё из глаз текут слёзы.

— Мне хорошо, — сказала она. А потом, осознав, что «хорошо» даже и близко не описывает то, что она чувствует, добавила: — Лучше всех.

— Ты плакала? — сказал Понтер. — Ты… ты что-то почувствовала?

Мэри кивнула.

— Что это было? — спросил Понтер.

Мэри глубоко вдохнула и посмотрела на Веро-

нику. Эта женщина ей уже успела понравиться, однако Мэри не хотелось делиться своими переживаниями с прагматиком и атеистом, которая, конечно же, спишет всё на результат подавления активности её теменной доли.

— Я… — начала Мэри, сглотнула и начала снова: — Вероника, вы построили замечательный прибор.

Вероника расплылась в улыбке.

— Рада слышать. — Она повернулась к Понтеру. — Вы готовы попробовать?

— Конечно, — ответил он. — Если я смогу получить представление о том, что чувствует Мэре…

Вероника протянула шлем Понтеру и немедленно поняла, что имеется проблема. Шлем был рассчитан на нормальную голову Homo sapiens — с высоким лбом, уплощённую в направлении от лица к затылку, с незначительным надбровьем или вовсе без него, голову, содержащую, в общем случае, немного меньший по размеру мозг.

— Похоже, вам он будет тесноват, — сказала Вероника.

— Давайте попробуем, — ответил Понтер. — Он взял шлем, перевернул его и заглянул внутрь, словно оценивая его ёмкость.

— Может быть, если ты будешь думать о чём-

нибудь маленьком… — сказал Хак, компаньон Понтера, через внешний динамик. Понтер бросил на левое предплечье сердитый взгляд, но Мэри рассмеялась. Идея о том, что «от мыслей голова пухнет», похоже, родилась не только на этой Земле.

Наконец, Понтер всё же решил попытаться. Он снова перевернул шлем, водрузил его себе на голову и начал тянуть его вниз, протискивая в него череп. Он действительно сидел очень плотно, но внутри была мягкая подкладка, так что последним усилием Понтер умял поролон достаточно, чтобы освободить место для затылочного бугра.

Вероника стояла перед Понтером, осматривая его, словно клерк «LensCrafters»[19], подбирающий клиенту очки, потом немного поправила шлем.

— Вот так хорошо, — сказала она, наконец. — Теперь повторю то, что уже говорила Мэри: это не больно, и если вы захотите прервать опыт, просто скажите об этом.

Понтер кивнул, и тут же поморщился: задний край шлема врезался ему в затылок.

Вероника повернулась к стойке с аппаратурой. Она понаблюдала за дисплеем осциллоскопа,

---

[19] Примечания: 19
Североамериканская сеть фирменных салонов оптики.

потом что-то подправила на панели управления.

— Какие-то помехи, — сказала она.

Понтер на мгновение растерялся, потом сказал:

— А, должно быть мои кохлеарные импланты. Через них компаньон может общаться со мной без звука, если есть необходимость.

— Вы можете их отключить?

— Да, — ответил Понтер. Он откинул крышку компаньона и что-то сделал с открывшимися под ними управляющими штырьками.

Вероника кивнула.

— То, что надо — помехи исчезли. — Она посмотрела на Понтера и ободряюще улыбнулась. — Ну, Понтер, садитесь.

Мэри убралась с дороги, и Понтер уселся в кресло спиной к ней.

Вероника вышла из испытательной камеры и жестом пригласила наружу Мэри. Камера закрывалась массивной металлической дверью, и Веронике пришлось налечь на неё всем телом, чтобы закрыть; Мэри заметила, что кто-то прикрепил к двери бумажку с надписью «Чулан Вероники». Закрыв дверь, Вероника прошла к своему компьютеру и принялась двигать мышкой и щёлкать клавишами. Мэри следила за

ней с любопытством, и через некоторое время спросила:

— Ну как? Он что-нибудь чувствует?

Вероника слегка пожала своими узкими плечами.

— Это невозможно узнать, если только он сам не скажет. — Она указала на подключённые к компьютеру колонки. — Его микрофон включён.

Мэри посмотрела на закрытую дверь камеры. Часть её надеялась, что Понтер почувствует в точности то же, что и она. Даже если он отбросит это всё как иллюзию — а он без сомнения сделает именно это — по крайней мере, он будет способен понять, что происходит с теми многими, кто чувствовал присутствие чего-то сверхъестественного на протяжении всей истории Homo sapiens.

Конечно, он может ощутить присутствие пришельца. Кстати, странно: они с Понтером говорили о стольких вещах, но вот вопрос о том, верит ли он в инопланетян, как-то ни разу не возникал. Может быть, Понтеру, как неандертальцу, идея о жизни на других планетах так же чужда, как идея бога. В конце концов, какие бы то ни было свидетельства существования внеземной жизни полностью отсутствуют, по крайней мере, в версии реальности, в которой живёт Мэри.

Народ Понтера поэтому мог бы заявить, что вера в подобное — это ещё одно нелепое суеверие…

Мэри продолжала смотреть на закрытую дверь. И всё же, наверное же религия — это нечто большее, чем просто проделки нейронов, микроэлектрический самообман. Наверняка ведь…

— Ну, всё, — сказала Вероника. — Отключаю питание. — Она подошла к стальной двери и с усилием открыла её. — Можете выходить.

Первым делом Понтер начал стягивать с себя тесный шлем. Он обхватил себя руками за голову и мощно потянул шлем вверх. Устройство соскочило с головы, и он протянул его Веронике, а потом начал массировать надбровье, словно пытаясь восстановить в нём нормальное кровообращение.

— Ну и? — спросила Мэри, сгорая от любопытства.

Понтер открыл крышку Хака и что-то переключил, по-видимому, снова активируя кохлеарные импланты.

— Так как? — не отставала Мэри.

Понтер покачал головой, и на какое-то мгновение у Мэри вспыхнула надежда, что это тоже была попытка восстановить кровообращение.

— Ничего, — сказал он.

Мэри сама удивилась, насколько огорчило её это единственное слово.

— Ничего? — повторила Вероника, которая, наоборот, обрадовалась заявлению Понтера. — Вы уверены?

Понтер кивнул.

— Никаких зрительных эффектов? — продолжала Вероника. — Никакого ощущения чьего-то присутствия? Чувства, что за вами наблюдают?

— Вообще ничего. Только я, наедине со своими мыслями.

— И о чём же ты думал? — спросила Мэри. В конце концов, возможно, Понтер просто не смог распознать момент религиозного откровения.

— Я думал об обеде, — сказал Понтер, — думал, что мы сегодня будем есть. И о погоде, о том, на что похожа здешняя зима. — Он посмотрел на Мэри и, должно быть, разглядел разочарование на её лице. — О, и о тебе! — быстро добавил Понтер, по-видимому, чтобы подбодрить её. — Разумеется, я думал о тебе!

Мэри невесело улыбнулась и отвела взгляд. Опыт с одним-единственным неандертальцем, понятное дело, ничего не доказывает. И всё же…

И всё же то, что она, представительница Homo sapiens, имела первосортное, полномасштабное

религиозное откровение, тогда как он, Homo neanderthalensis, просто думал о…

Слово непрошенным всплыло в её памяти.

Думал о том же, о чём думает каждый божий день.

Глава 8

В пытливом духе, заставшем наших древних пращуров распространиться по всему Старому Свету…

Вероника Шеннон, сцепив руки за спиной, ходила взад-вперёд по своей лаборатории. Мэри сидела на одном из лабораторных кресел; для Понтера пространство между металлическими подлокотниками другого такого же кресла оказалось слишком узким, и он примостился на краешке на удивление опрятного рабочего стола Вероники.

— Вы знаете что-нибудь из психологии, Понтер? — спросила Вероника.

— Немного, — ответил Понтер. — Я занимался ею, когда изучал информатику в Академии. Это было — как вы это называете? — нечто, что я должен был изучать в комплекте с курсом искусственного интеллекта.

— Смежный курс, — подсказала Мэри.

— На самых первых занятиях курса психологии, — сказала Вероника, — нашим студентам рассказывают о Б. Ф. Скиннере.

Мэри кивнула; у неё тоже было введение в психологию.

— Бихевиоризм, верно?

— Верно, — ответила Вероника. — Оперантное научение: подкрепление и наказание.

— Это как дрессировка собак? — уточнил Понтер.

— Примерно, — сказала Вероника, останавливаясь. — Мэри, теперь прошу вас: не говорите ни слова. Я хочу услышать, что Понтер скажет без подсказки с вашей стороны.

Мэри кивнула.

— Хорошо, Понтер, — сказала Вероника. — Вы помните свой курс психологии?

— Не особенно. Очень смутно.

Рыжеволосая исследовательница заметно погрустнела.

— Но я помню, — сказал Хак через внешний динамик своим синтезированным мужским голосом. — Или, точнее, в моей памяти имеется эквивалент учебника психологии. С его помощью я помогаю Понтеру выкрутиться, когда он попадает в дурацкое положение.

Понтер виновато улыбнулся.

— Отлично, — воскликнула Вероника. — Тогда вопрос: каков наилучший способ закрепления

желаемой модели поведения? Той, которую вы хотите не искоренить, а взрастить.

— Поощрение, — ответил Хак.

— Поощрение, точно! Но какого рода поощрение?

— Последовательное.

Вероника выглядела так, словно только что произошло нечто неизмеримо важное.

— Последовательное, — повторила она, словно это было ключом ко всему. — Вы уверены? Вы абсолютно уверены?

— Да, — ответил Хак; в его голосе прозвучали отчётливые нотки растерянности.

— Потому что у нас не так, — сказала Вероника. — У нас последовательное поощрение не является наилучшим способом внедрения модели поведения.

Мэри задумалась. Она наверняка знала правильный ответ, но не могла выудить его из-под наслоений последующих лет. К счастью, Понтер сам задал вопрос, которого ждала Вероника.

— И какой же способ считается наилучшим среди людей вашего вида?

— *Периодическое* вознаграждение, — победно заявила Вероника.

Понтер нахмурился.

— Вы хотите сказать, когда за желаемое поведение то вознаграждают, то нет?

— Именно! — сказала Вероника. — В точности так!

— Но это бессмыслица, — сказал Понтер.

— Ага, — согласилась Вероника, широко улыбнувшись. — Это она из самых больших странностей психологии Homo sapiens. Но это истинная правда. Классический пример — азартные игры: если мы в игре постоянно выигрываем, нам становится скучно. Но если мы выигрываем время от времени, то может наступить игровая зависимость. Или вот как дети постоянно канючат у родителей: «Купи мне эту игрушку!», «Не хочу ложиться спать!» «Хочу в зоопарк!» Все родители терпеть не могут, когда их дети так делают, но те продолжают — не из-за того, что это всегда срабатывает, а из-за того, что это срабатывает *иногда*. Именно непредсказуемость исхода привлекает нас в игре.

— Это безумие, — сказал Понтер.

— Не здесь, — ответила Вероника. — В силу определения: модель поведения большинства не может быть безумием.

— Но… но ведь ясно же, что невозможность предсказать исход раздражает и нервирует.

— Вас, — с обаятельной улыбкой согласилась Вероника. — Но не нас.

Мэри, до этого момента заинтересованно следившая за дискуссией, вмешалась:

— Вероника, вы ведь явно к чему-то клоните. К чему именно?

— Всё, что мы делаем здесь, в Группе нейрологических исследований, подчинено одной цели: объяснению классических религиозных откровений. Однако существует огромное количество верующих, которые никогда в жизни не испытывали таких откровений, но, несмотря на это, всё равно веруют. Это большая дыра в нашей работе, отсутствующий элемент в подробном объяснении причин того, что Homo sapiens верят в Бога. Но вот он ответ — разве вы не видите? Именно психология поощрения — этот небольшой фрагмент программного обеспечения нашего мозга — делает нас восприимчивыми к вере в Бога. Если где-то и правда существует Бог, рационально мыслящие существа ожидали бы от него рационального, предсказуемого поведения. Но наш не таков. Иногда он будто бы оберегает некоторых людей, а в другой раз позволяет монахине упасть в открытую лифтовую шахту. В его действиях нет разумной системы, и поэтому

мы говорим…

Мэри кивнула и закончила мысль за неё:

— Мы говорим «пути Господни неисповедимы».

— Именно! — воскликнула Вероника. — Молитва не всегда удостаивается ответа, но люди всё равно молятся. Но народ Понтера устроен не так. — Она повернулась к неандертальцу. — Не правда ли?

— Не так, — согласился Понтер. — Я и без Хака могу сказать, что мы ведём себя по-другому. Если исход невозможно предсказать, если закономерность не удаётся выявить, то мы отбрасываем такую модель поведения как бессмысленную.

— А мы — нет, — подытожила Вероника, потирая руки. Мэри вспомнила это выражение лица, словно говорящее «Это обложка в «Science», не меньше» — такое же возникло на лице самой Мэри, когда ей удалось извлечь ДНК из хранящегося в Германии типового экземпляра неандертальца. Вероника пристально посмотрела на Понтера, потом на Мэри.

— Даже если закономерности нет, мы способны убедить себя, что за всем этим существует какая-то логика. Вот почему мы не просто выдумываем истории про наших богов — мы на самом деле в

них *верим*.

Религиозная часть натуры Мэри оказалась задвинута в дальний угол, и учёный завладел ею безраздельно.

— Вероника, вы уверены в этом? Потому что если это так, то…

— О, я вполне уверена. Это классический эксперимент — я пришлю вам ссылку. В нём две группы людей играют на доске с клетками в игру, правила которой им не объяснили. Изначально они знают лишь, что за хорошие ходы очки начисляются, а за плохие — нет. Так вот, одной группе игроков очки начисляли за ход в чёрные клетки нижнего левого угла доски, и, разумеется, сделав некоторое число ходов, игроки догадывались, как нужно играть, чтобы всегда выигрывать. Но второй группе игроков очки начисляли *случайно*: начисление очков никак не было связано с ходом, который они сделали. Но эти игроки *также* выработали систему правил, в соответствии с которыми, по их мнению, велась игра, и были убеждены, что, следуя этим правилам, они повышают свои шансы на успех.

— Правда? — удивился Понтер. — Я бы просто потерял к игре интерес.

— Не сомневаюсь, — сказала Вероника, широко

улыбнувшись. — Но мы находим такую игру увлекательной.

— Или раздражающей, — сказала Мэри.

— Раздражающей, да! Что означает, что нас выводит из себя ситуация, когда в наблюдаемом явлении отсутствует какая-либо система. — Вероника посмотрела на Понтера. — Можно провести ещё один небольшой тест? Мэри, если не возражаете, я снова хочу вас попросить сохранять молчание. Понтер, вы понимаете, что я имею в виду, говоря о подбрасывании монетки?

Понтер ответил отрицательно, и Вероника продемонстрировала ему гагару[20], которую выудила из кармана лабораторного халата. Когда Понтер понял, что имеется в виду, рыжеволосая исследовательница продолжила:

— Так вот, если я подкинула монетку двадцать раз, и все двадцать раз она упала решкой, то каковы шансы, что она упадёт решкой в двадцать первый раз?

Понтер ответил, не задумываясь.

— Один к одному.

— Именно! Или, как мы обычно говорим, пятьдесят на пятьдесят. Равные шансы.

---

[20] Примечания: 20

Loonie — разговорное название монеты в один канадский доллар, по названию изображённой на ней птицы.

Понтер кивнул.

— Так вот, Мэри, я уверена, что вы знаете, что Понтер абсолютно прав: не имеет значения, сколько раз подряд выпадала решка перед очередным подбрасыванием, если исходить из предположения, что монета внутренне однородна. Вероятность того, что в очередном подбрасывании выпадет решка, всегда пятьдесят на пятьдесят. Но когда я задаю этот вопрос первокурсникам на факультете психологии, большинство из них думает, что шансы на новое выпадение решки астрономически малы. На каком-то базовом уровне наш мозг склонен приписывать мотивацию случайным событиям. Вот почему даже те, кто никогда не испытывал ничего, подобного тому, что вы, Мэри, только что испытали, видят руку Божью в том, что на самом деле попросту случайно.

Глава 9

В пытливом духе, который вёл нас за тысячи километров через Берингию, соединившую Сибирь с Аляской во времена ледникового периода…

Прежде чем отправляться к порталу, Мэри решила по-быстрому забежать в университетский книжный магазин. Она не взяла с собой из дому никаких книг — просто забыла, а в неандертальской вселенной ей, разумеется, не удастся найти чего-нибудь почитать.

К тому же, честно говоря, Мэри требовалось несколько минут наедине с собой, чтобы переварить произшедшее в лаборатории Вероники Шеннон. Так что она извинилась, оставила Понтера с Вероникой, и теперь торопилась по «боулинговой аллее» — узкому длинному переходу со стеклянными стенами между Главным и Учебным корпусами. Ей навстречу шла привлекательная чернокожая женщина. Сама Мэри никогда не отличалась особенно хорошей памятью на лица, но, судя по выражению лица идущей навстречу женщины, та её явно узнала,

но мгновение спустя её лицо снова приняло безразличное выражение.

Мэри уже более-менее привыкла к такому. С начала августа её несколько раз показывали по телевизору — после того, как она подтвердила, что обнаруженный в Нейтринной обсерватории Садбери едва не утонувший человек — неандерталец. Так что она продолжила идти вперёд, пока её не стукнуло…

— Кейша! — воскликнула Мэри, оборачиваясь — чернокожая женщина уже успела миновать её.

Кейша тоже обернулась и улыбнулась ей.

— Здравствуйте, Мэри, — сказала она.

— Я едва не прошла мимо, — сказала Мэри.

Лицо Кейши стало немного виноватым.

— Я-то вас сразу узнала. — Она понизила голос. — Но мы не должны подавать виду, что знаем тех, с кем познакомились в Центре, если только они сами нас не узнают. Это часть политики по охране анонимности.

Мэри кивнула. Под «Центром» имелся в виду центр помощи жертвам изнасилований Лаврентийского университета, куда Мэри приходила за консультацией после того, что случилось в кампусе Йоркского.

— Как у вас дела, Мэри? — спросила Кейша.

Они остановились неподалёку от киоска «Тим Хортонс» с пончиками и кофе.

— У вас найдётся минутка? — спросила Мэри. — Угощу вас кофе.

Кейша взглянула на часы.

— Да, конечно. Или… или, может быть, лучше подняться наверх? Ну, вы знаете — в Центр?

Мэри покачала головой.

— Нет. Нет, в этом нет необходимости. — Тем не менее она молчала, обдумывая вопрос Кейши, пока они шли десяток метров, отделяющий их от «Хортонса». А, собственно, *как* у неё дела?

«Тим Хортонс» была единственной сетью, где Мэри иногда удавалось разжиться любимым напитком — кофе с шоколадным молоком, поскольку у них часто одновременно случались открытые упаковки шоколада и обычного молока. Она объяснила, что ей нужно, и ей сделали, как надо. Кейша заказала яблочный сок, и Мэри расплатилась за них обеих. Они сели за один из двух крошечных столиков у стеклянной стены перехода: обычно здесь покупали кофе и тут же бежали дальше, не рассиживаясь.

— Я хотела вас поблагодарить, — сказала Мэри. — Вы тогда были так добры ко мне…

Ноздря у Кейши была проколота крошечным гвоздиком с блестящам камешком. Она чуть склонила голову, и камешек сверкнул, поймав солнечный луч.

— Для этого мы и существуем.

Мэри кивнула.

— Вы спросили как у меня дела, — продолжила она. — В моей жизни снова появился мужчина.

Кейша улыбнулась.

— Понтер Боддет, — сказала она. — Я читала про вас в «Пипл».

Сердце Мэри подпрыгнуло.

— В «Пипл» была статья про нас?

Кейша кивнула.

— На прошлой неделе. Удачное фото вас с Понтером в ООН.

Какой ужас, подумала Мэри.

— Понтер мне очень помог.

— Он планирует принять то предложение позировать для «Плейгёрл»?

Мэри улыбнулась. Она почти забыла про это; предложение поступило во время первого визита Понтера, когда они находились на карантине. Часть Мэри была бы рада похвастаться сложением своего мужчины перед теми красотками, от которых она натерпелась в школе — футболисты,

с которыми они встречались, рядом с Понтером смотрелись бы жалкими доходягами. Другой же её части щекотала самолюбие мысль, что Кольм уж точно не устоит перед тем, чтобы полистать журнал и узнать, что же у этого неандертальца есть такого, чего нет у него…

— Не знаю, — ответила Мэри. — Когда Понтер узнал об этом приглашении, он рассмеялся и больше о нём не упоминал.

— Ну, если он когда-нибудь соберётся, — с улыбкой сказала Кейша, — я бы хотела экземплярчик с автографом.

— Без проблем, — сказала Мэри. И вдруг осознала, что и правда так думает. Она никогда не забудет о своём изнасиловании — как, наверное, и Кейша не смогла забыть о своём — но сам факт, что она способна шутить о мужчине, позирующем голым для развлечения женщин означало, что они проделали большой путь.

— Вы спросили, как у меня дела, — снова сказала Мэри и помолчала. — Лучше, — с улыбкой сказала она, протянула руку и положила ладонь на руку Кейши. — Лучше с каждым днём.

* * *

Допив кофе и попрощавшись с Кейшей, Мэри

поспешила в книжную лавку, купила там четыре книжки в мягкой обложке и быстро вернулась в комнату C002B, чтобы забрать оттуда Понтера. Через главный холл они вышли на стоянку. Был прохладный осенний день, и здесь, в четырёхстах километрах к северу от Торонто, почти все листья уже опали.

— *Дран!* — воскликнул Понтер. — «*Изумление!*» — перевёл Хак через внешний динамик.

— Что? — переспросила Мэри.

— Что *это* такое? — спросил Понтер, указывая рукой.

Мэри взглянула в ту сторону, пытаясь сообразить, что могло привлечь его внимание, а потом рассмеялась.

— Это собака, — сказала она.

— Моя Пабо — собака! — заявил Понтер. — И здесь я тоже уже встречал собакоподобных существ. Но это! Такого я в жизни никогда не видел. — Собака и её владелица приближались к ним. Понтер склонился, уперев руки в колени, чтобы поближе рассмотреть маленькое животное, которое вела на поводке привлекательная молодая женщина. — Она похожа на колбасу! — объявил он.

— Это такса, — немного обиженно объяснила

женщина; она совершенно не растерялась при виде знаменитости, которую не могла не узнать.

— Это… — начал Понтер. — Простите, пожалуйста, это какая-то родовая травма?

Судя по голосу, женщина уже была на взводе.

— Нет, он такой и должен быть.

— Но ноги! Уши! Туловище! — Понтер выпрямился и покачал головой. — Собака — это охотник, — заявил он с таким видом, словно животное перед ним было насмешкой над всеми правилами приличия.

— Таксы — охотничьи собаки, — резко ответила женщина. — Их разводили в Германии, чтобы охотиться на барсуков. По-немецки порода называется *дахсхунд*: «дахс» — это по-немецки «барсук». Видите? Их форма позволяет им преследовать барсука в норе.

— О, — сказал Понтер. — Э-э… простите меня, пожалуйста.

Женщина немного смягчилась.

— Вот *пудели*, — сказала она с презрительным фырканьем, — это действительно не пойми что.

* * *

По прошествии некоторого времени Корнелиус Раскин уже не мог отрицать, что чувствует себя

как-то иначе — и что это началось значительно быстрее, чем он считал возможным. Сидя в своём пентхаузе в трущобах, он скармливал Гуглу запрос за запросом; его результаты улучшились после того, как он узнал, что в медицине кастрация называется орхиэктомией, и когда он начал целенаправленно исключать из выборки слова «собака», «кот» и «лошадь».

Он быстро обнаружил на веб-сайте Плимутского университета схему, озаглавленную «Влияние кастрации и замещения тестостерона на сексуальное поведение самцов», на которой показывалось быстрое ослабление такого поведения у кастрированных морских свинок…

Но Корнелиус — человек, а не животное! Наверняка ведь то, что верно для грызунов, неверно для…

Прокрутив страницу, он обнаружил на ней работу исследователей Хейма и Харша, из которой следовало, что 50 % кастрированных насильников «прекращают демонстрировать сексуальное поведение вскоре после кастрации — схожий эффект обнаружен у крыс».

Конечно, когда он сам был студентом, феминистки в один голос утверждали, что изнасилование — это насильственное, а не сексуальное

преступление. Но нет. Корнелиус, имея в этом деле совсем не праздный интерес, прочитал книгу Торнхилла и Палмера «Естественная история изнасилования: биологические основы сексуального принуждения», когда она вышла из печати в 2000. Базируясь на эволюционной психологии, книга обосновывала идею о том, что изнасилование — это на самом деле репродуктивная стратегия — сексуальная стратегия — для…

Корнелиус терпеть не мог думать о себе в таких терминах, но знал, что такова правда: для самцов, не обладающих достаточной силой и статусом, чтобы размножаться обычным способом. То, что он этого статуса был несправедливо лишён, ничего не меняло; факты были таковы, что статуса у него не было, и получить он его не мог — по крайней мере, в академических кругах.

Он по-прежнему ненавидел ту политику, благодаря которой его держали в чёрном теле. Эксперт по древней ДНК из него был не хуже, чем из Воган — он работал в Оксфорде, чёрт подери, в Центре изучения древних биомолекул!

Это было несправедливо, от начала до конца — как дебильные «компенсации за рабство», когда людей, которые сами не сделали ничего плохого, просят отслюнить немалые деньги людям, чьи

давно умершие *предки* безвинно пострадали. Почему Сорнелиус должен страдать из-за половой дискриминации при приёме на работу, практиковавшейся поколения назад?

Он ненавидел всё это долгие годы.

Но сейчас…

Сейчас…

Сейчас же он просто злился; и впервые за всё время, что он мог вспомнить, он, кажется, держит свой гнев под контролем.

Нет сомнений в том, *почему* ярость теперь гораздо меньше душит его. Хотя так ли это? В конце концов, прошло не так уж и много времени с тех пор, как Понтер отстриг ему яйца. Мог ли Корнелиус почувствовать эффект так скоро?

Ответ, очевидно, был утвердительным. Продолжив шарить по сети, он наткнулся на статью в газете «Нью Таймс» из Сан-Луис-Обиспо с интервью Брюса Клотфелтера, который двадцать лет провёл за решёткой за растление малолетних, прежде чем подвергнуться химической кастрации. «Это просто чудо, — сказал Клотфелтер. — На следующее утро я осознал, что проспал ночь без этих ужасных сексуальных сновидений, что мучили меня многие годы».

На следующее утро…

Господи, какой же у тестостерона период полураспада? Несколько нажатий клавиш, щелчков мышкой, и вот он ответ: «Период полураспада свободного тестостерона в крови составляет всего несколько минут», сообщил один сайт; другой говорил о примерно десяти минутах.

Дальнейшие изыскания привели его на Геосити, на страницу человека, родившегося мужчиной и подвергшегося кастрации без гормональной терапии до или после операции. Он сообщал следующее:

> «Четыре дня после кастрации… похоже, что ожидание зелёного света на светофоре и другие мелкие неприятности уже не так сильно раздражают меня…
>
> Через шесть дней после кастрации я вышел на работу. День выдался чрезвычайно напряжённый… но я сохранял спокойствие до самого его окончания. Я уверен, что это следствие кастрации, и без тестостерона определённо чувствую себя лучше.
>
> Через десять дней после кастрации я чувствую себя пёрышком, летящим по ветру. Мне становится всё лучше и луч-

ше. Спокойствие стало для меня самым сильным эффектом кастрации, за ним следует снижение либидо.»

Немедленный эффект.

Ощутимый эффект в течение суток.

Эффект, заметный через несколько дней.

Корнелиус знал — *знал!* — что мысль о том, что Понтер с ним сделал, должна приводить его в ярость.

Но ему было всё труднее испытывать ярость по какому бы то ни было поводу.

Глава 10

В пытливом духе, что заставил других наших предков храбро вести свои лодки за горизонт, открывая новые земли в Австралии и Полинезии…

Открыть новый межмировой портал в штаб-квартире Объединённых Наций хотели по одной весьма веской причине. Существующий портал находился в 1,2 километра по горизонтали от ближайшей точки глексенского подъёмника, и в трёх километрах от ближайшего лифта на барастовской стороне.

На то, чтобы перебраться с поверхности этого мира на поверхность того, у Мэри и Понтера ушло около двух часов. Сначала они надели каски и бахилы и спустились на шахтном подъёмнике в шахту «Крейгтон». На касках имелись встроенные фонарики и опускающиеся звуконепроницаемые протекторы для ушей.

Мэри взяла с собой два чемодана, и Понтер сейчас нёс их без видимых усилий, по одному в руке.

Большую часть пути они проделали в обществе

пятерых горняков, которые вышли на уровне непосредственно над тем, на который спускались Понтер и Мэри. Мэри этому даже обрадовалась — ей всегда было не по себе в этом подъёмнике. Он напоминал ей о том, как они с Понтером спускались на нём в первый раз, и она, чувствуя себя ужасно неловко, пыталась объяснить ему, почему она тогда не смогла ответить на его ухаживания, несмотря на свой очевидный интерес к нему.

Они вышли на уровне 6800 футов и начали долгий пеший переход к расположению нейтринной обсерватории. Мэри никогда особо не любила физические упражнения, но Понтеру сейчас приходилось даже хуже, чем ей, поскольку температура так глубоко под землёй постоянно держалась на уровне 41 градуса Цельсия — невыносимом для неандертальца.

— Как же я буду рад снова попасть домой, — говорил Понтер. — Снова на воздух, которым я могу дышать!

Мэри понимала, что он имеет в виду не враждебную атмосферу глубинной шахты. Понтер говорит о воздухе мира, где не жгут ископаемое топливо, запах которого терзает его массивный нос практически в любом месте этой Земли, хотя он и утверждал, что в сельской местности, к

примеру, у Рубена дома, его, в принципе, можно терпеть.

Мэри вспомнила песенку из телевизионного шоу, которое любила смотреть, когда была ребёнком:

Дышать!
Кутить!
Кто главный тут?!
Прощай, городской уют![21]

Она надеялась, что приживётся в мире Понтера лучше, чем Лиза Дуглас в Хутервилле. Но она ведь не просто покидает мир, населённый шестью миллиардами душ и поселяется в мире, где живёт лишь сто восемьдесят пять миллионов… миллионов *людей*; она не может говорить про барастов «столько-то душ», потому что они не считают, что обладают таковыми.

В день, когда они уезжали из Рочестера, у Понтера было интервью на радио; на неандертальцев, где бы они ни оказались, всегда был высокий

---

[21] Примечания: 21

Песенка из заставки американского телесериала 1960-х «Зелёные просторы» («Green Acres») о семейной паре, переехавшей из Нью-Йорка в деревню. Муж, Оливер Дуглас, полон решимости начать новую жизнь на селе, тогда как его жена, Лиза, скучает по жизни в большом городе. Перевод по локализации канала СТС.

спрос в качестве гостей различных шоу. Мэри с интересом слушала, как Боб Смит с «WXXI», местного отделения «Пи-би-эс», расспрашивал Понтера о неандертальских верованиях. Смит уделил немало времени неандертальской практике стерилизации преступников. И теперь, когда они брели по длинному грязному туннелю, эта тема вдруг всплыла в её памяти.

— Да, — сказала Мэри в ответ на вопрос Понтера, — ты держался отлично, но…

— Но что?

— Ну, те вещи, которые ты говорил — про стерилизацию людей. Я…

— Да?

— Прости, Понтер, но я не могу этого принять.

Понтер посмотрел на неё. На нём была особая оранжевая каска, одна из тех, что руководство шахты заказало специально под форму неандертальской головы.

— Почему?

— Это… это бесчеловечно. Да, я думаю, именно это слово здесь к месту. Человеческие существа просто не должны творить такое.

Понтер некоторое время молчал, глядя на пустые стены штрека, покрытые металлической сеткой для предотвращения обвалов.

— Я знаю, что на этой версии Земли многие не верят в эволюцию, — сказал он, наконец, — но те, кто верит, должны понимать, что процесс эволюции человека — как вы это называете? — забуксовал. Поскольку медицинские технологии дают возможность дожить до репродуктивного возраста практически каждому, перестаёт действовать… я не знаю, как это у вас называется.

— «Естественный отбор», — сказала Мэри. — Конечно, я понимаю это; без селективного выживания генов эволюция невозможна.

— Именно, — сказал Понтер. — А ведь именно эволюция сделала нас теми, кто мы есть, превратила четыре изначальные, базовые формы жизни в то разнообразие сложных организмов, что мы наблюдаем сегодня.

Мэри пристально посмотрела на Понтера.

— *Четыре* изначальные формы жизни?

Понтер моргнул.

— Ну да.

— Какие именно? — спросила Мэри, подумав, что, возможно, она наткнулась-таки на признаки лежащего в основе мировоззрения Понтера креационизма: может быть, эти четверо — неандер-Адам, неандер-Ева, партнёр неандер-Адама и партнёрша неандер-Евы?

— Первые растения, животные, грибы и — я не знаю, как по-вашему — группа, включающая некоторые виды плесени и водорослей.

— Протисты или протоктисты — смотря кого спрашивать.

— Так вот, каждая из них возникла из первичного добиологического материала независимо.

— Вы нашли доказательства этого? — спросила Мэри. — Мы-то считаем, что жизнь в нашем мире возникла лишь однажды, где-то четыре миллиарда лет назад.

— Но эти четыре типа жизни настолько различны… — сказал Понтер, но потом пожал плечами. — Впрочем, это ты — генетик, а не я. Цель нашего путешествия как раз и состоит в том, чтобы встретиться с нашими специалистами в этих вопросах, так что не забудь спросить кого-нибудь из них и об этом тоже. Один из вас — не знаю, кто именно — похоже, узнает от другого много нового.

Мэри не переставала удивляться тому, как неандертальская наука и наука её Земли умудряются не совпадать в таком количестве фундаментальных вещей. Но она не хотела уклоняться от более важной в данный момент проблемы, которая…

Более важной проблемы. Интересно, подумала

Мэри, что моральную дилемму она считает более важной, чем базовый научный факт.

— Мы говорили о прекращении эволюции. Ты сказал, что твой вид продолжает эволюционировать, поскольку сознательно выпалывает плохие гены.

— «Выпалывает»? — недоумённо повторил Понтер. — А-а, сельскохозяйственная метафора. Да, ты права. Мы продолжаем улучшать наш генофонд, избавляясь от нежелательных признаков.

Под ногой Мэри хлюпнула лужа грязной воды.

— Я *могла бы* в это поверить — но вы стерилизуете не только преступников, а также их ближайших родственников.

— Конечно. Иначе нежелательные гены сохранятся.

Мэри покачала головой.

— И вот этого я не могу вынести. — Хак пискнул. — Вынести, — повторила Мэри. — Стерпеть. Примириться.

— Почему?

— Потому что… потому что это *неправильно*. У личности есть права.

— Разумеется, есть, — сказал Понтер, — но и у вида тоже. Мы защищаем и улучшаем барастов как вид.

Мэри внутренне содрогнулась. И, похоже, не только внутренне, потому что Понтер сказал:

— Ты негативно отреагировала на то, что я только что сказал.

— Ну, — сказал Мэри, — просто в нашем прошлом многие слишком часто заявляли, что занимаются тем же самым. В 1940-х Адольф Гитлер пытался вычистить из нашего генофонда евреев.

Понтер слегка склонил голову, должно быть, слушая, как Хак напоминает ему через кохлеарные импланты о том, кто такие евреи. Мэри представила, как миниатюрный компьютер говорит: «Ты помнишь — те, что оказались не такими легковерными и не поверили в историю об Иисусе».

— Почему он захотел это сделать? — спросил Понтер.

— Потому что ненавидел евреев, только и всего, — ответила Мэри. — Разве ты не видишь? Давать кому-то власть решать, кому жить, а кому умереть, или кто может продолжить род, а кто нет — это играть в Бога.

— «Играть в Бога», — повторил Понтер, словно выражение показалась ему замечательно оригинальным. — Очевидно, такое понятие не могло

прийти нам в голову.

— Но возможности для коррупции, для несправедливости…

Понтер развёл руками.

— Но ведь вы убиваете некоторых преступников.

— Мы — нет, — ответила Мэри. — В смысле, не в Канаде. В Америке — да, в некоторых штатах.

— Да, я слышал, — сказал Понтер. — Более того, я слышал, что в этом есть расовый подтекст. — Она посмотрел на Мэри. — Знаешь, ваши расы безмерно меня интригуют. Мой народ приспособлен к северным широтам, так что мы все живём примерно на одной широте, но на разной долготе — я так думаю, именно поэтому мы все более-менее одинаковые. Я правильно полагаю, что тёмный цвет кожи связан с адаптацией к жизни вблизи экватора?

Мэри кивнула.

— А те… как вы их называете? Эти штуки над глазами, как у Пола Кириямы?

Мэри понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, кто такой Пол Кирияма — аспирант, который вместе с Луизой Бенуа спасал Понтера, когда тот тонул в ёмкости с тяжёлой водой в Нейтринной обсерватории Садбери. Ещё

пара секунд ушла на то, чтобы вспомнить название того, о чём спрашивает Понтер.

— Кожная складка, которая закрывает часть глаза у азиатов? Эпикантус.

— Точно. Эпикантус. Полагаю, что она защищает глаза от прямых лучей, но у моего народа есть надбровный валик, выполняющий ту же функцию, так что у нас подобный признак не мог развиться.

Мэри медленно кивнула, больше себе, чем Понтеру.

— Знаешь ли, в интернете и в газетах гуляет множество слухов по поводу того, что могло случиться с другими вашими расами. Люди полагают, что… в общем, что с вашей практикой чистки генетического пула вы попросту вычистили другие расы.

— У нас никогда не было других рас. Хотя учёные и посещают местности, которые вы называете Африкой и Центральной Америкой, постоянно там никто не живёт. — Он поднял руку. — А в отсутствие рас у нас, очевидно, не могло быть расовой дискриминации. В отличие от вас: у вас расовые признаки коррелируют с вероятностью быть казнённым за серьёзное преступление, не так ли?

— Чёрных приговаривают к смерти чаще, чем белых, это правда. — Мэри не стала добавлять «особенно если жертвой был белый».

— Вероятно, из-за того, что у нас никогда не было подобного разделения, идея стерилизации целого сегмента человечества по произвольному признаку никогда не приходила нам в голову.

Им навстречу шли двое шахтёров. Они откровенно пялились на Понтера, хотя женщины здесь, должно быть, тоже были нечастыми гостями. Когда они прошли мимо, Мэри продолжила:

— Но даже в отсутствие видимых расовых различий должно существовать желание отдать преимущество своим родственниками перед теми, кто тебе не родня. Это родственный отбор, и он широко распространён в животном мире. Не могу представить себе, чтобы неандертальцы составляли исключение.

— Исключение? Вряд ли. Однако вспомни, что наши семейные отношения более… скажем так, более замысловатые, чем у вас и, если на то пошло, у большинства животных. Мы являемся звеньями бесконечной цепи партнёров и партнёрш, а поскольку в нашей системе Двое становятся Одним лишь на время, то у нас нет трудностей с установлением отцовства, которые

так беспокоят ваш вид. — Он замолчал, затем улыбнулся. — Кстати, о ценах на чай в Китае: у нас вашу практику казни или лишения свободы на десятки лет считают более жестокой, чем наши стерилизация и судебный надзор.

Мэри понадобилось какое-то время, чтобы вспомнить, что такое «судебный надзор»: постоянный просмотр передач импланта-компаньона, так что всё, что поднадзорный говорит и делает, немедленно становится известным.

— Не знаю, — сказала Мэри. — Как я уже говорила, я практикую контрацепцию, которую моя религия напрямую запрещает, так что нельзя сказать, что я против любых способов предотвращения зачатия. Но… но не позволять невиновным людям размножаться — это неправильно.

— Ты готова принять стерилизацию самого преступника, но не его детей, братьев, сестёр или родителей в качестве альтернативы казни либо лишению свободы?

— Наверное. Я не знаю. При определённых обстоятельствах, возможно. Если приговорённый сам этого хочет.

Золотистые глаза Понтера удивлённо расширились.

— Ты готова позволить изобличённому лицу

самому выбирать себе наказание?

Мэри почувствовала, как ёкнуло сердце. Было ли это канцелярское «лицо» попыткой Хака передать гендерно-нейтральное местоимение, существующее в языке барастов, но не в английском, или Понтер таким образом дегуманизирует преступника?

— Да, в ряде обстоятельств я бы дала преступнику возможность выбора из нескольких возможных видов наказания, — сказала она, вспоминая о том, как отец Калдикотт позволил ей самой выбрать себе епитимью, когда она исповедовалась в последний раз.

— Но ведь очевидно, — сказал Понтер, — что в некоторых случаях уместно лишь одно наказание. Например, за…

Понтер вдруг замолчал.

— Что? — спросила Мэри.

— Нет, ничего.

Мэри нахмурилась.

— Ты имел в виду изнасилование.

Понтер долго молчал, уперев взгляд в грязный каменный пол, по которому они шагали. Мэри подумала было, что обидела его предположением, что он настолько бестактен, что завёл разговор на такую чувствительную тему, но когда

он, наконец, заговорил, его слова стали для неё полнейшей неожиданностью.

— На самом деле, — сказал он, — я имел в виду не изнасилование вообще. — Он посмотрел на неё, потом снова уставился в пол; фонарик на каске осветил мешанину отпечатавшихся в гряди следов. — Я имел в виду *твоё* изнасилование.

Сердце Мери встревожено затрепетало.

— Что ты имеешь в виду?

— Я… у нас, среди моего народа, не принято таить от партнёров секретов, и всё-таки…

— Да?

Он повернулся и посмотрел вдоль тоннеля назад, словно желая убедиться, что рядом никого нет.

— Есть нечто, о чём я тебе не рассказал — о чём я не рассказал никому, кроме…

— Кроме кого? Адекора?

Но Понтер покачал головой.

— Нет. Нет, он тоже об этом не знает. Единственный, кто знает — мой соплеменник по имени Журард Селган.

Мэри задумалась.

— Я не помню, чтобы ты упоминал это имя раньше.

— Я не упоминал, — сказал Понтер. — Он… он

скульптор личности.

— Кто? — переспросила Мэри.

— Э-э… он работает с теми, кто хочет изменить свой… состояние своих мыслей.

— Ты хочешь сказать, психиатр?

Понтер наклонил голову, прислушиваясь к тому, что говорил Хак через кохлеарные импланты. Компаньон наверняка проделывал этимологический разбор предложенного Мэри термина; кстати говоря, «психе» — это ближайшая аппроксимация «души», доступная неандертальцам.

— Да, похожий специалист.

Мэри почувствовала, как деревенеет спина, но не замедлила шага.

— Ты ходишь к психиатру? Из-за моего изнасилования? — Она думала, он всё понял, чёрт его дери. Да, самцы Homo sapiens известны тем, что после изнасилования начинают смотреть на супругу другими глазами, задумываясь, а не было ли в случившемся доли вины женщины, не желала ли она этого втайне…

Но Понтер…

Она считала, что Понтер способен понять!

Некоторое время они шагали в молчании, освещая путь фонариками на каске.

Если задуматься, то Понтер и правда стремился

узнать все подробности об изнасиловании Мэри. В полицейском участке Понтер схватил запечатанный пакет с уликами по изнасилованию Кейсер Ремтуллы, разорвал его и обнюхал, что позволило ему идентифицировать насильника как одно из коллег Мэри, Корнелиуса Раскина.

Мэри взглянула на Понтера, на его массивный силуэт на фоне скальной стены.

— Я не виновата, — сказала Мэри.

— Что? — переспросил Понтер. — Да, я знаю.

— Я этого не хотела. Я не просила об этом.

— Да, да, я понимаю.

— Тогда зачем ты ходишь к… к этому «скульптору личности»?

— Я больше к нему не хожу. Просто…

Понтер замолчал, и Мэри снова посмотрела на него. Он склонил голову вбок, слушая Хака, и через мгновение едва заметно кивнул — сигнал предназначался компаньону, а не ей.

— Просто *что*? — спросила Мэри.

— Ничего, — ответил Понтер. — Прости, что вообще заговорил об этом.

И ты меня прости, подумала Мэри. Они продолжали шагать сквозь тьму.

Глава 11

В пытливом духе, который тысячу лет назад привёл викингов в Северную Америку, и который пятьсот лет назад гнал «Пинту», «Нинью» и «Санта-Марию» через Атлантику…

Добравшись до расположения Нейтринной обсерватории Садбери, Понтер и Мэри прошли через опутанные трубопроводами и заставленные огромные ёмкостями помещения к пультовой. В ней было пусто: прибыв на эту Землю в первый раз, Понтер разрушил ёмкость с тяжёлой водой — основную деталь нейтринного детектора, а работы по ей восстановление были прерваны повторным открытием портала и установлением контакта.

Они вошли в помещение над детекторной камерой, и через люк в полу — эта часть маршрута была для Мэри самой неприятной — спустились по длинной лестнице на платформу, установленную в шести метрах над дном камеры. Платформа находилась вровень с краем деркеровой трубы — устойчивой к сминанию решётчатой

конструкции, вдвинутой в портал с той стороны.

Мэри остановилась на краю деркеровой трубы и заглянула в неё. Внутри труба была вдвое длиннее, чем снаружи, и на другой стороне она могла разглядеть жёлтые стены вычислительной камеры, находящейся уже на той, другой версии Земли.

Они предъявили паспорта находящимся здесь канадским военным — Понтер получил такой, когда неандертальским эмиссарам было присвоено канадское гражданство.

— После вас, — сказал Понтер Мэри — деталь этикета, которую он подхватил уже здесь. Мэри сделала глубокий вдох и вошла в трубу, которая теперь, когда она оказалась внутри неё, была шестнадцати метров в длину и шести в диаметре. Проходя через середину её длины, Мэри увидела сквозь прозрачный материал трубы кольцо мерцающего синего света. Она также видела тени, отбрасываемые пересекающимися металлическими сегментами, которые не давали трубе схлопнуться. Снова глубоко вдохнув, Мэри быстро прошла сквозь плоскость разрыва, обозначенную синим свечением, ощутив, как по телу от груди к спине пробежала волна статического электричества.

И вот она уже *там* — в неандертальском мире.

Не выходя из трубы, Мэри повернулась назад, к идущему следом Понтеру. Она видела, как светлые волосы Понтера разлохматились при проходе через плоскость разрыва; как у большинства неандертальцев, в естественном состоянии его волосы разделялись пробором точно посередине его длинного черепа.

Убедившись, что он прошёл, Мэри повернулась и продолжила путь к неандертальскому краю трубы.

И вот они здесь, в мире, отпочковавшемся от мира Мэри 40000 лет назад. Они оказались внутри вычислительной камеры, которую она видела с той стороны — огромного помещения, заполненного рядами регистровых ёмкостей. Квантовый компьютер, спроектированный Адекором Халдом для выполнения программ, разработанных Понтером Боддетом, был построен для факторизации чисел неизмеримо бóльших, чем любые, факторизовавшиеся до сих пор; случившийся при этом прокол в иную вселенную был совершенно непредвиденным побочным эффектом.

— Понтер! — послышался низкий мужской голос.

Мэри вскинула взгляд. Адекор — партнёр Пон-

тера — сбегал вниз по пяти ступеням, что вели из помещения пультовой.

— Адекор! — воскликнул Понтер. Он бросился ему навстречу, и двое мужчин обнялись, а потом лизнули друг друга в лицо.

Мэри отвела взгляд. Разумеется, при нормальных обстоятельствах — если это слово вообще приложимо к её жизни в этом мире — одновременно Понтера и Адекора она будет видеть очень редко; когда Двое станут Одним, Адекор будет проводить время со своей собственной партнёршей и маленьким сыном.

Но сейчас Двое порознь, так что здесь и сейчас Понтеру полагается быть со своим партнёром.

Тем не менее, через пару секунд мужчины разжали объятия, и Понтер повернулся к Мэри.

— Адекор, ты ещё не забыл Мэре?

— Конечно, — ответил Адекор, улыбаясь очень искренней улыбкой шириной не меньше фута. Мэри попыталась изобразить подобную же искреннюю радость, пусть и поменьше размером.

— Привет, Адекор, — сказала она.

— Мэре! Ужасно рад тебя видеть!

— Спасибо.

— Но что привело тебя сюда? Двое ещё не стали Одним.

Вот оно. Предъявление прав; пометка территории.

— Я знаю, — ответила Мэри. — В этот раз я приехала надолго. Я буду изучать неандертальскую генетику.

— Вот как, — сказал Адекор. — Уверен, Лурт тебе в этом поможет.

Мэри слегка склонила голову — хоть у неё и не было компаньона, к объяснениям которого она могла бы прислушаться. Была то простая любезность, или Адекор напоминал, что ей понадобится помощь неандертальской женщины, которая, разумеется, живёт в Центре города, вдалеке от Понтера и Адекора?

— Я знаю, — снова сказала Мэри. — Буду рада пообщаться с ней снова.

Понтер повернулся к Адекору.

— Мэре заедет ненадолго к нам, — сказал он, — чтобы взять кое-что, что ей понадобится для длительного пребывания. После этого мы вызовем транспортный куб, и он отвезёт её в Центр.

— Отлично, — ответил Адекор. Он посмотрел на Мэри, потом снова на Понтера. — То есть, ужинать мы сегодня будем вдвоём?

— Конечно, — ответил Понтер. — Конечно.

* * *

Мэри полностью разделась — она уже не так стеснялась наготы в этом мире, где отсутствовали религии с навязанными ими табу — и прошла процесс деконтаминации калибруемыми лазерами — когерентными лучами с такой длиной волны, что они проходят сквозь её плоть, уничтожая все инородные молекулы в её организме. В её родном мире похожие приборы уже использовались для лечения многих инфекционных заболеваний. К сожалению, опухоли состоят из клеток самого пациента, так что этот процесс не может излечивать рак, в частности, лейкемию, забравшую жену Понтера Класт два года назад.

Хотя нет, не «забравшую». Это глексенский термин, эвфемизм, неявно подразумевающий, что она куда-то ушла, что было неправдой, по крайней мере, согласно воззрениям людей этого мира. Сам Понтер сказал бы, что она перестала существовать.

И не «жену Понтера». Неандертальский термин звучит как *ят-дежа* — «женщина-партнёр». Будучи в мире неандертальцев, Мэри всерьёз пыталась думать неандертальскими категориями — это помогало привыкать к различиям.

Лазеры плясали по телу Мэри, пронзая его насквозь, пока над дверью не зажёгся светящийся квадрат, сигнализирующий о том, что процедура завершена. Мэри вышла и принялась переодеваться в неандертальскую одежду, пока деконтаминацию проходил Понтер. Появившись в мире Мэри в первый раз, он заболел лошадиной чумкой — у всех Homo sapiens иммунитет к этой болезни, но у Homo neanderthalensis он отсутствует. Процедура деконтаминация гарантировала, что они не несут с собой бактерии Streptococcus equii или любые другие опасные микробы или вирусы; каждый, проходящий через портал, был обязан подвергнуться этой процедуре.

* * *

Никто не стал бы жить там, где жил Корнелиус Раскин, будь у него хоть какой-нибудь выбор. Дрифтвуд — опасный район, полный криминала и наркотиков. Единственный положительный момент для Корнелиуса состоял в том, что отсюда до кампуса Йоркского университета можно легко дойти пешком.

Он вызвал лифт и спустился на тринадцать этажей в запущенный вестибюль своего дома. Всё же, несмотря ни на что, он чувствовал некую…

нет, не любовь, конечно, это было бы слишком, но некую благодарность этому месту. В конце концов, жизнь в шаговой доступности от университета экономила ему затраты на машину, на оплату водительской страховки и разрешения на парковку в кампусе — или $93.50, которые он бы тратил на месячный проездной.

Сегодня был прекрасный день; на синем небе ни облачка. На Корнелиусе был коричневый замшевый пиджак. Он пошёл по дороге мимо магазинчика с забранными решётками окнами. В этом магазине была гигантская стойка с порножурналами и пыльными консервными банками. Здесь Корнелиус обычно покупал сигареты; к счастью, у него дома нашлось полблока «Дюморье»[22].

Добравшись до кампуса, Корнелиус пошёл по дорожке вдоль здания одного из общежитий. Повсюду кишели студенты: некоторые всё ещё в футболках, другие уже в свитерах. Он подумал, что мог бы раздобыть тестостероновые заместители в университете. Он мог бы выдумать генетический проект, в котором они бы требовались постоянно. Ради этого одного стоило

---

[22] Примечания: 22

Канадская марка сигарет, названная в честь сэра Джеральда дю Морье, британского актёра, отца писательницы Дафны Дюморье.

вернуться на работу, но…

Но в Корнелиусе и правда что-то изменилось. Во-первых, кошмары, наконец, прекратились, и он слова спал, как бревно. Вместо того, чтобы час или два лежать без сна, ёрзая и ворочаясь, злясь на всё, что в его жизни пошло не так, на все свои ошибки, на то, что в его жизни никого нет — вместо того, чтобы лежать и мучиться всем этим, он теперь засыпал, едва коснувшись головой подушки, крепко спал всю ночь и просыпался отдохнувшим и свежим.

Правда, какое-то время ему не хотелось вылезать из постели, но теперь он, похоже, справился с этим. Он чувствовал себя… нет, не энергичным, не готовым к ежедневной борьбе за выживание. Нет, он ощущал то, чего не помнил уже много лет, с летних дней своего детства, когда он был свободен от школы, от школьных забияк, от ежедневных тумаков.

Корнелиус Раскин ощущал *покой*.

— Здравствуйте, доктор Раскин, — произнёс бойкий мужской голос.

Корнелиус обернулся. Это был один из его студентов с курса эукариотной генетики — Джон, Джим… что-то вроде; парень говорил, что хочет преподавать генетику. Корнелиусу хотелось

сказать несчастному дурню немедленно бросить эту идею; в наши дни в сфере образования нет хорошей работы для белых мужчин. Но вместо этого он выдавил из себя улыбку и сказал:

— Привет.

— Здорово, что вы вернулись! — сказал студент, удаляясь в противоположном направлении.

Корнелиус продолжил свой путь по дорожке между широким газоном с одной стороны и парковкой с другой. Разумеется, он знал, куда идёт: в Фаркуарсон-билдинг. Но раньше он никогда не замечал, насколько забавно звучит это название: сегодня же он подумал о Чарли Фаркуарсоне, деревенском увальне, которого много лет играл Дон Хэррон сначала на радио CFRB, а потом в американском сериале «Хии-Хоо». Корнелиус покачал головой; он всегда был слишком… слишком *какой-то*, подходя к этому зданию, чтобы такие праздные мысли просачивались на поверхность сознания.

Он шёл на автопилоте, его ноги шагали по знакомому до мелочей маршруту. Но внезапно, толчком, он осознал, что подошёл к…

Это место не имело названия, и даже в мыслях он не наделял его никаким именем. Но это было оно: две подпорные стены, смыкающиеся под

прямым углом, далеко от фонарных столбов, прикрытые разросшимися кустами. Это было то место, где он прижимал к стене двух разных женщин. Здесь он показал Кейсер Ремтулле, кто *на самом деле* главный. И здесь же он отымел Мэри Воган.

Бывало, Корнелиус специально проходил мимо этого места, даже при свете дня, чтобы поднять себе дух напоминанием о том, что по крайней мере некоторое время он был боссом. Часто один только вид этого места вызывал у него бурную реакцию, но сейчас между ног ничего даже не шелохнулось.

Стены были покрыты граффити. Та же причина, по которой это место избрал Корнелиус, влекла сюда мастеров баллончика с краской и влюблённые парочки, желающие увековечить свои отношения, так же, как…

Он давно их стёр, но когда-то, целые эпохи назад, их с Мелоди инициалы также красовались на этой стене, обведённые стилизованным мультяшным сердечком.

Корнелиус прогнал от себя это воспоминание, снова оглядел это место, и повернулся к нему спиной.

Сегодня слишком хороший день, чтобы идти на

работу, подумал он, направляясь обратно домой. День казался ещё прекрасней и ярче.

Глава 12

В пытливом духе, который поднял в воздух Орвилля и Уилбура Райтов[23], Амелию Эрхарт [24] и Чака Йегера[25]…

Когда Мэри и Понтер вышли из здания Дебральской никелевой шахты, Мэри была потрясена тем, что снаружи темно, хотя по часам была ещё середина дня. Она посмотрела вверх и ахнула.

— Боже! Никогда не видела столько птиц!

Огромная туча птиц пролетала над ними, в буквальном смысле затмевая солнце. Многие из них кричали что-то вроде «Кек-кек-кек».

— Правда? — удивился Понтер. — У нас это распространённый вид.

— Да я вижу! — воскликнула Мэри. Она продолжала вглядываться в небо. — Господи, — сказала она, разглядев розоватые тела и сине-серые головы. — Да это же пассажирские голуби!

---

[23] Примечания: 23
Изобретатели первого реально летающего аэроплана.

[24] Примечания: 24
Первая женщина-пилот, перелетевшая на самолёте Атлантику.

[25] Примечания: 25
Первый пилот, преодолевший звуковой барьер.

— Сомневаюсь, чтобы они смогли поднять пассажира[26], — сказал Понтер.

— Нет-нет. Просто мы их так называем. Так, или *Ectopistes migratorius*. Я хорошо их знаю, я работала над извлечением их ДНК.

— Я заметил отсутствие этих птиц ещё когда в первый раз к вам попал. Они у вас тоже вымерли?

— Да.

— По вине глексенов?

Мэри кивнула.

— Да. — Она пожала плечами. — Мы истребили их всех.

Понтер покачал головой.

— Неудивительно, что вам пришлось освоить эту штуку — сельское хозяйство. Мы называем эту птицу — Хак, не переводи следующее слово — *кедрат*. Они очень вкусны, и мы часто их едим.

— В самом деле? — переспросила Мэри.

Понтер кивнул.

— Да. Пока будешь здесь, я уверен, ты попробу-

---

[26] Примечания: 26

Английское название этих птиц — passenger pigeon, или «пассажирский голубь». Изначально название птицы происходило от французского слова passager — «проходить мимо», но потом было переосмыслено. В других языках (в том числе и французском) птица называется странствующим/мигрирующим/перелётным голубем в соответствии с латинским названием вида.

ешь их не раз.

Как только Хак восстановил связь с планетарной инфосетью, Понтер велел ему вызвать транспортный куб, который сейчас как раз полным ходом приближался к ним. Он был размером примерно с внедорожник, но двигался с помощью двух больших вентиляторов, установленных под днищем и в задней части, и трёх меньших для маневрирования. Куб был почти полностью прозрачен и содержал четыре седлокресла, одно из которых занимал водитель, худой мужчина 146-го поколения.

Транспортный куб замедлился и опустился на землю. Бóльшая часть его боковой грани откинулась вверх, открывая доступ внутрь. Понтер взобрался на одно из задних седлокресел, Мэри устроилась на соседнем. Понтер что-то коротко сказал водителю, и куб поднялся в воздух. Мэри смотрела, как водитель орудует двумя рычагами, поворачивая куб и направляя его к дому Понтера.

Перед тем, как покинуть здание шахты, Мэри пристегнула к руке временный компаньон; все глексены, посещающие неандертальский мир, обязаны были носить такое устройство, которое следило бы за всеми их действиями и передавало

бы информацию в архив алиби. Но проклятая штука *зудела*. Мэри запустила под компаньон шариковую ручку, которая у неё оказалась с собой, и попыталась почесать ею руку.

— Постоянные компаньоны тоже такие неудобные? — спросила она Понтера.

— Я вообще не ощущаю присутствия Хака, — ответил Понтер. После паузы он добавил: — Кстати, раз уж об этом зашла речь…

— Да?

— Временного компаньона хватает только на двадцать дней или около того — они ведь получают энергию от батарей, а не от химических процессов в твоём собственном теле. Хотя, конечно, уж тебе-то в замене не откажут.

Мэри улыбнулась. Она всё ещё привыкала к тому, что к ней относились по-особому просто из-за того, что она — *та самая* Мэри Воган.

— Нет, — сказала она. — Нет, я думаю, я должна установить постоянный.

Понтер широко улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он. Но потом, видимо, для того, чтобы не осталось никаких сомнений, добавил: — Только ты должна помнить, что постоянный — это именно *постоянный*. Удалить его после установки будет очень трудно, и такая

операция может серьёзно повредить мышцы и нервы предплечья.

Мэри кивнула.

— Я понимаю. Но я также понимаю, что без постоянного компаньона я никогда не стану здесь своей.

— Спасибо, — снова сказал Понтер с теплотой в голосе. — Компаньон какого типа тебе бы хотелось?

Мэри рассматривала раскинувшийся вокруг первозданный ландшафт — обнажения коренных пород среди не знавшего топора леса.

— Что, прости?

— Ты можешь установить стандартную модель компаньона. Или, — Понтер поднял левую руку и повернул внутреннюю сторону предплечья к Мэри, — ты можешь выбрать компаньон как у меня, с полноценным искусственным интеллектом.

Мэри вскинула брови.

— Я даже не задумывалась об этом.

— Интеллектуальные компаньоны пока есть лишь у немногих, — сказал Понтер, — хотя я ожидаю, что в будущем они станут популярными. Тебе, несомненно, будут полезны вычислительные мощности продвинутой модели; они понадобятся для функций синхронного перевода.

Однако тебе решать, какие ещё функции в него включить.

Мэри посмотрена на компаньон Понтера. Внешне, разумеется, он ничем не отличался от десятков других, которые она уже успела увидеть — за исключением, конечно, золотого компаньона Лонвеса Троба. Но она знала, что внутри этой коробочки живёт Хак.

— Каково это, — спросила Мэри, — иметь интеллектуального компаньона?

— О, это не так ужасно, как может показаться, — ответил голос Хака из внешнего динамика. — Я уже начинаю привыкать к этому здоровяку.

Мэри рассмеялась, не столько от самой шутки, сколько от её неожиданности.

Понтер закатил глаза — мимический жест, который он перенял у Мэри.

— И так всё время, — сказал он.

— Я не уверена, что готова к такому, — сказала Мэри, — чтобы кто-то каждую секунду был со мной. — Мэри задумалась. — А Хак на самом деле… ну, мыслит?

— В каком смысле? — не понял Понтер.

— Ну, я знаю, что вы не верите в душу; я знаю, что вы считаете свой собственный разум абсолютно предсказуемой программой, выполняемой

аппаратным обеспечением вашего мозга. Но, всё-таки — мыслит ли Хак *по-настоящему*? Осознаёт ли себя?

— Интересный вопрос, — сказал Понтер. — Хак, что скажешь?

— Я знаю о факте своего существования.

Мэри пожала плечами.

— Но… но, я не знаю, скажем, есть ли у тебя собственные желания или стремления?

— Я желаю быть полезным Понтеру.

— И всё?

— И всё.

Вау, подумала Мэри. *Кольму следовало бы жениться на одном из них.*

— Что будет с тобой — Понтер, извини — что будет с тобой, когда Понтер умрёт?

— Я получаю энергию от биохимических и биомеханических процессов в его теле. В течение нескольких децидней после его смерти я прекращу функционировать.

— Это не беспокоит тебя?

— Вместе с Понтером исчезнет цель моего существования. Нет, это меня не беспокоит.

— Интеллектуальный компаньон очень полезен, — сказал Понтер. — Я сомневаюсь, что сумел бы сохранить рассудок, когда впервые попал в

ваш мир, если бы не Хак.

— Я не знаю, — сказала Мэри. — Просто это… прости меня, Хак… это как-то… жутковато. А можно его потом проапгрейдить? Ну, то есть, начать с базовой функциональности, а искусственный интеллект добавить как-нибудь потом?

— Конечно. У моего компаньона изначально тоже не было интеллекта.

— Может быть, так и надо сделать, — сказала Мэри. — Хотя…

Нет. Нет, она пытается стать здесь своей, и для этой цели компаньон, который может давать объяснения и советы, будет весьма полезен.

— Нет, давай уж со всем фаршем.

— Я… прости, не понял?

— В смысле, я хочу мыслящий компаньон, как Хак.

— Ты не пожалеешь об этом решении, — сказал Понтер. Он посмотрел на Мэри с улыбкой гордости на лице. — Ты не первый глексен, посетивший этот мир, — сказал он, и это была правда. Первой была либо женщина из Лабораторного центра контроля заболеваний в Оттаве, либо другая женщина, из Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте; Мэри не знала, которая из них первой прошла через

портал. — Однако, — продолжал Понтер, — ты станешь первым глексеном, установившим себе постоянный компаньон — первым, ставшим одним из нас.

Мэри посмотрела сквозь прозрачную стену транспортного куба на прекрасный осенний пейзаж.

И улыбнулась.

* * *

Водитель высадил их на массиве солнечных батарей, которые выполняли также функцию посадочной площадки у дома Понтера и Адекора. Дом был выращен методом древокультуры, и его центральная часть представляла собой полый ствол массивного лиственного дерева. Мэри уже видела дом Понтера, но тогда его листва ещё не начала менять цвет. Сейчас он выглядел просто изумительно.

Внутреннее освещение обеспечивалось химическими реакциями, идущими внутри проложенных вдоль стен прозрачных трубок. Собака Понтера Пабо выскочила навстречу поприветствовать их. Мэри уже привыкла к её волчьей внешности и наклонилась почесать животное за ухом.

Потом она оглядела круглую гостиную.

— Как жаль, что я не могу остаться здесь, — сказала она с сожалением.

Понтер подошёл к ней, и она обняла его, положив голову ему на плечо. Всё равно четыре дня с Понтером — это лучше, чем весь месяц с Кольмом.

Когда бы она ни вспоминала про Кольма, в голове сразу всплывала затронутая им тема — тема, о которой Мэри, по-видимому, подсознательно заставляла себя не думать, пока Кольм её не упомянул.

— Понтер, — тихо сказала Мэри, ощущая, как его грудь поднимается и опускается в такт дыханию.

— Да, женщина, которую я люблю?

— В следующем году, — сказала Мэри, пытаясь говорить настолько нейтральным тоном, насколько возможно, — будет зачато новое поколение.

Понтер немного отстранил Мэри и внимательно посмотрел на неё, медленно приподнимая бровь.

— *Ка,* — ответил он.

— Может быть, и нам завести ребёнка?

Понтер выпучил глаза.

— Я даже не думал о такой возможности, — сказал он, наконец.

— Потому что у нас разное число хромосом, да? Конечно, это серьёзное препятствие, но ведь должны быть способы его обойти. И, в общем, Джок ведь послал меня изучать неандертальские генетические технологии. И в процессе я могла бы поискать способы, с помощью которых можно бы было как-то объединить наши ДНК и произвести ребёнка.

— В самом деле?

Мэри кивнула.

— Конечно, оплодотворение можно провести in vitro.

Хак загудел.

— В пробирке. Вне тела.

— А, — сказал Понтер. — Я удивлён, что ваша система верований допускает такой процесс, запрещая многое другое, связанное с репродукцией.

Мэри пожала плечами.

— Ну, на самом деле Римская Католическая Церковь не разрешает оплодотворение in vitro. Но я хочу ребёнка. Я хочу ребёнка *от тебя*. И я не вижу, что плохого в том, чтобы чуть-чуть помочь природе в этом. — Она опустила взгляд. — Но

я знаю, что у тебя уже двое детей. Возможно… возможно, ты не хочешь становиться папой в третий раз?

— Я *всегда* буду папой, — сказал Понтер, — до самой смерти. — Мэри вскинула глаза и обрадовалась, увидев, что Понтер смотрит прямо на неё. — Я не задумывался о ещё одном ребёнке, но…

Мэри чувствовала, будто вот-вот лопнет. До этого момента она и не подозревала, насколько сильно хочет, чтобы Понтер ответил «да».

— Но что? — спросила она.

Понтер пожал своими массивными плечами — они двигались медленно, тяжело, будто перемещая на себе тяжесть целого мира.

— Но мы верим в нулевой прирост населения. У нас с Класт уже двое детей; они заменят нас, когда мы умрём.

— Но у Адекора и Лурт всего один ребёнок, — сказала Мэри.

— Ага, Даб. Но они ещё могут попытать счастья в следующем году.

— Они на самом деле планируют это сделать? Ты говорил об этом с Адекором? — Мэри не понравились прорезавшиеся в её голосе нотки отчаяния.

— Нет, не говорил, — ответил Понтер. — Думаю, я мог бы коснуться этой темы, но даже если они не станут пробовать снова, Серый совет…

— Чёрт возьми, Понтер, меня тошнит от Серого совета! Тошнит от этих правил и положений. Тошнит от того, что кучка стариков контролирует твою жизнь.

Понтер взглянул на Мэри; его бровь удивлённо взлетела вверх.

— Их, знаешь ли, избирают. Устанавливаемые ими правила — это правила, которые мой народ установил для себя.

Мэри глубоко вздохнула.

— Я знаю. Прости. Это просто… просто, это должно быть только наше с тобой дело, хотим ли мы ребёнка.

— Ты права, — согласился Понтер. — Собственно, у некоторых людей в нашем мире больше двух детей. Близнецы не так уж редки: у моего ближайшего соседа сыновья-близнецы. Да и женщине не так уж редко удаётся зачать трижды — в девятнадцать, в двадцать девять и тридцать девять лет.

— *Мне* тридцать девять. Почему бы не попробовать?

— Найдутся те, кто скажет, что такой ребёнок

будет *неестественным*, — ответил Понтер.

Мэри огляделась. Потом села на край растущего из стены дивана и хлопнула ладонью рядом с собой, приглашая Понтера присоединиться. Понтер тоже сел.

— Там, откуда я пришла, — сказала Мэри, — многие считают, что когда двое мужчин… как это сформулировала Луиза, когда мы гостили у Рубена? «Нежно соприкасаются гениталиями»? Так вот, многие мои соплеменники считают, что *это* тоже неестественно. — Лицо Мэри словно окаменело. — Но они неправы. Я не знаю, могла бы я это сказать с полной уверенностью до того, как попала сюда, но сейчас я могу. — Она кивнула, больше для себя самой, чем для Понтера. — Мир — *любой* мир — гораздо лучше, когда живущие в нём люди любят друг друга, когда заботятся друг о друге, и, пока речь идёт о добровольных отношениях между взрослыми людьми, это никого не касается, кроме них самих. Мужчина и женщина, или два мужчины, или две женщины — это всё *естественно*, если между ними любовь. Глексенка и бараст — это *тоже* естественно, если они любят друг друга.

— Мы любим друг друга, — сказал Понтер, беря крошечную руку Мэри в свои массивные лапи-

щи. — И всё же есть много людей и в моём мире, и в твоём, которые будут возражать против того, чтобы у нас был ребёнок.

Мэри невесело кивнула.

— Да, я знаю. — Она вздохнула длинно и печально. — Вот, к примеру, Рубен — чёрный.

— Я бы сказал, скорее тёмно-коричневый. — Понтер улыбнулся. — Довольно приятный оттенок, кстати.

Но Мэри не хотелось шутить.

— А Луиза Бенуа — белая. В моём мире до сих пор полно людей, которые возражают против того, чтобы чёрные мужчины имели отношения с белыми женщинами. Но они неправы, неправы, неправы. Так же, как и те, кто станет возражать против того, чтобы мы были вместе и у нас были дети. Они тоже неправы, неправы, неправы.

— Конечно, я согласен с тобой, только…

— Только что? Ничто не будет лучшим символом синергии между нашими мирами и нашей любви друг к другу, чем наш общий ребёнок.

Понтер заглянул Мэри в глаза; его золотистые радужки возбуждённо подрагивали.

— Ты права, любовь моя. Совершенно права.

Глава 13

В пытливом духе, заставившем смельчаков вроде Юрия Гагарина, Валентины Терешковой и Джона Гленна, оседлав столбы пламени, достичь околоземной орбиты…

Каждую неделю Джок Кригер делал обзор публикаций, посвящённых неандертальцам, как напечатанных в ста сорока журналах, на которые была подписана «Синерджи», так и собранных и обработанных различными компаниями-агрегаторами печатных, теле- и радионовостей. В текущей груде материала оказались: препринт интервью с Лонвесом Тробом для «Популярной механики»; серия из пяти статей в «Сан-Франциско Кроникл» о том, как повлияют неандертальские технологии на фирмы Кремниевой долины; появление бегуна Жалска Лаплана в передаче «Мир спорта» на канале «Эй-Би-Си»; редакционная статья в «Миннеаполис Стар Трибьюн», в которой говорилось, что Тукана Прат должна получить Нобелевскую премию мира за то, что она нашла способ предотвратить разрыв контакта

между двумя мирами; спецвыпуск CNN, в котором Карл Вентнер беседует с Борлом Кадасом, главой неандертальского аналога Проекта «Геном человека»; документальный фильм «Эн-Эйч-Кей» о фактах и вымысле о неандертальцах; новый релиз фильма «Борьба за огонь» с аудиокомментариями неандертальского палеоантрополога; новое исследование Министерства обороны о проблемах безопасности в связи с межмировыми порталами.

Луиза Бенуа также спустилась в бывшую гостиную старого особняка, служившего теперь штаб-квартирой «Синерджи Груп», чтобы ознакомиться с материалами за неделю. Она читала статью в «Нью-Сайентист», которая задавалась вопросом о том, почему неандертальцы одомашнили собаку, хотя их собственное обоняние по меньшей мере ничем не уступает собачьему, из чего следует, что собаки практически ничего не добавляют к их охотничьим способностям. Она прервала чтение, когда Джок Кригер громко вздохнул.

— Что с вами? — спросила Луиза, глядя на него поверх журнала.

— Да тошнит уже от этого, — объяснил Джок, указывая на груду журналов, газетных вырезок,

магнитофонных лент и видеокассет. — Надоело до смерти. «Неандертальцы — более мирный народ, чем мы». «Неандертальцы берегут природу в отличие от нас». «Неандертальцы свободны от предрассудков и суеверий». Да почему, чёрт возьми, так?

— Вы правда хотите узнать? — улыбнувшись, спросила Луиза. Она порылась в стопке журналов и выудила из неё «Маклинз». — Читали гостевую передовицу?

— Нет ещё.

— Она о том, что неандертальцы ближе к канадцам, а глексены — к американцам.

— И что же это должно означать?

— Автор говорит, что неандертальцы верят в ценности, отстаиваемые Канадой: социализм, пацифизм, защита природы, гуманизм.

— О Боже, — сказал Джок.

— Да ладно, — ответила Луиза. — Я слышала, как вы говорили Кевину, что согласны с Патом Бьюкененом, называвшим мою страну «Советским Канакистаном».

— Канадцы — тоже глексены, доктор Бенуа.

— Не все, — ответила Луиза. — Понтер — гражданин Канады.

— Не думаю, что пресса из-за этого так хорошо

их принимает. Это извечный журналистский левый уклон.

— Нет, я так не думаю, — ответила Луиза, откладывая журнал. — Настоящая причина того, что неандертальцы так хороши, в том, что их мозг больше нашего. Объём неандертальского черепа на десять процентов больше, чем у нас. Нашего мозга едва хватало на то, чтобы продумать ситуацию на один ход вперёд: если мы сделаем копья получше, то убьём больше животных. Но без по-настоящему серьёзного усилия мы не способны увидеть следующий ход: если мы убьём слишком много животных, то их не останется, и мы умрём с голоду. Неандертальцы же, похоже на то, догадались об этом в самый первый день.

— Почему же это мы их победили здесь, на этой Земле?

— Потому что у нас было сознание — истинное самосознание — которого у них не было. Помните мою теорию: вселенная расщепилась на две, когда впервые появилось сознание. В одной ветви его имели мы и только мы. В другой — они и только они. Разве удивительно, что вопреки разнице в объёме мозга в каждой временной линии одержали верх существа, обладающие сознанием? Но теперь мы сравниваем мыслящих

существ в объёмом черепа в 1400 кубических сантиметров, и таких же мыслящих существ, но с черепом в 1500 см^3. — Она улыбнулась. — Мы всё время ждали появления пришельцев с большими мозгами, и вот они появились. Только не с Альфы Центавра, а из мира по соседству.

Джок задумался.

— Большой мозг не обязательно означает более развитый разум.

— Нет, не *обязательно*. И всё же IQ[27] среднего Homo sapiens равен 100 — в силу самого определения IQ. И его значения распределены по Гауссу: для каждого с IQ 130 обязательно найдётся кто-то с IQ 70. Но представьте себе, что у них средний IQ был 110 вместо наших 100 — ещё до того, как они начали чистить свой генетический пул. Эта разница может вылиться в огромные различия.

— Вы сказали «распределены по Гауссу». Я чи-

[27] Примечания: 27

Intellectual Quotient — «коэффициент интеллекта», одна из методик оценки умственных способностей.

тал ту книгу[28], и…

— О, книга — полная чушь. Средний IQ расовых групп становится попросту одинаковым, если учесть фактор недостаточного питания. Вы же знакомы с моим другом Рубеном Монтего? Он доктор медицины, и он чёрный. Если бы «Кривая Гаусса» была права, он был бы невероятной редкостью, но это, разумеется, не так. В прошлом неравенство было вызвано экономическими и социальными барьерами на пути чёрных к образованию, а не врождённой отсталостью.

— Вы хотите сказать, что наша отсталость по сравнению с неандертальцами врождённая?

Луиза пожала плечами.

— В том, что физически мы от них отстаём, сомнений нет, я полагаю? Почему так трудно принять и умственную отсталость?

Джок скривился.

— Ну, если это так сформулировать… — Но потом он покачал головой. — И всё-таки меня это бесит. Когда я работал в «RAND», мы всё своё

---

[28] Примечания: 28

The Bell Curve — книга американского психолога Ричарда Хернстейна, изданная в 1994 году, в которой он пытается показать наличие существенной разницы в умственных способностях представителей различных расовых групп. «Bell Curve» — «колоколообразная кривая» — разговорное англоязычное название нормального распределения Гаусса. По состоянию на 2014 год на русский язык книга не переводилась.

время тратили на то, чтобы перехитрить противника, равного нам по интеллекту. О, иногда у них было преимущество в материальной части, а иногда — у нас, но мы никогда не исходили из допущения, что одна сторона фундаментально *сообразительнее* другой. Но здесь…

— Мы не пытаемся перехитрить неандертальцев, — сказала Луиза. Потом добавила, вскинув бровь: — Или пытаемся?

— Что? Нет-нет. Конечно, нет. Не говорите глупостей.

* * *

— Ребёнок? — переспросила Лурт Фрадло, уперев руки в широкие бёдра. — Вы с Понтером хотите завести ребёнка?

Мэри скромно улыбнулась. Понтер остался дома, а она транспортным кубом добралась до дома Лурт в Центре Салдака.

— Ага.

Лурт развела руки и крепко обняла Мэри.

— Здорово! — воскликнула она. — Просто здорово!

Мэри почувствовало, как вдруг расслабилось всё её тело.

— Я думала, ты не одобришь.

— С чего бы это? — удивилась Лурт. — Понтер — замечательный человек, и ты — замечательный человек. Вы будете отличными родителями. — Он помолчала. — Прости, я не знаю твой возраст, а с глексенами у меня не получается на глаз.

— Мне тридцать девять лет, — сказала Мэри. — Где-то пятьсот двадцать месяцев.

Лурт посерьёзнела.

— Нам в таком возрасте обычно тяжело забеременеть.

— Нам тоже, хотя у нас есть лекарства и другие методы, которые могут помочь. Но есть одна небольшая проблемка…

— О?

— Да. У барастов, как у тебя или Понтера, двадцать четыре пары хромосом. У глексенов вроде меня только двадцать три.

Лурт нахмурилась.

— Это сильно затруднит оплодотворение.

Мэри кивнула.

— О, да. Я вообще не думаю, что это возможно в ходе полового акта.

— Но вы всё же продолжайте пытаться! — засмеявшись, сказала Лурт.

Мэри тоже улыбнулась.

— Никаких шансов. Но я надеялась найти

способ как-то скомбинировать мою ДНК и ДНК Понтера. Одна из хромосом моего вида образовалась путём слияния двух хромосом нашего общего предка. Генетическое содержание последовательностей ДНК очень похоже, только у Homo sapiens оно всё собрано в одной длинной хромосоме, а у Homo neanderthalensis — в двух покороче.

Лурт медленно кивнула.

— И ты надеешься одолеть эту проблему?

— Такая была идея. Я думаю, это можно сделать даже с технологиями, которыми мой народ уже владеет, только это очень сложно. Но ваш народ продвинулся гораздо дальше моего во многих областях. Вот я и подумала: может быть, ты знаешь какого-нибудь эксперта в этой области?

— Мэри, ты мне очень нравишься, но как тебе удаётся всё время куда-то вступать?

— В каком смысле?

— Решение твоей проблемы существует — *идеальное* решение. Но…

— Но что?

— Но оно запрещено.

— Запрещено? Почему?

— Из-за опасности, которую оно несёт нашему образу жизни. Есть такая женщина-генетик, по

имени Вессан Леннет. До недавнего времени она жила в Кралдаке.

— Это что?

— Город в 350000 саженей к югу отсюда. Но четыре месяца назад она ушла.

— Ушла из Кралдака? — переспросила Мэри.

Но Лурт покачала головой.

— Ушла *отовсюду*.

Мэри вскинула брови.

— О Боже — ты хочешь сказать, она убила себя?

— Что? Нет, она жива. По крайней мере, скорее всего — с ней невозможно связаться.

Мэри указала на левое предплечье Лурт.

— Ей нельзя позвонить?

— Нет. Я про это и говорю. Вессан ушла из нашего общества. Выдрала из руки компаньон и ушла жить в безлюдную местность.

— Почему она это сделала?

— Вессан была талантливым генетиком, и она разработала прибор, который Верховный Серый совет не одобрил. Местный Верховный Серый даже звонил мне и спрашивал моего мнения. Я не хотела, чтобы её исследования запрещали, но Верховный Серый совет посчитал, что у него нет иного выбора, принимая во внимание, что

сотворила Вессан.

— Господи, ты говоришь так, будто она изобрела какое-то генетическое оружие!

— Что? Нет, конечно нет. Она не сумасшедшая. Прибор, который изобрела Вессан — это… это «кодонатор», думаю, так его можно назвать. Его можно запрограммировать на выдачу любой последовательности дезоксирибонуклеиновой или рибонуклеиновой кислоты, какую только можно вообразить, вместе с соответствующими им белками. Всё, что ты можешь придумать, кодонатор Вессан может произвести.

— Правда? Вау! Это звучит как жутко полезная штука.

— Слишком полезная, по мнению Верховного Серого совета. Видишь ли, помимо многих других вещей он позволяет производить… я не уверена, есть ли у вас термин: полукомплекты хромосом, существующие в половых клетках.

— Гаплоидный набор, — сказала Мэри. — Двадцать три — прости, двадцать четыре хромосомы, которые находятся в яйцеклетке.

— Точно.

— И в чём проблема? — спросила Мэри.

— В нашей системе правосудия, — ответила Лурт. — Не понимаешь? Когда мы стерилизуем

преступника и его ближайших родственников, мы предотвращаем производство ими гаплоидных наборов хромосом; таким образом они становятся неспособными к размножению. Но кодонатор Вессан может позволить стерилизованному преступнику обойти наложенное на него наказание и передать свои гены следующему поколению, просто запрограммировав прибор на производство хромосом, содержащих его собственную генетическую информацию.

— И из-за этого прибор был запрещён?

— Именно, — сказала Лурт. — Верховный Серый совет приказал остановить исследования — и Вессан взбесилась. Сказала, что не может быть частью общества, подавляющего знание, и ушла.

— То есть… то есть, Вессан живёт на самообеспечении?

Лурт кивнула.

— Это не так сложно. В юности мы все проходим практику и приобретаем необходимые навыки.

— Но… но скоро ведь наступит глубокая зима.

— Ну, она наверняка построила себе хижину или какое другое убежище. В любом случае, кодонатор Вессан — это то, что тебе нужно. Был построен лишь один прототип, прежде чем Верховный Серый совет его запретил. Разумеется,

обычно у нас ничего не пропадает — компаньоны всё видят и записывают. Однако Вессан забрала прибор уже после того, как удалила свой компаньон, и без свидетелей. Прототип, скорее всего, существует до сих пор, и это, без сомнения идеальный инструмент для того, чтобы произвести такого гибридного ребёнка, которого ты хочешь.

— Если только я его отыщу, — сказала Мэри.

— Именно, — согласилась Лурт. — Если только ты его отыщешь.

Глава 14

В пытливом духе, благодаря которому «Игл» и «Колумбия», «Интрепид» и «Янки Клипер», «Водолей» и «Одиссей», «Антарес» и «Кити-Хок», «Фэлкон» и «Индевор», «Орион» и «Каспер», «Челленджер» и «Америка»[29] *брали курс на Луну…*

Установку Мэри постоянного компаньона должен был произвести неандертальский доктор. Перед операцией Мэри вернулась в здание над Дебральской никелевой шахтой, где ей по прибытии пристегнули временный компаньон, потому что застёжки можно было открыть только здесь. После этого в сопровождении двоих плотных неандертальских принудителей Мэри отвезли в больницу в Центре Салдака.

Хирург, женщина по имени Корбонон, была из поколения 145, примерно одного с Мэри возраста. Корбонон обычно занималась лечением сложных переломов, таких, какие можно получить

[29] Примечания: 29

Позывные орбитального и посадочного модулей экспедиций программы «Аполлон».

в результате чрезвычайно неудачной охоты; в знании мускулатуры и нервных тканей с ней не мог сравниться никто.

— Это будет довольно непросто, — предупредила Корбонон. Временный компаньон лежал рядом на маленьком столике, подключённый к внешнему источнику питания; он не был пристёгнут к Мэри, но выполнял для неё перевод через внешний динамик. Корбонон, очевидно, не привыкла к тому, чтобы её речь переводилась; она говорила громко, как будто Мэри могла понимать неандертальскую речь. — Ваша рука не так мускулиста, как рука бараста, из-за чего фиксация компаньона может быть проблематичной. Однако я вижу, что всё, что я слышала о глексенских пропорциях, правда: предплечье и плечо у вас одинаковой длины, и это даёт нам большую площадь для закрепления.

— Я считала, что это рутинная операция, — сказала Мэри.

Бровь Корбонон была светлого, слегка рыжеватого цвета. Она взмыла вверх.

— Рутинная? Нет, если речь идёт о вживлении первого компаньона взрослому человеку. Конечно, когда компаньоны только появились почти тысячу месяцев назад, почти все они вживлялись

взрослым людям, однако хирурги, которые это делали, уже давно все умерли. Нет, в наши дни такая операция выполняется очень редко — в основном, когда человек теряет руку вместе с имплантом, установленным в детстве.

— Ах, — сказала Мэри. Она полулежала в чём-то, что отдалённо напоминало зубоврачебное кресло со стременами — по-видимому, многоцелевая операционная платформа. Её левая рука лежала на маленьком столике, который высовывался из бока кресла. Внутренняя часть руки была протёрта чем-то, что явно не было спиртом — это была розовая жидкость с кислым запахом, по-видимому, также служащая для дезинфекции. И всё же Мэри была неприятно удивлена тем, что Корбонон не надела маску.

— Наши хирурги обычно закрывают нос и рот специальной тканью, — пожаловалась Мэри.

— Зачем? — спросила Корбонон.

— Чтобы не заразить пациента, и чтобы пациент не заразил их.

— С таким же успехом я могла бы работать вслепую! — заявила Корбонон.

Мэри уже собралась спросить, что она имеет в виду, но тут до неё дошло: острое обоняние неандертальцев составляло важную часть их

восприятия.

— А что вы используете в качестве анестетика? — спросила Мэри. Впервые она порадовалась, что здесь не было Понтера. Зная его чувство юмора, она представляла, как бы он отреагировал. «Анестетик? А что это такое?», а потом, после некоторой паузы, конечно же «Шучу». Она и без того достаточно нервничала.

— Мы используем нервный прерыватель, — ответила Корбонон.

— Правда? — переспросила Мэри; учёный в ней снова вышел на первый план, несмотря на беспокойство по поводу предстоящей операции. — Мы пользуемся химическими агентами.

Хирург кивнула.

— Раньше мы тоже их использовали, — сказала она, — но им нужно время, чтобы подействовать, время, чтобы выветриться, и их действие трудно локализовать. Кроме того, разумеется, у некоторых людей на химические анестетики аллергия.

— Ещё одна технология, которую мой народ несомненно захочет купить, — сказала Мэри. Над ней склонилась вторая женщина — Мэри ничего не знала о барастовской медицинской иерархии, но она, должно быть, была медсестрой или ещё одним доктором, или занимала положение,

которому в глексенском мире не было аналога. Так или иначе, она обернула вокруг предплечья Мэри под самым локтем эластичную металлизированную ленту; другую такую же укрепила над самым запястьем. Потом, к удивлению Мэри, она взяла нечто, больше всего напоминающее толстый фломастер, и принялась рисовать сложную комбинацию линий, соединяющих две ленты. Вместо чернил фломастер испускал что-то вроде жидкого металла. Но он не был горяч и быстро высыхал, приобретая матовый блеск. Цвет был другой, но общее впечатление было как от шоколадного сиропа для мороженого, который быстро затвердевает коркой.

— Что вы делаете? — спросила Мэри.

Женщина с маркером не ответила. Однако хирург сказала:

— Она отмечает нервные стволы в вашем предплечье. Линии образуют электрические соединения между двумя дестабилизаторами.

Через несколько минут вторая женщина кивнула, по-видимому, самой себе, и отошла в сторону к небольшой консоли. Она вытянула несколько контрольных штырьков, и Мэри ощутила, как предплечье онемело.

— Вау! — воскликнула она.

— Всё в порядке, — сказала Корбонон. — Приступаем.

И прежде чем Мэри осознала, что происходит, она подошла ближе и сделала на руке Мэри длинный надрез вдоль лучевой кости. Мэри чуть не вырвало, когда наружу хлынула кровь, залив маленький столик, который, как она отметила, имел по краям небольшое возвышение.

Мэри была шокирована — и испугалась того, что у неё *случится* шок. В её мире доктора предпринимают все меры для того, чтобы не дать больному увидеть, как над его собственным телом производится операция. Но здесь, казалось, об этом никто и не думал. Возможно, необходимости убивать для себя еду, пусть даже лишь время от времени, было достаточно для того, чтобы быстро излечиться от излишней брезгливости. Мэри проглотила подступивший к горлу комок и попыталась успокоиться; на самом деле крови было не так уж и много… ведь правда?

Интересно, как они делают полостные операции? Глексенские доктора работают с пациентом, лицо которого скрыто и обнажено лишь небольшое операционное поле. А как принято у барастов? Ведь главная цель всего этого состоит вовсе не в том, чтобы не заляпать пациента кровью.

Как рассказывал Мэри один из её знакомых медиков, это своего рода психологическая помощь хирургу — чтобы помочь ему сосредоточиться на непосредственной проблеме и не думать о том, что вторгаешься со своим скальпелем во вместилище чьей-то души. Но барасты в отсутствие картезианского дуализма[30] и с их безразличием к виду льющейся крови, возможно, в такой помощи не нуждались.

Корбонон поместила в разрез несколько похожих на пружины синих предметов, предназначенных, по-видимому, для той же цели, что и хирургические щипцы — чтобы удерживать рану открытой. Другие маленькие прищепочки и штуковинки были прикреплены к артериям, венам и нервам. Мэри ясно видела внутренности своей руки сквозь разрез, рассёкший подкожный жир и мясо до лоснящейся сероватой поверхности лучевой кости.

Секунду спустя вторая женщина — та, что рисовала на руке Мэри отключающие нервы линии — также подключилась к операции. Доктора

[30] Примечания: 30

Дуализм души и тела, точка зрения, согласно которой сознание (дух — нематериальный ресурс) и материя (физическое тело — материальный ресурс) представляют собой две взаимодополняющие и равные по значению субстанции.

у барастов носили жёлтые безрукавки и длинные синие перчатки, закрывавшие руку до локтя и выше; Мэри подумала, что они, должно быть, не хотят, чтобы кровь брызгала на их покрытые волосом руки.

Вторая женщина взяла новый компаньон Мэри и освободила его от стерильной упаковки. Вид лицевой панели был Мэри уже хорошо знаком, но обратной стороны она никогда до сих пор не видела. Она была рельефной, как топографическая модель, с возвышенностями, углублениями и бороздками, в которые, по-видимому, укладывались кровеносные сосуды. Мэри с тревожным интересом следила за тем, как её лучевая артерия — любимый сосуд самоубийц — оказалась перерезана. Её тут же зажали с обеих сторон, но не раньше, чем столбик крови длиной по меньшей мере в фут оказался выплеснут наружу.

Мэри вздрогнула и подумала о том, каким образом Вессан Леннет, создательнице кодонатора, удалось самостоятельно удалить свой компаньон; это, похоже, невероятно трудно.

Корбонон теперь орудовала лазерным скальпелем, похожим на тот, которым Мэри самой пришлось воспользоваться, когда Понтера подстрелили возле здания ООН. Концы лучевой

артерии оказались подсоединены к двум отверстиям на задней части корпуса компаньона. Мэри знала, что у компаньона нет собственного источника питания: он получает энергию от идущих в теле носителя процессов. Что же, энергия артериального кровотока — источник энергии не хуже прочих; должно быть, в компаньон была встроена миниатюрная гидроэлектростанция — или в данном случае следует говорить «сангвиноэлектростанция»?

Мэри всё собиралась отвернуться — она всегда торопилась переключиться на другой канал всякий раз, как натыкалась на сериал «Операция» на Учебном канале. Но всё это оказалось ужасно интересно. И она продолжала смотреть, как заканчивают установку компаньона, как прижигают кровеносные сосуда, как края разреза скрепляются микровспышками лазера. Наконец, края компаньона были обмазаны похожим на замазку герметиком, по-видимому, ускоряющим заживление.

Оставшаяся часть операция — установка в уши двух кохлеарных имплантов — была совсем простой, или, возможно, Мэри так показалось из-за того, что она не могла наблюдать за процессом.

Наконец, всё закончилось. Руку Мэри отмыли

от крови, с лицевой панели компаньона убрали защитную плёнку, а кохлеарные импланты отрегулировали и откалибровали.

— Готово, — сказала Корбонон, потянув за бусину контрольного штырька на панели компаньона. Всего таких бусин там было шесть, все разных цветов.

— Привет, Мэри, — произнёс синтезированный голос. Он звучал будто бы в самой середине её головы, в точности между ушами. Голос был неандертальского типа — глубокий, резонирующий, вероятно, женский — но звук «и» он произносил безупречно: очевидно, эту проблему уже успели решить.

— Привет, — ответила Мэри. — Э-э… как я тебя должна называть?

— Как пожелаешь.

Мэри задумалась.

— Как насчёт «Кристина»? — Кристиной звали Мэрину младшую сестру.

— Неплохо, — сказал голос у неё в голове. — Конечно, если передумаешь, то можешь переименовать меня когда угодно, и так часто, как захочешь.

— Хорошо, — ответила Мэри. Потом добавила: — Я вижу, ты правильно произносишь все

звуки?

— Да. Я также умею пользоваться аббревиатурами.

Мэри сделала восхищённое лицо.

— Надо же! Компаньон Понтера не умел.

— Это не особенно сложно запрограммировать, — ответила Кристина, — когда известна базовая концепция.

Внезапно Мэри ощутила, как кто-то тронул её за плечо. Разговаривая с компаньоном, она совершенно перестала обращать внимание на внешний мир: интересно, наклонила ли она голову так, как обычно делает Понтер; приходит это само собой, или этому надо учиться — как форме вежливости, способу дать окружающим знать, что ты в данный момент занят другим.

— Итак, — сказала Корбонон, улыбаясь Мэри, по-прежнему сидящей в операционном кресле. — Я так понимаю, ваш компаньон заработал?

В первый раз Мэри услышала перевод так, как слышит его Понтер — не через внешнее ухо, а когда слова словно бы распускаются прямо внутри головы. Компаньон оказался прекрасным имитатором; хотя английские слова несли на себе печать какого-то едва уловимого акцента — как будто в исполнении Уильяма Шетнера, но произ-

носились они голосом, очень похожим на голос самой Корбонон.

— Ага, точно, — сказала Мэри — и как только она замолчала, внешний динамик компаньона издал звуки, которые Мэри опознала как перевод её реплики на неандертальский: — *Ка пан ка*.

— Значит, всё в порядке, — сказала Корбонон, улыбаясь. — Мы закончили.

— Мой компаньон уже ведёт передачу в архив алиби?

— Да, — ответила Корбонон, и Кристина, переведя сказанное ей «Ка», добавила от себя «Передача ведётся».

Мэри встала с кресла, поблагодарила хирурга и её коллегу и удалилась. Выйдя в вестибюль этого медицинского учреждения, она обнаружила там четверых мужчин-неандертальцев, у каждого из которых, по всей видимости, была сломана рука или нога. Один из них был облачён в серебристые одежды эксгибициониста. Мэри, рассудив, что уж он-то не станет обижаться на расспросы, подошла к нему и спросила:

— Что случилось?

— С нами? — уточнил эксгибиционист. — Как обычно: охотничьи ранения.

Мэри вспомнила Эрика Тринкауса и его наблю-

дение о том, что древние неандертальцы имели следы травм, схожих с теми, что ковбои получают на родео.

— На кого вы охотились? — спросила она.

— На лося, — ответил эксгибиционист.

Мэри была разочарована тем, что это оказался не какой-нибудь зверь поэкзотичнее.

— И он того стоил? — спросила она. — В смысле, переломов?

Эксгибиционист пожал плечами.

— Лосятина того стоила. Не будешь же есть одних только голубей и бизонов.

— В таком случае, — сказала Мэри, — надеюсь, вас быстро залатают.

— О, не сомневайтесь, — с улыбкой ответил эксгибиционист.

Мэри попрощалась и вышла из больницы под предвечернее солнце; возможно, её разговор с эксгибиционистом станет гвоздём программы.

И вдруг она осознала: она только что находилась в одном помещении с четырьмя незнакомыми мужчинами, и вместо того, чтобы терять голову от ужаса, как дома, в своём мире, даже после установления личности её насильника, она не почувствовала ни малейшего беспокойства. Наоборот, она подошла к одному из мужчин и

мило с ним побеседовала.

Она изумлённо уставилась на своё левое предплечье, на компаньон — на Кристину. То, что каждое твоё движение записывается, казалось абстрактным знанием до того, как ей установили постоянный компаньон. Но теперь она осознала, насколько он *освободил* её. Здесь она была в безопасности. О, вокруг неё по-прежнему могло быть много злонамеренных людей, но они даже пытаться не станут как-то ей навредить… потому что это никогда не сойдёт им с рук.

Мэри могла попросить Кристину вызвать ей транспортный куб, который отвёз бы её к Лурт, но стоял такой прекрасный день, что она решила пройтись пешком. И, снова, впервые в этом мире, она обнаружила, что запросто встречается взглядом с другими неандертальцами, словно они были её добрыми соседями, словно она была на своём месте, словно она оказалась *дома*.

Глава 15

В вулканическом пепле Лаэтоли сохранились отпечатки ног самца и самки австралопитеков, общих предков глексенов и барастов, которые шли рядом, никуда не торопясь, осматриваясь и изучая окрестности: первый маленький шаг первых гоминидов. Людские следы остались также в море Спокойствия и Океане Бурь, на Фра Мауро и в борозде Хэдли, в Декарте и Тавр-Литтрове[31] на Луне — следы поистине гигантских скачков…

После операции Мэри чувствовала себя смертельно усталой, и когда она добралась до дома Лурт, то тут же уснула. Она проспала остаток дня в выложенном подушками квадратном углублении в полу, служившем местным жителям постелью, и проснулась лишь когда Лурт вернулась с работы двумя деци позже.

— Оцени! — похвасталась Мэри своим новым компаньоном.

---

[31] Примечания: 31
Места высадки экспедиций программы «Аполлон».

Почти все компаньоны одинаковы на вид, но Лурт явно догадалась, что Мэри напрашивается на комплимент.

— Он миленький, — сказала она.

— Симпатяшка, правда? — согласилась Мэри. — Только это не он, а она. Её зовут Кристина.

— Здравствуйте, — сказал синтезированный голос из динамика Кристины.

— Кристина, — сказала Мэри, — это учёная Лурт Фрадло. Она партнёрша Адекора Халда, партнёра моего… — Мэри запнулась в поисках верного термина, потом, пожав плечами, продолжила: — …моего друга учёного — и посланника — Понтера Боддета.

— Здравый день, учёная Фрадло, — сказала Кристина.

— Здравый день, — ответила Лурт. — Можешь называть меня Лурт.

— Спасибо, — сказал компаньон.

Лурт сделала глубокий вдох, по-видимому, анализируя феромоны.

— Гинралд ещё не приходила. — Гинралд была партнёршей Лурт.

— Нет, — ответила Мэри. — Даб и Каратал тоже. — Даб был сыном Лурт и Адекора Халда; Каратал была дочерью Гинралд и её партнёра.

Лурт кивнула.

— Хорошо. Тогда мы можем поговорить. Сложились некие обстоятельства, которые нам надо обсудить.

— Да?

Но Лурт молчала, по-видимому, не зная, как начать.

— Я сделала что-то не так? — спросила Мэри. — Я чем-то вас обидела? — Она знала, что этот мир полон культурных различий, но она делала всё возможное, чтобы во всём следовать советам Лурт.

— Нет-нет, — ответила Лурт. — Ничего такого. — Она жестом пригласила Мэри куда-нибудь присесть. Мэри уселась на диван, а Лурт устроилась на стоящем рядом седлокресле. — Это о твоём месте жительства.

Мэри кивнула. Ну конечно.

— Я загостилась? — спросила она. — Прости.

Лурт подняла свою широкую ладонь.

— Пожалуйста, пойми меня правильно. В прошлый раз я была очень рада твоей компании. Но в моём доме и так тесно. Конечно, Даб через пару декамесяцев переедет жить к Адекору с Понтером, но…

Мэри кивнула.

— Но это будет через пару декамесяцев.

— Именно, — сказала Лурт. — Если ты собираешься жить в этом мире подолгу, тебе нужен собственный дом.

Мэри нахмурилась.

— Я понятия не имею, как это можно устроить. И мне надо поговорить с Понтером. Одно дело, когда он оплачивает для меня всякие мелочи, но купить мне дом…

Лурт рассмеялась, но смех был добродушным.

— Дом не нужно покупать. Нужно просто выбрать из числа пустующих и поселиться в нём. Твой вклад несомненен; ты принесла нам массу новых знаний. Разумеется, ты имеешь право на дом.

— Ты хочешь сказать, дома не находятся в частном владении?

— Нет. С чего бы? А, думаю, я понимаю. Вспомни, что у нас стабильная численность населения. В новых домах нет нужды, кроме случаев, когда дерево умирает и требуется замена. А деревья под дома сажаются и выращиваются правительством, потому что ведь пройдёт уйма времени, прежде чем они вырастут и станут пригодны для жилья. Однако всегда есть некий излишек, чтобы гостям Салдака было, где остановиться. Мы

подыщем тебе один из них. Я знаю прекрасного плотника, который сделает тебе мебель — я даже думаю, что он обрадуется возможности показать своё мастерство, удовлетворяя твои специфические запросы. — Лурт помолчала. — Разумеется, тебе придётся жить одной.

Мэри не хотелось говорить, что это будет большим облегчением, но вообще-то она уже привыкла к одиночеству. За годы, прошедшие после разрыва с Кольмом, Мэри полюбила свои тихие домашние вечера, так что царивший в доме Лурт кавардак немало её раздражал. И всё же…

И всё же этот мир такой *странный*. Мэри была совершенно не готова остаться с ним один на один. Она знала, что даже с помощью Кристины ей придётся прыгать выше головы.

— Может быть, у тебя есть знакомые, которые не отказались бы от соседки? — спросила Мэри. — Ну, какая-нибудь одинокая женщина, которая рада бы была разделить с кем-нибудь заботы по хозяйству.

Лурт попарабанила пальцами по центральной части лба, как раз там, где сходились изгибы надбровного валика.

— Дай подумать… Дай подумать… — но потом

она чуть склонила голову набок, явно прислушиваясь к совету своего компаньона. — Отличная идея, — сказала она, кивая. Потом посмотрела на Мэри. — Недалеко отсюда живёт одна моя подруга, Бандра Толгак. Она геолог. И она совершенно без ума от глексенов.

— И её семья не живёт вместе с ней?

— Именно. Её союз с партнёршей распался какое-то время назад, а оба её ребёнка уже покинули дом — младшая дочь совсем недавно. Она как-то жаловалась на то, что дом теперь совершенно пуст. Возможно, ты с ней могла бы договориться.

* * *

Был прохладный осенний день; по серебристому небу разметались ленты перистых облаков. Лурт и Мэри шли по улице. Впереди виднелось здание шириной примерно с футбольное поле и высотой, судя по рядам окон, в четыре этажа.

— Это наша Научная Академия для женщин, — объяснила Лурт. — Бандра Толгак работает здесь.

Они подошли к одному из входов, закрытому тяжёлыми непрозрачными створками. Лурт открыла их, и они вошли в квадратный в сечении коридор, освещённый вделанными в стены прозрачными трубками, внутри которых шли

каталитические реакции. Коридор был заполнен спешащими по своим делам женщинами поколения 147 — как раз студенческого возраста, а так же проносящимися мимо с какими-то поручениями паукообразными роботами. Лурт остановилась на площадке перед двумя лифтами. Неандертальские лифты, когда никуда не едут, стоят с открытыми дверями, чтобы воздух внутри не застаивался; к тому же, это позволяло с одного взгляда определить, находится ли какой-то из них на данном этаже. Лурт завела Мэри внутрь лифта, который ожидал пассажиров.

— Лаборатория Бандры Толгак, — произнесла Лурт в пространство.

Дверь закрылась, и лифт поехал вверх. Через несколько секунд дверь снова открылась, и они вышли в другой коридор.

— Третья дверь направо, — произнёс синтезированный голос.

Мэри и Лурт отыскали нужною дверь, открыли её и вошли.

— Здравый день, Бандра, — произнесла Лурт в широкую спину находящейся в лаборатории женщины.

Та повернулась к ним и улыбнулась.

— Лурт Фрадло! Здравый день! — Тут взгляд её

глаз поразительного пшеничного цвета упал на Мэри. — А вы, должно быть, учёная Воган, — сказала она. — Лурт сказала, что вы придёте. — Она снова улыбнулась и, к изумлению Мэри, протянула ей руку.

Мэри крепко пожала её.

— Я… я не знала, что неандертальцы так делают.

— О, нет, — ответила Бандра, ухмыляясь. — Но я читаю о глексенах всё, что удаётся достать. Такой интересный народ! — Она убрала руку. — Я всё сделала правильно?

— Да, — ответила Мэри. — Всё как надо.

Бандра просияла. Она была из 144-го поколения, на девять лет старше Мэри — точнее, на восемь с половиной, потому что Мэри родилась в сентябре, а все неандертальцы рождаются весной. Волосы на голове и теле Бандры имели приятный серебристо-медный оттенок.

— Очень хорошо. О, постойте! Есть же ещё один ритуал! — Она изобразила на лице делано-серьёзное выражение и спросила:

— Как поживаете?

Мэри рассмеялась.

— Спасибо, хорошо. А вы?

— Я тоже хорошо, — сказала Бандра и тоже

рассмеялась. — Такой замечательный народ! Так много всяких мелочей! — Она улыбнулась Мэри. — Для меня правда большое удовольствие познакомиться с вами, учёная Воган.

— Вы можете звать меня Мэри.

— Нет, не могу, — сказала Бандра и снова засмеялась. — Но я с удовольствием буду называть вас Мэре.

Лаборатория Бандры была заполнена геологическими образцами — кристаллами горного хрусталя, полированными камнями, мастерски препарированными жеодами и тому подобным.

— Какое удовольствие наконец-то познакомиться с живым глексеном, — продолжала Бандра. — Я прочитала о вас всё, смогла найти.

— Э-э… спасибо.

— Ну так расскажите мне о себе. У вас есть дети?

— Пока нет, — сказала Мэри.

— Ах. Ну, а у меня две дочери и внук. Хотите, посмотреть фотографии?

— Гмм, конечно.

Но Бандра снова рассмеялась.

— О, глексены и их правила хороших манер! Какие вы покладистые и уступчивые! Я могла бы заставить вас полдня рассматривать фотографии,

которые я привезла из последнего отпуска.

Мэри почувствовала, как постепенно расслабляется — хорошее настроение Бандры оказалось заразным.

— Надеюсь, ты не возражаешь против того, что мы зашли, — сказала Лурт, — но…

— Но вы шли мимо! — сказала Бандра, снова улыбаясь Мэри от уха до уха.

Мэри кивнула.

— И заглянули на огонёк, — продолжала Бандра, произнося это с преувеличенным акцентом, который американцы вечно приписывают канадцам, но которого Мэри в жизни не слышала ни от одного соотечественника. — У глексенов такие замечательные поговорки.

— Спасибо.

— Итак, — сказала Бандра, — Лурт говорила, что вы хотели попросить об услуге. — Она обвела рукой заваленное камнями помещение. — Понятия не имею, чем геолог может быть вам полезен, но — это выражение одно из моих любимых — я вся внимание. — Бандра радостно уставилась на Мэри.

— Ну… я… в общем, я ищу жильё здесь, в Центре Салдака.

— Правда? — удивилась Бандра.

Мэри ухмыльнулась.

— Зуб даю.

Бандра расхохоталась.

— Нет-нет, оставьте себе! — Она секунду помолчала. — У меня большой дом, и я живу в нём одна.

— Так Лурт и сказала. Я собираюсь пробыть здесь всего около месяца, и если вам нужно соседка…

— Я бы с радостью, но… — голос Бандры затих.

Мэри хотелось переспросить «Но что?», однако вряд ли будет уместно требовать у неё объяснений.

Однако она заговорила сама.

— Всего на месяц, говорите? То есть вы будете здесь, когда Двое в следующий раз станут Одним?

— Да, — сказала Мэри. — Но я, разумеется, не буду путаться под ногами.

Мэри ясно видела, как на лице Бандры отразилась внутренняя борьба — и она её прекрасно понимала. Неандерталка наверняка взвешивала неудобство, связанное с присутствием в доме чужого человека с восторгом учёного от возможности пообщаться с пришельцем из другого мира.

— Очень хорошо, — решилась, наконец, Бандра. — Как вы это говорите: ваш дом — мой дом?

— Скорее, наоборот, — сказала Мэри.

— О, да-да! Я всё ещё учусь!

Мэри улыбнулась.

— Я тоже.

Глава 16

Но прошло уже три десятка лет с тех пор, как Юджин Сернан стал последним человеком, ступавшим по поверхности Луны. Последним! Кто бы мог подумать, что после 1972 года родится целое поколение, для которого посещение человеком других миров будет лишь главой в учебнике истории…?

Мэри нашла дом Бандры гораздо более комфортабельным, чем дом Лурт, хотя размером он был совершенно такой же. Во-первых, мебель пришлась ей больше по вкусу. А во-вторых, Бандра оказалась орнитологом-любителем и талантливой художницей: все стены и потолки в её доме были увешаны полотнами, которых не постыдился бы и Одюбон[32], изображающими местных птиц, включая, разумеется, и странствующего голубя. Мэри и сама любила птиц; потому-то она и работала с ДНК странствующего голубя у себя в

[32] Примечания: 32

Джон Джеймс Одюбон (1785–1851) — знаменитый американский орнитолог, натуралист и художник-анималист французского происхождения.

Йоркском университете, тогда как её аспирантка Дария отхватила себе гораздо более модную задачу по извлечению генетического материала из египетской мумии.

Мэри чувствовала себя не в своей тарелке от того, что пришла раньше хозяйки, и ещё больше от того, что просто вошла через переднюю дверь. Но неандертальцы, разумеется, не запирают домов — попросту незачем.

У Бандры был домашний робот — у многих барастов были такие. Это была насекомоподобная конструкция, состоящая из шарниров и рёбер. Робот осмотрел Мэри синими механическими глазами, не слишком отличающимися от глаз Лонвеса Троба, и снова принялся за уборку.

Хотя Мэри знала, что не сможет увидеть Понтера, пока Двое не станут Одним, она не видела никакой причины, чтобы ему не звонить: её блестящий новенький компаньон легко мог соединиться с его компаньоном — как и с любым другим.

Так что Мэри устроилась поудобнее — прилегла на диван в гостиной Бандры, лицом к украшавшим потолок фрескам — и велела Кристине вызвать Хака.

— Привет, любимый, — сказала она — что было

ничуть не лучше, чем «милый», поскольку ни то, ни другое Понтер не мог произнести, но, с другой стороны, он услышит только предоставленный Кристиной перевод.

— Мэре! — раздался обрадованный голос Понтера. — Как здорово тебя услышать!

— Скучаю по тебе, — пожаловалась Мэри. Она снова почувствовала себя восемнадцатилетней, звонящей бойфренду Донни из своей комнаты в родительском доме.

— Я тоже очень скучаю.

— Где ты сейчас?

— Вывел Пабо погулять. Нам обоим полезно пройтись.

— Адекор с тобой?

— Нет, он остался дома. Так что у тебя нового?

Первым делом Мэри рассказала ему об установке постоянного компаньона, потом описала обстоятельства своего переезда к Бандре.

— А ещё Лурт мне рассказала интересную вещь. Оказывается, есть прибор, который может нам помочь завести ребёнка.

— Правда? — сказал Понтер. — Какой же?

— Она сказала это изобретение некоей Вессан Леннет.

— Ох, — сказал Понтер. — Теперь припоминаю;

видел её по визору. Она удалила себе компаньон и ушла от людей. Вроде бы из-за конфликта с Верховными Серыми относительно её изобретения.

— Точно! — сказала Мэри. — Она изобрела прибор под названием кодонатор, который может синтезировать любую последовательность ДНК — именно то, что нам необходимо для нашего общего ребёнка. Лурт считает, что прототип до сих пор хранится у Вессан.

— Возможно, — сказал Понтер. — Но если она… прости. Хорошая собачка! Умненькая собачка! Ну, давай сюда. Взять! Взять! Принеси! Прости, я хотел сказать, что если прибор и существует, то он по-прежнему запрещён.

— Это так, — согласилась Мэри. — В *этом* мире. Но если мы увезём его в *мой* мир…

— Блестяще! — восхитился Понтер. — Но как мы его раздобудем?

— Я думаю, мы просто отыщем Вессан и попросим отдать нам его. Что мы теряем?

— А как мы её найдём? У неё ведь нет компаньона.

— Ну, Лурт сказала, что она раньше жила в городе Кралдак. Ты знаешь, где это?

— Конечно. Это немного к северу от озера *Дуранлан* — озера Эри. Кралдак расположен примерно

там, где в вашем мире Детройт.

— Так вот, если она и покинула Кралдак, то вряд ли ушла слишком далеко оттуда.

— Надо полагать. Без компаньона она уж точно не могла организовать для себя никакого транспорта.

— Лурт сказала, что она, должно быть, построила себе хижину.

— Вполне логично.

— Так что мы можем просто изучить спутниковые фотографии на предмет появления новой хижины, которой четыре месяца назад ещё не было.

— Ты забыла, где находишься, любовь моя, — сказал Понтер. — У барастов нет спутников.

— Точно. Чёрт. А аэрофотосъёмка? Ну, ты знаешь — фотографии, сделанные с самолёта?

— Самолётов тоже нет. Правда, есть вертолёты.

— Ну, может быть, вертолёты делали облёт окрестностей Кралдака с тех пор, как она ушла?

— Скажи ещё раз, когда это было?

— По словам Лурт четыре месяца назад.

— Ну, тогда да, наверняка. Лесные пожары — это летом большая проблема; лес может поджечь молния или люди по небрежности. Лес фотографируют с воздуха, чтобы следить за их

распространением.

— Мы можем получить доступ к этим фотографиям?

— Хак?

В голове Мэри зазвучал голос Хака.

— Я *уже* с ними работаю, — сказал компаньон. — Согласно архиву алиби компаньон Вессан Леннет отключился 148/101/17, и с тех пор было три обследования окрестностей Кралдака с воздуха. Однако хижину легко обнаружить только зимой, когда на деревьях нет листьев. Заметить её с воздуха летом очень трудно.

— Но ты попытаешься? — спросила Мэри.

— Конечно.

— Хотя, возможно, это бессмысленно, — со вздохом признала Мэри. — Наверняка ведь другие уже пытались её отыскать, если то, что Лурт рассказала о кодонаторе — правда.

— Почему?

— Ну как же: стерилизованные преступники, желающие обойти наложенное на них наказание.

— Может быть, — согласился Понтер, — но Вессан ушла из общества не так давно, а стерилизованных не так уж много. Ну и, в конце концов, никто в этом мире не собирается зачинать детей

до следующего лета, так что…

— Простите, — прервал его Хак. — Я нашёл.

— Что? — спросила Мэри.

— Хижину — или, по крайней мере, хижину, которой не было на старых картах. Она примерно в тридцати пяти километрах на запад от Краллдака. — Хак перевел расстояние в километры для Мэри; Понтер, вероятно, услышал что-то вроде «70000 саженей» через свои кохлеарные импланты.

— Здорово! — воскликнула Мэри. — Понтер, мы должны встретиться с ней!

— Конечно, — ответил он.

— Мы можем поехать завтра?

— Мэре… — начал Понтер тяжёлым голосом.

— Что? Ах, да, поняла. Двое ещё не стали Одним. Но…

— Да?

Мэри вздохнула.

— Да нет, ничего. Ты прав. Ладно, но мы сможем поехать, как только Двое *станут* Одним?

— Конечно, любовь моя. Тогда мы сможем сделать всё, что пожелаешь.

— Договорились, — сказала Мэри. — Считай, что это свидание.

* * *

Бандра и Мэри оказались родственными душами — Бандре очень понравилось это выражение. Они обе любили тихие домашние вечера, и хотя у них было множество научных тем для разговоров, они часто касались многих вещей личного характера.

Эти разговоры напомнили Мэри первые дни с Понтером, когда они находились на карантине в доме Рубена Монтего. Обсуждение идей и мнений с Бандрой стимулировало её интеллектуально и эмоционально, и неандерталка была к ней замечательно добра, весела и внимательна.

И всё-таки эти разговоры в гостиной иногда касались тем если не горячих, то довольно острых.

— Вы знаете, — говорила Бандра, сидя на противоположном от Мэри краю дивана, — эта неумеренная потребность в приватности, возможно, порождена вашими религиями. Поначалу я думала, что это просто из-за того, что некоторые занятия у вас запрещены, и людям необходимо уединение, чтобы им предаваться. И это, без сомнения, часть правды. Однако теперь, когда вы рассказали мне о множественности ваших систем верований, мне начинает казаться, что

уединение нужно уже для того, чтобы *захотеть* практиковать верования, находящиеся в меньшинстве. Ведь первые последователи вашей системы, христианства, устраивали свои собрания втайне, не так ли?

— Так и есть, — ответила Мэри. — Наш важнейший религиозный праздник — Рождество, празднование очередной годовщины рождения Иисуса. Мы празднуем его 25 декабря — зимой, хотя Иисус родился весной. Мы это знаем, потому что в Библии говорится, что это случилось, когда пастухи сторожили ночами стада, а они это делают лишь весной, когда рождаются ягнята. — Мэри улыбнулась. — Кстати, у вас всё точно так же: вы ведь тоже рожаете весной.

— Вероятно, по той же самой причине: чтобы ребёнок был как можно старше, когда снова придёт зима.

Однако это сходство засело у Мэри в голове, и она осторожно произнесла:

— Вы знаете, барасты похожи на овец не только в этом. Вы такие миролюбивые.

— Вам так кажется?

— У вас нет войн. И, насколько я могу судить, почти нет бытового насилия. Хотя… — она оборвала себя прежде, чем упомянула о сломанной

челюсти Понтера — результат прискорбного инцидента много лет назад.

— Это так. Однако мы всё ещё охотимся на животных, которых едим — не постоянно, разумеется, если только это не является нашим видом социального вклада. Но достаточно часто, чтобы охота давала выход нашим агрессивным импульсам. Как вы это говорите? Выводила агрессию изорганизма.

— Катарсис, — сказала Мэри. — Очищение от сдерживаемых эмоций.

— Катарсис! О-о, ещё одно замечательное слово! Да, именно так: раздроби несколько черепов, отдери плоть от костей, и после этого почувствуешь себя на редкость миролюбивым.

Мэри на секунду задумалась, а убила ли она в жизни хоть одно животное — для еды или для других целей. Если исключить комаров, получалось, что нет.

— Мы этого не делаем.

— Я знаю, — сказала Бандра. — Вы считаете это нецивилизованным. Но мы считаем, что это часть того, что делает цивилизацию возможной.

— И всё же — ваше отсутствие приватности никогда не приводит к злоупотреблениям? Не может кто-нибудь скрытно — втайне от всех —

следить за тем, что вы делаете, воспользовавшись каким-нибудь недостатком в системе безопасности архива алиби?

— Зачем кто-либо стал бы этим заниматься?

— Ну, скажем, чтобы предотвратить свержение правительства.

— Зачем кому-то бы понадобилось свергать правительство? Почему просто не проголосовать против него?

— Ну, *сегодня* да, возможно. Но демократия не была ведь у вас от начала времён?

— А что тогда?

— Племенные вожди? Военные правители? Боги-императоры. Впрочем, нет, последнее вычёркиваем. Но всё же… — Мэри задумалась. А, собственно, что ещё? Без сельского хозяйства нет небольших легко обороняемых территорий. Примитивные земледельцы вполне могут оборонять несколько сотен акров своих полей, но десятки или сотни квадратных миль охотничьих угодий небольшая группа охотников оборонять не в состоянии.

Да и к чему их оборонять? Налёт на поселение земледельцев даёт немедленный результат: растительная пища и волокнистое сырьё, украденные с полей или из ограбленных хранилищ.

Однако, как неоднократно указывал Понтер, охота и собирательство базируются на знании: никто не может просто войти на чужую территорию и начать её продуктивно эксплуатировать. Им придётся сначала узнать, куда животные ходят на водопой, где птицы откладывают яйца, где растут фруктовые деревья с самыми богатыми урожаями. Нет, такой образ жизни скорее породит мирную торговлю, потому что путешественнику гораздо легче принести с собой что-нибудь ценное и обменять это на только что добытое животное, чем пытаться добыть его в незнакомой местности самому.

Тем не менее, если припечёт, большинство неандертальцев, вероятно, способны прокормить себя сами — чем, по-видимому, сейчас и занимается эта Вессан. Кроме того, в условиях ограниченной численности населения — а неандертальцы её ограничивают уже сотни лет — имеются огромные неиспользуемые пространства к услугам тех, кому жизнь в обществе не по вкусу.

— И всё же, — сказала Мэри, — наверняка бывало, что людям не нравится те, кого они избрали, и они хотят избавиться от них.

— О да, разумеется, такое бывает.

— И как это делалось?

— В старые времена? До того, как мы начали чистить генетический пул? Их убивали.

— Во-от! — воскликнула Мэри. — Вот причина для нарушения приватности: предотвращение покушений. Если кто-то замышляет вас убить, то вы захотите проследить за ним, чтобы вовремя вмешаться.

— Убийство ни к чему как-то особенно замышлять, — сказала Бандра, вскидывая бровь. — Вы просто подходите к тому, от кого хотите избавиться, и разбиваете ему череп. Поверьте, это прекрасно стимулирует избранных должностных лиц к заботе о том, чтобы их избиратели были довольны.

Мэри невольно рассмеялась.

— И всё же некоторые могут быть недовольны, даже когда довольны все остальные.

Бандра кивнула.

— Вот потому-то мы с давних времён осознавали необходимость исключения из генетического пула всех склонных к антиобщественному поведению.

— Но эта идея чистки генов… — Мэри пыталась сохранять беспристрастность, но голос её выдал. — Я пыталась говорить об этом с Понтером,

но это тяжело; он настолько безоговорочно её поддерживает. Но от этой идеи у моих соплеменников мороз по коже ещё больше, чем от вашего безразличия к приватности.

— «Мороз по коже»! Красиво звучит!

— Бандра, я серьёзно. В прошлом мы пробовали это делать, но… это всегда заканчивалось плохо. Ну, то есть, мы не верим, что подобные вещи можно делать так, чтобы исключить коррупцию. Доходило до попыток уничтожить целые этнические группы.

Компаньон пискнул.

— Группы людей, обладающие отличительным набором характеристик, возникших вследствие их географического происхождения.

— Но генетическое разнообразие — большая ценность, — сказала Бандра. — Вам ли, специалисту по химии жизни, этого не знать.

— Да, но… я хочу сказать, мы пытались… то есть, мой народ… ну, не *мой* народ, а просто плохие люди, плохие представители моего вида, пытались совершить… мы называем это «геноцид» — уничтожение целой расы или народа, и…

Да провались ты, подумала Мэри. Почему я не могу просто поболтать с неандерталкой о погоде, почему меня всё время заносит в такие

жуткие темы? Когда я уже научусь держать язык на привязи?

— Геноцид, — повторила Бандра без своего всегдашнего восхищения людскими терминами. Не было нужды напоминать, что её вид, Homo neanderthalensis, стал первой жертвой учинённого Homo sapiens геноцида.

— Так вот, — сказала Мэри, — я хотела узнать, как вы решаете, какие именно особенности вы хотите искоренить?

— Это не очевидно? Чрезмерная агрессивность. Чрезмерный эгоизм. Жестокость по отношению к детям. Умственная отсталость. Предрасположенность к генетическим заболеваниям.

Мэри покачала головой; неудачный разговор с Понтером на эту тему всё ещё её беспокоил.

— Мы считаем, что каждый имеет право продолжить род.

— Почему? — спросила Бандра.

Мэри задумалась.

— Это… это право каждого человека.

— Это *желание* каждого человека, — сказала Бандра. — Но право? Эволюция происходит благодаря тому, что *не* каждый член популяции продолжает свой род.

— Я думаю, что преодоление жестокости есте-

ственного отбора — определяющий признак цивилизации.

— Однако согласитесь, — сказала Бандра, — что общество в целом гораздо важнее отдельного человека.

— По сути, мой народ этого мнения не разделяет. Мы считаем, что права и свободы отдельной личности имеют огромную ценность.

— Огромную ценность? Или огромную цену? — Бандра покачала головой. — Я слышала о мерах безопасности, которые необходимы вам, о множестве принудителей, без которых невозможна жизнь в ваших городах. Вы утверждаете, что не хотите войны, но направляете немалую часть своих ресурсов на подготовку к войнам и их ведение. У вас есть террористы, и те, кто зарабатывает вызыванием у других привыкания к аддиктивным веществам, и совратители малолетних, и — простите мне это замечание — средний интеллект у вас гораздо ниже, чем можно ожидать.

— Мы так и не сумели разработать метод оценки интеллекта, который не страдал бы культурным перекосом.

Бандра моргнула.

— Какое отношение культура имеет к оценке интеллекта?

— Ну-у, — сказала Мэри, — если вы спросите ребёнка из богатой семьи с нормальным интеллектом, какое слово подходит к «чашке», он ответит «блюдце»; блюдце — это такая маленькая тарелочка, которую мы подставляем под чашку, из которой пьём кофе… горячие напитки. Но если вы спросите об этом ребёнка с нормальным интеллектом, но из бедной семьи, то он, возможно, не ответит, потому что его семья не может позволить себе блюдец.

— Интеллект — это не какая-нибудь викторина, — сказала Бандра. — Чтобы его оценивать, есть способы получше. Мы ориентируемся на количество образовавшихся в мозгу нейронных связей; это хороший объективный индикатор.

— Но те, кому будет отказано в праве продолжить род из-за их низкого уровня интеллекта, наверняка будут… несчастны.

— Да. Но их, по определению, нетрудно обмануть.

Мэри содрогнулась.

— И всё же…

— Вспомните, как осуществляется наша демократия. Мы не позволяем людям голосовать, пока им не исполнится 600 месяцев — две трети традиционного 900-месячного среднего срока

жизни. Это будет… Дэлка?

— Сорок восемь лет, — ответила Дэлка, компаньон Бандры.

— Большинство женщин уже не способны рожать в этом возрасте, и активный репродуктивный период мужчин также уже завершён. Так что результаты голосования по этому вопросу их лично уже не затрагивали.

— Это не демократия, когда голосует лишь меньшинство.

Бандра нахмурилась, словно пытаясь понять смысл реплики.

— *Каждый* имеет право голоса — просто не в каждый момент своей жизни. И, в отличие от вашего мира, мы никогда никому не отказывали в праве голоса из-за его пола или пигментации кожи, при условии достижения соответствующего возраста.

— Однако, — возразила Мэри, — голосующие наверняка принимали во внимание интересы своих взрослых детей, которые ещё находятся в репродуктивном возрасте, но сами голосовать не могут.

Бандра помедлила, и Мэри задумалась, почему: до сих пор она вела дискуссию очень уверенно.

— Разумеется, надежда на счастливое будущее

наших детей очень важна для нас, — наконец, произнесла она. — Но голосование происходило *до* тестов на интеллект. Понимаете? Было принято решение запретить размножаться пяти процентам населения с худшими показателями интеллекта в течение десяти последующих поколений. Попробуйте найти родителя, который считал бы, что его ребёнок попадает в нижние пять процентов — это невозможно! Голосующие, без сомнения, полагали, что уж их-то детей это решение не затронет.

— Но оно затронуло.

— Да. Некоторых. — Бандра едва заметно двинула плечом. — Это пошло на благо обществу.

Мэри покачала головой.

— Мой народ никогда не пошёл бы на такой шаг.

— С тех пор нам не приходится особенно беспокоиться по поводу нашего генетического пула, хотя есть некоторые исключения. Через десять поколений репродуктивные ограничения были сняты. Большинство генетических заболеваний исчезли навсегда, почти пропала чрезмерная агрессивность, средний уровень интеллекта повысился. Разумеется, он по-прежнему подчиняется нормальному распределению, но мы

получили… как вы это называете? У нас есть такое понятие в статистике: корень квадратный из среднего квадрата отклонения от среднего арифметического для выборки.

— Стандартное отклонение, — подсказала Мэри.

— Ага. Так вот, через десять поколений средний уровень интеллекта сдвинулся на одно стандартное отклонение влево.

Мэри уже хотела было сказать «в смысле, вправо», но вовремя вспомнила, что неандертальцы читают справа налево, а не слева направо. Вместо этого она сказала:

— Правда? Такой сильный сдвиг?

— Ага. Наши тупицы теперь такие же умные, как раньше наши средние умы.

Мэри покачала головой.

— Вообще не могу себе представить, чтобы мой народ позволил бы властям решать, кому можно размножаться, а кому нет.

— Я не защищаю наши методы, — сказала Бандра. — Как говорит одна из ваших лучших поговорок, «каждому — своё». — Она улыбнулась своей широкой доброй улыбкой. — Ладно, Мэре, довольно серьёзных разговоров. — Сегодня чудесный вечер! Пойдёмте погуляем. А потом вы

расскажете мне о себе.

— Что вам хотелось бы узнать?

— Всё подряд. Всё до капли. До донышка. От доски до доски.

Мэри рассмеялась.

— Я уловила идею, — сказала она, поднимаясь на ноги.

Глава 17

Как это могло случиться? Как мы могли забыть тот благородный порыв, который привёл нас из Олдувайского ущелья в лунные кратеры? Ответ, разумеется, таков: мы успокоились. В течение недавно завершившегося столетия мы достигли большего прогресса в благополучии и качестве жизни, в здравоохранении и долголетии, в технологиях и житейских удобствах, чем за все предшествующие сорок тысячелетий…

Жизнь Мэри начала входить в колею: днём она занималась изучением неандертальской генетики с Лурт и другими специалистами, ночи с большим комфортом проводила в доме Бандры.

Мэри всегда казалось, что у неё слишком широкие бёдра, но средний неантертальский таз был ещё шире. Ей вспомнилась старая гипотеза Эрика Тринкауса о том, что срок беременности у неандертальцев мог составлять одиннадцать или даже двенадцать месяцев, поскольку благодаря широким бёдрам они могли рожать более

крупных детей. Однако ту гипотезу пришлось отбросить, когда последующие исследования показали, что необычная форма неандертальского таза связана лишь с их манерой ходьбы. Предполагалось, что их шаг должен напоминать походку враскачку ковбоев Дикого Запада — что теперь подтверждалось прямыми наблюдениями.

Так или иначе, неандертальские седлокресла казались Мэри неудобными, а из-за того, что у большинства неандертальцев голени немного короче бёдер, барастовские сиденья более привычного типа всегда оказывались низковатыми для неё. Поэтому она попросила знакомую Лурт мебельщицу изготовить для неё новое кресло: сосновая рама и мягкие подушки на сиденье и спинке.

В тот день Бандра вернулась домой раньше Мэри и была в своей спальне. Она, однако, появилась, стоило Мэри подойти к входной двери.

— Привет, Мэре, — сказала она. — Мне показалось, что я унюхала ваш запах.

Мэри вяло улыбнулась. Она уже начала ко всему этому привыкать; правда начала.

— О, гляньте-ка! — сказала Бандра. — Ваше кресло привезли! Ну-ка опробуйте.

Мэри подчинилась, опустившись на мягкое

сиденье.

— Ну как? Хорошо?

— Замечательно! — сказала Мэри, немного поёрзав. — Просто великолепно. Очень удобно.

— То, что доктор прописал! — заявила Бандра, показывая удивлённой Мэри оба больших пальца.

Мэри рассмеялась.

— Точно.

— То, что надо! В самый раз!

— Да, всё это, — согласилась Мэри.

— Да! — повторила Бандра, явно безмерно довольная собой. — Бинго! Точняк! — Бандра сияла, и Мэри тепло улыбнулась ей в ответ.

* * *

Позже тем же вечером Мэри устроила новому стулу более серьёзное испытание, устроившись на нём с ногами с одной из книг, купленных в книжной лавке Лаврентийского университета.

Бандра, которая работала над новым анималистским полотном, по-видимому, решила, что неплохо устроить перевыв. Она пересекла комнату и встала позади Мэри?

— Что вы читаете?

Мэри автоматически показала ей обложку

книги, потом сообразила, что Бандра не сможет прочесть название — хотя, при её увлечении английским она, возможно, скоро научится на нём и читать.

— Книга называется «Собственник», — сказала Мэри, — а автора зовут Джон Голсуорси. Он получил высшую литературную награду нашего мира, Нобелевскую премию по литературе. — Кольм советовал ей почитать Голуорси многие годы, но Мэри, наконец, решилась на это лишь наслушавшись восторгов её сестры Кристины по поводу нового бибисишного телесериала по «Саге о Форсайтах», первым томом которой и являлся «Собственник».

— О чём она? — спросила Бандра.

— Богатый адвокат женится на красивой женщине. Он нанимает архитектора, чтобы построить им загородный дом, но женщина заводит с архитектором роман.

— Ах, — сказала Бандра; Мэри посмотрела на неё и, улыбнувшись, начала заново:

— Она о сложностях межличностных отношений у глексенов.

— Вы не прочитаете мне из неё вслух? — попросила Бандра?

Просьба удивила Мэри, но одновременно и

обрадовала.

— Конечно. — Бандра подтащила седлокресло поближе и села лицом к Мэри, сложив руки на коленях. Мэри принялась читать текст тихим голосом, позволяя Кристине переводить его на неандертальский язык.

> Многие сочли бы брак Сомса и Ирэн вполне удачным: у него деньги, у неё красота — значит, компромисс возможен. Пусть не любят друг друга, но почему не поддерживать сносных отношений? То, что они будут жить каждый своей жизнью, делу не помешает, лишь бы были соблюдены приличия, лишь бы уважались священные узы брака и семейный очаг. В высших классах половина всех супружеств покоится на двух правилах: не оскорбляй лучших чувств общества, не оскорбляй лучших чувств церкви. Ради них можно принести в жертву свои собственные чувства. Преимущества незыблемого семейного очага слишком очевидны, слишком осязаемы, они исчисляются реальными вещами; status quo — дело верное. Ломка семьи — в луч-

шем случае опасный эксперимент и к тому же весьма эгоистичный.

Вот какие выводы может выставить защита, и молодой Джолион вздохнул.

«Все упирается в собственничество, — думал он, — но такая постановка вопроса мало кого обрадует. У них это называется „святостью брачных уз“, но святость брачных уз покоится на святости семьи, а святость семьи — на святости собственности. И вместе с тем, наверное, все эти люди считают себя последователями того, кто никогда и ничем не владел. Как странно!»

И молодой Джолион снова вздохнул.[33]

— Интересно, — сказала Бандра, когда Мэри остановилась.

Мэри рассмеялась.

— Уверена, что вы так говорите из вежливости. Должно быть, для вас это полнейшая тарабарщина.

— Нет, — возразила Бандра. — Нет, я поняла. Этот мужчина — Сомс, да? — живёт с этой жен-

---

[33] Примечания: 33
Перевод Н.А. Волжиной, М.Ф. Лорие.

щиной, этой…

— Ирэн, — подсказала Мэри.

— Да. Но в их отношениях нет теплоты. Она хочет гораздо бóльшей близости, чем хочется ему.

Мэри, впечатлённая, кивнула.

— Именно так.

— Подозреваю, что такие проблемы бывают у всех.

— Думаю, да, — сказала Мэри. — Я лично отождествляю себя с Ирэн. Она вышла замуж за Сомса не зная, чего на самом деле хочет. Как я за Кольма.

— Но теперь вы знаете, чего хотите?

— Я знаю, что хочу Понтера.

— Но он не сам по себе, — сказала Бандра. — У него Адекор и дочери.

Мэри загнула страницу и закрыла книгу.

— Я знаю, — тихо сказала она.

Бандра, должно быть, почувствовала, что огорчила Мэри.

— Простите, — сказала она. — Я бы чего-нибудь выпила. Поддержите?

Мэри была готова убить за стакан вина, но неандертальцы его не делали. Впрочем, она привезла с собой с той стороны килограммовую пачку кофе. Обычно она не пила кофе по вечерам,

но комнатной температурой у неандертальцев считается шестнадцать градусов: они пользовались той же самой шкалой — промежуток между точками замерзания и кипения воды, разделённый на сто частей. Мэри предпочитала двадцать или двадцать один градус, и большая кружка кофе могла помочь ей согреться.

— Давайте я вам помогу, — сказала Мэри, и они вдвоём отправились в кухонную зону.

У себя дома на той Земле Мэри всегда держала в холодильнике литровую упаковку шоколадного молока, чтобы добавлять его в кофе. Здесь его тоже было не достать, но она взяла с собой банку сухого молока и растворимого порошкового какао; добавив в кружку Maxwell House разумное количество того и другого она получила приемлемую аппроксимацию своего любимого напитка.

По устланному мхом полу они вернулись в гостиную. Бандра уселась на один из своих плавно изогнутых диванов, встроенных в одну из стен; Мэри вернулась на своё кресло, но тут осознала, что ей некуда поставить кружку. Она подхватила свою книжку — Кольм всегда терпеть не мог того, как она перегибает корешок и загибает страницы — и присела на другом краю дивана, поставив кружку на сосновый столик перед ним.

— В своём мире вы жили одна, — сказала Бандра. Это не был вопрос; она уже успела это узнать.

— Да, — сказала Мэри. — У меня была… у нас это называется «квартира в кондоминиуме» — несколько комнат в большом здании, которым я владею совместно с парой сотен других людей.

— Парой сотен! — удивилась Бандра. — Такое большое здание?

— В нём двадцать два этажа; двадцать два уровня. Я живу на семнадцатом.

— Вид, должно быть, потрясающий!

— Это точно. — Хотя ответ был шаблонный, и Мэри это знала. Вид из её окна открывался на бетон и стекло, на здания и автострады. Он казался замечательным, когда она там поселилась, но её вкусы уже менялись.

— И каков статус этого места сейчас? — поинтересовалась Бандра.

— Я всё ещё им владею. Когда мы с Понтером окончательно решим, что мы будем делать дальше, тогда и станет ясно, что делать с квартирой. Возможно, мы её оставим.

— И что же вы с Понтером будете делать дальше?

— Если б я знала, — ответила Мэри. Она взяла кружку и сделала глоток. — Как вы только что

сказали, Понтер не сам по себе.

— И вы тоже, — сказала Бандра, отводя взгляд.

— Простите? — не поняла Мэри.

— Вы тоже. Если вы решите стать частью этого мира, то не должны оставаться в одиночестве в любой день месяца.

— Гмм, — сказала Мэри. — В моём мире большинство людей привлекают представители противоположного пола.

Бандра вскинула глаза, но сразу же снова опустила взгляд.

— Не бывает отношений между женщинами?

— Э-э, бывают… иногда. Но обычно женщины, участвующие в такого рода отношениях, не имеют партнёров-мужчин.

— У нас не так, — сказала Бандра.

— Я знаю, — тихо ответила Мэри.

— Я… мы… вы и я, мы уживаемся довольно хорошо, — сказала Бандра.

Мэри почувствовала, как напряглось всё её тело.

— Да, неплохо, — сказала она.

— Здесь, у нас, две женщины, которые живут вместе и которые нравятся друг другу и не являются близкими родственниками, могут… — Бандра положила широкую ладонь на колено

Мэри, — могут *сблизиться*.

Мэри посмотрела на её руку. В прошлом она бы сбросила руку незнакомого мужчины со своего колена, но…

Но ей не хотелось её обижать. В конце концов, эта женщина была так добра, что приняла её под свою крышу.

— Бандра, я… я не чувствую влечения к женщинам.

— Возможно… возможно это просто… — она подбирала подходящий термин, — просто влияние культурной среды?

Мэри задумалась над предположением. Возможно, и так — но это ничего не меняло. О, Мэри целовала девочек, когда ей было тринадцать или четырнадцать — но она тогда просто тренировалась перед тем, как начать целовать мальчиков, она и её подруги страшно боялись оказаться не на высоте, когда это время придёт.

По крайней мере, так они друг другу говорили, хотя…

Хотя это и правда было по-своему приятно.

И всё же…

— Простите, Бандра. Я не хочу показаться грубой. Но меня правда это не привлекает.

— Вы ведь знаете, — сказала Бандра, заглянув

Мэри в глаза и снова отведя взгляд, — никто не так понимает, как доставить удовольствие женщине, как другая женщина.

Мэри почувствовала, как затрепыхалось сердце.

— Я… я уверена, что это правда, но… — Она мягко убрала руку Бандры со своего колена. — Но это не для меня.

Бандра несколько раз кивнула.

— Если вы передумаете… — сказала она, дала фразе повиснуть в воздухе, и через секунду продолжила: — В промежутках между днями, когда Двое становятся одним, чувствуешь себя ужасно одинокой.

И это истинная правда, подумала Мэри, но ничего не сказала.

— Ну что ж, — сказала Бандра после паузы. — Я, пожалуй, пойду спать. Э-э… «сладких снов», так, кажется, у вас говорят?

Мэри удалось выдавить из себя улыбку.

— Да, точно. Спокойной ночи, Бандра.

Она проследила взглядом за тем, как неандерталка скрылась в своей спальне; у Мэри была собственная комната, раньше принадлежавшая Дрэнне, младшей дочери Бандры. Она подумала о том, чтобы и самой отправиться спать, но решила

ещё немного почитать в надежде малость очистить голову от того, что только что произошло.

Она подобрала «Собственника» и открыла его на заложенной странице. Голсуорси писал в едком, ироничном тоне; в конце концов, не одни только неандертальцы видят глексенские недостатки. Она начала читать, наслаждаясь отличной реконструкцией языка, которым разговаривал верхний средний класс в викторианской Англии. Голсуорси — отличный стилист, и…

О Господи…

Мэри с бешено колотящимся сердцем захлопнула книгу.

Господи.

Она сделала глубокий вдох, выдохнула, вдохнула снова, выдохнула.

Сомс только что…

Сердце Мэри продолжало колотиться.

Может быть, она не так поняла? В конце концов, это было сказано обиняками. Может быть, она просто была в таком настроении…

Она открыла книгу, бережно и осторожно, как это делал Кольм, и нашла это место снова, скользнула взглядом по плотному тексту, и…

Нет, сомнений не было. Сомс Форсайт, Собственник, только что продемонстрировал своей

жене Ирэн, что она для него ничего не значит. Несмотря на её отсутствие интереса к нему, прямо на их брачном ложе он её изнасиловал.

До этого места книга Мэри нравилась, особенно тайный роман между Ирэн и архитектором Босини — потому что он немного напомнил ей её собственные странные, запретные отношения с Понтером. Но…

Насилие.

Чёртово насилие.

И всё же она не могла винить Голсуорси. Именно так Сомс и поступил бы в подобной ситуации.

Именно так поступил бы *мужчина*.

Мэри положила книгу рядом со своей уже остывшей кружкой кофе. Она обнаружила, что пялится на закрытую дверь спальни Бандры. Просидев так одному Богу известно сколько времени, Мэри, наконец, поднялась с дивана и поплелась в свою комнату, в темноту и одиночество.

Глава 18

И здесь, в Северной Америке, и в Индии, и в Японии, в Европе и России и по всему нашему огромному и удивительному миру жизнь в целом стала лучше, чем когда бы то ни было — и она продолжает улучшаться…

Наконец этот день настал! Двое снова стали Одним. Мэри и десяток других женщин посреди широкой площади ждали приезда мужчин. Здесь была Лурт с маленьким Дабом, сыном Адекора. Жасмель, старшая дочь Понтера, тоже была здесь, но, как знала Мэри, ждала не его, а собственного партнёра, Траона. Была здесь и Мега, младшая дочь Понтера, и Мэри стояла рядом с ней, держа её за руку. Мэри с облегчением отметила, что нигде не видно Даклар Болбай, законной опекунши Меги: эта женщина уже и так создала Мэри, Понтеру и Адекору более чем достаточно проблем.

Наконец, прибыл автобус. Понтер и Адекор вышли, и Мэри бросилась к своему мужчине. Они обнялись и лизнули друг друга в лицо. Потом Понтер обнял обеих своих дочерей и посадил

Мегу себе на плечи. Адекор тем временем успел исчезнуть вместе со своей партнёршей и сыном.

Понтер привёз с собой тапециевидный чемодан, с которым ездил на другую Землю. Чемодан несла Мэри, Понтер нёс Мегу.

Во время ещё одного разговора через компаньоны они договорились, что отправятся на поиски Вессан на третий или четвёртый день Двоих, ставших Одним, потому что прогноз обещал в Салдаке облачность, а в Кралдаке — чистое небо.

Так что в то утро Мэри, Понтер и Мега отлично провели время втроём. Хотя начало холодать и все листья на деревьях уже изменили цвет, воздух был по-прежнему свеж и чист. После обеда Мега убежала играть с друзьями, а Мэри и Понтер уединились в доме Бандры. Неандертальцы не испытывали комплексов по поводу секса, однако Мэри до сих пор чувствовала неловкость по поводу занятий любовью в то время, когда в доме находится ещё кто-то. К счастью, Бандра сказала, что будет со своим партнёром Гарбом и до вечера дома не появится. Так что весь дом был к услугам Мэри и Понтера.

Секс, как всегда, был просто сказочным, и Мэри достигла оргазма несколько раз. После этого они вместе приняли ванну, а потом просто лежали

рядом на груде подушек, болтая и касаясь друг друга. Речь Понтера показалась Мэри несколько непривычной; собственно, она такой и была, поскольку перевод теперь осуществляла Кристина, а не Хак.

Большую часть оставшегося дня они провели, обнимаясь, прогуливаясь и разговаривая — просто наслаждаясь обществом друг друга. Они посмотрели короткое театральное представление — неандертальцы обожали театр. Электрические вентиляторы на задах сцены гнали феромоны актёров на зрителей, в то же время выдувая из помещения их собственные.

Потом они какое-то время играли в неандертальскую настольную игру под названием *партанлар* — что-то среднее между шашками и шахматами: фигуры все были идентичны, но то, как они ходят, зависело от их положения на стоклеточной доске.

Позже они посетили ресторан, в котором хозяйничали две женщины, чьи партнёры умерли, и насладились вкуснейшей олениной, отличным салатом из кедровых орехов и листьев папоротника, жареных корнеплодов и варёных утиных яиц. И теперь они сидели в глубине ресторана на скамье с мягким сиденьем, с неандертальскими

обеденными перчатками на руках, и по очереди кормили друг друга.

— Я люблю тебя, — сказала Мэри, прижимаясь к Понтеру.

— И я тебя люблю, — ответил Понтер. — Я так сильно тебя люблю.

— Мне бы хотелось… мне бы хотелось, чтобы Двое всегда были Одним, — сказала Мэри.

— Когда я с тобой, я тоже хочу, чтобы это никогда не кончалось, — сказал Понтер, гладя Мэри по голове.

— Но это кончится, — со вздохом ответила Мэри. — Я не знаю, стану ли я когда-либо своей в этом мире.

— Идеальных решений не существует, — сказал Понтер, — но ты могла бы…

Мэри села прямо и повернулась к нему лицом.

— Что?

— Ты могла бы уехать обратно в свой мир.

Сердце Мэри провалилось.

— Понтер, я…

— На двадцать пять дней в месяц. И возвращаться сюда, когда Двое становятся Одним. Обещаю, что каждый раз у тебя будет четыре самых весёлых, самых любвеобильных, самых страстно-сексуальных дня, какие только воз-

можны.

— Я… — Мэри задумалась. Она искала решение, которое позволило бы Двум быть Одним бесконечно. Но, похоже, это совершенно невозможно. И всё же…

— Мотаться каждый раз из Торонто в Садбери будет неудобно, — сказала Мэри, — да ещё каждый раз проходить деконтаминацию на пути туда и обратно, но…

— Ты забыла, кто ты такая, — сказал Понтер.

— Я… прости, не поняла.

— Ты — Мэри Воган.

— И?

— Ты — *та самая* Мэри Воган. Любая академия… нет, прости, любой *университет* с радостью примет тебя в свой штат.

— Да, и это ещё одна проблема. Я не смогу брать по четыре выходных подряд каждый месяц.

— И снова ты недооцениваешь себя.

— Каким образом?

— Правильно ли я понимаю устройство вашего учебного процесса? Ведь вы учитесь лишь восемь месяцев в году?

— С сентября по апрель, правильно. С осени до весны.

— Так что три или четыре раза, когда Двое

станут Одним, придутся на время, когда ты не обязана быть в университете. Из оставшихся восьми значительная часть придётся на два последних дня ваших семидневных периодов, в течение которых вы не работаете.

— Однако…

— Однако всё равно останутся дни, в которые тебе нужно быть в университете.

— Именно. И никто не будет идти мне навстречу, чтобы…

— Прости меня, любимая, но *каждый* с радостью пойдёт тебе навстречу. Даже до твоего последнего визита, но в особенности сейчас, ты не только знаешь о генетике неандертальцев больше, чем любой другой глексен — в том, что неандертальцы знают *о* генетике, ты также разбираешься лучше любого другого глексена. Ты будешь бесценным приобретением для любого университета, и если для того, чтобы тебя заполучить, им придётся удовлетворить некоторые твои специальные требования, я уверен, они это сделают.

— Я думаю, ты недооцениваешь трудности.

— Правда? В этом можно убедиться, только попробовав.

Мэри в раздумье оттопырила губы. Он был

прав; от того, что она наведёт справки, определённо большой беды не будет.

— И всё-таки на то, чтобы добраться от Торонто до Садбери уходит большая часть дня, особенно если прибавить спуск в шахту и всё остальное. Четыре дня запросто превратятся в шесть.

— Да, если ты будешь жить в Торонто. Но почему бы тебе не делать свой вклад в Лаврентийском университете в Садбери? Там тебя знают ещё с тех пор, как я впервые к вам попал.

— Лаврентийский, — повторила Мэри, словно пробуя слово на вкус. Это был очень приятный маленький университет, с первоклассным факультетом генетики, и он выполнял интересные работы по судмедэкспертизе…

Судмедэкспертиза.

Изнасилование. Опять чёртово изнасилование.

Мэри сомневалась, что когда-либо ещё почувствует себя комфортно в Йоркском университете в Торонто. Там ей не только придётся иметь дело с Корнелиусом Раскином — ей придётся работать бок о бок с Кейсер Ремтуллой, ещё одной жертвой Раскина — жертвой изнасилования, которого не было бы, если бы Мэри сообщила о своём изнасиловании в полицию. Каждый раз, вспоминая о Кейсер, Мэри мучилась чувством вины; мысль

о том, чтобы снова работать с ней, угнетала её; мысль о совместной работе с Корнелиусом повергала в ужас.

Так что в предложении Понтера была определённая элегантность.

Преподавать генетику в Лаврентийском…

Жить в нескольких минутах езды от шахты Крейгтон, вместилища первого межмирового портала…

А проводить пусть даже всего четыре дня в месяц с Понтером — лучше, чудеснее, сказочнее, чем иметь постоянные отношения с любым другим мужчиной, которого она могла себе представить…

— Но что… что будет с поколением 149? С нашим ребёнком? Я не смогу видеться со своим ребёнком всего раз в месяц.

— По нашей традиции ребёнок живёт с матерью.

— Но если это мальчик — то только до десяти лет. А потом он переезжает к отцу, как Даб скоро переедет. Я не хочу, чтобы мой сын покинул меня всего через десяток лет.

Понтер кивнул.

— Какое бы решение мы ни нашли для того, чтобы завести ребёнка, оно обязательно будет

включать манипулирование хромосомами. В процессе этого выбрать для ребёнка женский пол будет тривиальной задачей. Девочка живёт с матерью до двести двадцать пятого месяца своей жизни — примерно восемнадцать лет. Даже в твоём мире дети покидают родительский дом примерно в этом возрасте, разве не так?

Голова у Мэри пошла кругом.

— Ты гений, учёный Боддет, — сказала она, наконец.

— Стараюсь, учёная Воган.

— Это не идеальное решение.

— Такие вещи — большая редкость, — заметил Понтер.

Мэри подумала об этом, потом теснее прижалась к Понтеру и медленно лизнула его в левую часть лица.

— Знаешь, — сказала она, прижимаясь лицом к его заросшей бородой щеке, — это может сработать.

Глава 19

Так что вполне объяснимо, что мы решили взять тайм-аут, чтобы насладиться первыми десятилетиями последовавшего за окончанием Холодной войны процветания, что мы предались ещё одному занятию, сделавшему наше человечество великим: остановились и вдохнули запах роз…

Покинув ресторан, Мэри и Понтер встретились с Мегой и некоторое время поиграли с ней. Но детям уже было пора спать, и Мега ушла домой — в дом, где она жила со своим *табантом,* Даклар Болбай. В связи с чем Мэри пришла в голову блестящая идея — они с Понтером могли бы провести ночь в доме Понтера на Окраине. В конце концов, Адекора там не будет, и это позволило бы им не мешать Бандре и Гарбу. Понтер был поначалу озадачен предложением: такое было попросту не принято, чтобы женщина приходила в дом к мужчине — хотя Мэри, разумеется, была пару раз у Понтера дома — но когда Мэри объяснила ему свою неуверенность по поводу занятий сексом,

когда в доме ещё кто-то есть, он сразу же согласился; они вызвали транспортный куб и уехали на Окраину.

После нового раунда великолепного секса Мэри отмокала в круглом утопленном в пол бассейне, а Понтер сидел рядом в кресле. Он делал вид, что читает что-то с планшета, но Мэри заметила, что его глаза не движутся слева направо — или, в данном случае, справа налево. Пабо тихо дремала у ног своего хозяина.

Поза Понтера несколько отличалась от той, что можно бы было ожидать от самца Homo sapiens: хотя нижняя челюсть у него выдавалась вперёд (пусть и была лишена подбородка), он не подпирал её кулаком. Должно быть, из-за того, что пропорции его руки отличались от нормы. Нет, чёрт: «норма» здесь не при чём. И всё же, по-видимому, поза роденовского «Мыслителя» была для него неудобна. Или… как Мэри раньше этого не заметила? Затылочное вздутие на черепе Понтера утяжеляет заднюю часть его головы, уравновешивая тяжёлую лицевую часть. Возможно, он не подпирает голову в раздумьях просто потому, что ему этого не нужно.

Тем не менее, Понтер, несомненно, находился именно в этом состоянии — в раздумьях.

Мэри вылезла из бассейна и вытерлась, потом, по-прежнему голая, пересекла комнату и устроилась на широком подлокотнике его кресла.

— О чём думаешь? — спросила она.

Понтер вздрогнул.

— О ерунде всякой.

Мэри улыбнулась и погладила его по мускулистой руке.

— Ты чем-то расстроен?

— Расстроен? — повторил Понтер, словно вспоминая, что это слово значит. — Нет. Вовсе нет. Я просто… задумался кое о чём.

Мэри передвинула ладонь на его широкое плечо.

— Что-то, связанное со мной?

— Частично да.

— Понтер, — сказала она, — мы решили попробовать и посмотреть, как это… эти наши *отношения* пойдут дальше. Но это возможно только в том случае, если мы будем общаться.

Мэри видела, что Понтер выглядит откровенно встревоженным; у него на лице словно написано «Думаешь, я не знаю?»

— Итак? — сказала Мэри.

— Помнишь Веронику Шеннон?

— Конечно. Женщину из Лаврентийского. —

Женщину, благодаря которой Мэри Воган увидела Деву Марию.

— Из её работы следует одна вещь, — сказал Понтер. — Она идентифицировала у Homo sapiens мозговые структуры, отвечающие за религиозные переживания.

Мэри глубоко вдохнула. Ей было неприятно об этом задумываться, но её разум учёного не мог игнорировать то, что, по-видимому, продемонстрировала Вероника.

— Полагаю, так, — сказала Мэри, выдыхая.

— Так вот, если мы знаем, что является *причиной* религии, — сказал Понтер, — то…

— То что? — спросила Мэри.

— То её, наверное, можно вылечить.

Сердце Мэри подпрыгнуло; ей показалось, что она сейчас свалится с подлокотника кресла.

— Вылечить, — повторила она, будто произнесённые её собственным голосом эти слова каким-то образом изменили бы смысл. — Понтер, нельзя *вылечить* религию. Это не болезнь.

Понтер не ответил, но, глядя на него сверху вниз со своего насеста на подлокотнике, Мэри увидела, как его бровь вползла на надбровье, словно спрашивая: «Да неужели?»

Мэри решила заговорить первой и не дать Пон-

теру сказать ещё что-нибудь, чего она не желала слышать.

— Понтер, это часть меня. Часть того, что я есть.

— Но она принесла в ваш мир столько зла.

— Но также и много пользы, — возразила Мэри.

Понтер склонил голову набок и повернул её так, чтобы видеть её лицо.

— Ты сама попросила рассказать, о чём я думаю. Я хотел оставить эти мысли при себе.

Мэри задумалась. Если бы он действительно держал их при себе, ей бы и в голову не пришло спросить, что с ним не так.

— Наверняка можно выяснить, что за мутация привела к этому изменению у глексенов, — продолжал Понтер.

Мутация. Религия как результат мутации. О Господи!

— Откуда ты знаешь, что мутировал именно мой вид? Может быть мы-то как раз нормальные, как наши общие предки, а вы — мутанты.

Понтер лишь пожал плечами.

— Вполне возможно. Но если так, то это не…

Но Мэри закончила мысль за него; в её голосе звучала горечь:

— Это не было бы единственным улучшением со времени разделения неандерталенсисов и сапиенсов.

— Мэре… — мягко сказал Понтер.

Но Мэри не собиралась менять тему.

— Вот видишь! У вас вокальный репозиторий беднее. Это мы — следующий этап развития.

Понтер открыл было рот, чтобы возразить, но закрыл его, не высказав пришедшую в голову мысль. Однако Мэри догадывалась, что он, вероятно, хотел сказать; идеальное возражение на её замечание о вокальном репозитории — тот факт, что у глексена во время еды может насмерть подавиться, тогда как неандерталец — нет.

— Прости, — сказала Мэри. Она съехала с подлокотника кресла к нему на колени, обхватив его руками за плечи. — Я такая вредная. Прости меня, пожалуйста.

— Конечно, — сказал Понтер.

— Это для меня тяжёлая тема, ты сам это понимаешь. Религия как случайная мутация. Религия как повреждение генома. Моя вера — как чисто биологическая реакция без какого-либо основания в высшей реальности.

— Не могу сказать, что понимаю тебя, потому что это не так. Я никогда не верил во что-либо во-

преки свидетельствам противоположного. Но…

— Но?

Понтер опять погрузился в молчание, и Мэри сдвинулась у него на коленях, откинувшись назад так, чтобы видеть его заросшее бородой широкое круглое лицо. В его золотистых гласах был такой ум, такая нежность.

— Понтер, прости. Я отреагировала так, как отреагировала. Последнее, чего бы я хотела, это чтобы ты замыкался — начал бояться открыто говорить со мной. Прошу, скажи то, что ты собирался сказать.

Понтер глубоко вздохнул, и Мэри ощутила лицом его дыхание.

— Помнишь, я рассказывал, что посещал скульптора личности?

Мэри коротко кивнула.

— По поводу моего изнасилования. Да, я помню.

— Это непосредственная причина моего визита к нему, но другие… вещи… вопросы…

— В этом контексте мы обычно говорим о *проблемах*, — подсказала Мэри.

— Ага. Выяснилось, что у меня имеются другие проблемы, ожидающие решения.

— И?

Понтер поёрзал в кресле; сидящая на коленях Мэри практически не стесняла его движений.

— Скульптора личности звали Журард Селган, — сказал Понтер. Ненужная подробность, позволяющая выиграть время для приведения мыслей в порядок. — У Селгана была гипотеза насчёт…

— Насчёт…?

Понтер слегка пожал плечами.

— Насчёт моих чувств к тебе.

Мэри ощутила, как напряглась спина. То, что она оказалась причиной проблем Понтера, уже само по себе было плохо — но стать объектом теорий совершенно незнакомого человека! В её голосе прозвучал плейстоценовый холод:

— И что это была за гипотеза?

— Ты ведь знаешь, что моя партнёрша — Класт — умерла от рака крови?

Мэри кивнула.

— Так что её больше нет. Её существование закончилось необратимо и полностью.

— Как тех ветеранов Вьетнама, чьи имена написаны на мемориале, — сказала Мэри, вспоминая их поездку в Вашингтон, во время которой всё началось по-настоящему.

— Именно! — сказал Понтер. — Именно так!

Мэри кивнула: кусочки мозаики начали складываться в картинку у неё в голове.

— Тебя расстроило, что люди у вьетнамской стены могут утешиться мыслью, что их близкие каким-то образом продолжают существовать.

— *Ка,* — тихо ответил Понтер. Кристина уже не переводила неандертальское «да», если это было единственное сказанное слово.

Мэри кивнула.

— Ты… ты завидовал им, тому, что у них есть утешение, несмотря на их ужасную потерю. Утешение, которого ты лишён, потому что не веришь в рай на небе и загробную жизнь.

— *Ка,* — снова сказал Понтер. Однако, после долгой паузы, заговорил снова, и Кристина принялась переводить:

— Но мы с Селганом обсуждали не нашу поездку в Вашингтон.

— А что тогда? — спросила Мэри.

— Он предположил, что… что моё влечение к тебе…

— Да?

Понтер вскинул лицо к фрескам на потолке.

— Я только что сказал, что никогда не верил во что-либо вопреки свидетельствам противоположного. То же самое можно сказать про веру во

что-либо в отсутствие свидетельств. Но Селган предположил, что, возможно, я поверил тебе, когда ты сказала, что у тебя есть душа, которая в той или иной форме продолжит существование даже после смерти.

Мэри нахмурила брови и склонила голову набок в полнейшем изумлении.

— И что?

— Он… он… — Понтер, казалось, был не в состоянии продолжать. Наконец, он просто поднял левую руку и сказал:

— Хак?

Хак заговорил по-английски собственным голосом.

— Мэре, пожалуйста, не чувствуйте себя ущербной, — сказал компаньон. — Сам Понтер также не смог этого увидеть, хотя для учёного Селгана всё было ясно, как день… и для меня тоже.

— Что? — с внезапно заколотившимся сердцем спросила Мэри.

— Можно предположить, — продолжил компаньон, — что если вы умрёте, то Понтер не будет скорбеть по вам так же глубоко, как по Класт — не потому, что вас он любит меньше, а потому, что сможет убедить себя в том, что вы в каком-то виде продолжаете существовать.

Мэри ощутила, как всё её тело расслабилось и осело. Если бы рука Понтера не охватывала её вокруг пояса, она бы свалилась с его колен.

— О мой… Бог… — пробормотала она. Её голова шла кругом; она не знала, что и подумать.

— Я не считаю, что Селган прав, — сказал Понтер, — но…

Мэри слабо кивнула.

— Но ты учёный, и это… — Она замолчала, задумалась; вера в загробную жизнь и правда может дать такого рода утешение. — И это в самом деле интересная гипотеза.

— *Ка,* — ответил Понтер.

И правда, *ка.*

Глава 20

Но сейчас пришло время возобновить наше путешествие, ибо именно эта любовь к путешествиям возвеличивает нас…

— Угадай что! — сказал Понтер Меге. — Сегодня мы отправляемся в путешествие! Мы полетим на вертолёте!

Мега сияла от радости.

— Мэре мне сказала! Ура!

В дни, когда Двое становятся Одним, междугороднее движение довольно активно; вертолёт между Салдаком и Кралдаком летает в эти дни на регулярной основе, и Понтер, Мэри и Мега отправились к месту его посадки. У Понтера была с собой кожаная сумка, и Мэри предложила понести её, поскольку Понтер нёс на плечах Мегу.

Вертолёт был красновато-коричневого цвета с цилиндрическим корпусом; Мэри он напомнил гигантскую банку «доктора пеппера». Внутри оказалось неожиданно просторно, и Мэри с Понтером расселись на широченных мягких креслах лицом друг к другу. Мега устроилась на кресле

рядом с Понтером и сразу прилипла к окну, глядя на уходящую вниз землю.

Салон был отлично звукоизолирован; Мэри редко летала на вертолётах, но каждый раз у неё от шума болела голова.

— У меня для тебя подарок, — сказал Понтер Меге. Он открыл сумку и вытащил из неё сложную деревянную игрушку.

Мега завизжала от восторга.

— Спасибо, папа!

— Я и тебя не забыл, — сказал он, улыбаясь Мэри. Он снова запустил руку в сумку и выудил из неё экземпляр «Глоуб энд Мэйл», канадской центральной газеты.

— Где ты её раздобыл? — Мэри была вне себя от удивления.

— В лаборатории квантовых вычислений. Попросил одного из глексенов принести мне её с той стороны.

Мэри была потрясена и польщена. Здесь она редко вспоминала о мире, в котором родилась, но будет неплохо наверстать — и она *правда* соскучилась по Дилберту[34]. Мэри развернула газету. Первая страница сообщала о крушении

[34] Примечания: 34

Dilbert — серия комиксов американского художника Скотта Адамса об офисной жизни.

поезда под Ванкувером; об очередном обострении между Индией и Пакистаном; о том, что министр финансов представил парламенту проект нового бюджета.

Она перевернула страницу — газета издала громкое шуршание — и…

— О Господи, — сказала Мэри.

— Что случилось? — спросил Понтер.

Мэри порадовалась тому, что сидит.

— Папа Римский умер, — тихо сказала она. По-видимому, это произошло несколько дней назад, иначе новость была бы на первой странице.

— Кто?

— Лидер моей системы верований. Он умер.

— Мои соболезнования, — сказала Понтер. — И что теперь будет? Какой-то кризис или что?

Мэри покачала головой.

— Да нет… не в том смысле. Я тебе говорила, что нынешний Папа стар и дряхл. Уже довольно давно было понятно, что дни его сочтены. — Мэри разленилась и перестала избегать фразеологизмов в речи — ведь Бандра знала их так много, но сейчас она заметила недоумение на лице Понтера. — Что он скоро умрёт, — пояснила она.

— Ты с ним встречалась?

— С Папой? — удивилась Мэри. — Нет. Нет, с

Папой встречаются лично только всякие знаменитости. — Она взглянула на Понтера. — У тебя бы было гораздо больше шансов.

— Я… я не знаю, что бы я мог сказать религиозному лидеру.

— Он был больше, чем просто лидер. В католицизме Папа считается посредником между человечеством и Богом.

Мега оторвалась от пейзажа за окном и решила взобраться Понтеру на колени. Понтер помог ей.

— Ты хочешь сказать, что Папа общается с Богом?

— Якобы.

Понтер едва заметно качнул головой.

Мэри заставила себя улыбнуться.

— Я знаю, ты не веришь, что это возможно.

— Тогда не будем об этом говорить. Но… ты выглядишь искренне огорчённой. И при этом ты не была знакома с Папой, никогда не встречалась с ним, и, по твоим словам, его смерть не означает кризисной ситуации для твоей системы верований. — Понтер говорил тихо, так что Мега не обращала на его слова внимания. Однако перевод Кристины звучал в кохлеарных имплантах с нормальной громкостью.

— Это просто потрясение, — сказала Мэри. — И

ещё… э-э…

— Да?

Мэри шумно выдохнула.

— Новый Ппапа может изменить политику Церкви по фундаментальным вопросам.

Понтер моргнул.

— Например?

— Римско-католическая церковь… в общем, многие люди считают, что она не идёт в ногу со временем. Ты в курсе, что она не разрешает аборты и разводы — расторжение брака. Но она также запрещает духовенству заниматься сексом.

— Почему? — Сидящая рядом с Понтером Мега увлечённо глядела в окно.

— Ну, предполагается, что половая жизнь мешает им выполнять свои духовные обязанности, — сказала Мэри. — Но большинство других религий не требуют целибата от своих служителей, и многие католики думают, что он приносит больше вреда, чем пользы.

— Вреда? Мы иногда говорим подросткам, чтобы не воздерживались, а то переполнятся и лопнут, но это, разумеется, просто шутка. Какой вред может нанести воздержание?

Мэри смотрела в сторону.

— Известно, что священники — члены духо-

венства — занимаются… — Она закрыла глаза и начала снова. — Понимаешь, это лишь очень малая часть духовенства. Большинство священников — люди честные и добрые. Однако среди них встречаются и такие, которые… в общем, которые делают это с детьми.

— Делают что? — не понял Понтер.

— Занимаются сексом. У нас это называется «растление малолетних».

Понтер взглянул на Мегу; она, похоже, не обращала на разговор взрослых ни малейшего внимания.

— Кого у вас считают «малолетними»?

— Маленьких мальчиков и девочек, трёх-четырёх лет и больше.

— В таком случае хорошо, что священникам положен целибат. Генетическая предрасположенность к такому занятию должна быстро угаснуть.

— Хотелось бы верить, — сказала Мэри. потом пожала плечами. — Может быть вы и правда правы, стерилизуя не только преступника, но и тех, у кого с ним по крайней мере половина общих генов. Потому что растление малолетних приобретает среди духовенства масштабы эпидемии. — Она подняла «Глоуб». — По крайней мере,

так кажется, когда читаешь газеты.

— Я не умею читать, — сказал Понтер, — хотя надеюсь научиться. Но я иногда смотрю ваши новости по телевизору и слушаю их по радио. И там иногда говорят: «Когда же мы узнаем о тёмных сторонах неандертальской цивилизации? Ведь наверняка и у них есть какие-то плохие качества». Но, Мэре, я тебе говорю, — Кристина могла бы заменять в переводе «Мэре» на «Мэри», но не делала этого, — у нас нет ничего подобного вашим «растлителям малолетних», вашим загрязнителям природы, вашим изготовителям и взрывателям бомб, вашему рабству и терроризму. Мы ничего не скрываем, и всё же ваш народ продолжает верить, что у нас должно быть что-то настолько же отвратительное. Я не знаю, связано ли это как-то с вашей религией, но эти явления очень схожи: ваши люди считают, что некоторое количество зла неизбежно. Но это не так. Если от контакта между нашими мирами будет какая-то польза, то по крайней мере в осознании этого факта.

— Может, ты и прав, — сказала Мэри. — Но, знаешь, мы иногда всё же меняемся к лучшему. И в этом новый Папа может сильно помочь.

— Папа, смотри! — воскликнула Мега, показы-

вая в окно. — Другой вертолёт!

Понтер наклонил голову к окну.

— Ага, — ответил он и погладил дочь по голове. — Ты же знаешь — многим людям приходится ехать далеко, чтобы встретиться со своими любимыми, когда Двое становятся Одним.

Мэри подождала, пока Мега снова уставится в окно.

— Очень многое, — продолжила она, — зависит от того, как Папа решит действовать — или, в соответствии с моими верованиями, что ему подскажет Бог. Последний Папа был не слишком эффективен в деле решения проблемы развращения малолетних служителями Церкви. Но новый Папа мог бы её решить. И он мог бы положить конец целибату священников. Мог бы смягчить политику в отношении абортов. Мог бы признать гомосексуалистов.

— Как это — признать? Они у вас выглядят по-другому?

— Нет, в том смысле, что Церковь считает однополые отношения грехом. Но новый Папа может что-то изменить в этом и многих других вопросах.

— А что ты сама о них думаешь?

— Я? — сказала Мэри. — Ну, я за выбор — за

то, чтобы женщина имела право решать, хочет она прервать беременность или нет. Я ничего не имею против гомосексуалистов. Я не думаю, что священников следует заставлять хранить целибат. И уж конечно я не считаю, что брак должно быть очень непросто расторгнуть. Понятное дело, этот вопрос сейчас для меня самый важный: мы с Кольмом согласились на аннуляцию — это, в сущности, означает заявить перед Церковью и Богом, что нашего брака никогда не было, так что его можно вымарать из регистрационных книг. Теперь же… — Она помолчала, затем продолжила: — Теперь же, я думаю, нам следует немного подождать и посмотреть, что будет делать новый Папа. Если он позволит католикам разводиться, оставаясь в лоне Церкви, я стану гораздо счастливее.

Незнакомый неандерталец склонился над ними.

— Мы начинаем снижение. Пожалуйста, пристегните вашу дочь.

* * *

Для поездки к обнаруженному Хаком месту Понтер вызвал транспортный куб. Водитель-мужчина поначалу, похоже, ехать туда не хотел — хи-

жина находилась довольно далеко от Окраины Кралдака — но Понтер в конце концов его уговорил. Куб полетел над обнажениями коренных пород, лавируя между рощицами деревьев и срезая напрямик через небольшие озерца, к месту, где Хак обнаружил хижину Вессан Леннет.

Прибыв на место, они выгрузились и приблизились к постройке. Это было нечто вроде бревенчатого сруба, только брёвна не лежали горизонтально, а были поставлены на попа. Понтер постучал в дверь — никакого ответа. Он повернул дверную ручку, по форме напоминавшую морскую звезду, открыл дверь и…

И малышка Мега громко взвизгнула.

У Мэри кровь буквально застыла в жилах. На противоположной стене прямо перед ней, освещённый столбом падающего сквозь дверной проём света, висел гигантский череп…

Этого не могло быть, но…

Но выглядел он именно как череп циклопа. Деформированная черепная коробка с огромной глазницей посередине.

Понтер подхватил дочь на руки и принялся её успокаивать.

— Это просто череп мамонта, — сказал он. И Мэри поняла, что он прав. Бивни были удалены, а на

месте отверстия в центре при жизни был хобот.

Понтер позвал Вессан по имени, но в хижине была лишь одна-единственная большая комната с обеденным столом посередине и единственным стулом, шкурами на полу, каменным очагом с охапкой дров и грудой одежды в углу: спрятаться внутри было попросту негде. Мэри развернулась и выглянула наружу, надеясь разглядеть Вессан, но она могла быть *где угодно*…

— Учёный Боддет! — Это был водитель транспортного куба.

Понтер вернулся к двери.

— Да? — крикнул он в ответ.

— Сколько вы здесь пробудете?

— Я не знаю, — ответил Понтер. — Думаю, не меньше одного деци.

Водитель немного подумал.

— Тогда я съезжу поохочусь, — объявил он, наконец. — Давненько не выбирался так далеко от города.

— Удачи! — крикнул Понтер, махнув ему рукой. Потом он вернулся в хижину и подошёл к лежащей в углу груде одежды. Он взял из неё рубашку и прижал к носу, глубоко вдохнув. То же самое он повторил с ещё несколькими предметами одежды, потом кивнул Мэри.

— Достаточно, — сказал он. — Теперь я знаю её запах.

Понтер взгромоздил Мегу на плечи и вышел в открытую дверь. Мэри последовала за ним, закрыв дверь за собой. Понтер раздул ноздри, втягивая в себя воздух, и пошёл вокруг дома. Немного не завершив полный круг, он остановился.

— В той стороне, — сказал он, показывая на восток.

— Здорово, — сказала Мэри. — Пошли.

Маленькие неандерталки знают всё о собирательстве, но редко видят охотника за работой; Мега была в восторге от нового приключения. Даже с дочерью на плечах Понтер шагал через лес по каменистым обнажениям на удивление резво, Мэри с трудом за ним поспевала. В одном месте они спугнули оленей, которые тут же убежали; в другом при их приближении в воздух поднялась стая странствующих голубей.

Мэри не слишком хорошо умела оценивать пройденное в лесу расстояние, но они, должно быть, одолели не меньше шести-семи километров, прежде чем Понтер, наконец, указал на видневшуюся в отдалении фигуру, склонившуюся над ручьём.

— Вот она, — тихо сказал он. — Она от нас с

наветренной стороны, так что я уверен, что нас она ещё не заметила.

— Хорошо, — сказала Мэри. — Давай подойдём ближе.

Понтер сказал Меге вести себя тихо, и они двинулись вперёд, подойдя к неандерталке метров на сорок. Но тут Мэри наступила на ветку, которая с громким треском переломилась, и женщина удивлённо вскинула голову. Немая сцена продолжалась несколько секунд — Понтер, Мэри и Мега смотрели на женщину, а женщина смотрела на них — после чего неандерталка повернулась и бросилась прочь.

— Стойте! — закричала Мэри. — Не убегайте!

Мэри не ожидала, что её слова возымеют какой-то эффект, но женщина тут же остановилась и обернулась к ней. Только тут Мэри сообразила: ведь она кричала по-английски, и хотя Кристина послушно перевела её слова мгновением спустя, женщина, должно быть, никогда в жизни не слышала настолько высокого голоса или настолько странного языка. Если она с начала лета живёт сама по себе, без компаньона и визора, то вряд ли она знает о том, что открылся портал в иную вселенную.

Понтер, Мэри и Мега подошли поближе, метров

на двадцать. На лице женщины было написано выражение полного, абсолютного изумления.

— Что… кто вы такая? — просила она по-неандертальски.

— Меня зовут Мэри Воган, — крикнула Мэри. — Пожалуйста, не убегайте! Вы Вессан Леннет?

Широкая челюсть женщины упала — Мэри сообразила, что она впервые в жизни услышала звук «и».

— Да, — ответила Вессан Леннет по-неандертальски. — Я Вессан. Пожалуйста, не трогайте меня.

Мэри удивлённо посмотрела на Понтера, однако крикнула в ответ:

— Разумеется! Мы вам ничего не сделаем! — Потом спросила Понтера: — Почему она нас боится?

— У неё нет компаньона, — тихо ответил Понтер. — С её стороны не останется записи этой встречи, и с точки зрения наших законов у неё нет никаких прав — она не сможет потребовать просмотра записей наших архивов.

— Не бойтесь! — закричала Мега. — Мы хорошие!

Понтер, Мэри и Мега приблизились к Вессан ещё метров на пять — она оставалась на месте.

— Кто вы такая? — снова спросила она.

— Она глексен! — крикнула Мега. — Разве вы не видите?

Вессан уставилась на Мэри.

— Нет, не вижу. Кто вы?

— Мега права. Я тот, кого вы называете глексенами.

— *Изумление!* — перевела Кристина восклицание Вессан. — Но… но вы же взрослая. Если бы кому-то удалось получить глексенский генетический материал настолько давно, уж я-то бы знала.

Мэри понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, о чём говорит Вессан: она подумала, что Мэри — клон, выращенный из древней ДНК.

— Нет, всё не так. Я…

— Позволь мне, — сказал Понтер. — Вессан, вы знаете, кто я?

Вессан прищурилась, потом покачала головой.

— Нет.

— Это мой папа! — крикнула Мега. — Его зовут Понтер Боддет. Он 145-й. А я 148-я.

— Вы знаете химика по имени Лурт Фрадло? — просил Понтер, глядя на Вессан.

— Фрадло? Из Салдака? Знакома с её работами.

— Она партнёрша Адекора, — объяснила Ме-

га. — А Адекор — партнёр моего папы.

Понтер положил ладонь Меге на плечо.

— Правильно. Мы с Адекором квантовые физики. Нам удалось открыть доступ в параллельную вселенную, в которой глексены дожили до сегодняшнего дня, а барасты — нет.

— Вы меня за дуру держите? — сказала Вессан.

— Да нет же! — воскликнула Мега. — Это правда! Папа провалился в другой мир под землёй, в Дебральской никелевой шахте. Никто не знал, что с ним стало. Даклар думала, что это Адекор что-то сделал с папой, но Адекор хороший — он бы никогда такого не сделал. Жасмель — это моя сестра — помогала Адекору, и они смогли вернуть папу назад! Но потом они сделали так, чтобы портал всё время был открыт, и Мэре пришла через него с другой стороны.

— Нет, — сказала Вессан, глянув вниз. — Она из нашего мира. У неё компаньон.

Мэри тоже взглянула вниз; уголок лицевой панели компаньона высовывался из-под рукава свитера. Она сняла куртку, закатала рукав и вытянула руку вперёд.

— Мне его только недавно установили, — сказала она. — Рана ещё не зажила.

Вессан сделала шаг навстречу Мэри; потом ещё

один, и ещё.

— Действительно, — сказала она, наконец.

— Всё, что мы сказали — правда, — сказал Понтер. Он указал на Мэри. — Вы сами можете видеть, что это правда.

Вессан упёрлась широкими ладонями в бёдра и изучающим взглядом уставилась в лицо Мэри: крохотный нос, высокий лоб, костный выступ на нижней челюсти. Наконец, голосом, полным изумления, она произнесла:

— Да, я вижу.

Глава 21

Учёные говорят нам, что люди нашего вида дошли до северной оконечности Африки, посмотрели на север через Гибралтарский пролив и увидели за ним новую землю — и, разумеется, как это свойственно нам, мы рискнули, попытавшись переправиться через опасный пролив в Европу…

Вессан была из поколения 144, почти на десять лет старше Мэри. У неё были зелёные глаза и почти полностью седые волосы — лишь несколько светлых прядей выдавали их натуральный цвет. На ней была сильно потрёпанная одежда фабричного изготовления, там и тут заштопанная кусочками кожи. Она несла кожаный мешок, предположительно с сегодняшней утренней добычей.

Вчетвером они двинулись обратно к хижине Вессан.

— Ну, хорошо, — сказала она, глядя на Мэри, — я поверю в вашу историю. Но я до сих пор не знаю, зачем вы меня отыскали.

Они подошли к небольшому ручью. Понтер подхватил Мегу на руки и перемахнул через ручей, потом протянул руку Мэри и помог ей перебраться. Вессан перешла ручей вброд.

— Вы знаете, я тоже занимаюсь химией жизни, — сказала Мэри. — Нас интересует ваш кодонатор.

— Он запрещён, — ответила Вессан, поживая плечами. — Запрещён кучкой недалёких уродов.

Понтер жестом заставил их притихнуть. Впереди были олени. Мэри залюбовалась прекрасными созданиями.

— Вессан, — прошептал Понтер; Кристина, однако, воспроизвела перевод её слов на нормальной громкости, поскольку лишь Мэри могла её слышать. — Вам хватает еды? Я с удовольствием добуду для вас одного из тех оленей.

Вессан рассмеялась, потом ответила в полный голос:

— Вы очень добры, Понтер, однако мне всего хватает.

Понтер склонил голову, и они двинулись дальше; олени разбежались, давая дорогу. Вдали показалась хижина Вессан.

— Мой интерес к кодонатору не только академический, — сказала Мэри. — Мы с Понтером

хотим завести ребёнка.

— У меня будет младшая сестрёнка! — обрадовалась Мега. — Старшая у меня уже есть. Но мало у кого есть и старшая, и младшая сестра, так что я буду особенная.

— Правильно, дорогая, — сказала Мэри. — Ты правда особенная. — Она снова повернулась к Вессан.

— А что с вашей партнёршей-бараст? — спросила Вессан, обращаясь теперь к Понтеру.

— Её больше нет, — ответил он.

— Ах, — сказала Вессан. — Простите.

Они добрались до хижины. Вессан открыла дверь и жестом пригласила всех внутрь. Там она сняла с себя шубу…

…и Мэри увидела безобразный шрам на внутренней стороне её левого предплечья, в месте, откуда она удалила компаньона.

Понтер присел с Мегой к столу. По дороге она подобрала еловую шишку и пару красивых камней, и теперь непременно желала показать их отцу.

Мэри посмотрела на Вессан.

— Итак, — сказала она, — прототип всё ещё существует?

— Зачем он вам? — спросила Вессан. — Кого-то

из вас стерилизовали по суду?

— Нет, — сказала Мэри. — Ничего подобного.

— Тогда зачем вам мой прибор?

Мэри взглянула на Понтера, который внимательно слушал Мегу, рассказывавшую о том, что они проходят в школе.

— У барастов и глексенов, а также шимпанзе, бонобо, горилл и орангутанов общий предок, — сказала Мэри. — У этого предка, по-видимому, было двадцать четыре пары хромосом, как и у всех его потомков за исключением глексенов. У глексенов две хромосомы слились в одну — таким образом, у нас их всего двадцать три пары. В целом геном имеет практически одинаковую длину, но разница в числе хромосом делает натуральное зачатие проблематичным.

— Поразительно! — сказала Вессан. — Да, с помощью кодонатора можно легко получить диплоидный набор хромосом, в котором комбинировалась бы ДНК Понтера и ваша.

— Мы на это и надеялись, — сказала Мэри. — Почему я и спрашиваю, существует ли ещё ваш прототип.

— О, он существует, разумеется, — сказала Вессан. — Но я не могу позволить вам его забрать. Это запрещённый прибор. Как бы я ни ненавидела

этот факт, это реальность. Если он будет у вас, вы понесёте наказание.

— Он запрещён здесь, — сказала Мэри.

— Не только в Кралдаке и окрестностях, — возразила Вессан. — По всему миру.

— По всему *этому* миру, — сказала Мэри. — Но не в *моём* мире. Я увезу его к себе; мы с Понтером зачнём ребёнка там.

Глаза Вессан под изогнутым надбровьем округлились. Несколько секунд она молчала, и Мэри предпочла не прерывать её раздумий.

— Полагаю, это возможно, — сказала, наконец, Вессан. — Почему нет? Лучше он послужит хоть кому-нибудь, чем вообще никому. — Она помолчала. — Вам всё равно понадобится медицинская помощь, — продолжила она, — чтобы изъять яйцеклетку из вашего тела. Ваш природный гаплоидный набор хромосом будет удалён из неё, и вместо него доктор поместит внутрь полный диплоидный набор хромосом, созданный с помощью кодонатора. После этого яйцеклетка будет снова имплантирована в ваше тело. С этого момента у вас будет совершенно обычная беременность. — Она улыбнулась. — Тяга к солёным корнеплодам, тошнота по утрам и всё такое.

Мэри испытывала энтузиазм, пока речь шла о

некоем абстрактном решении, магически появляющемся из чёрного ящика. Однако теперь…

— Я… я не думала, что придётся удалить мою природную ДНК. Я думала, мы просто реструктурируем ДНК Понтера так, что она станет совместимой с моей.

Вессан вскинула бровь.

— Мэре, вы ведь сказали, что вы специалист по химии жизни. Вы должны знать, что в дезоксирибонуклеиновой кислоте, произведённой вашим телом, нет ничего особенного по сравнению с такой же кислотой, полученной синтетически. Вы, в сущности, не сможете отличить естественную цепочку от искусственной. Они химически неразличимы.

Мэри задумалась. Она частенько ворчала на сестру за то, что она переплачивает за «природные» витамины, химически неотличимые от произведённых в лаборатории. Но…

— Но одна из них выходит из моего тела, а другая — из машины.

— Да, но…

— Нет-нет, вы, разумеется, правы, — сказала Мэри. — Я годами твержу своим студентам, что ДНК — это не более, чем закодированная информация. — Она улыбнулась Понтеру и Меге. — И

коль скоро это *наша* закодированная информация — ребёнок тоже наш.

Понтер посмотрел на неё и кивнул.

— Разумеется, придётся секвенировать наш генетический материал.

— Проще простого, — сказала Вессан. — Это может сделать и сам кодонатор.

— Чудесно! — воскликнула Мэри. — Ваш прототип здесь?

— Нет. Нет, я его спрятала. Закопала. Но я завернула его в пластик и металлическую фольгу, так что он не пострадает. Это недалеко отсюда; я могу его достать в любой момент.

— Это очень много для нас значит, — сказала Мэри. И тут её осенило. — А вы не хотите вернуться вместе со мной? В мой мир? Я могу гарантировать, что в нашем мире не запретят ни сам прибор, ни дальнейшие исследования в этой области.

— Замечательная идея! — обрадовалась Вессан. — А на что похож ваш мир?

— Ну, он сильно отличается. К примеру, население у нас существенно больше.

— Насколько большое?

— Шесть миллиардов.

— Шесть миллиардов! Я думаю, в этом случае

вам вряд ли нужен прибор, облегчающий зачатие…

Мэри согласно кивнула.

— И мужчины и женщины живут вместе постоянно.

— Безумие! И они не действуют друг другу на нервы?

— Ну… я думаю, нередко, но… Как я сказала, наш мир сильно отличается. И в нём есть много замечательных вещей. У нас есть орбитальная станция — обитаемый аппарат, постоянно летающий вокруг планеты. У нас есть здания, которые упираются в небо, — хотя, с грустью подумала Мэри, недавно двумя из них стало меньше. — И наша кухня гораздо разнообразнее.

— Понтер, вы были там?

— Мой папа был там *три раза*! — гордо заявила Мега.

— На что это похоже? — спросила Вессан.

— Смотря для кого, — ответил Понтер. — Вот вам, к примеру, нравится жить вот так, на природе?

— Очень. Я уже совсем свыклась с такой жизнью.

— Вы чувствительны к запахам?

— Запахам?

— Да. Для получения энергии они жгут уголь и нефть, так что все их города пропитаны вонью.

— Звучит не очень привлекательно. Я, пожалуй, останусь здесь.

— Конечно, если вам здесь лучше, — сказала Мэри. — Но вы научите нас работать с кодонатором?

Вессан взглянула на Понтера.

— А что вы об этом думаете? Я-то добровольно удалилась от цивилизации, так что Серые — и Верховные, и Низшие — не имеют надо мной власти. Но вы…

Понтер посмотрел на Мэри, потом снова на Вессан.

— Я уже выступал против Верховных Серых; я принял решение проигнорировать приказ вернуться сюда, в наш мир, чтобы они смогли закрыть портал навсегда. Я бы и до сих пор оставался в мире Мэри, если бы посол не убедила других отправиться туда. И…

— Да?

— И, в общем, иногда людей стерилизуют без вины, так что…

Понтер умолк, и Мэри заговорила вместо него.

— Он говорит о своём партнёре, Адекоре Халде. Когда Понтер провалился в мой мир, кое-кто по-

думал, что Адекор убил его и избавился от тела. Его собирались стерилизовать. — Она повернулась в Понтеру. — Так ведь, Понтер?

— Что? — переспросил Понтер странным голосом. — О, да. Да, конечно, я об этом и говорил…

— Хорошо, — сказала Вессан, — раз вы считаете, что у вас из-за него не будет проблем, то я готова его отдать. — Она сделала жест в сторону двери. — Я пойду принесу его. Только не говорите никому — по крайней мере, в этом мире — что он у вас.

Глава 22

Точно так же некоторые из наших родственников-барастов, уроженцев Европы, приходили на её южную оконечность, на Гибралтар с его знаменитой скалой, символом постоянства и стабильности. И с её высоты они видели на юге неизвестную землю — Африку…

— Джок, можно вас на пару слов?

Джок Кригер поднял голову от стола. Его старание не выказывать своего восхищения красотой Луизы Бенуа было немного параноидальным. Он знал, что частично это из-за разницы в возрасте — он, в конце концов, старше её на тридцать шесть лет — но в корпорации «RAND» у него были знакомые, имевшие крупные неприятности из-за замечаний якобы сексистского характера.

— А, доктор Бенуа, — сказал он, поднимаясь со стула — ему так и не удалось победить эту привычку, вбитую в него ещё родителями. — Чем могу помочь?

— Помните разговор о возможном воздействии смены полярности планетарного магнитного

поля на наше сознание?

— Как такое можно забыть? — ответил Джок. — Вы сказали, что человеческое сознание было запущено в результате предыдущей смены полярности.

— Вот-вот. Сорок тысяч лет назад, когда случился Большой Скачок, магнитное поле Земли переживало коллапс, точно так же, как сейчас. В нашей вселенной поле снова возникло с той же полярностью, что и до коллапса — как это и происходит в половине случаев — не оставив по этой причине никаких следов. Но в другой вселенной ориентация поля сменилась, так что это событие *было* записано в геологической летописи. Как я сказала, это не может быть совпадением, что сознание гоминид оказалось запущено именно в период коллапса поля, и…

— И вы сказали, что в этот раз он снова может повлиять на наше сознание — возможно, приведя к его зависанию.

— Именно. Так вот, когда я впервые высказала это предположение, я опиралась лишь на совпадение во времени Большого Скачка и коллапса магнитного поля Земли; очевидно, между этими двумя событиями есть связь. Но с тех пор я копала, пытаясь разузнать, какие исследования

в области влияния электромагнитных полей на наше сознание у нас проводились — и, честно говоря, сейчас меня это беспокоит ещё больше.

— Почему? Ведь неандертальцы пережили коллапс — тот, который в их мире случился четверть века назад — без малейших проблем. — Джок был поражён, когда прочитал в работе Коу и Прево о том, что геологическая летопись содержит свидетельства чрезвычайно быстрой смены полярности магнитного поля планеты — в течение не столетий, а всего лишь недель. — Если им удалось пережить коллапс, то почему у нас не получится?

— Как бы мне не нравились барасты, — называть неандертальцев неандертальцами, по-видимому, уже стало неполиткорректно, — это другой вид, и мозги у них устроены по-другому, — сказала Луиза. — Достаточно взглянуть на их черепа, чтобы это понять. То, что им коллапс не повредил, ничего не говорит о нас.

— Да ладно, Луиза…

— Нет, правда. Я искала в интернете информацию о связи электромагнитных полей и сознания и наткнулась на нечто весьма интересное под названием CEMI-теория.

— Это как — теория наполовину? — спросил

Джок. Отличное название для полусырой идеи.

— CEMI, — через «С», — сказала Луиза. — Это расшифровывается как Conscious Electromagnetic Information theory[35]. Её независимо разработали двое исследователей: Джонджо Макфадден из Суррейского университета и Сьюзан Покетт из Новой Зеландии. — Она выглянула в окно кабинета Джока, по-видимому, собираясь с мыслями, и продолжила: — Видите ли, мы идентифицировали множество особых областей в человеческом мозге: области, где создаётся визуальное изображение, где происходят математические вычисления, даже — я точно помню, что читала о чём-то таком в газетах — область, ответственнуя за религиозные чувства. Но вот чего мы так и не смогли обнаружить в нашем мозге, так это место, где находится сознание. Макфадден и Поккет считают, что обнаружили это место — но оно не в мозгу, а, скорее, окружает и пронизывает его: это электромагнитное поле. Это поле позволяет нейронам, разделённым в мозгу значительным расстоянием, тем не менее контактировать друг с другом, связывая все крошечные кусочки информации воедино, в полную и точную картину

---

[35] Примечания: 35
«Электромагнитно-информационная теория сознания».

реальности.

— Беспроводная связь в мозгу, — спросил Джок, неожиданно для себя заинтересовавшись.

— Именно. В 1993 Карл Поппер высказал идею, что сознание есть внешнее проявление силового поля в мозгу, но он думал, что это силовое поле *неизвестной природы*, поскольку был уверен, что будь это одно из известных нам полей, оно бы уже давно было обнаружено. Макфадден и Поккет утверждают, что это поле имеет чисто электромагнитную природу.

— И они его зафиксировали?

— О, в мозгу и вокруг него происходит масса электромагнитных явлений; собственно, их-то и измеряет энцефалограф. Но вспомните, что нашим друзьям-барастам удалось объединить электромагнитное и сильное взаимодействия — другими словами, мы многого не знаем об электромагнитных полях, производимых как Землёй, так и мозгом одного-единственного человека.

— Но эти исследователи доказали, что такие поля действительно связаны с сознанием?

Луиза откинула от лица каштановую прядь.

— Нет, пока нет. И я признаю, что некоторые круги саму идею воспримут в штыки. Старина Рене Декарт верил в дуализм — идею о том, что

тело и разум — это две отдельных сущности. Но эта идея уже довольно давно вышла из моды, и некоторые посчитают CEMI-теорию нежелательным возвратом к дуализму. Но CEMI-теория весьма осмысленна с точки зрения обработки информации. Макфадден и Покетт, по сути, утверждают, что самосознание и информация — это одно и то же явление, наблюдаемое сквозь разные парадигмы, и…

— И что?

— Если сознание — электромагнитный феномен, — сказала Луиза, — тогда ничего нет удивительного в том, что впервые оно возникло в период коллапса геомагнитного поля. Как я уже говорила, недавний опыт барастов свидетельствует о том, что коллапс *сам по себе* не вызывает проблем с сознанием — но я ведь специалист по физике Солнца, не забыли? Пусть я специализируюсь по нейтрино, но мне интересен весь спектр солнечного излучения — а наш мозг, вместе со своими замысловатыми электромагнитными полями, в период коллапса будет подвергаться натиску этого обычно не доходящего до поверхности Земли излучения в течение нескольких лет или десятилетий. И чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к выводу, что нарушение

функционирования сознания вполне возможно.

— Но это же бред, — сказал Джок. — Сознание не может иметь электромагнитную природу. Я в прошлом году проходил МРТ, и я вас уверяю, во время процедуры я находился в полном сознании.

— Это наиболее частое возражение против этой теории, — сказала Луиза, кивая. — Макфадден рассматривал его в своей последней статье в «Journal for Consciousness Studies». Он доказывал, что жидкости в мозгу фактически создают клетку Фарадея, изолируя мозг от большинства внешних электрических полей. Он также указывает, что МРТ — это *статические* поля, изменяющие лишь направление движения заряженных частиц, так что они не оказывают никакого физиологического эффекта. Точно так же магнитное поле Земли статично и довольно однородно — или было таковым до тех пор, пока не начался коллапс. Но вот переменные внешние электромагнитные поля действительно возбуждают электрические токи в мозгу. И это влияет на активность мозга; есть даже строгие ограничения на многократное применение транскраниальной магнитной стимуляции, которое может вызвать судороги у здоровых людей.

— Но… если сознание имеет электромагнитную природу, то почему мы его не можем обнаружить?

— На самом деле можем. Сьюзан Покетт упоминает массу исследований, показывающих, что электромагнитные поля мозга изменяются воспроизводимым образом в ответ на специфические раздражители: вы можете измерить изменения в электромагнитных полях мозга в тот момент, когда вы видите что-то красное или что-то синее, или когда слышите среднее до или высокое до, и так далее. Она правда хороша в проделывании дырок в возражениях против её теории. К примеру, если мозолистое тело — скопление нервов, соединяющих правое полушарие с левым — рассечь, то можно ожидать, что обмен сигналами между полушариями мозга прекратится. Однако, за исключением самых неестественных ситуаций, пациенты с разделёнными полушариями функционируют вполне нормально; несмотря на отсутствие физического контакта между двумя частями мозга их сознание остаётся цельным — потому что, как утверждает Покетт, сознание является продуктом электромагнитного поля всего мозга, а не идущих в нём нейрохимических реакций.

— То есть, что вы хотите сказать? Что полушария мозга общаются телепатически? Да ладно!

— Скажем так, они общаются даже в отсутствие физического соединения, — сказала Луиза. — Это реальный факт.

— Тогда почему я не слышу ваших мыслей, даже когда стою рядом с вами?

— Ну, во-первых, вспомните, что мозг фактически заключён в клетку Фарадея, которая его экранирует. Во-вторых, Покетт считает, что основные колебания, ассоциируемые с сознанием, находятся в диапазоне от одного до ста герц, причём большинство из них — в районе сорока герц. Из этого следует, что их длина волны — где-то 8000 км, а размер идеальной антенны для приёма электромагнитного сигнала равен длине волны. Без гигантского приёмника либо по-настоящему чувствительного детектора вы не в состоянии уловить никакую часть моего сознания, просто подойдя ко мне поближе. Однако тот факт, что поле ограничено объёмом одного-единственного мозга, имеет большое значение. Одна из наибольших проблем в науке о сознании — это так называемая проблема связывания. Взгляните вот на эту книгу. — Она указала на лежащий у Джока на столе том — старое RANDовское исследование

в области военной стратегии. — Одна часть вашего мозга опознаёт зелёный цвет. Другая выделяет очертания предмета на фоне окружения. Третья отыскивает слово «книга» для их описания. Мы *знаем*, что мозг работает именно так. Но как эти кусочки связываются воедино, производя мысль о том, что мы смотрим на зелёный предмет, называемый книгой? CEMI утверждает, что связывание производит электромагнитное поле.

— Это всё очень умозрительно, — сказал Джок.

— Это, конечно, передний край и всё такое, но это хорошая, прочная научная теория, делающая фальсифицируемые предсказания. До тех пор, как началась вся эта история с параллельными мирами, я мало задумывалась о вещах вроде природы сознания, но это по-настоящему захватывающая область науки.

— И вы опасаетесь, что наше сознание может быть разрушено в результате коллапса магнитного поля Земли?

— Я не утверждаю, что что-то такое обязательно случится — в конце концов, неандертальцы ведь и правда недавно пережили такое явление на их собственной планете, и ничего им не сделалось. Но да — я правда беспокоюсь. И, я думаю, вам стоит побеспокоиться тоже.

Глава 23

Но неандертальцы не перебрались через Гибралтар. Там, на Гибралтаре, проявилась разница между ними и нами. Потому что когда мы видим в пределах досягаемости новый мир, мы берём его себе…

— Вот это, — сказала Вессан, водружая на стол прибор бледно-зелёного цвета, — и есть мой прототип кодонатора.

Мэри оглядела машину. Она имела примерные размер и форму трёх буханок хлеба, приставленных вплотную друг к другу — хотя неандертальцам вряд ли пришла бы в голову такая аналогия.

— Он может синтезировать любую цепочку дезоксирибонуклеиновой кислоты, или, если пожелаете, рибонуклеиновой кислоты, а также дополнительные белки, необходимые для производства хромосом и других структур.

Мэри поражённо покачала головой.

— Это настоящая фабрика жизни. — Она посмотрела на Вессан. — В моём мире вам бы дали за него Нобелевскую премию — это наша высшая

награда за научные достижения.

— Но здесь, — ответила Вессан, — его запретили. — В её голосе зазвучала горечь. — А ведь у меня были самые добрые намерения.

Мэри насторожилась.

— А какие, собственно, у вас были намерения?

Вессан несколько секунд молчала.

— У меня есть младший брат, который живёт в специальном учреждении. — Она взглянула на Мэри. — Мы устранили большинство генетических наследственных расстройств, но кое-какие до сих пор встречаются — генетические, но не наследственные. У моего брата… я не знаю, как вы это называете. У него дополнительная двадцать вторая хромосома.

— В смысле, двадцать первая, — поправила Мэри. — О, нет, конечно, нет. У вас это должна быть двадцать вторая. Мы называем это синдромом Дауна.

— У глексенов такие же симптомы? — спросила Вессан. — Ментальная и физическая немощь?

Мэри кивнула. У глексенов синдром Дауна также проявляется в лицевых аномалиях: выдвинутый язык, падающая челюсть, складка эпикантуса даже у людей западного происхождения. Мэри задумалась, как мог бы выглядеть

бараст с синдромом Дауна.

— Моя мать была из поколения 140. Она должна была родить первого ребёнка в двадцать, но не смогла тогда зачать. И в тридцать тоже не смогла. Она родила меня в сорок, и Ланамара в пятьдесят.

— У моего народа поздняя беременность также повышает вероятность синдрома Дауна.

— Потому что падает способность тела производить чистые наборы хромосом. Я хотела решить эту проблему — и я её решила. Мой кодонатор может устранить все ошибки копирования, все…

— Что? — спросила Мэри.

— Прошу прощения, — сказала Кристина. — Я не знаю, как перевести слово, которое употребила Вессан. Оно относится к случаю, когда имеется три хромосомы там, где должна быть пара.

— Трисомия, — подсказала Мэри.

— Если бы мои родители имели доступ к этой технологии, — продолжала Вессан, — которая позволила бы им получить безупречный диплоидный набор хромосом, несмотря на их возраст, Ланамар был бы нормальным. И, конечно же, имеется множество схожих расстройств, которых также можно бы было избежать.

Конечно же, подумала Мэри. Один глексен-

ский ребёнок из 500 рождается с повреждениями половой хромосомы, такими как синдром Клайнфельтера (две и более X-хромосомы и одна Y, часто с мозаичностью), синдром трисомии по X-хромосоме, синдром Тёрнера (только одна X-хромосома, вторая половая хромосома отсутствует либо усечена), XYY синдром, несущий предрасположенность мужчин к насилию — она подозревала, что у Корнелиуса Раскина лишняя Y-хромосома, его сложение и характер соответствовали симптомам. Встречались и другие комбинации, но они по большей части приводили к выкидышу.

— Но это ещё не всё, — сказала Вессан. — Предотвращение трисомии и похожих расстройств дало лишь первый толчок моей работе. Когда я взялась за неё всерьёз, мне стали приходить в голову идругие возможные применения.

— Правда? — заинтересовался Понтер.

— Ага. Я захотела избавиться от элемента случайности в комбинировании генов, предоставив родителям выбор желаемых черт.

— Как вы это себе представляете? — спросил Понтер.

Вессан посмотрела на него.

— Вы унаследовали множество черт от вашего отца, и другое множество от вашей матери; от

каждого из них вы получили половину вашей дезоксирибонуклеиновой кислоты; в целом эти две половины составляют ваши сорок восемь хромосом. Однако каждый произведённый вами сперматозоид содержит произвольную выборку этих черт. Ваша, Понтера Боддета, ДНК содержит гены, регулирующие цвет глаз, полученные от отца и от матери; гены, регулирующие форму надбровного валика, полученные от отца и от матери и так далее. Но в вашем сперматозоиде всего сорок восемь хромосом, в которых лишь половина вашей дезоксирибонуклеиновой кислоты. Каждый произведённый вами сперматозоид будет содержать либо ген вашего отца, либо ген вашей матери, но никогда — оба. В одном сперматозоиде будет закодирован цвет глаз вашей матери, цвет волос вашего отца, и форма надбровья вашей матери. В другом может быть всё наоборот. Третий может содержать материнские гены для всех трёх признаков. В четвёртом — только отцовские гены. И так далее для всех десятков тысяч различных генов в вашем генетическом коде. Никакие два произведённых вами сперматозоида не будут содержать в точности такой же набор генов. То же самое происходит и с яйцеклетками: также практически невозможно, чтобы две яйцеклетки

содержали одну и ту же комбинацию материнских и отцовских генов.

— Допустим, — сказал Понтер.

— В сущности… Мега ведь ваша дочь, правильно?

— А чья же ещё! — воскликнула Мега.

Вессан присела перед ней на корточки.

— У неё карие глаза, хотя у вас — золотистые, — сказала она. — У вас есть другие дети?

— Старшая дочь, Жасмель.

— И какого цвета глаза у неё?

— Такого же, как у меня.

— Повезло ей! — недовольно заметила Мега.

— И правда повезло, — сказала Вессан, встав и погладив девочку по голове. Потом она снова повернулась к Понтеру. — Карий цвет — доминантный признак; золотистый — рецессивный. Вероятность того, что ребёнок естественным образом унаследует ваш цвет глаз — один к четырём. Но если вы поручите производство своего репродуктивного материала кодонатору, а не собственному организму, то сможете дать обоим своим детям золотистые глаза — или любой другой признак, который имеется в генетической коде у вас или у вашей партнёрши.

— Ах-х, — сказала Мега. — Вот у меня были

золотистые глаза!

— Понимаете? — спросила Вессан. — При природном зачатии набор признаков, наследуемых ребёнком, совершенно случаен.

Понтер кивнул.

— Но разве не ясно, — продолжала Вессан, — что это совершенно дурацкий способ? Вы никогда не знаете, что именно получите в результате. И ведь это касается не только незначительных мелочей вроде цвета глаз. У вас есть гены, регулирующие гибкость глазного хрусталика: один от отца, другой от матери. Предположим, что от матери вам достался хороший ген, благодаря которому вы сможете обходиться без коррекции зрения даже в старости, тогда как с геном вашего отца вам пришлось бы носить корректирующие линзы. Вы можете передать один и только один из них своему ребёнку. Какой бы вы выбрали?

— Материнский, разумеется, — сказал Понтер.

— Именно! Но при естественном зачатии у вас *нет* выбора — вообще нет. Что получит ребёнок, зависит от случая — потому что вы поручаете производство сперматозоидов неэффективной природе. Но если вы секвенируете свою дезоксирибонуклеиновую кислоту, мы сможем выбрать лучшую половину из каждой пары признаков,

унаследованной вами от родителей, и потом произвести гаплоидный набор хромосом, содержащий только эти лучшие признаки. Мы сможем также сделать то же самое для Мэри, произведя гаплоидный набор, содержащий лишь наилучшие признаки из её генов. А потом мы скомбинируем их так, чтобы произвести на свет наилучшего из возможных детей. Генетически этот ребёнок будет в точности наполовину отец и наполовину мать, но при этом он получит наилучшую из возможных комбинацию отцовских и материнских черт.

— Вау, — сказала Мэри, качая головой. — Не совсем ребёнок под заказ, но…

Вессан замотала головой в ответ.

— Нет-нет, хотя это также возможно с помощью кодонатора: мы *можем* закодировать аллели, не присутствовавшие ни у одного из родителей. Но к такому я никогда не стремилась. Скоро должно быть зачато поколение 149 — и я хотела, чтобы это было величайшее из поколений, наследующее только лучшие черты людей, зачавших его, и отбросившее все худшие. — Она снова покачала головой; её голос стал тише. — Я могла сделать больше для улучшения нашего вида, чем сделала для него чистка генофонда. — Впрочем, через

секунду она, похоже, справилась со своей обидой, по крайней мере, на время. — Похоже, этого уже никогда не случится. Но по крайней мере моё изобретение сможет послужить вам.

Сердце Мэри готово было разорваться. Она станет матерью! Это действительно случится!

— Это просто *сказочно*, Вессан. Спасибо вам! Вы нам покажете, как он работает?

— Конечно, — ответила Вессан. — Надеюсь, в батареях ещё есть заряд. — Она тронула рукоятку, и через секунду квадратный экран в центре устройства ожил. — Конечно, вы сможете подключить экран побольше. Итак, соответствующие исходные химикаты заливаются в отверстие вот здесь, — она оказала на дыру в правой части прибора. — А конечный продукт выходит отсюда в виде взвеси в дистиллированной воде. — Она показала на втулку слева. — Очевидно, вы сюда подсоедините подходящую стерильную ёмкость.

— И как описывается желаемый продукт? — спросила Мэри, восторженно рассматривая машину.

— Можно голосом, — сказала Вессан. Она вытянула контрольный штырёк и заговорила, обращаясь к прибору: — Произведи цепочку дезоксерибонуклеиновой кислоты длиной 10000

нуклеотидов, состоящую многократно повторенного кодона аденин-цитозин-тимин. — Она посмотрела на Мэри. — Это код для аминокислоты…

— Для треонина, — сказала Мэри.

Вессан кивнула.

— Точно.

На приборе появилось несколько зелёных огоньков.

— Ах, да — он говорит, что недостаточно исходных материалов. — Она ткнула пальцем в экран. — Видите? Они перечислены здесь. Вы также можете воспользоваться клавиатурой для описания задания. — Она указала на один из переключателей. — Здесь вы выбираете между рибонуклеиновой и дезоксирибонуклеиновой кислотами. А потом вводите данные с любым уровнем детализации, вплоть до отдельных нуклеотидов. — Она указала на квадратную группу из четырёх кнопок.

Мэри кивнула. Переключатель, должно быть, был в положении дезоксирибонуклеиновой кислоты, поскольку на четырёх кнопках светились неандертальские идеограммы для аденина, гуанина, тимина и цитозина. Она указала на другую группу кнопок, выстроенных в восемь рядов по

восемь.

— А эта клавиатура для ввода кодонов, не так ли?

Кодоны — слова генетического языка, и всего их шестьдесят четыре; каждый состоит из трёх нуклеотидов. Каждый кодон обозначает одну из двадцати аминокислот, используемых для изготовления протеинов. Поскольку кодонов больше, чем аминокислот, некоторые кодоны обозначают одно и то же — генетические синонимы.

— Именно так, — ответила Вессан. — Эти кнопки позволяют вам вводить кодоны. Или, если вам безразлично, какой именно кодон будет регулировать данную аминокислоту, вы можете выбирать аминокислоты напрямую вот здесь. — Она указала на ещё одну группу из двадцати кнопок — четыре ряда по пять.

— Конечно, — продолжала Вессан, — клавиатура используется только для внесения точечных изменений: вводить вручную длинную последовательность невероятно утомительно. Обычно прибор подключается к компьютеру, и информация о желаемом конечном продукте просто загружается с него.

— Великолепно, — сказала Мэри. — Вы не представляете, сколько мы сил потратили, чтобы

научиться генному сплайсингу. — Она посмотрела Вессан в глаза. — Спасибо вам.

— Не за что, — ответила Вессан. — Ну а теперь — за работу.

— Сейчас? — удивилась Мэри.

— Конечно. Мы не будем производить ДНК прямо сейчас, но мы полностью настроим процесс. По-первых, мне понадобятся образцы ваших с Понтером дезоксерибонуклеиновых кислот для секвенирования.

— Вы можете это сделать?

— Кодонатор может. Ему нужно лишь дать образец, чтобы он его проанализировал. Анализ одного образца займёт примерно одно деци.

— Десятая часть дня на полную расшифровку генома отдельного человека? — поражённо переспросила Мэри.

— Ага, — ответила Вессан. — Давайте начнём, а потом я раздобуду чего-нибудь поесть.

— Я с радостью помогу вам на охоте, — сказал Понтер. — Он улыбнулся и поднял руку. — Хоть я и знаю, что помощь вам не нужна.

— Я буду рада компании, — сказала Вессан. — Но сначала давайте получим образцы генетического материала.

Глава 24

Если предстоящий коллапс магнитного поля Земли и научит нас чему-нибудь, то, скорее всего, вот чему: человечество слишком ценно, чтобы иметь лишь один дом; что класть все яйца в одну корзину — непростительная глупость…

Понтер позвонил водителю транспортного куба и сказал ему возвращаться в Кралдак; они вызовут другой куб ближе к вечеру.

Мэри и Мега остались в хижине, а Вессан м Понтером пошли на охоту. Мега показала Мэри, как работает её игрушка; Мэри пересказала ей часть киплинговской «Книги джунглей». Мега научила Мэри петь короткую неандертальскую песенку. Мэри понравилось возиться с Мегой — и она знала, что иметь собственного ребёнка будет ещё чудесней.

Наконец, Вессан с Понтером вернулись с пойманным на обед фазаном; Вессан принялась его потрошить, а Понтер занялся салатом. Оказалось, что на крыше хижины были установлены солнечные панели, так что у неё был и вакуумный

шкаф для хранения продуктов, и электрообогреватель, и люциферинновые светильники, и многое другое; друзья надарили ей на прощание массу всего, когда она объявила о своём решении удалиться от организованного неандертальского общества. В целом, решила Мэри, это была бы не такая уж плохая жизнь, если бы только было чего почитать. Вессан показала Мэри свой планшет и как она его подзаряжает от солнечных панелей на крыше.

— Здесь хранится текстов где-то на четыре миллиарда слов, — объяснила она. — Доступа к новинкам у меня, понятное дело, нет, но это не беда; всё равно сейчас пишут одну чепуху. Но вот классика!.. — Вессан прижала устройство к груди. — Обожаю классику!

Мэри улыбнулась. Вессан была похожа на Кольма в его восхвалении достоинств Шекспира и его современников; ей приходилось прятать от него свои арлекиновские[36] романы, чтобы не нарваться на ссору.

Обед был очень вкусный, Мэри не могла этого не признать — или, возможно, после всех сегодняшних хождений по лесу она очень сильно

---

[36] Примечания: 36

«Harlequin» — торонтское издательство, специализирующееся на женских романах.

проголодалась.

На время обеда кодонатор убрали на пол, но как только все закончили есть, Вессан подняла его обратно на стол. Мега свернулась в углу калачиком и задремала, оставив троих взрослых сидеть у стола: Вессан на стуле, Понтер на поставленном на попа полене, а Мэри устроилась на крышке вакуумного шкафа лицом к циклопическому мамонтову черепу.

— Итак, — сказала Вессан, вглядываясь в дисплей. — Секвенирование завершено. — Мэри смотрела не на квадратный экран, а на саму Вессан, поскольку, за исключением очень небольшого количества, она не умела читать неандертальские идеограммы. Вессан, по-видимому, забыв об этом, ткнула пальцем в экран.

— Как видите, он составил список 50000 активных генов из вашей, Мэре, дезоксирибонуклеиновой кислоты, и такое же количество из кислоты Понтера.

— Пятьдесят тысяч? — поразилась Мэре. — Я считала, что в человеческой ДНК только 35000 активных генов. Согласно нашим последним подсчётам.

Вессан на секунду задумалась.

— Ах, да, вы, наверное, не считаете… не знаю,

как вы это зовёте. Своего рода экзонная дупликация. Я потом покажу вам, как это работает.

— Буду очень благодарна, — ответила Мэри, заинтригованная сверх всякой меры.

— Так вот, у прибора теперь есть список из 50000 аллелей для каждого из вас. Это значит, что кодонатор готов двигаться дальше и произвести то, что вам нужно: пару гамет с одинаковым количеством хромосом. Но…

— Да? — сказала Мэри.

— Ну, я вам рассказывала о том, для чего я создавала этот прибор: чтобы дать родителям возможность выбрать, какие аллели унаследует их ребёнок.

— Я думаю, нас устроит любая случайная комбинация. — Слова вырвались на свободу прежде, чем Мэри задумалась об их смысле; должно быть, поняла она, это заговорило её природное католическое отвращение к вмешательству в вещество самой жизни… хотя любое использование этой машины неизбежно является весьма тяжёлым случаем вмешательства.

Вессан нахмурилась.

— Если бы вы оба были барастами, я бы удовлетворилась таким ответом, однако, Мэре, как вы сами понимаете, будь вы барастами, вам не нужен

бы был кодонатор для получения случайной комбинации вашего генетического материала. — Она покачала головой. — Но вы — не бараст. — Она посмотрела на предплечье Понтера. — Не думала, что когда-либо снова воспользуюсь этой штукой, но… компаньон Понтера!

— Здравый день, — отозвался мужской голос из внешнего динамика. — Меня зовут Хак.

— Хак, значит, — сказала Вессан. — Я уверена, что после установления контакта с народом Мэре проводились исследования различий дезоксирибонуклеиновых кислот барастов и глексенов.

— Это так, — подтвердил Хак. — Это была весьма горячая тема.

— Результаты этих исследований доступны в глобальной информационной сети?

— Конечно.

— Отлично, — сказала Вессан. — В процессе нам понадобится наводить справки. — Она подняла голову и перевела взгляд с Мэри на Понтера, потом обратно на Мэри. — Я не советую вам произвольно слеплять ваши дезоксирибонуклеиновые кислоты. Речь идёт о комбинировании генов разных биологических видов. Да, конечно, — она сделала жест в сторону экрана кодонатора, — теперь уже очевидно, что геномы

барастов и глексенов практически идентичны, но мы должны изучить все расхождения и принять взвешенное решение о том, какой вариант оставить в каждом случае. — Она ткнула пальцем в направлении Мэри. — Такие вот крошечные носы характерны для вашего вида?

Мэри кивнула.

— Вот видите? Будет глупо закодировать крошечный глексенский нос и огромную обонятельную луковицу барастов. Признаки должы выбираться так, чтобы они усиливали друг друга или хотя бы друг другу не мешали.

Мэри кивнула.

— Да, конечно, вы правы. — У неё в животе заплясали бабочки, но она пыталась говорить непринуждённо. — Так что у нас в меню?

— Хак? — сказала Вессан.

— Генетические различия между…

— Погоди! — сказала Вессан. — Я ещё ничего не спросила.

Понтер улыбнулся.

— Хак — очень умный компаньон, — сказал он. — Вы знаете Кобаста Ганта?

— Исследователь искусственного интеллекта? — уточнила Вессан. — Я знаю *о* нём.

— Так вот, — сказал Понтер, — где-то десять

месяцев назад он сделал моему компаньону апгрейд. Понятное дело, не вы одна пытались улучшить жизнь барастов. Кобаст хочет, чтобы всё поколение 149 носило компаньоны, обладающие интеллектом.

— Ну, будем надеяться, что они не запретят работу Ганта, как запретили мою — хотя, если всё же запретят, у меня, может, появится сосед. В любом случае, я собиралась попросить Хака дать нам обзор отличий глексенского генома от барастовского.

— Именно это я вам и собирался рассказать, — сказал Хак немного обиженным тоном. — Как вы уже отметили, в геноме глексенов и барастов около 50000 генов. Однако 98,7 % их имеют аллели, встречающиеся в обеих популяциях; лишь 462 гена имеют варианты, встречающиеся только у барастов, но отсутствующие у глексенов, или наоборот.

— Здорово, — сказала Вессан и посмотрела на Мэри. — Всё остальное вы можете оставить на волю случая, если хотите, но я считаю, что на эти 462 гена мы должны посмотреть очень внимательно и сделать выбор очень аккуратно.

Мэри посмотрела на Понтера; тот не возражал.

— Хорошо, — сказала она.

— Итак, прежде чем мы начнём, мы должны ответить на два вопроса. С помощью кодонатора вы получите диплоидный набор хромосом с комбинацией ваших дезоксирибонуклеиновых кислот. Мы собираемся произвести двадцать три пары хромосом или двадцать четыре? Иными словами, вы хотите, чтобы ваш ребёнок был барастом или глексеном?

— Ой, — сказала Мэри. — Хороший вопрос. В своём мире я как раз занималась поиском надёжного способа определения видовой принадлежности для целей иммиграционного контроля. И, похоже, метод проверки числа хромосом примут в качестве официального.

— Ваш ребёнок может быть гибридом во многих других отношениях, — сказала Вессан. — Но здесь возможно либо то, либо другое.

— Э-э… Понтер?

— Мэре, среди нас двоих генетик — ты. Я так думаю, что вопрос о числе хромосом тебе, так сказать, ближе и роднее.

— У тебя нет собственных предпочтений?

— На эмоциональном уровне нет. Я, однако, подозреваю, что с правовой точки зрения нашему ребёнку было бы удобнее быть глексеном.

— То есть?

— У нас тут единое мировое правительство — Верховный Серый совет. У вас же — 191 государство, входящее в Организацию Объединённых Наций, плюс ещё сколько-то, не являющихся членами, и проблемы могут возникнуть при въезде в каждое из них.

Мэри кивнула.

— Я думаю, что проще будет убедить одно мировое правительство в том, что существо с двадцатью тремя хромосомами должно иметь возможность жить и работать в моём мире, где только пожелает, чем убедить ваши две сотни правительств, что существу с двадцатью четырьмя парами хромосом нужно дать такую же возможность в вашем мире.

Мэри посмотрела на Вессан.

— Мы ведь не собираемся прямо сейчас производить ДНК нашего будущего ребёнка?

— Нет, разумеется, нет. Я полагаю, это будет сделано в вашем мире, когда вы будете готовы забеременеть. Я лишь обрисовываю для вас проблемы, которые вам нужно будет решить.

— То есть мы не должны принимать решение прямо сейчас.

— Именно так.

— Ладно, давайте тогда пока замнём.

Вессан недоумённо посмотрела на неё.

— Простите?

— В смысле, отложим пока этот вопрос. Что ещё?

— Ну, этот вопрос не связан с вашими особыми обстоятельствами, однако также должен быть заранее согласован, поскольку от него зависит то, как кодонатор распределит дезоксирибонуклеиновую кислоту Понтера. Вы хотите мальчика или девочку?

— Это мы уже обсудили, — сказала Мэри. — Мы хотим дочку.

Вессан что-то переключила на панели управления прибора.

— Значит, девочка, — сказала она. — Посмотрим, что у нас ещё… — Она уставилась на экран.

— Следующая последовательность отвечает за тип пробора, — сказал Хак. — У барастов естественный пробор проходит посередине головы, вдоль сагиттального шва. У глексенов пробор обычно сдвинут в сторону. У Мэри, похоже, имеются аллели только для бокового пробора; обе аллели из генома Понтера, разумеется, кодируют центральный. Вы можете взять по одной от каждого из вас и экспериментально установить, какая из них доминантна, либо взять обе от

Понтера, либо обе от Мэре, и быть практически уверенными в том, что получится в результате.

Мэри посмотрела на Понтера. Обычная причёска неандертальцев действительно напоминала обезьян-бонобо. Поначалу ей она казалась страшноватой, но потом привыкла.

— Я не знаю.

— Боковой, — сказал Понтер. — Девочка должна быть похожа на мать.

— Ты уверен? — спросила Мэри.

— Конечно.

— Тогда боковой, — решила Мэри. — Берите обе мои аллели.

— Сделано, — сказала Вессан и показала на квадратный дисплей. — Вы видели, как я это делаю? Аллели выбираются с помощью вот этих чувствительных зон на экране.

Мэри кивнула.

— Просто и понятно.

— Спасибо, — сказала Вессан. — Я приложила массу усилий, чтобы сделать прибор простым в использовании. Так, теперь я выбираю следующую группу аллелей, по крайней мере, на стороне Понтера: они отвечают за цвет глаз. Мэре, у вас глаза голубые — я таких никогда в жизни не видела. Глаза Понтера золотисто-коричневые; вы

называем этот цвет *делент*; он встречается редко и потому высоко ценится.

— Голубой цвет глаз — рецессивный признак у глексенов, — сказала Мэри.

— Как и *делент* у нас. Поэтому мы можем взять обе ваши аллели и сделать вашу дочь голубоглазой, обе аллели Понтера и дать ей золотистые глаза, или по одной аллели от каждого из вас и ждать сюрприза.

Они продолжали в таком ключе некоторое время, прервавшись только когда Мэри, а затем Понтеру понадобилось воспользоваться бытовыми удобствами, функцию которых в данном случае выполняла деревянная бадья.

— А теперь, — сказала Вессан, — мы подходим к интересной нейрологической особенности. В этом случае я бы не хотела брать от аллели каждого из вас, потому что мы не знаем, какой эффект может произвести их смешение. Я думаю, гораздо безопаснее будет позволить ребёнку обладать одним либо другим признаком, нежели пытаться их смешивать. У барастов этот ген регулирует развитие части теменной доли, расположенной в левом полушарии. Вы, конечно, не хотите риска получить повреждение мозга, так что…

— Вы сказали «теменной доли»? — прервала

её Мэри, подаваясь вперёд. Её сердце тревожно забилось.

— Да, — ответила Вессан. — Если она не сформируется, как положено, то возможна афазия и трудности с координацией, так что…

Мэри повернулась к Понтеру.

— Ты её подговорил?

— Прошу прощения? — сказал Понтер.

— Да ладно, Понтер. Теменная доля в левом полушарии!

Понтер нахмурился.

— И что с ней?

— Она, по словам Вероники Шеннон, ответственна за религиозное мышление у моего вида. Ощущение покидания тела; чувство слияние со вселенной. Всё это коренится в ней.

— Ох, — сказал Понтер. — Правда.

— Ты хочешь сказать, что не знал, что к этому идёт?

— Честное слово, Мэре — понятия не имел.

Мэри отвела взгляд.

— Ты говорил о «лекарстве» против религии, чёрт побери! И вот, полюбуйтесь — оно уже есть.

— Мэре, — сказала Вессан. — Мы с Понтером ни о чём не сговаривались.

— Правда? Вы охотились достаточно долго,

чтобы…

— Мэре, это правда, — сказала Вессан. — Я не знаю, о каком исследовании вы говорите.

Мэри сделала глубокий вдох и очень медленно выдохнула.

— Простите, — сказала она, наконец. — Я несу что попало. Понтер никогда не устроил бы мне такой подлянки.

Хак пискнул, но Понтер не стал просить разъяснений.

Мэри протянула к нему левую руку.

— Понтер, ты — мой партнёр, хоть у нас и не было ещё церемонии вступления в союз. Я знаю, что ты никогда меня не обманешь.

Понтер молчал.

Мэри качнула головой.

— Я не ожидала, что нам придётся принимать такое решение. Цвет волос, цвет глаз — куда ни шло. Но атеист или верующий? Кто бы мог подумать, что это тоже заложено в генах.

Понтер сжал руку Мэри.

— Вопрос гораздо важнее для тебя, чем для меня. По крайней мере, *это* мне понятно. Поэтому мы сделаем так, как ты решишь.

Мэри снова глубоко вдохнула. Она могла бы это обсудить с отцом Калдикоттом — но, чёрт возьми,

католический священник никогда не одобрит и малой части того, что они задумали.

— Я, понятное дело, не слепая, — сказала Мэри. — Я видела, как мирно вы живёте — по крайней мере, бóльшую часть времени. И я видела, какими… — она замолчала, на секунду задумалась, и пожала плечами, словно не найдя лучшего слова, чем то, что сразу пришло ей в голову, — какими *одухотворёнными* могут быть ваши люди. И Понтер, я всё время думаю о тех вещах, о которых ты говорил — у Рубена дома, когда мы смотрели католическую мессу по телевизору, и возле стены ветеранов Вьетнама… — она снова пожала плечами. — Я всё это слушала, и услышала, но…

— Но ты всё ещё не убеждена, — мягко закончил за неё Понтер. — Я тебя не виню. В конце концов, я не социолог. Мои рассуждения о том… — он тоже на секунду замолчал, явно сознавая, что затрагивает весьма деликатную тему, но потом всё же продолжил, не в силах подыскать другого слова, — о том зле, которое принесла вашему миру религия, это именно рассуждения, философское ворчание, не более того. Я не могу доказать то, что я чувствую; не думаю, что кто-либо может.

Мэри закрыла глаза. Её хотелось помолиться,

попросить наставления. Но раньше она не получала никаких наставлений, и не было никакой причины, чтобы в этот раз было по-другому.

— Возможно, — сказала она, наконец, — нам следует оставить это на волю случая; пусть будет так, как лягут гены.

— Если бы речь шла про любую другую часть тела, — тихо сказала Вессан, — я могла бы с вами согласиться. Но мы говорим о компоненте мозга, который устроен по-разному у двух разновидностей людей. Просто взять одну аллель от глексена, а другую — от бараста, и надеяться на лучшее — не самое разумное решение.

Мэри задумалась. Вессан права. Если уж они решили завести гибридного ребёнка, им так или иначе придётся принять решение.

Понтер отпустил Мэрину руку, но потом снова начал поглаживать её.

— Это не то же самое, что решать, будет у нашей дочери душа или нет. Мы решаем лишь, будет ли она *верить*, что у неё есть душа.

— Вам не обязательно решать это сегодня, — сказала Вессан. — Как я сказала раньше, моим намерением было ознакомить вас с процессом работы с кодонатором. Вам не нужно производить диплоидные хромосомы, пока вы, Мэре, не

будете готовы к их имплантации. — Она сложила руки. — Но когда это время настанет, вы должны будете принять решение.

Глава 25

Так что сейчас и в самом деле снова настало время для больших шагов. Но это время не только для великого американского проекта. Пришло время, выражаясь словами другой великой речи[37], чёрным людям и белым людям, евреям и гоям, протестантам и католикам — а также индусам, мусульманам, буддистам, мужчинам и женщинам, исповедующим любые религии или не исповедующим никакой, гражданам всех объединённых наций, членам всех расовых и религиозных групп, составляющих нашу уникальную разновидность человечества — им всем пришло время отправиться дальше, в мире и гармонии, проявляя взаимное уважение и дружбу — продолжить путешествие, которое мы, Homo sapiens, ненадолго прервали…

---

[37] Примечания: 37

Имеется в виду знаменитая речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта», произнесённая 28 августа 1963 года в Вашингтоне и ставшая поворотным моментом в движении за гражданские права чернокожих.

— Я думаю, — сказала Вессан, — что вам нужно многое обсудить наедине. Наверное, я возьму Мегу, и мы пойдём посмотрим на звёзды. — Мега как раз только что проснулась. — Мега, пойдёшь гулять?

— Конечно! — сказала Мега.

Вессан поднялась с кресла, отыскала свою шубу, замотала Мегу в пару просторных рубах и повела её к двери.

Мэри ошутила на лице дуновение холодного воздуха, когда она открыла дверь. Она проследила глазами за выходящими Вессан и Мегой; деревянная дверь закрылась за ними.

— Мэре… — сказал Понтер.

— Нет, нет, дай мне подумать, — ответила Мэри. — Просто дай мне пару минут подумать.

Понтер доброжелательно кивнул, отошёл к очагу и занялся разведением огня.

Мэри встала с вакуумного шкафа, пересела в кресло, которое освободила Вессан, и опёрлась подбородком на сложенные ладони.

Подбородок…

Характерная черта Homo sapiens.

Но тривиальная, совершенно неважная.

Мэри вздохнула. Если бы не вопрос места жительства, ей было бы безразлично, будет у них

мальчик или девочка.

И ей определённо всё равно, будет у неё пробор посередине или сбоку. Или какого цвета будут у неё глаза. Или будет ли она так же мускулиста, как Понтер. И насколько острый будет у неё нюх.

Лишь бы она была здорова…

Эту мантру родители повторяют тысячи лет.

Кроме как в лаборатории Вероники, у Мэри никогда в жизни не случалось полноценных религиозных переживаний, но, тем не менее, она искренне верила в Бога. Даже сейчас, зная, что её предрасположенность к этой вере прошита в её мозгу, она продолжала верить.

Хочет ли она лишить своё дитя утешения, которое даёт эта вера? Хочет оградить от религиозного экстаза, который обходил Мэри стороной за пределами лаборатории, но который, по-видимому, посещал стольких других людей?

Она подумала о мире, в котором пребывает, и риторика выпусков новостей её юности вдруг всплыла в её памяти. Слова, которых до сих пор она тщательно избегала.

Безбожники.

Коммунисты.

Но, чёрт её возьми, неандертальская система действительно *работает*. Работает лучше, чем

прогнивший и морально обанкротившийся капитализм её мира — мир табачных компаний, «Энрона», «WorldCom» и других аферистов, людей, движимых одной только жадностью, неприлично много берущих себе, тогда как другим не хватает даже на еду.

И она работает лучше, чем религиозные организации её мира — её собственная Церковь, десятилетиями прикрывающая растлителей малолетних, её религия и многие другие, дискриминирующие женщин, религиозные фанатики, направляющие самолёты на небоскрёбы…

Понтеру удалось запалить огонь. От поленьев, которые он сложил на камни очага, начали подниматься струйки дыма.

Когда он закончил раздувать огонь и пламя взялось за поленья всерьёз, Мэри встала с кресла и подошла к своему мужчине, всё ещё сидящего на корточках у очага.

Он взглянул на неё снизу вверх, и, хотя в свете очага его массивный нос и надбровье отбрасывали густые тени, он по-прежнему выглядел добрым и любящим.

— Я приму любое твоё решение, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Мэри обняла его за плечи.

— Я… как бы мне хотелось, чтобы у меня было много-много времени, чтобы всё обдумать.

— Ну, у нас есть *сколько-то* времени, — сказал Понтер. — Но не сколько угодно. Если мы хотим, чтобы наша дочь была частью поколения 149, мы должны зачать её вовремя.

— Может быть, она не будет частью 149-го, — Мэри осознавала, что в её голосе слышится досада. — Может, мы родим её на следующий год. Или ещё через год.

— Я знаю, что ваш народ рожает каждый год, — мягко ответил Понтер. — Если наша дочь будет расти в твоём мире, то не имеет значения, когда мы её зачнём. Но если мы хотим, чтобы она росла в этом мире или в обоих мирах, или хотя бы имела возможность стать частью моего общества, то мы должны сделать это в соответствии с распорядком.

— Это, — сказала Мэри, подаваясь назад и глядя на Понтера.

Бровь Понтера взлетела вверх.

— *Это*, — повторила Мэри. — «Сделать *это* в соответствии с распорядком». Звучит не слишком романтично.

Понтер снова привлёк её к себе.

— Мы должны одолеть несколько… особых

препятствий. Но что может быть романтичней, чем дитя двух людей, которые любят друг друга?

Мэри заставила себя улыбнуться.

— Ты прав, конечно. Прости. — Она помолчала. — И ты прав, что мы должны это сделать вовремя. — Её день рождения был в конце года; она знала, каково быть даже на полгода младше других детей в классе. Быть младше всех остальных на год или два — это уже полная катастрофа. Да, её дочь в основном будет жить в мире Мэри, но когда она вырастёт, то может решить обосноваться в мире неандертальцев — а она никогда не сможет стать здесь своей, если не будет принадлежать к определённому поколению.

Понтер какое-то время молчал.

— Ты готова сделать выбор? — спросил он.

Мэри смотрела через его плечо на огонь в очаге.

— Мой брат Билл женился на протестантке, — сказала она, наконец. — Ты не представляешь, как это огорчило мою маму! Биллу и Диане — это его жена — пришлось решать, в какой религиозной традиции воспитывать своих детей. Я слышала только кусочки и обрывки, и, разумеется, только от Билла, с его точки зрения — но это, похоже, была эпическая битва. А ты меня

спрашиваешь, готова ли я решить, будет или не будет моя дочь предрасположена к вере в Бога?

Понтер ничего не ответил; он просто обнимал её, поглаживая по голове. Если Понтеру и не терпелось узнать, что решит Мэри, то он никак этого не показывал — и Мэри была ему благодарна за это. Если бы он выглядел обеспокоенным, она бы знала, что он отдаёт предпочтение какому-то одному варианту, и ей было бы ещё сложнее разобраться в своих чувствах. Какому именно варианту он мог бы отдать предпочтение, Мэри не могла сказать точно. Сперва ей показалось, что Понтер предпочёл бы видеть свою дочь такой, как он сам, лишённой…

Она ненавидела этот термин, но он приобрёл популярность в прессе ещё до того, как открылся портал в мир неандертальцев.

…лишённой «органа Бога».

С другой стороны, Понтер достаточно образован, чтобы знать, что, несмотря на то, чем они сегодня занимались целый день, человека нельзя заказывать, как пиццу: «Дайте мне второй номер, только без лука». Всё должно смешаться, чтобы произвести нечто цельное. Может быть, Понтер *хотел бы*, чтобы его дочь унаследовала веру своей матери? Скажем, чтобы проверить гипотезу сво-

его скульптора личности? Будут ли его чувства к дочери, которая верит, что будет жить после смерти, отличаться от тех, что он испытывает к Жасмель и Меге?

Мэри никогда не спросит его об этом, в особенности после того, как решение будет принято. Когда нужные гены уже внесены в хромосомы их будущего ребёнка, поздно и бессмысленно сожалеть о чём-то и снова возвращаться к уже законченным спорам.

В «Стартреке-5», режиссёром которого был сам Уильям Шетнер, и в котором сводный брат Спока Сибок ходил на поиски Бога, была одна сцена, изображавшая момент рождения самого Спока, причём не где-нибудь, а в пещере; человеческой матери Спока, Аманде, помогала вулканская повитуха. Когда новорожденного Спока показали Сареку, его вулканскому отцу, Сарек произнёс лишь короткую фразу, наполненную бесконечным разочарованием: «Так похож на человека…»

Мэри тряхнула головой, прогоняя воспоминания. А что, собственно, Сарек ожидал увидеть? Если он сам захотел гибридного ребёнка, то почему расстраивается, увидев унаследованные от матери черты? Мэри и Понтер искренне стремились взять лучшее от каждого из миров — а это

означает включать, а не исключать.

— Это не дефект, — сказала, наконец, Мэри, не трудясь объяснять, какое именно «это». — Это не какой-то изъян в глексенском мозгу. Способность верить в Бога, если мы этого хотим, если так решили — это часть того, кто мы есть. — Она взяла Понтера за руку. — Я знаю, что натворила религия — *организованная* религия. И я даже начинаю соглашаться с тобой по поводу того вреда, что принесла моему миру вера в жизнь после смерти. Наша бесчеловечная жестокость действительно кажется связанной с верой в то, что все несправедливости будут исправлены в следующей жизни. Но, тем не менее, я хочу, чтобы моя дочь — наша дочь — по крайней мере имела возможность верить в эти вещи.

— Мэре… — сказал Понтер.

Она отстранилась от него.

— Нет. Нет, дай мне договорить. Твой народ стерилизует преступников, говоря, что это поддерживает генетическийо пул в здоровом состоянии. Но на самом деле это нечто большее, не так ли, по крайней мере, когда преступник — мужчина? Вы стерилизуете не через вазектотомию — вы полностью удаляете ту часть его анатомии, что ответственна не только за агрессию, но и за сек-

суальные желания.

Мэри отметила, что Понтеру эта тема явно неприятна, но, собственно, какому мужчине приятны разговоры о кастрации? Она продолжила:

— Так вот, я — жертва изнасилования: самого худшего, к чему может привести тестостерон. Но я также женщина, познавшая все радости секса с любящим мужчиной-партнёром. Возможно, при определённых обстоятельствах, удаление производящих тестостерон желез и оправдано. И так же возможно, что при определённых обстоятельствах оправдано и удаление органа Бога. Но не сразу, не с самого начала.

Мэри снова смотрела на Понтера.

— У моей Церкви есть понятие первородного греха: что все люди рождаются запятнанными, несущими на себе зло и вину поколений своих предков. Я в это не верю. Вероника Шеннон говорила о бихевиоризме — об идее того, что в человеке можно развить любое поведение, любую реакцию. Механизм — периодическое подкрепление или последовательное — может отличаться у глексенов и барастов, но базовая концепция та же самая. Новорожденный ребёнок, новая жизнь — это лишь потенциал, который можно развить тем или иным способом, и я хочу,

чтобы наш ребёнок, наша дочь имела все возможные потенциалы, чтобы с помощью моей и твоей родительской любви она стала как можно лучшим человеческим существом.

Понтер кивнул.

— Я согласен на всё, что ты захочешь.

— Этого, — сказала Мэри. — Я хочу этого. Ребёнка, который может верить в Бога.

Глава 26

И мне выпала сегодня честь начать эту новую фазу. Пришло время, друзья мои, по крайней мере, некоторым из нас, покинуть эту версию Земли и совершить очередной гигантский прыжок…

Мэри, Понтер и Мега переночевали на полу в хижине Вессан. На следующий день, завернув кодонатор в шкуры, чтобы никто его не заметил, они вызвали транспортный куб и отправились в Центр Кралдака, откуда вертолётом вернулись в Салдак… как раз к тому времени, когда Двое перестали быть Одним.

Понтер встретился с Адекором, они погрузились в автобус и отправились домой, на свою территорию. Мэри знала, что Понтеру завтра предстоит новое путешествие. Завтра он должен будет сопровождать делегацию ООН, в составе которой будет и Джок Кригер, в их поездке на остров Донакат.

У Мэри разрывалось сердце, и она уже считала дни до следующего периода, когда Двое станут Одним. Она, конечно, не будет всё это время жить

здесь — она должна будет вернуться в «Синерджи Груп», однако обязательно приедет на выходные.

Мэри чувствовала совершенно невообразимую ревность к Адекору. Она знала, что это несправедливо, но во всей этой ситуации она чувствовала себя Другой Женщиной, словно они с Понтером тайком вырвались на тайное свидание, а теперь он возвращается в свою законную семью.

Мэри повернулась и медленно побрела по направлению к дому Бандры, неся в руках завёрнутый в шкуру кодонатор. Вокруг было множество других женщин, но ни одна из них не выглядела печальной. Те, что разговаривали друг с другом, смеялись; широкие лица тех, кто шёл в одиночестве, озарялись улыбками, адресованными не другим прохожим, а собственным потаённым мыслям.

Мэри чувствовала себя полной дурой. Какого чёрта она делает здесь, в этом мире, с этими людьми? Да, ей нравится проводить время с Понтером. Их секс был таким же потрясающим, как и раньше, общение — интересным и увлекательным, а поездка к Вессан была замечательной в очень многих отношениях. Но ведь в следующий раз они с Понтером будут вместе лишь через двадцать пять дней!

Стая странствующих голубей на некоторое время закрыла солнце. Мэри знала, что это перелётные птицы, курсирующие между двумя домами — одним на севере, другим на юге. Мэри горестно вздохнула и продолжила путь. Она знала, почему все неандерталки, мимо которых она проходила, улыбаются. Они не возвращаются, как она, к одинокому существованию. Они возвращаются к своим возлюбленным женского пола, к своим детям, у кого они есть — к своей семье.

Мэри подняла воротник мамонтовой шубы: начал задувать холодный ветер. Она ненавидело зиму в Торонто и подозревала, что здешнюю она будет ненавидеть ещё больше. Торонто такой большой, в нём столько промышленности, столько людей и машин, что он влияет на своё окружение. К северу от города — как и к югу, в западной части штата Нью-Йорк — всё сплошь заваливает снегом. Но в самом Торонто снег идёт лишь несколько раз за зиму, и почти никогда — перед Рождеством. Конечно, это место не соответствовало Торонто — Салдак располагался в 400 км севернее, там, где в мире Мэри находится Садбери, а в Садбери снег выпадает тоннами. В Салдаке, должно быть, снега ещё больше.

Мэри вздрогнула, хотя сейчас было ещё далеко

не *так* холодно. Она подумала было, не попросить ли компаньон рассказать, на что похожа здешняя зима, но не стала, опасаясь, что Кристина подтвердит худшие её опасения.

Наконец она подошла к раздутому приземистому дереву, представлявшему собой основную часть дома Бандры. Все его листья уже облетели. Мэри вошла в дом. На ней были штаны неандертальского типа, со встроенной обувью, но, переступив порог, она автоматически нагнулась, собираясь разуться. Она снова вздохнула, подумав о том, привыкнет ли она хоть когда-нибудь к этому месту.

Мэри прошла в свою спальню, оставила там кодонатор и вернулась в гостиную. Послышался звук текущей воды. Должно быть, Бандра уже дома, а её партнёр уехал к себе на Окраину предыдущим автобусом. Наверное, раньше звук воды заглушался шумом, который производила сама Мэри, а поскольку дверь в ванную была закрыта — Мэри знала, что исключительно из соображений санитарии, а не соблюдения приличий — то Бандра ещё не почувствовала её запах.

Мэри прошла на кухню и налила себе фруктового сока. Мэри знала, что неандертальцы, собирающие на юге фрукты, сбривают все волосы

с головы и тела, чтобы лучше переносить жару. Она попыталась представить себе Понтера без волос. Мэри видела бодибилдеров по телевизору — у них почему-то всегда были безволосые грудь и спина. Либо они их бреют, либо стероиды дают такой эффект. Так или иначе, она решила, что Понтеру лучше оставаться как есть.

Мэри ожидала, что Бандра вот-вот выйдет из ванной, но она всё не появлялась, — а Мэри уже очень хотелось в туалет. Придётся пересилить себя и воспользоваться ванной комнатой совместно с Бандрой. Она подошла к закрытой двери и толкнула её ладонью. Дверь открылась.

Бандра стояла, согнувшись над раковиной и носом почти упираясь в висящее над ней квадратное зеркало.

— Простите, — сказала Мэри, — мне просто очень надо… О Боже! Бандра, что с вами?

Мэри понадобилась секунда, чтобы заметить на полированной гранитной поверхности раковины пятна крови; красные капли не слишком выделялись на розовом камне.

Бандра не повернулась к ней. Наоборот, казалось, она прячет от неё лицо. Мэри подошла ближе.

— Бандра, что случилось? — Мэри протянула

руку и тронула Бандру за плечо. Если бы Бандра действительно этого не хотела, Мэри ни за что не удалось бы развернуть её к себе. Но после секундного сопротивления она обмякла и подчинилась.

Мэри судорожно охнула. На всю левую половину её лица расплылся синяк — желтая кайма вокруг сине-чёрной области сантиметров десяти в длину, которая начиналась от самого надбровья и тянулась через всю щёку к уголку рта. Посередине была ссадина диаметром примерно в половину размера синяка, покрытая засохшей корочкой, но Бандра содрала большую её часть — вот откуда взялись капли свежей крови.

— Господи, — сказала Мэри. — Что с вами стряслось? — Мэри нашла какой-то квадратный кусок грубой ткани — платок, полотенце? — смочила его водой и помогла Бандре очистить рану.

По лицу Бандры катились слёзы; они изливались из глубоких глазниц, огибали массивный нос, стекали по нижней челюсти без подбородка и капали в гранитную раковину, смывая кровавые пятна.

— Я… я не должна была позволять вам жить здесь, — тихо сказала Бандра?

— Мне? — удивилась Мэри? — Что я сделала?

Но Бандра, похоже, была погружена в собствен-

ные мысли.

— Могло быть хуже, — сказала она, глядя в зеркало.

Мэри отложила платок и положила руки на широкие плечи Бандры.

— Бандра, что случилось?

— Я пыталась убрать засохшую кровь, — тихо сказала Бандра. — Я думала, может, его как-то удастся скрыть, и вы не заметите, но… Она высморкалась, а когда неандерталец сморкается — это очень громко и раскатисто.

— Кто это с вами сделал? — спросила Мэри.

— Неважно, — ответила Бандра.

— Разумеется, важно, — сказала Мэри. — Кто?

Бандра немного собралась с силами.

— Я привела вас в свой дом, Мэре. Вы знаете, что барасты мало заботятся о приватности, но в данном случае я на ней настаиваю.

Мэри почувствовала подступающую тошноту.

— Бандра, я не могу мириться с тем, что кто-то вас бьёт.

Бандра взяла платок и промокнула им левую щёку, чтобы посмотреть, остановилось ли кровотечение. Кровь больше не шла, и она положила платок на место. Мэри отвела её в гостиную и посадила на диван. Мэри присела рядом, взяла

широкие ладони Бандры в свои и заглянула в её пшеничного цвета глаза.

— Не торопитесь, — сказала Мэри, — соберитесь с силами. Но вы должны мне рассказать, что случилось.

Бандра отвернулась.

— Он уже три месяца этого не делал, и я подумала: может, и в этот раз не будет. Я подумала, а вдруг…

— Бандра, кто вас ранил?

Голос Бандры стал почти неслышным, но Кристина повторила его погромче прямо Мэри в ухо.

— Гарб.

— Гарб? — удивлённо повторила Мэри. — Ваш партнёр?

Голова Бандры наклонилась на несколько миллиметров.

— Мой… Бог! — сказала Мэри. Она сделала глубокий вдох, потом кивнула — не столько Бандре, сколько себе самой. — Хорошо, — сказала она. — А сейчас мы сделаем вот что: пойдём к преставителям власти и всё им расскажем.

— *Тант,* — сказала Бандра. «Нет».

— Да, — твёрдо возразила Мэри. — Такое случается и в моём мире. Но с этим нельзя мириться. Вам могут помочь.

— *Тант!* — повторила Бандра уже твёрже.

— Я знаю, что это тяжело, — сказала Мэри, — но мы пойдём вместе. Я всё время буду с вами. Мы положим этому конец. — Она указала на компаньон Бандры. — В архиве алиби должна быть запись всего, что он сделал, не так ли? Он не может уйти от ответственности.

— Я не выдвину против него обвинения. Без обвинения со стороны жертвы нет преступления. Это закон.

— Я знаю, что вы думаете, что любите его, но вы не должны это терпеть. Никакая женщина не должна.

— Я не люблю его, — сказала Бандра. — *Я его ненавижу*.

— Ну, хорошо, — сказала Мэри. — Так давайте тогда что-нибудь с этим сделаем. Давайте умоемся, переоденемся в чистую одежду и пойдём к арбитру.

— *Тант!* — сказала Бандра, хлопая ладонью по стоящему перед ней столику. Хлопок был настолько громкий, что Мэри показалось, что стол разлетится в щепки. — *Тант!* — повторила она снова. Но в её голосе не было страха; скорее, в нём свучала убеждённость.

— Но почему? Бандра, если вы считаете, что

ваш долг — скрыть всё это от…

— Вы *ничего* не знаете о нашем мире, — сказала Бандра. — *Ничего*. Я не могу пойти с этим к арбитру.

— Почему? Избиение — это ведь преступное деяние?

— Конечно, — сказала Бандра.

— Даже между людьми, состоящими в союзе?

Бандра кивнула.

— Тогда почему?

— *Из-за наших детей!* — рявкнула Бандра. — Из-за Хапнар и Дрэнны.

— А что с детьми? — не поняла Мэри. — Гарб им отомстит? Или… или он их тоже бил в детстве?

— Вот видите! — хрипло каркнула Бандра. — Вы не понимаете ничего.

— Ну так объясните мне, Бандра. Объясните, чтобы я поняла, или я пойду к арбитру одна.

— Какое вам до этого дело? — спросила Бандра.

Мэри озадачил этот вопрос. Ведь понятно, что до этого есть дело *каждой* женщине. Понятно, что…

И тут на неё словно метеор упал с неба. Она сама не сообщила о своём изнасиловании, и её начальница, Кейсер Ремтулла стала следующей жертвой Корнелиуса Раскина. Она хотела как-то

это исправить, хотела никогда больше не чувствовать вины за то, что нападение на женщину осталось неизвестным властям.

— Я просто хочу помочь, — сказала Мэри. — Вы мне не безразличны.

— Если хотите помочь, то забудьте, что когда-либо видели меня в таком виде.

— Но…

— Вы должны пообещать! Поклянитесь.

— Но почему, Бандра? Вы не можете позволить этому продолжаться.

— Я *должна* позволить этому продолжаться! — Она сжала свои огромные кулаки и закрыла глаза. — Я должна.

— Почему? Ради Бога, Бандра…

— Ваш глупый Бог здесь не при чём, — сказала Бандра. — Здесь речь о реальных вещах.

— Каких реальных вещах?

Бандра снова отвела взгляд, глубоко вдохнула, потом выдохнула.

— О наших законах, — сказала она, наконец.

— В каком смысле? Разве за такое не положено наказание?

— О, да, — сказала Бандра с горечью в голосе. — Ещё как положено.

— Что тогда?

— Вы ведь знаете, какие у нас наказания? — спросила Бандра. — Вы же знакомы с историей Понтера Боддета. Какое наказание грозило его партнёру Адекору, когда его несправедливо обвинили в убийстве Понтера?

— Его могли стерилизовать, — ответила Мэри. — Но Адекор этого не заслуживал, ведь он ничего не совершал. Но Гарб…

— По-вашему, мне интересно, что станет с ним? — сказала Бандра. — Но стерилизуют не только Гарба. Склонность к насилию нельзя терпеть в генетическом пуле. Стерилизуют всех, у кого хотя бы половина генов общая с ним.

— Господи Иисусе! — сдавленно воскликнула Мэри. — Ваши дочери…

— Именно! Скоро должны зачать поколение 149. Моя Хапнар забеременеет вторым ребёнком, у Дрэнны будет первый. Но если я сообщу о Гарбе…

Мэри чувствовала себя так, будто её пнули в живот. Если Бандра сообщит о Гарбе, её дочерей стерилизуют, так же, как всех братьев и сестёр Гарба и его родителей, если они ещё живы… хотя, возможно, его мать пощадят, поскольку у неё уже наверняка была менопауза.

— Я не думала, что неандертальские мужчины

могу быть такими, — сказала она. — Бандра, я так вам сочувствую.

Бандра едва заметно пожала своими массивными плечами.

— Я несу это бремя уже давно. Я привыкла. И…

— Что?

— И я думала, что всё закончилось. Он не бил меня с тех пор, как ушла моя партнёрша. Но…

— Они никогда не прекращают, — сказала Мэри. — Не насовсем. — Во рту у неё появился кислый привкус. — Дожно быть что-то, что вы могли бы с этим сделать. — Она помолчала. — Вы ведь можете защищаться. Это должно быть законно. Вы могли бы…

— Что?

Мэри смотрела в устланный мхом пол.

— Неандерталец может убить другого неандертальца одним хорошо нацеленным ударом.

— В самом деле! — сказала Бандра. — В самом деле. Так что, как видите, он, должно быть, любит меня — будь это не так, я была бы мертва.

— Если б любил — не бил бы, — сказала Мэри, — но ударить в ответ — и посильнее — возможно, это единственное, что вам остаётся.

— Я не могу, — сказала Бандра. — Если решат, что у меня не было необходимости его убивать,

обвинение в насилии будет выдвинуто против меня, и опять пострадают мои дочери, потому что у них половина и моих генов тоже.

— Проклятая уловка-22, — сказала Мэри. Она посмотрела на Бандру. — Вы знаете эту поговорку?

Бандра кивнула.

— Ситуация, из которой нет выхода. Но вы не правы. Выход есть. Рано или поздно один из нас умрёт. До тех пор… — она подняла руки, разжала кулаки и повернула их ладонями вверх в жесте бессилия.

— Но почему вы с ним просто не разведётесь? Я так понимаю, у вас это легко.

— В процессуальном плане да, но люди всё равно удивляются и сплетничают. Если я разорву союз с Гарбом, люди начнут интересоваться причинами. Правда может всплыть на поверхность, и мои дочери опять окажутся в опасности. — Она покачала головой. — Нет, мой способ лучше.

Мэри наклонилась к Бандре и обняла её, прижала к себе и погладила её рыжевато-серебристые волосы.

Глава 27

Пришло время, мои дорогие хомо сапиенсы, отправиться на Марс…

Для него это, должно быть, до ужаса унизительно, — думал Понтер Боддет, наслаждаясь каждым тактом испытываемого Советником Бедросом дискомфорта.

В конце концов, это Бедрос приказал ему и послу Тукане Прат вернуться из Мэриного мира для того, чтобы можно было закрыть межмировой портал. Но мало того, что Понтер отказался подчиниться: Тукана Прат убедила десятерых видных неандертальцев, включая самого Лонвеса Троба, отправиться в иную реальность.

И теперь Бедросу приходится приветствовать официальную делегацию мира глексенов. Понтер лично наблюдал за процессом в вычислительной камере, когда делегаты проходили по деркеровой трубе: было бы весьма неловко, если бы человека, выполняющего функции отсутствующего у неуживчивых глексенов мирового лидера в результате случайного отключения портала разрубило бы надвое.

Сам Бедрос не спускался сегодня в глубины Дебральской никелевой шахты. Он остался на поверхности ожидать, пока глексенский «всеобщий писарь» и другие делегаты Объединённых Наций поднимутся к нему.

Что они и сделали буквально несколько мгновений назад. Потребовалось два рейса цилиндрического шахтного подъёмника, чтобы их перевести, но теперь все они были наверху. Разумеется, здесь же были и четверо облачённых в серебряное эксгибиционистов, позволяющих широкой общественности следить за происходящим. Темнокожий лидер Объединённых Наций вышел из здания шахты первым; за ним последовал Понтер, потом три мужчины и две женщины с более светлой кожей и Джок Кригер, самый высокий из делегатов.

— Добро пожаловать на Жантар, — сказал Бедрос. Он, очевидно, проинструктировал свой компаньон не переводить имя, которое барасты дали своей планете. У семерых глексенов не было ни имплантов-компаньонов, ни временных пристёгивающихся устройств. По-видимому, это вызвало серьёзные споры, но в конечном итоге вследствие той самой непонятной «дипломатической неприкосновенности», с которой Понтер

уже сталкивался ранее, для делегатов было сделано исключение: запись всего, что они говорят и делают, не попадёт в архив алиби. Правда, Джоку, если Понтер правильно понимал, такое особое отношение было не положено, однако компаньона на нём всё равно не было.

— Мы приветствуем вас здесь, глядя в будущее с великой надеждой, — продолжал Бедрос. Понтер с трудом подавил ухмылку: о том, как с точки зрения глексенов должна выглядеть приличная приветственная речь, Бедросу пришлось консультироваться с Туканой Прат — той самой, которая подорвала его авторитет. Бедрос говорил, казалось, не меньше децидня, и глексенский «всеобщий писарь» ответил в том же духе.

У Джока Кригера, должно быть, сердце бараста, подумал Понтер. В то время, как остальные глексены, по-видимому, получали удовольствие от формальных речей, он явно пропускал их мимо ушей, разглядывая деревья и холмы, каждую пролетающую мимо птицу, голубое небо над головой.

Наконец, все речи закончились. Понтер пристроился рядом с Джоком, одетым в длинный бежевый плащ, стянутый на талии бежевым поясом, кожаные перчатки и широкополую шля-

пу — глексенская делегация дождалась внизу окончания деконтаминации своей одежды.

— Ну как, что вы думаете о нашем мире? — спросил Понтер.

Джок медленно качнул головой; его голос был полон изумления.

— Он *прекрасен*…

* * *

В доме Бандры визор был установлен на стене гостиной; его поверхность плавно изгибалась, повторяя изгиб стены круглого помещения. Большой квадрат был разделён на четыре меньших, каждый из которых показывал то, что видит один четырёх присутствующих на Дебральской никелевой шахте эксгибиционистов в момент, когда из здания показалась делегация Объединённых Наций. Бандра была не в том виде, чтобы показываться сегодня на людях, и они с Мэри остались дома, якобы для того, чтобы посмотреть церемонию встречи.

— О, смотрите! — воскликнула Бандра. — Там Понтер!

Мэри надеялась увидеть его хоть на секунду — и, к сожалению, примерно на такое время он и попал в кадр. Эксгибиционистов не интересовали

соплеменники-барасты — всё их внимание было приковано к глексенам.

— Так кто из них кто? — спросила Бандра.

— Вон тот мужчина, — как и большинство канадцев, из боязни показаться расисткой она избегала говорить «чернокожий мужчина» или «мужчина с тёмной кожей», хотя это было наиболее очевидное отличие Кофи Аннана от остальных делегатов, — генеральный секретарь Объединённых Наций.

— Который?

— Вон тот. Крайний слева.

— Это который с коричневым лицом?

— Э-э… да.

— Так он — руководитель вашего мира?

— Нет. Не совсем. Но он — руководитель ООН.

— Ага. А вон тот высокий кто?

— Это Джок Кригер. Мой начальник.

— Он… у него вид какой-то… хищный.

Мэри подумала над этим и решила, что Бандра права.

— «В глазах холодный блеск…»[38] — процитировала она.

— О-о-о! — восхитилась Бандра. — Это пого-

---

[38] Примечания: 38

Цитата из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь» (пер. М. Зенкевича).

ворка?

— Строка из пьесы.

— Ну, к нему это подходит. — Она решительно кивнула. — Мне не нравится, как он держится. На его лице никакой радости. — Но тут Бандра сообразила, что это может прозвучать обидно. — О, простите! Я не должна так говорить о вашем друге.

— Мы не друзья, — ответила Мэри. Она придерживалась эмпирического правила, в соответствии с которым друг — это тот, кто приглашал вас в свой дом, или кого вы приглашали к себе. — Мы просто вместе работаем.

— И посмотрите-ка! — сказала Бандра. — У него нет компаньона!

Мэри вгляделась в экран.

— И правда нет. — Она внимательно осмотрела все четыре изображения. — Ни у кого из глексенов их нет.

— Как такое может быть?

Мэри задумалась.

— Возможно, дипломатическая неприкосновенность. Это когда…

— Да?

Сердце Мэри возбуждённо заколотилось.

— Обычно это означает, что во время путеше-

ствия багаж дипломата не досматривают. Если я отдам кодонатор Джоку, он сможет унести его в мой мир без всяких хлопот.

— Здо́рово! — сказала Бандра. — О, смотрите! Опять Понтер!

* * *

Полёт из Салдака на остров Донакат занял два децидня — как уже было известно Понтеру, гораздо дольше, чем такое же пушествие занимает в мире Мэри. Большую часть этого времени он провёл, думая о Мэри и о приборе Вессан, который поможет им зачать ребёнка, однако Джок, сидевший в просторной кабине вертолёта рядом с Понтером, прервал его грёзы.

— Вы так и не изобрели самолёт? — спросил он.

— Нет, — ответил Понтер. — Я сам об этом задумывался. Конечно, многих в нашем мире завораживала идея летать, как птицы, но я видел ваши длинные… вы это называете «взлётно-посадочная полоса», не так ли?

Джок кивнул.

— Так вот, я видел взлётно-посадочные полосы, которых требуют ваши самолёты. Я думаю, что только существа, которые уже занимались

вырубкой лесов для нужд сельского хозяйства, посчитали бы естественным делать то же самое для размещения аэродромов или хотя бы прокладки дорог.

— Никогда не смотрел на это с такой стороны, — признал Джок.

— Ну, у нас определённо нет таких дорог, как у вас. Большинство из нас… как вы это называете? Да, домоседы. Мы мало путешествуем, и предпочитаем добывать еду рядом с домом.

Джок осмотрел вертолёт.

— Тем не менее, он весьма комфортабелен. Много места между сиденьями. У нас принято впихивать в самолёт столько людей, сколько туда войдёт. Собственно, как и в поезда и в автобусы.

— Это делается не для комфорта как такового, — объяснил Понтер, — а чтобы не дать феромонам одного человека достигнуть носа другого. Мне нелегко даются полёты на ваших больших самолётах с герметично закупоренными кабинами. Одна из причин того, что мы не летаем так высоко, как вы, в том, что тогда нет нужды герметизировать кабину — свежий воздух постоянно поступает снаружи, так что феромоны не накапливаются, и… — Понтер замолк и слегка наклонил голову. — А, спасибо, Хак. — Он посмот-

рел на Джока. — Я попросил Хака предупредить меня, когда мы будем пролетать над местом, соответствующим в нашем мире вашему Рочестеру. Если вы посмотрите сейчас в окно…

Джок прилип носом к квадратному стеклу. Понтер встал и подошёл к другому окну. За окном виднелась береговая линия того, что, как он знал, Джок называл озером Онтарио.

— Сплошной лес, — удивлённо произнёс Джок, оборачиваясь к Понтеру.

Понтер кивнул.

— Там есть охотничьи хижины, но постоянное население отсутствует.

— Без дорог я не узнаю этих мест.

— Мы скоро пролетим над одним из Фингерлэйкс. Мы называем их так же, как вы — идея очевидна[39]. Вы без труда их узнаете.

Джок заворожено уставился в окно.

* * *

Эксгибиционисты не полетели на юг вместе с делегацией Объединённых Наций, но Бандра сказала, что на острове Донакат будут встречать

---

[39] Примечания: 39

Finger *(англ.)* — палец. Фингер-лэйкс имеют узкую вытянутую форму и расположены слегка под углом друг к другу, напоминая растопыренные пальцы.

другие. Пока же Бандра приказала визору отключиться, что он и сделал. Она повернулась к Мэри.

— Вчера мы не слишком много говорили о… о моей проблеме с Гарбом.

Мэри кивнула.

— Это из-за него… из-за него ушла ваша партнёрша?

Бандра встала и запрокинула лицо к потолку. На потолке были изображены сотни птиц, представляющие дюжину видов; каждая вырисована с неизменным тщанием.

— Да. Она не могла смотреть, как он делает это со мной. Но… но, в определённом смысле, это к лучшему, что она ушла.

— Почему?

— Проще скрывать свой позор, когда вокруг никого нет.

Мэри поднялась, положила руки Бандре на плечи и отступила на шаг, так, чтобы видеть её лицо.

— Бандра, послушайте меня. Вам совершенно нечего стыдиться. Вы не сделали ничего плохого.

Бандра, явно через силу, кивнула.

— Я знаю, но…

— Никаких «но». Мы найдём, как выйти из этой

ситуации.

— Выхода нет, — сказала Бандра, и подняла руку, чтобы вытереть глаза.

— *Должен* быть, — сказала Мэри. — И мы его найдём. Вместе.

— Вы не обязаны помогать мне, — тихо произнесла Бандра, покачивая головой.

— Обязана, — сказала Мэри.

— Почему?

Мэри слегка пожала плечами.

— Скажем так: я немного задолжала женскому полу.

* * *

— И вот мы здесь, леди и джентльмены, — сказал Советник Бедрос. Остров Донакат — то, что вы называете Манхеттеном.

Джок не мог поверить глазам. Он знал Нью-Йорк, как собственную ладонь — но это!

Это было *божественно*.

Они летели над Южным Бронксом — только здесь стоял вековой лес: орех, кедр, каштан, клён, дуб, листья горят всеми красками осени.

— Смотрите! — крикнул Кофи Аннан. — Остров Рикерс!

И это правда был он, без тюрьмы, разумеется,

и втрое меньше размером, чем тот искусственно расширенный остров, который знал Джок. Когда вертолёт пролетал над самым островом, Джок разглядел, что он не соединяется мостом с Квинсом. И, разумеется, слева от него не было никакого аэропорта в том месте, где в его мире расположена «Ла-Гуардия». Вместо неё там была гавань. Джок внутренне похолодел, разглядев нечто, что выглядело как авианосец — он не ожидал, что у неандертальцев есть что-то подобное. Он страшно не хотел, чтобы сидящий рядом с ним неандерталец снова заводил бесконечную болтовню, но ему нужно было знать.

— Что это? — спросил он.

— Корабль, — ответил Понтер, словно объясняя что-то очевидное.

— Я знаю, что это корабль, — ответил Джок, внутренне закипая. — Но почему у него такой широкий и плоский верх?

— Солнечные батареи, — объяснил Понтер. — Они питают его турбины.

Пилоту вертолёта явно было велено перед посадкой устроить облёт острова, чтобы дать им всё хорошо рассмотреть. Теперь машина двигалась в западном направлении, над островом Уордс, берега которого усеивали небольшие постройки,

похожие на деревенские домики.

Вертолёт полетел дальше. Всё выглядело так, словно Центральный парк растянули на весь Манхеттен, от Ист-Ривер-драйв до Генри-Гудзон-парквей.

— Остров Донакат является Центром города, который мы называем Пепралдак, — сказал Понтер. — Другими словами, это женская территория. В Салдаке Центр и Окраину разделяют многие километры нежилой территории. В Пепралдаке Ценр и Окраина разделяются тем, что вы называете рекой Гудзон.

— То есть мужчины живут в Нью-Джерси?

Понтер кивнул.

— Как они перебираются через реку? Я не вижу ни одного моста.

— Транспортные кубы могут летать над водой, — сказал Понтер, — так что летом пользуются ими. Зимой река замерзает, и её переходят пешком.

— Гудзон не замерзает.

Понтер пожал плечами.

— В нашем мире замерзает. Ваша деятельность влияет на климат вашей планеты сильнее, чем вы думаете.

Вертолёт повернул на юг и теперь летел над

рекой. Скоро он немного изменил курс, что означало, что они пролетали над девственными пространствами Хобокена. Джок посмотрел налево. Всё правильно — остров был там: холмистый — ведь Манхеттен означает «остров холмов», не так ли? — усеянный озерами… и полностью лишённый небоскрёбов. Среди леса встречались прогалины со стоящими на них кирпичными зданиями, но ни одно из них не было выше четырёх этажей. Джок посмотрел в правое окно. На месте Либерти-парка был лес. Там был остров Эллис, и остров Либерти, но, разумеется, без статуи Свободы на нём. Ну и хорошо, подумал Джок; он, конечно, не ожидал увидеть там 150-футовую неандерталку, хотя…

Джок услышал изумлённые возгласы, когда остальные делегаты разглядели то, что он только что заметил: двух кашалотов в Верхней Нью-Йоркской бухте. Должно быть, заплыли сюда из океана. Они были футов по сорок в длину, с тёмно-серыми спинами.

Вертолёт повернул на восток, летя над водой между Говернор-Айленд и Баттери-Парк, а потом следуя над руслом Ист-Ривер. Джок видел сотни древодомов по её берегам, а также…

— Что это?

— Обсерватория, — сказал Понтер. — Я знаю, что вы помещаете свои большие телескопы под полусферические купола, но мы предпочитаем кубические структуры.

Джок покачал головой. Да разве в Гринвич-виллидж когда-нибудь бывает так темно, чтобы можно было разглядеть звёзды?

— И что, здесь много живности водится? — спросил он Понтера.

— О да. Бобры, медведи, волки, лисы, еноты, олени, выдры — не говоря о перепелах, куропатках, лебедях, гусях, индейках, и, разумеется, миллионы странствующих голубей. — Понтер на секунду замолк. — Жаль, что сейчас осень; весной тут цветут розы и другие цветы.

К этому времени вертолёт уже опустился довольно низко, и поток воздуха от его лопастей морщил поверхность воды. Они подошли к месту, где река поворачивала на север, и пилот вёл машину вдоль её русла ещё несколько миль, а потом посадил её на обширном поле, заросшем высокой травой и окружённом садами яблоневых и грушевых деревьев. Первым вышел Советник Бедрос, за ним — Понтер и Адекор, потом — генеральный секретарь. За ним вышел Джок, следом — остальные делегаты. Воздух был свеж, чист и прохладен;

небо над головой — такое голубое, какое Джок видел лишь в Аризоне летом, но никогда — в Большом Яблоке[40].

Группа женщин — официальных лиц, а также двое одетых в серебристое местных эксгибиционистов уже ожидали их, и снова были произнесены речи, в том числе несколько реплик женщины, которую им представили как председателя местного Серого совета. Она была, как оценил на глаз Джок, примерно его возраста — то есть это получается что? Надо полагать, поколение 142. Её голова была полностью выбрита, за исключением длинного серебристого «хвоста», растущего прямо из затылочного вздутия. Джоку она показалась на редкость отталкивающей, даже для неандерталки.

Она закончила своё выступление упоминанием ужина, который ожидает их сегодня, с огромными устрицами и ещё более огромными омарами. После этого она передала слово Понтеру Боддету.

— Спасибо, — сказал Понтер, выходя вперёд. Джок с трудом различал его слова; у неандертальцев не было понятия ни о микрофонах, ни о громкоговорителях, когда дело касалось произ-

---

[40] Примечания: 40
Неформальное прозвище Нью-Йорка.

несения речей: ведь голос говорящего без труда улавливается его компаньоном и передаётся прямиком на компаньоны слушателей без дополнительного оборудования.

— Мы проделали большую работу, — продолжал Понтер, — чтобы найти точку на нашей версии Земли, которая в точности соответствует расположению штаб-квартиры Объединённых Наций на вашей. Как вы знаете, у нас нет спутников, и поэтому нет ничего близкого по качеству к вашей системе глобального позиционирования. Наши геодезисты всё ещё спорят между собой — возможно, они промахнулись на несколько десятков метров, но мы надеемся решить эту проблему. Тем не менее… — Он повернулся и указал рукой. — Видите те деревья? Мы считаем, что они обозначают место главного входа в здание Секретариата. — Он повернулся снова. — А вон то болотце? На его месте располагается Генеральная Ассамблея.

Джок изумлённо оглядывался. Это Нью-Йорк — без миллионов его жителей, без воздуха, от которого режет в глазах, без машин на улицах бампер к бамперу, без тысяч такси, без бурлящих толп, без вони, без шума. Это Манхеттен… каким он был несколько веков назад, каким он был в

1626, когда Питер Минёйт купил его у индейцев за 24 доллара, каким он был до того, как его замостили, застроили и замусорили.

Другие делегаты переговаривались между собой; те, что говорили по-английски, высказывали сходные мысли.

Понтер замолчал и пошёл по направлению к берегу Ист-Ривер. Он был ближе, чем можно было ожидать — но, в конце концов, значительная часть Манхеттена — это искусственно осушенные территории. Неандерталец встал у края воды на колени, погрузил сложенные горстью ладони в реку и несколько раз плеснул водой себе в лицо.

Джок отметил безучастное выражение на лицах нескольких делегатов — смысл происходящего ускользал от них. Но не от Джока.

Понтер Боддет только что омыл лицо сырой, необработанной, не отфильтрованной, непродезинфицированной, *незагрязнённой* водой из Ист-Ривер.

Джок покачал головой, досадуя на то, что его народ сделал со своей родной планетой, и желая, чтобы у него каким-то образом появился шанс начать всё снова, с чистого и свежего листа.

Глава 28

Я считаю, что мы, люди этой Земли, должны посвятить себя тому, чтобы ещё до конца этого десятилетия послать международную команду мужчин и женщин на красную планету…

Мэри и Бандра смотрели трансляцию эксгибиционистов с острова Данкат. Было здорово видеть Понтера в том, что в этом мире было аналогом телевидения, да и сам проект организации ещё одного портала будоражил воображение.

Понтер потратил некоторое время на описание трудностей строительства портала на поверхности; его первый квантовый компьютер поместили глубоко под землю, чтобы укрыть от солнечной радиации, которая приводила к декогерентности квантовых регистров. Но уже в то время, когда Понтер и Адекор совершали свой прорыв — в прямом смысле этого слова, прорыв в иную вселенную — другая группа исследователей-барастов в Европе пыталась научиться факторизовать настолько же большие числа. Та группа состояла из женщин, и они, по всей

видимости, в данный момент направлялись на Донакат на корабле, чтобы поделиться своим опытом в технологиях экранирования.

— Похоже, вы нашли себе здесь очень хорошего мужчину, — сказала Бандра.

Мэри улыбнулась.

— Спасибо.

— Вы давно с ним знакомы?

Мэри отвела взгляд от пшенично-жёлтых глаз Бандры.

— Только с 3-го августа.

Бандра наклонила голову, выслушивая объяснения компаньона. Мэри думала, что Бандра скажет что-нибудь язвительное по поводу того, как недавно они с Понтером друг друга знают; в конце концов, Мэри никогда не упускала случая сказать своей сестре Кристине о том, что она вечно куда-то торопится, несясь от одной своей «настоящей находки» к другой. Но Бандра вместо этого сказала:

— Вам очень повезло, что вы нашли его.

Мэри кивнула. Ей и правда повезло. И потом, она знала массу людей, у которых случались стремительные романы. Да, к тому времени, как Кольм сделал её предложение, она знала его гораздо дольше, чем знает Понтера, но тогда у неё

были сомнения.

Сейчас же сомнений не было.

При такой уверенности в свое правоте к чему медлить?

— *Carpe diem*, — сказала Мэри.

Компаньон Бандры пискнул.

— Простите, — сказала Мэри. — Это латынь — другой язык. Это значит «лови день». Не проводи в колебаниях всю жизнь; лови момент и бери, сколько сможешь.

— Неплохая философия, — сказала Бандра и поднялась с дивана. — Надо бы поужинать.

Мэри кивнула, поднялась и проследовала за Бандрой на кухню. У Бандры был большой вакуумный шкаф, в котором еда хранилась без заморозки, и лазерная печь, в которой применялась та же самая технология калибруемых лазеров, что и в деконтаминационных камерах на выходе из портала.

В крышку вакуумного шкафа был встроен квадратный экран, показывающий список содержимого, так что для того, чтобы посмотреть, что внутри, не нужно было нарушать герметизацию.

— Мамонт? — спросила Бандра, проглядывая список.

— Боже, конечно! — сказала Мэри. — Умираю

как хочу попробовать мамонтятины.

Бантра улыбнулась, открыла шкаф — он издал громкое шипение — и выбрала пару кусков. Она поместила их в лазерную печь и проговорила какие-то инструкции.

— Должно быть, нелегко добыть мамонта? — спросила Мэри.

— Я сама никогда не пробовала, — ответила Бандра. — Но те, для кого это основной вид вклада, говорят, что методы довольно просты. — Она пожала плечами. — Но, как это у вас говорят, олицетворение зла прячется в обрывках.

Мэри непонимающе моргнула, соображая, что же такое Кристина пыталась перевести.

— Вы хотите сказать, «дьявол кроется в мелочах»?

— Точняк! — сказала Бандра.

Мэри рассмеялась.

— Когда я уеду, мне вас будет не хватать.

Бандра улыбнулась.

— Мне вас тоже. Когда вам снова понадобится где-нибудь остановиться в нашем мире, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо, но…

Бандра подняла обе свои широкие ладони.

— О, я знаю. Вы собираетесь приезжать только

когда Двое становятся Одним, чтобы проводить время с Понтером. А я в это время буду…

— Бандра, мне так жаль. Мы должны что-нибудь придумать.

— Давайте не будем замыкаться на этом. Насладимся временем, которое у нас было, и которое нам ещё осталось.

— Carpe diem? — сказала Мэри.

Бандра улыбнулась

— Точняк!

* * *

Ужин удался на славу; у мамонтятины был богатый сложный аромат, а за приготовленную Бандрой заправку для салата с кленовым сиропом можно было отдать жизнь.

Мэри откинулась в седлокресле и удовлетворённо вздохнула.

— Как жаль, что вы не делаете вино.

— Вино? — повторила Бандра. — Что это?

— Напиток. Алкогольный. Перебродивший виноград.

— Это вкусно?

— Ну, гмм, не во вкусе дело — или, по крайней мере, не только во вкусе. Алкоголь воздействует на центральную нервную систему, по крайней

мере, у глексенов. От него ты размякаешь, расслабляешься.

— Я и так расслабилась, — сказала Бандра.

Мэри улыбнулась.

— А я, кстати, тоже.

* * *

В привезённой Понтером «Глоуб энд Мэйл» рассказывалось о результатах исследования по определению самого смешного анекдота в мире. Это не означало анекдот, от которого люди смеются громче всего: никто не пытался изобрести монтипайтоновский анекдот-убийцу, услышав который, тут же умираешь от смеха. Нет, данный проект пытался отыскать анекдот, который сумел бы преодолеть границы культур, который почти все люди на земле нашли бы смешным.

Мэри решила опробовать его на Бандре; поскольку это оказался анекдот про охоту, неандертальцам он мог прийтись по вкусу. Она как бы невзначай упомянула в разговоре несколько ключевых понятий, чтобы их не пришлось объяснять по ходу, а потом, около девяти вечера — в конце шестого деци, она рассказала анекдот из газеты полностью:

— Итак, жили были двое парней, и пошли они

на охоту. И один из них вдруг взял да и отключился — свалился на землю, и будто бы и не дышит, и глаза закатил. Ну и второй парень звонит 911. Это наш телефон скорой помощи, у нас же нет компаньонов. И он дозвонился, весь такой в панике, и кричит: «Эй, мы с Бобом охотились, а он хлоп! — и упал. Я боюсь, что он умер. Что мне делать? Что мне делать?

— И оператор ему говорит: «Успокойтесь, сэр. Сделайте глубокий вдох; теперь выполняйте мои инструкции. Прежде всего удостоверьтесь, что Боб действительно мёртв.

— На что тот отвечает: «Сейчас», и оператор слышит, как он кладёт трубку и уходит. А потом он слышит «ба-бах!» — это звук выстрела. И тот парень возвращается, берёт трубку и говорит: «Сделано. Что дальше?»

Бандра просто взорвалась хохотом. Она как раз пила сосновый чай; неандертальская анатомия не позволила ему брызнуть через ноздри, но будь она глексенкой, это, несомненно, произошло бы, так она хохотала.

— Это *ужасно*! — объявила она, вытирая слёзы.

Мэри улыбалась, должно быть, ещё шире, чем Понтер.

— Не правда ли, здорово?

Остаток вечера они провели, разговаривая о своих семьях, рассказывая анекдоты, слушая неандертальскую музыку, синхронно воспроизводимую в кохлеарных имплантах обеих, и просто приятно проводя время. У Мэри было несколько близких подруг до того, как она вышла за Кольма, но за время брака она от них отдалилась, а с тех пор, как они с Кольмом разошлись, она так ни с кем и не подружилась. Что хорошо в неандертальской системе, подумала Мэри, так это то, что она оставляет массу времени на завязывание дружеских отношений с другими женщинами.

И, несмотря на то, что они с Бандрой в буквальном смысле слова были из разных миров, она определённо была человеком того типа, которых Мэри всегда хотелось иметь среди подруг — с которым можно как обмениваться глупыми шутками, так и обсудить свежие научные открытия.

Через какое-то время Бандра принесла доску для *партанлара* — игры, в которую Мэри уже играла с Понтером. У Понтера доска была из полированного дерева с протравленными чередующимися тёмными и светлыми квадратами. У Бандры, как подобает геологу, доска была из полированного камня с белыми и чёрными квад-

ратами.

— О, замечательно! — сказала Мэри. — Я знаю эту игру! Понтер меня научил.

В шашках и шахматах игроки сидят друг напротив друга, пытаясь провести свои армии на противоположный край доски. Но игра в партанлар была не столь линейна — здесь не было наступлений и отступлений. Так что Бандра положила доску на стоящий перед диваном низкий столик, и села на диван, оставив рядом достаточно места для Мэри.

Они играли около часа — но это была приятная игра-чтобы-занять-время того типа, что нравились Мэри, а не состязание в давай-выясним-кто-круче, которые предпочитал Кольм. Ни Мэри, ни Бандру не интересовало особо, кто выиграл, а кто проиграл, и они равно радовались и своим, и чужим удачным ходам.

— Мне так приятно проводить с вами время, — сказала Бандра.

— Мне тоже нравится общаться с вами, — ответила Мэри.

— Знаете, — сказала Бандра, — среди нас есть такие, кто не одобряет контакт между нашими мирами. Советник Бедрос — помните, мы видели его по визору? — один из них. Но несколько гни-

лых яблок не портят всего урожая. Он не прав. Он ошибается относительно вашего народа. И вы — тому доказательство.

Мэри снова улыбнулась.

— Спасибо.

Какое-то время Бандра молчала, её взгляд блуждал вокруг лица Мэри, не встречаясь с её взглядом. А потом Бандра наклонилась к Мэри и медленно провела языком по её левой щеке.

Мэри почувствовала, как деревенеет у неё позвоночник.

— Бандра…

Бандра опустила взгляд.

— Простите… — тихо сказала она. — Я знаю, что у вас это не принято…

Мэри протянула руку и медленно подняла её голову так, чтобы видеть лицо.

— Нет, — сказала Мэри. — Так не принято. — Она заглянула в её глаза пшеничного цвета. Её сердце бешено колотилось.

Carpe diem.

Мэри наклонилась к ней и, за мгновение до того, как их губы соприкоснулись, сказала:

— У нас делают вот так.

Глава 29

И хотя наши неандертальские родичи вольны присоединиться к нам в этом грандиозном марсианском предприятии, скорее всего весьма немногие из них воспользуются такой возможностью…

Корнелиус Раскин постучал в дверь кабинета.

— Войдите, — ответил из-за двери знакомый женский голос с лёгким пакистанским акцентом.

Корнелиус сделал глубокий вдох и открыл дверь.

— Здравствуйте, Кейсер, — сказал он, входя в кабинет.

Металлический стол профессора Кейсер Ремтуллы стоял под прямым углом к дверям: длинной стороной к стене, коротким левым краем к окну. На ней был тёмно-зелёный пиджак и чёрные брюки.

— Корнелиус! — воскликнула она. — Мы уже начали беспокоиться.

Корнелиус не смог выдавить из себя улыбку, но ответил:

— Благодарю вас.

Однако круглое лицо Кейсер тут же помрачнело.

— Однако вам нужно было предупредить нас, что вы сегодня появитесь. Дэйв Ольсен уже взял ваши вечерние занятия.

Корнелиус слегка качнул головой.

— Всё нормально. Собственно, об этом я и хотел поговорить.

Кейсер сделала то, что делает практически любой университетский преподаватель, когда к нему в кабинет заходит посетитель: она поднялась со своего крутящегося кресла и убрала кипу книг и бумаг со второго — и последнего — имеющегося в кабинете седалища. В данном случае это был простой стул с металлической рамой и оранжевым виниловым сиденьем.

Корнелиус сел, скрестив ноги в лодыжках, и…

Он снова качнул головой: интересно, привыкнет ли он когда-нибудь к этому ощущению. Всю свою жизнь, садясь в такой позе, он ощущал слабое давление на тестикулы — а теперь оно исчезло.

— Итак, чем могу помочь? — спросила Кейсер.

Корнелиус посмотрел ей прямо в лицо: карие глаза, коричневая кожа, каштановые волосы —

трио шоколадных оттенков. На вид ей было где-то сорок пять лет — на десять лет больше, чем ему самому. Он видел, как она плакала от боли, как умоляла не мучить её. Он не сожалел об этом; она это заслужила. Однако…

Однако.

— Кейсер, — сказал он, — я бы хотел взять отпуск.

— Преподавателям на сезонном контракте не положен оплачиваемый отпуск, — ответила она.

Корнелиус кивнул.

— Я знаю. Я… — Он отрепетировал этот разговор, но всё равно запнулся, снова подумав, правильный ли подход он избрал. — Вы знаете, что я болел. Доктор сказал, что мне нужен… отдых. Ну, знаете — восстановить силы.

На лице Кейсер возникло выражение обеспокоенности.

— Это что-то серьёзное? Я могу как-то помочь?

Корнелиус покачал головой.

— Нет, всё будет в порядке, я уверен. Но я… я просто не чувствую себя готовым появиться перед студентами.

— Ну, через пару недель будет Роджество. Если вы сможете дотянуть…

— Простите, Кейсер. Я не уверен, что смогу.

Кейсер нахмурилась.

— Вы ведь знаете, что у нас нехватка кадров из-за того, что Мэри Воган ушла.

Корнелиус кивнул, но ничего не сказал.

— Я обязана спросить, — сказала Кейсер. — У нас тут факультет генетики, как-никак. Тут есть масса вещей, от которых можно заболеть, и… в общем, я обязана заботиться о здоровье студентов и сотрудников. Ваши проблемы со здоровьем не связаны с веществами или образцами, с которыми вы работали здесь?

Корнелиус снова покачал головой.

— Нет. Нет, ничего такого. — Он глубоко вздохнул. — Просто я не могу здесь находиться.

— Почему?

— Потому что… — Если бы он заговорил об этом несколько недель назад, его бы хватил удар, но сейчас…

Он слегка двинул плечами.

— Потому что вы победили.

Брови Кейсер съехались над переносицей.

— Простите?

— Вы победили. Ваша система — она победила. Я разбит.

— Какая система?

— Ой, да ладно! Система найма персонала,

система продвижения по службе, система бессрочных контрактов. В ней нет места для белого мужчины.

Кейсер, по-видимому, не могла смотреть ему в глаза.

— Это очень болезненная тема для нашего университета, — сказала Кейсер. — Для *всех* университетов. Но вы ведь знаете, что несмотря на присутствие в штате меня и других женщин факультет генетики всё равно сильно не дотягивает предписанного университетом процента женщин среди сотрудников с постоянными должностями.

— Вас должно быть сорок процентов, — сказал Корнелиус.

— Правильно, но у нас такого нет даже и близко — пока. — В голосе Кейсер зазвучали нотки самооправдания. — По идее-то должно быть пятьдесят, и…

— Пятьдесят, — повторил Корнелиус. Он произнёс это так спокойно, что сам удивился, и, по-видимому, удивил и Кейсер тоже, потому что она тут же замолчала. — Даже если среди соискателей женщин лишь двадцать процентов?

— Да, но цель всё-таки ставится не в пятьдесят. А лишь сорок процентов.

— Сколько должностей с бессрочным контрактом на нашем факультете?

— Пятнадцать.

— И сколько из них занято женщинами?

— Сейчас? Считая Мэри?

— Разумеется считая Мэри.

— Три.

Корнелиус кивнул. Он рассчитался с двумя из них; третья была инвалидом-колясочником, и он не смог заставить себя…

— Так что следующие три вакансии должны достаться женщинам, не так ли?

— Ну, да. Если они удовлетворяют требованиям.

Корнелиус снова удивил себя: прежде эти четыре слова приводили его в бешенство. Но сейчас…

— И если Мэри уйдёт насовсем, — сказал он по-прежнему ровным тоном, — а это весьма вероятно, то её должность также должна будет занять женщина, правильно?

Кейсер кивнула, всё ещё избегая смотреть ему в глаза.

— То есть следующие четыре постоянные должности должны будут занять женщины. — Он сумел остановиться — и это далось гораздо легче, чем он ожидал — прежде, чем добавить «Предпо-

чтительно чернокожие инвалиды».

Кейсер кивнула снова.

— Как часто открывается вакансия постоянного сотрудника? — спросил он, словно не знал ответа давным-давно.

— Это происходит, когда кто-то выходит на пенсию или покидает университет.

Корнелиус молча ждал.

— Раз в два года или около того, — наконец, ответила Кейсер.

— В среднем скорее ближе к трём, — сказал Корнелиус. — Поверьте: я всё посчитал. Из этого следует, что пройдёт двенадцать лет, прежде чем вы наймёте мужчину, и даже тогда это скорее всего будет представитель меньшинств и, вероятно, инвалид.

— Ну…

— Это так?

Ему не нужен был ответ Кейсер; Корнелиус читал соответствующую часть коллективного соглашения между Собранием факультета и Советом управляющих так часто, что мог процитировать её наизусть, несмотря на суконные бюрократические формулировки:

(i) В подразделениях, где менее 40 % по-

стоянных/библиотекарских должностей заполнено женщинами, в случае, если квалификация кандидатов в значительной степени эквивалентна, на должность должен быть рекомендован кандидат женского пола, принадлежащий к визуальному/расовому меньшинству, либо аборигенного происхождения, либо имеющий инвалидность.

(ii) В случае отсутствия кандидата, описанного в пункте (i) на должность должен быть рекомендован кандидат женского пола, либо кандидат мужского пола, принадлежащий к визуальному/расовому меньшинству, либо аборигенного происхождения, либо имеющий инвалидность.

В случае отсутствия кандидатов, описанных в пунктах (i) и (ii) на должность могут быть рекомендованы кандидаты мужского пола.

— Корнелиус, мне очень жаль, — сказала, наконец, Кейсер.

— *Все* стоят в очереди *перед* здоровым белым мужчиной.

— Это лишь потому, что…

Голос Кейсер затих, и пристальный взгляд Корнелиуса вцепился в её лицо.

— Да? — сказал он.

Она даже немного съёжилась.

— Это потому что в прошлом здоровые белые мужчины слишком часто проходили без очереди.

Корнелиус вспомнил, как ему говорили что-то подобное в прошлый раз — какой-то белый парень, либерал с горящим взором, прошлой весной на какой-то вечеринке. Он тогда вцепился ему в горло, крича, что нельзя наказывать людей за прегрешения их предков, но достиг лишь того, что…

Он понял это только сейчас.

Он тогда лишь выставил себя идиотом и покинул вечеринку, кипя от возмущения.

— Может быть, вы и правы, — сказал Корнелиус. — В любом случае, как там говорится в старой молитве: «Боже, дай мне терпение вынести то, что я не могу изменить, мужество бороться с тем, что я могу изменить, и мудрость, чтобы отличить одно от другого». — Он помолчал. — В данном случае я могу отличить.

— Мне жаль, Корнелиус, — сказала Кейсер.

— Так что я должен уйти. — *Яйца в жменю и катись домой,* подумал он — хотя, конечно, он теперь неспособен сделать именно это.

— В большинстве университетов действуют подобные же программы позитивной дискриминации, — сказала Кейсер. — Куда вы пойдёте?

— Наверное, в частный бизнес. Я люблю преподавать, но…

Кейсер кивнула.

— Биотехнологии сейчас — горячая тема. Масса вакансий, и…

— И поскольку это новая отрасль промышленности, ей не приходится исправлять исторические перекосы, — ровным тоном закончил Корнелиус.

— Кстати, — сказала Кейсер. — Знаете, куда вам надо обратиться? В «Синерджи-Груп»!

— Что это?

— Это американский мозговой центр, занимающийся неандертальскими проблемами. Это туда ушла Мэри Воган.

Корнелиус хотел было с порога отвергнуть предложение — работать вместе с Мэри ему будет так же тяжело, как и с Кейсер — но Кейсер продолжила:

— Я слышала, что Мэри посулили полторы сот-

ни штук зелёными.

У Корнелиуса отпала челюсть. Это было — Боже, это же почти четверть миллиона канадских долларов *в год*! Вот какие деньги должны зарабатывать парни с Ph.D. из Оксфорда вроде него.

И всё же…

— Я бы не хотел путаться у Мэри под ногами, — сказал он.

— Вы и не будете, — сказала Кейсер. — Я слышала, она уходит из «Синерджи». Дария Клейн получила от неё е-мейл. Она, по-видимому, собирается натурализоваться — переехать к неандертальцам насовсем.

— Насовсем?

Кейсер кивнула.

— Я так слышала.

Корнелиус задумался.

— Думаю, тогда стоит попробовать послать туда резюме…

— Даже не раздумывайте! — воскликнула Кейсер, по-видимому, радуясь, что может сделать для Корнелиуса хоть что-то. — Кстати, я вам напишу рекомендательное письмо. Держу пари, им нужен будет эксперт по ДНК, чтобы заменить Мэри. Вы ведь заканчивали аспирантуру в Оксфордском Центре изучения древних биомолекул? Вы

прекрасно впишитесь.

Корнелиус задумался. Он совершил то, что совершил, в первую очередь из-за разочарования в своей забуксовавшей карьере. Было бы лишь справедливо, если бы в конечном счёте это привело его к положению, которого он заслуживает.

— Спасибо вам, Кейсер, — сказал он, улыбаясь. — Спасибо вам огромное.

Глава 30

Но независимо от того, присоединятся неандертальцы к нам или нет, мы должны принять их трактовку цвета этой планеты. Марс — это не символ войны; красный — это цвет здоровья, цвет жизни — и хотя сейчас он, по-видимому, лишён всякой жизни, мы не позволим этому состоянию продлиться долго…

Настало время Мэри передать кодонатор Джоку, чтобы он отвёз его назад в…

А правда, куда?

Мэри рассмеялась, когда услышала по визору, как Советник Бедрос называет мир барастов «Жантар». У той версии Земли, которую Мэри называла домом, не было какого-то одного имени. «Земля» — это английское название; на других языках она называется по-разному. «Терра» на латыни и её многочисленных потомках. Французы, а также франко-канадцы называют её «Тер». На эсперанто это «Теро». Греческое название — «Гея» — стало популярно среди экологов и защитников природы. Немцы называют

её «Эрде», шведы — «Юрден». На иврите это «Эрец», по-арабски — «Ард», на фарси — «Замин», по-китайски «Ди-цю», по-японски «Тикю». Красивее всего, по мнению Мэри, она называлась по-таитянски: «Вуравура». Понтер называл её просто «Мэрин мир», но Мэри сомневалась, что это название сможет получить международное признание.

Так или иначе, Мэри должна передать Джоку кодонатор для того, чтобы он отвёз его на… на Глексению.

Глексения? Нет, слишком грубо. Может, Сапиентия? Или…

Прибыл вызванный Мэри транспортный куб, и она взобралась на одно из двух задних сидений.

— На Дебральскую никелевую шахту, — сказала она.

Водитель холодно покосился на неё.

— Возвращаетесь домой?

— Не я, — ответила Мэри. — Кое-кто другой.

* * *

Сердце у Мэри подпрыгнуло, когда она заметила Понтера в группе, возвращающейся с острова Донакат. Но она пообещала себе, что будет себя вести как воспитанная уроженка этого мира, и

не бросилась к нему со всех ног. В конце концов, Двое сейчас Порознь.

И всё-таки, когда никто больше не смотрел, она не удержалась и послала ему воздушный поцелуй, и он широко улыбнулся ей в ответ.

Но она явилась сюда не к нему, а к Джоку Кригеру. Мэри незаметно приблизилась к нему, держа под мышкой свёрток с кодонатором.

— Бойся глексенов, дары приносящих! — сказала она.

— Мэри! — воскликнул Джок.

Мэри жестом пригласила Джока отойти в сторонку от посторонних ушей. Одетый в серебряное эксгибиционист попытался последовать за ними, но Мэри развернулась и смотрела на него до тех пор, пока он не отстал.

— Итак, сказала Мэри, — что вы думаете об этом мире?

— Он *потрясающий*, — сказал Джок. — Умом я знал, что мы загадили мир, в котором живём, но когда я увидел всё это… — Он обвёл рукой окружающую идиллию. — Это словно найти Эдемский сад.

Мэри засмеялась.

— Похоже, правда? Как жаль, что в нём уже живут, да?

— Очень жаль, — согласился Джок. — Вы собираетесь домой вместе с нами, или ещё побудете в раю?

— Ну, если вы не возражаете, я бы осталась ещё на пару дней. — Она попыталась сделать серьёзное лицо. — У меня тут… большие успехи. — Она показала ему свёрток. — Но у меня есть кое-что, что вам нужно забрать с собой.

— Что это?

Мэри посмотрела по сторонам, оглянулась через плечо. Потом посмотрела вниз, чтобы убедиться, что Джока не заставили надеть компаньон.

— Это кодонатор — барастовский синтезатор ДНК.

— Почему вы хотите, чтобы я его взял? Почему вы не можете сами его привести?

Мэри ещё больше понизила голос.

— Это запрещённая технология. В принципе, я не должна иметь к ней доступ — никто не должен. Но это совершенно потрясающая вещь. Я написала для вас небольшую инструкцию; она внутри.

Брови Джока взлетели к самому краю его причёски; он был явно впечатлён.

— Запрещённая технология? Я знал, что не

ошибся, когда вас нанимал…

* * *

Внезапно Мэри проснулась. Ей понадобилось какое-то время, чтобы сориентироваться в потёмках и сообразить, где она.

Что-то большое и тёплое тихо спит рядом с ней. Понтер?

Нет, нет. Пока нет, не сегодня. Это Бандра: последние несколько дней они спят в одной постели.

Мэри поглядела на потолок. Там мягко светились неандертальские цифры, обозначающие время. Мэри уже умела их различать, но спросонья не могла сфокусировать взгляд, и ей понадобилось несколько секунд — несколько *тактов* — чтобы вспомнить, что они читаются справа налево, и что круг обозначает пятёрку, а не ноль. Была середина девятого деци; три часа ночи с небольшим.

Не было смысла вскакивать с постели, хотя спать совершенно не хотелось. И тот факт, что она спала рядом с другой женщиной, был совершенно не при чём; на самом деле, она сама удивилась, как легко к этому привыкла. Но мысль, которая заставила её проснуться, всё ещё горела ярким

светом в её мозгу.

Она и прежде иногда просыпалась среди ночи с блестящей идеей в голове только затем, чтобы снова заснуть и к утру напрочь её забыть. Много лет назад она на короткое время вообразила себя поэтессой — она и с Кольмом-то познакомилась на одном из поэтических чтений — и тогда она держала на прикроватном столике блокнот и маленький фонарик, чтобы делать записи, не будя его. Но она бросила это дело давным-давно, поскольку сделанные ночью записи утром оказывались совершенной белибердой.

Но *эта* мысль, это понятие, эта замечательная, великолепная идея никуда до утра не денется, в этом Мэри была уверена. Она слишком важна, чтобы позволить ей ускользнуть.

Она обхватила себя руками, устроилась поудобней на ложе и, совершенно успокоившись, быстро заснула.

* * *

На следующее утро Кристина осторожно разбудила её в назначенное время — в две трети десятой деци. Компаньону Бандры было велено разбудить её в то же самое время, что он и сделал.

Мэри улыбнулась Бандре.

— Привет, — сказала она, касаясь её руки.

— Здравый день, — сказала Бандра. Она несколько раз моргнула, прогоняя сон. — Займусь завтраком.

— Не так быстро, — сказала Мэри. — Мне надо с тобой кое-что обсудить.

Они лежали рядом на постели лицом друг другу.

— Что?

— Когда Двое были Одним, — сказала Мэри, — мы с Понтером говорили о… о нашем будущем.

Бандра наверняка что-то почувствовала в голосе Мэри.

— Ах, — сказала она.

— Ты же знаешь, что нам нужно как-то устроить некоторые… некоторые вещи.

Бандра кивнула.

— Понтер предложил решение. Частичное решение.

— Я со страхом ждала, когда этот момент наступит, — тихо сказала Бандра.

— Ты знаешь, что существующее положение не может продолжаться вечно, — сказала Мэри. — Мне… я не могу остаться здесь навсегда.

— Почему? — жалобно спросила Бандра.

— Вчера Джок — мой начальник — спросил меня, когда я возвращаюсь домой. И я *должна* вернуться; мне всё ещё надо получить аннуляцию моего брака с Кольмом. Кроме того, я…

— Да?

Мэри двинула плечом, которым не опиралась на постель.

— Я просто так не могу: быть здесь, в этом мире, так близко от Понтера, и не иметь возможности видеть его.

Бандра закрыла глаза.

— И что ты намерена сделать?

— Я собираюсь вернуться в свой мир, — сказала Мэри.

— Вот так просто? Ты бросаешь Понтера? Бросаешь меня?

— Я не бросаю Понтера, — сказала Мэри. — Я буду приезжать каждый месяц, когда Двое станут Одним.

— Так и будешь мотаться между мирами?

— Да. Я завершу свой контракт с «Синерджи Груп», а потом попытаюсь найти работу в Садбери — это в моём мире ближайший к порталу город. Там есть университет.

— Понимаю, — сказала Бандра, и Мэри почувствовала, как она старается, чтобы её голос не

дрогнул. — Ну, во всём этом есть смысл.

Мэри кивнула.

— Мне буде тебя не хватать, Мэре. Ох как мне тебя будет не хватать.

Мэри снова коснулась её руки.

— Мы ведь прощаемся не навсегда.

Но Бандра покачала головой.

— Я знаю, на что это похоже, когда Двое становятся Одним. О, первые несколько месяцев ты, вероятно, будешь стараться увидеться со мной хотя бы ненадолго в каждый твой приезд сюда, но реально ты будешь хотеть всё своё время проводить с партнёром. — Бандра предостерегающе подняла руку. — И я это отлично понимаю. Тебе достался хороший мужчина, хороший человек. Если бы у меня был такой…

— Тебе не нужен партнёр, — сказала Мэри. — Никакой женщине не нужен, по любую сторону от портала.

— Но он у меня уже есть, так что у меня нет альтернативы, — тихо ответила Бандра.

Мэри улыбнулась.

— Смешное слово — альтернатива. — Она ненадолго закрыла глаза, вспоминая. — Я знаю, что на вашем языке это *хабадык*. Но в отличие от многих других слов, которые переводятся приблизи-

тельно, эти два имеют совершенно одинаковый смысл: выбор из двух, и только двух возможностей. У меня есть друзья-биологи, которые утверждают, что концепция альтернативы так глубоко в нас укоренилась из-за формы нашего тела: с одной стороны, мы можем поступить так, с другой стороны — эдак. У говорящего осьминога могло бы и не найтись слова, обозначающего наличие именно двух возможностей.

Бандра непонимающе уставилась на Мэри.

— О чём ты говоришь? — спросила она, наконец, явно начиная сердиться.

— Я говорю о том, что у тебя есть и другие возможности.

— Я никогда не стану рисковать способностью моих дочерей иметь детей.

— Я это знаю, — сказала Мэри. — Поверь, это последнее, к чему я могла бы стремиться.

— Тогда что?

Мэри придвинулась к Бандре и крепко поцеловала её в губы.

— Поехали со мной, — сказала она, завершив поцелуй.

— *Что?*

— Поехали со мной, на ту сторону. В мой мир. В Садбери.

— Как это решит мою проблему?

— Когда Двое станут Одним, ты сможешь остаться в моём мире. Ты никогда больше не увидишь Гарба.

— Но мои дочери…

— Вот именно — *дочери*. Они постоянно живут в Центре. Для них он не угроза.

— Но я умру, если не смогу видеть моих девочек.

— Ты будешь приезжать, когда Двое Порознь. Тогда, когда нет шансов встретиться в Гарбом. Приезжай в гости к дочерям — и их детям — так часто, как захочешь.

Бандра явно пыталась всё это переварить.

— Ты хочешь сказать, что мы обе — и ты, и я — будем прыгать туда-сюда между мирами, только в разные дни?

— Именно. Я буду приезжать сюда только в те дни, когда Двое становятся Одним, а ты в любые другие. В Канаде обычно пять дней работают, два отдыхают — мы называем эти два дня «уикэнд». Ты сможешь возвращаться сюда на каждый уикэнд, который не выпадает на дни, когда Двое становятся Одним.

— Гарб будет в ярости.

— Его проблемы.

— Мне придётся бывать на Окраине, чтобы пользоваться порталом.

— Просто не делай этого одна. Делай это так, чтобы он не мог к тебе приблизиться.

— Это… это может сработать, — сказала Бандра с сомнением в голосе.

— Обязательно сработает, — твёрдо сказала Мэри. — Если он станет возражать или попытается увидеться с тобой в неурочные дни месяца, правда о нём выплывет наружу. Ему может быть плевать на то, что будет с тобой или с его дочерьми, но он наверняка не хочет, чтобы кастрировали его самого.

— И ты сделаешь это для меня? — спросила Бандра. — Ты позволишь мне жить с тобой в твоём мире?

Мэри кивнула и крепко её обняла.

— Что я буду там делать? — спросила Бандра.

— Преподавать в Лаврентийском вместе со мной. Ни один университет в моём мире не откажется иметь неандертальского геолога в своём штате.

— Правда?

— Истинная правда.

— То есть в твоём мире мы будем и жить, и работать вместе?

— Да.

— Но… но ты говорила, что в вашем мире такое не принято. Две женщины вместе…

— Так не принято у *большинства* людей моего мира, — сказала Мэри. — Но некоторые так живут. В Онтарио, где мы будем жить, к таким вещам относятся терпимее, чем почти в любом другом месте моего мира.

— Но… будешь ли ты счастлива?

Мэри улыбнулась.

— Не бывает идеальных решений. Но это очень близко к идеалу.

Бандра заплакала, но то были слёзы радости.

— Спасибо тебе, Мэре.

— Нет, — ответила она. Это тебе спасибо. Тебе, и Понтеру.

— Я понимаю Понтеру, но мне? За что?

Мэри снова её обняла.

— Вы с ним показали мне новые способы быть человеком. И за это я буду вам благодарна всю жизнь.

Глава 31

Конечно, когда мы окажемся там, когда мы посадим цветы в ржавые пески четвёртой от Солнца планеты, когда мы напоим их водой, добытой из полярных шапок Марса, мы, Homo sapiens, можем снова на короткое время остановиться, чтобы насладиться запахом этих роз…

— Козёл!

Джок знал, что водитель соседней машины не может его слышать — день выдался холодный, и все окна были закрыты. Но он терпеть не мог, когда всякие ублюдки его подрезают.

Движение сегодня было просто бешеное. Конечно, рассудил Джок, скорее всего оно всегда такое в Рочестере в это время дня, но буквально всё теперь казалось нестерпимо раздражающим после чистой, идиллической красоты, которую он видел на той стороне.

«На той стороне». Чёрт возьми, его мать говорила так про рай. «Всё снова станет хорошо на той стороне».

Джок не верил в рай — да и в ад, если уж на

то пошло, но не мог отрицать реальность мира неандертальцев. Разумеется, они там у себя всё не загадили исключительно в силу случайного стечения обстоятельств. Будь у настоящих людей такие носы, они бы тоже не захотели жить среди собственных отходов.

Джок остановился на светофоре. Ветер нёс по мостовой страницу из «USA Today». Подростки курили на автобусной остановке. В квартале впереди был «Макдональдс». В отдалении глухо выли сирены, бибикали машины. Грузовик рядом с ним кашлянул чёрным дымом из вертикальной выхлопной трубы. Джок посмотрел направо и налево и, наконец, заметил одинокое дерево, растущее в кадке в половине квартала впереди.

Выпуск новостей по радио начался с сообщения о мужчине, который застрелил четверых сослуживцев на заводе электроники в Иллинойсе. Потом диктор уделил две секунды взрыву бомбы в Каире, ещё двенадцать — по-видимому, неизбежной войне между Индией и Пакистаном, и завершил свою минуту разливом нефти в заливе Пьюджет-Саунд, крушением поезда под Далласом и ограблением банка здесь, в Рочестере.

Какой бардак, — думал Джок, барабаня пальцами по баранке и дожидаясь зелёного сигнала. —

Какой жуткий бардак.

* * *

Джок вошёл в занимаемый «Синерджи Груп» особняк через главный вход. В коридоре ему встретилась Луиза Бенуа.

— Здравствуйте, Джок, — сказала она. — На той стороне и правда так здорово, как говорят?

Джок кивнул.

— Поверю вам на слово, — сказала Луиза, — но здесь вы пропустили совершенно потрясающее полярное сияние.

— Здесь? — удивился Джок. — Так далеко на юг?

Луиза кивнула.

— Невероятно, правда? Я никогда ничего подобного не видела, а ведь я — специалист по физике Солнца. Магнитное поле Земли действительно начинает барахлить.

— Вы вроде бы пока ещё в сознании, — криво усмехнулся Джок.

Луиза улыбнулась и указала на свёрток, который он держал в руках.

— Я пропущу эту реплику мимо ушей, раз уж вы принесли мне цветы.

Джон взглянул на длинный свёрток, который

дала ему Мэри Воган.

— О, это Мэри попросила захватить с той стороны.

— Что это?

— Я как раз собирался выяснить.

Джор двинулся дальше по коридору к столу миссис Уоллес, секретаря компании и личного помощника Джока.

— С возвращением, сэр! — сказала она.

Джок кивнул.

— Что-нибудь запланировано на сегодня?

— Только одна встреча. Я её назначила, когда вы были в отъезде; надеюсь, вы не возражаете. Специалист-генетик ищет работу. Очень хорошие рекомендации.

Джок крякнул.

— Он будет здесь к 11:30, — сказала миссис Уоллес.

* * *

Джок проверил свой е-мейл и голосовую почту, выпил чёрного кофе, а потом развернул свёрток, который передала ему Мэри. С первого взгляда было очевидно, что это продукт чужих технологий: текстуры, цветовая гамма, общий внешний вид — всё это было не такое, как сделали бы лю-

ди. Неандертальская любовь к квадратам была совершенно очевидна; квадратный профиль, квадратные дисплеи и контрольные штырьки, собранные в квадратные группы.

Многие элементы управления были подписаны — некоторые, к его удивлению, явно от руки. Этот прибор явно не производился серийно; возможно, какой-то прототип…

Джок взял телефонную трубку и набрал внутренний номер.

— Лонвес? Это Джок. Подойдите ко мне в кабинет, пожалуйста…

* * *

Дверь кабинета отворилась — без стука — и вошел Лонвес Троб.

— Что случилось, Джок? — спросил старый неандерталец.

— У меня тут один прибор, — он оказал на вытянутое устройство, лежащее на его столе, — и я не могу разобраться, как его включить.

Лонвес пересёк кабинет; Джок мог поклясться, что расслышал, как поскрипывали при этом его суставы. Он склонился над столом — в этот раз скрип прозвучал яснее — и приблизил свои механические глаза к прибору.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на отдельно стоящий контрольный штырёк. — Он схватил его скрюченными пальцами и потянул на себя. Прибор тихо загудел. — А что это такое?

— Мэри сказала — синтезатор ДНК.

Лонвес внимательно оглядел прибор.

— Корпус стандартный, но ничего подобного именно этому я никогда не видел. Вы не могли бы его приподнять?

— Что? — переспросил Джок. — А, конечно. — Он оторвал прибор от столешницы, и Лонвес сгорбился, заглядывая под его днище.

— Вам захочется подключить его к внешнему источнику питания, и… ага, отлично: у него есть стандартный интерфейсный порт. Мы с доктором Бенуа собрали несколько устройств, позволяющих подключать неандертальские приборы к вашим персональным компьютерам. Выделить вам одно?

— Э-э… конечно. Да.

— Я попрошу доктора Бенуа позаботиться об этом. — Лонвес двинулся к дверям. — Весело провести время с новой игрушкой.

* * *

Следующие несколько часов Джок провёл,

изучая кодонатор и читая заметки, которые приготовила для него Мэри.

Эта штука умела изготовлять ДНК, это было понятно.

А также РНК — Джоку знал, что это другая разновидность нуклеиновых кислот.

Похоже, что она также могла производить ассоциированные белки, наподобие тех, что связывают дезоксирибонуклеиновую кислоту в хромосомах.

У Джока были некоторые базовые познания в генетике: многие из исследований, в которых он участвовал в «RAND», имели отношение к биологической войне. Если этот прибор может производить цепочки дезоксирибонуклеиновой кислоты и белки, то…

Джок сплёл пальцы. Ребята в Форт-Детрике[41] отдали за такую штуку всё!

Нуклеиновые кислоты. И белки.

Это строительные компоненты для вирусов, которые, собственно, и являются кусочками ДНК или РНК в белковой оболочке.

Джок уставился на машину, размышляя.

---

[41] Примечания: 41
Американский центр разработки биологического оружия.

* * *

Телефон на столе Джока издал особый сигнал, означающий внутренний звонок.

— Прибыл соискатель, назначенный на 11:30, — произнёс голос миссис Уоллес.

— Хорошо, спасибо.

Через пару секунд в дверь вошёл тощий голубоглазый мужчина.

— Доктор Кригер, — сказал он, протягивая руку. — Рад познакомиться.

— Садитесь.

Мужчина сел, но прежде вручил Джоку копию своего довольно объёмного резюме.

— Как видите, я получил Ph.D. в области генетики в Оксфорде. Я там работал в Центре изучения древних биомолекул.

— Вы работали с неандертальцами?

— Нет, с ними нет. Но я делал много другой работы, связанной с поздним кайнозоем.

— Откуда вы узнали о нас?

— Я работал в Йоркском университете, где раньше работала Мэри Воган, и…

— Обычно мы сами приглашаем нужных нам людей.

— О, я прекрасно это понимаю, сэр. Но я поду-

мал, что раз Мэри уехала в другую вселенную, вам, возможно, потребуется новый генетик.

Джок бросил взгляд на лежащий на столе прибор.

— Знаете, доктор Раскин, он нам и в самом деле требуется.

Глава 32

Но наслаждение марсианскими розами будет лишь короткой паузой, нужной, чтобы перевести дух и поразмышлять, прежде чем отправиться в новое путешествие, двигаясь прочь, всё дальше и дальше, учась, делая открытия, взрослея, расширяя границы не только нашей области обитания, но и нашего разума…

Прошло почти три недели с тех пор, как делегация ООН, включая Джока, вернулась домой. Понтер и Адекор работали в своей квантово-вычислительной лаборатории в тысячах саженей под землёй, когда с той стороны пришло сообщение в виде запечатанного пакета, доставленного через деркерову трубу офицером канадской армии.

Так случилось, что пакет вскрыл сам Понтер. На оказавшимся внутри конверте красовался рассечённый надвое земной шар — логотип «Синерджи Груп», и Понтер решил, что письмо для Мэри. Но, как оказалось, он ошибся. К его изумлению на конверте стояло его собственное

имя, написанное английскими буквами и неандертальскими идеограммами.

Понтер вскрыл конверт; Адекор заглядывал ему через плечо. Внутри оказалась бусина памяти. Понтер опустил её в гнездо проигрывателя, и перед ним появилось трёхмерное изображение Лонвеса Троба; его механические глаза светились собственным синим светом. Изображение было в масштабе примерно один к трём и парило в полусажени над консолью.

— Здравый день, учёный Боддет, — сказал Лонвес. — Мне нужно, чтобы вы вернулись в штаб-квартиру «Синерджи Груп» сюда, на южный берег озера Жорлант — которое глексены упорно называют Онтарео, хотя их уже десять раз поправлял. Как вам известно, я работаю здесь с доктором Бенуа над проблемами квантовых вычислений, и у меня появилась новая идея о методах предотвращения декогерентности даже в системах, расположенных на поверхности. Однако мне нужны ваши знания и опыт в области квантовых вычислений. Возьмите с собой вашего коллегу Адекора Халда; его опыт также будет очень ценен. Жду вас через три дня.

Изображение застыло, что означало, что запись была проиграна полностью. Понтер взглянул на

Адекора.

— Поедешь со мной?

— Ты шутишь? — воскликнул Адекор. — Шанс познакомиться с самим Лонвесом Тробом! Обязательно поеду!

Понтер улыбнулся. Глексены говорят, что у барастов отсутствует желание исследовать новые места. Может быть, они правы: до сих пор, несмотря на то, что это им разработанная установка сделала возможным путешествия между мирами, Адекор ни разу не высказывал желания взглянуть на мир глексенов. Но сейчас он готов был отправиться туда — ради встречи с одним из своих кумиров.

— Три дня — это куча времени на сборы, — сказал Понтер. — «Синерджи Груп» не слишком далеко отсюда — я имею в виду, от «отсюда» на той стороне.

— Интересно, что у Лонвеса за надбровьем, — сказал Адекор.

— Кто знает? Но я уверен — что-то гениальное.

Кроме Понтера и Адекора в пультовой никого не было, хотя неандертальские техники работали в вычислительной камере, а неандертальский принудитель сидел на стуле у выхода из портала — просто на всякий случай.

— Я должен пригласить Мэре поехать с нами, — сказал Понтер.

Глаза Адекора сузились.

— Но Двое ещё не стали Одним.

Понтер кивнул.

— Я знаю. Но в их мире это правило не действует, и она меня не простит, если я отправлюсь туда и не возьму её с собой.

— Учёный Троб её не приглашал, — напомнил Адекор.

Понтер протянул руку и коснулся его плеча.

— Я знаю, что тебе нелегко. Я провожу слишком много времени с Мэре, и слишком мало — с тобой. Но ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю.

Адекор медленно кивнул

— Прости. Я пытаюсь — по-настоящему стараюсь — не быть мелочным, когда речь идёт о тебе и Мэре. То есть, я *хочу*, чтобы у тебя была партнёрша. Но я никогда не думал, что ты найдёшь такую партнёршу, которая будет претендовать на наше с тобой время.

— Это очень… сложно, — сказал Понтер. — Прости меня за это. Но уже очень скоро к нам переедет Даб — и тогда у тебя будет гораздо меньше времени для меня.

Понтер пожалел об этих словах сразу же, как

только их произнёс. Обиду на лице Адекора было невозможно не заметить.

— Мы будем растить Даба вместе, — сказал он. — Так у нас заведено, и ты это знаешь.

— Я знаю. Прости. Просто это…

— Просто это всё до ужаса *нелепо,* — сказал Адекор.

— Я со всем разберусь, — сказал Понтер. — Скоро. Обещаю.

— Как?

— Мэре уедет на ту сторону и будет жить там, в своём мире, а к нам приезжать, только когда Двое становятся Одним. И наша с тобой жизнь снова войдёт в обычное русло.

— Когда?

— Скоро. Обещаю.

— Но ты хочешь взять её в эту поездку — чтобы она вместе с нами поехала в «Синерджи Груп» к Лонвесом.

— Ну, вообще-то её текущий вклад как раз и состоит в работе исследователем в «Синерджи Груп». Разумеется ей нужно возвращаться туда время от времени.

Широкий рот Адекора снова скривился. Понтер нежно провёл рукой по его заросшей бородой щеке.

— Я люблю тебя, Адекор. Верь мне. Больше ничто не встанет между нами.

Адекор медленно наклонил голову и потом, беря инициативу в свои руки, произнёс в компаньон.

— Соедини меня с Мэре Воган.

Через мгновение из динамика компаньона послышался синтезированный Кристиной голос Мэри, который произнёс по-неандертальски:

— Здравый день.

— Здравый день, Мэре. Это Адекор. Как ты смотришь на то, чтобы кое-куда съездить с Понтером и со мной?

* * *

— Это поразительно! — восклицал Адекор во всремя поездки по Сабдери. — Всё застроено! И столько народу! Мужчины и женщины вместе!

— И это у них *маленький* город, — напомнил ему Понтер. — Погоди, вот приедем в Торонто или Манхеттен.

— Невероятно, — повторял Адекор; Понтер сел в машине сзади, чтобы Адекору с переднего места было лучше видно. — Невероятно!

Прежде чем отправиться в долгое путешествие до Рочестера, они заехали в Лаврентийский уни-

верситет поинтересоваться вакансиями для Мэри и Бандры. Понтер был совершенно прав: встреча была назначена с главами факультетов генетики и геологии, но вскоре к ним присоединились ректор и проректор. Лаврентийский очень хотел нанять их обеих, и с превеликим удовольствием согласился составить для Мэри план занятий, который включал бы четыре выходных дня подряд ежемесячно.

Раз уж они оказались в Лаврентийском, то сходили в подвал навестить Веронику Шеннон. Адекор вошёл в «Чулан Вероники» с надетым на голову новым шлемом, учитывающим особенности неандертальской анатомии.

Мэри надеялась, что хотя бы Адекор ощутит что-нибудь, когда левая часть его теменной доли подвергается стимуляции, но тщетно. На тот случай, если у неандертальцев распределение мозговых функций зеркально по сравнению с глексенами (весьма маловероятный, учитывая преобладание среди них праворукости) Вероника устроила повторный прогон, стимулируя правую часть теменной доли, но это так же не вызвало никакой реакции.

После этого Мэри, Понтер и Адекор поехали прямиком в квартиру Мэри в Ричмонд-Хилл;

Адекор в абсолютном изумлении разглядывал окрестности и другие автомобили на шоссе.

Добравшись до Мэриного дома, они забрали со стола консьержа в вестибюле огромную кипу накопившейся почты и поднялись на этаж.

Адекор сразу вышел на балкон, завороженный зрелищем. Пока он был поглощён созерцанием, Мэри заказала ужин, который, как она знала, должен прийтись Понтеру по вкусу: жареная курица из KFC, салат из зелени, картошка фри и двенадцать банок «кока-колы».

Пока они ожидали прибытия еды, Мэри включила телевизор, надеясь застать выпуск новостей, и через некоторое время буквально прилипла к экрану.

— Habemus papam! — провозгласила ведущая новостей, белая женщины с каштановыми волосами в очках с тонкой оправой. — Такая новость была получена сегодня из Ватикана: у нас новый Папа.

В кадре появился столб белого дыма, поднимающийся из дымохода Сикстинской Капеллы, означающий сожжение бюллетеней после того, как один из кандидатов получил необходимое большинство в две трети плюс один голос. Мэри ощутила, как у неё радостно забилось сердце.

Потом на экране появилось фото: белый мужчина лет пятидесяти пяти, с проседью в волосах и узким, словно стиснутым с боков лицом.

— Новым понтификом избран кардинал Франко Ди Карио из Флоренции. По имеющейся информации, он избрал себе имя Марка II.

В кадре теперь было дворе: ведущая и чернокожая женщина лет сорока в изящном деловой костюме.

— С нами в студии «Си-би-си» Сьюзан Донкастер, профессор религиоведения из Торонтского университета. Спасибо, что пришли, профессор Донкастер.

— С удовольствием откликнулась на ваше предложение, Саманта.

— Что вы можете сказать о человеке, родившемся под именем Франко Ди Карио? Какого рода изменений в Римско-Католической церкви имеет смысл ожидать от него?

Докастер слегка развела руками.

— Многие из нас надеются, что назначение нового Папы принесёт глоток свежего воздуха: возможно, ослабление некоторых наиболее консервативных позиций Церкви. Однако злые языки уже сейчас отмечают, что имя, избранное новым Папой — Марк *второй* — намекает, что

он будет лишь поддерживать то, что было установлено до него. Также отметим, что на престол Святого Петра вернулись итальянцы, и что в качестве кардинала Франко Ди Карио считался косерватором.

— То есть мы вряд ли дождёмся от него ослабления позиций, скажем, в вопросе контроля рождаемости?

— Этого не будет почти наверняка, — ответила Донкастер, качая головой. — Ди Карио всегда называл Humanae Vitae Папы Павла VI важнейшей энцикликой второго тысячелетия, чьими догматами, по его мнению, Церковь должна руководствоваться и в третьем.

— А по вопросу целибата священнослужителей? — спросила Саманта.

— Опять же, Франко Ди Карио часто упоминал о том, насколько важны обычные обеты — бедности, целомудрия и послушания — для принимающих сан. Я не вижу ни единой возможности для того, чтобы Марка II поменял позицию Рима в этом вопросе.

— У меня складывается впечатление, — сказала ведущая, едва заметно улыбнувшись, — что о рукоположении женщин нет смысла и спрашивать.

— Не при Франко Ди Карио, в этом нет никаких сомнений, — сказала Донкастер. — Его Церковь в осаде, и она укрепляет свои традиционные баррикады, а не разбирает их.

— Так что и ослабления позиций по отношению к разводам тоже ожидать не приходится, не так ли?

Мэри задержала дыхание, хотя и знала уже, каков будет ответ.

— Никаких шансов, — ответила Донкастер.

Мэри с начала лета хранила пульт управления от телевизора в комоде; она пыталась похудеть, и это был простой способ заставить себя больше двигаться. Она поднялась с дивана, подошла к телевизору и тронула кнопку выключения.

Когда она снова повернулась, то увидела смотрящего на неё Понтера.

— Новый Папа тебя не порадовал, — сказал он.

— Да уж. И многих других людей тоже. — Она рассеянно пожала плечами. — С другой стороны, не может же *всё* быть хорошо. — Она вздохнула.

— Что ты теперь будешь делать? — спросил Понтер.

— Я… я не знаю. Ну, то есть, отлучение мне не грозит, я ведь пообещала Кольму, что соглашусь на аннуляцию вместо развода, но…

— Но что?

— Не пойми меня неправильно, — сказала Мэри. — Я очень рада, что у моего ребёнка будет «орган Бога». Но меня уже начинают раздражать эти дурацкие ограничения. Чёрт побери, мы ведь живём в двадцать первом веке!

— Новый Папа ещё может тебя удивить, — сказал Понтер. — Если я правильно понимаю, с момента избрания он сам ещё не сделал никаких заявлений. Всё, что мы слышали до сих пор — лишь домыслы.

Мэри уселась обратно на диван.

— Я знаю. Но если бы кардиналы хотели перемен, они бы избрали кого-нибудь другого. — Она рассмеялась. — Ты только послушай меня! Это, конечно, чисто светский взгляд. Так-то предполагается, что выбор Папы вдохновляется самим Богом. Так что я должна бы была сказать, что если бы *Бог* хотел перемен, то *Он* бы избрал кого-нибудь другого.

— В любом случае, как сказала та женщина, у вас есть Папа, и он выглядит достаточно молодо, чтобы выполнять свои обязанности в течение многих декамесяцев.

Мэри кивнула.

— Я получу аннуляцию. Я пообещала Кольму.

Но пусть даже аннуляция означает, что я могу остаться в лоне Католической Церкви, я этого больше не хочу. В конце концов, есть масса других христианский деноминаций — это вовсе не означает, что я утратила веру.

— Звучит как важное решение, — сказал Понтер.

Мэри улыбнулась.

— В последнее время мне часто приходится их принимать. И я не могу оставаться католичкой. — Она удивилась тому, как легко ей удалось произнести эти слова. — Я не могу.

Глава 33

Нам, разновидности людей, называемой Homo sapiens, разновидности, которую наши неандертальские братья зовут глексенами — присуще стремление, уникальное среди приматов, стремление, характерное лишь для царства осознающих себя существ…

— Здравствуйте, Джок, — сказала Мэри Воган, входя в его кабинет в здании «Синерджи Груп».

— Мэри! — воскликнул Джок. — С возвращением! — Он вскочил со своего аэроновского кресла и пожал ей руку. — С возвращением.

— Рада вас видеть. — Она сделала жест в сторону двери, в которой появились двое её спутников. — Джок, вы уже знакомы с посланником Понтером Боддетом. А это учёный Адекор Халд.

Кустистые брови Джока взлетели к самому краю причёски.

— Бог ты мой! — вскричал он. — Вот это сюрприз!

— Вы не знали, что они собиались приехать?

Джок покачал головой.

— Я полностью погрузился в… в другие дела. Я получаю доклады о приезде и отъезде всех неандертальцев, но давно их не просматривал.

Мэри мимоходом вспомнила старый анекдот. Плохая новость: ЦРУ читает всю вашу почту. Хорошая новость: ЦРУ читает *всю* вашу почту.

— В любом случае, — сказал Джок, выступая вперёд и протягивая руку Понтеру, — с возвращением. — Потом он протянул руку Адекору. — Добро пожаловать с Соединённые Штаты Америки, доктор Халд.

— Спасибо, — ответил Адекор. — Я… несколько ошеломлён.

Джок изобразил тонкую улыбочку.

— Это мы можем.

Мэри снова указала на двоих барастов.

— Лонвес Торб попросил Понтера вернуться и в этот раз взять с собой Адекора.

Понтер улыбнулся.

— Я уверен, что на вкус Лонвеса я слишком большой теоретик. Но Адекор хорошо знает, как создавать реальные вещи.

— К слову о неандертальской изобретательности, — сказала Мэри, указывая на стол в углу кабинета Джока. — Я вижу, вы разбираетесь с кодонатором.

— О да, — ответил Джок. — Это совершенно потрясающий прибор.

— Ага, — согласилась Мэри. Она посмотрела на Джока, раздумывая, стоит ли ему сказать. Искушение было слишком сильно. — С его помощью мы с Понтером собираемся завести ребёнка, несмотря на разницу в числе хромосом.

Джок выпрямился в своём аэроновском кресле.

— Правда? Какая… неожиданность. Я не… я и не думал даже, что такое возможно.

— Очень даже возможно! — сказала Мэри, сияя от радости.

— Гмм… э-э… поздравляю, — сказал Джок. — И вас, Понтер, разумеется. Поздравляю!

— Спасибо, — сказал Понтер.

Внезапно Джок посерьёзнел, словно вспомнил о чём-то важном.

— Гибрид между Homo sapiens и Homo neanderthalensis, — сказал он. — У него будет двадцать три пары хромосом или двадцать две?

— Вы хотите сказать, будет он глексеном или барастом с точки зрения разработанного мной теста? — спросила Мэри.

Джок кивнул.

— Ну, знаете, просто праздное любопытство.

— Мы долго обсуждали этот вопрос. В конце

концов решили, что будет двадцать три пары. С точки зрения теста ребёнок будет глексеном.

— Понятно, — сказал Джок. Ответ его как будто бы немного огорчил.

— Поскольку эмбриону придётся оказаться у меня здесь, — она похлопала себя по животу, — мы решили попытаться избежать возможных осложнений с иммунной системой.

Джок проследил взглядом за её рукой.

— Но вы ведь ещё не беременны, я полагаю?

— Нет-нет. Поколение 149 будет зачато только в следующем году.

Джок моргнул.

— Так ребёнок будет жить в неандертальском мире? Значит ли это, что вы перебираетесь туда насовсем?

Мэри бросила взгляд на Понтера и Адекора. Она не ожидала, что эта тема всплывёт так скоро.

— В основном, — осторожно сказала она, — я буду жить в нашем мире…

— Звучит так, словно за этим следует большего «но», — сказал Джок.

Мэри кивнула.

— Так и есть. Вам известно, что я закончила работу, для которой вы меня наняли в «Синерджи», гораздо быстрее, чем изначально предпола-

галось. Я думаю, что мне пришло время уйти. Мне предложили полный бессрочный контракт профессора генетики в Лаврентийском университете.

— Лаврентийском? — сказал Джок. — Это где?

— В Садбери — там, где портал. Лаврентийский — небольшой университет, но у них отличный факультет генетики, они выполняют анализы ДНК для федеральной полиции. — Она помолчала. — В последнее время я заинтересовалась этой областью.

Джок улыбнулся.

— Кто бы мог подумать, что настанет время, когда Садбери станет пользоваться популярностью из-за удачного географического положения?

* * *

— Привет, Мэри.

Мэри выронила кружку, которую держала в руках. Она разлетелась вдребезги, горячий кофе с шоколадным молоком расплескался по полу её офиса.

— Я закричу, — сказала она. — Я позову Понтера.

Корнелиус Раскин закрыл за собой дверь.

— В этом нет никакой необходимости.

Сердце Мэри бешено колотилось. Она огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что можнжо бы было использовать в качестве оружия.

— Какого чёрта ты тут делаешь?

Корнелиус выдавил из себя улыбочку.

— Я тут работаю. Меня наняли тебе на замену.

— Это мы ещё посмотрим, — сказала Мэри и схватила трубку офисного телефона.

Корнелиус придвинулся ближе.

— Не касайся меня! — сказала Мэри. — Не смей!

— Мэри…

— Пошёл вон! Пошёл вон! Пошёл вон!

— Мэри, дай мне две минуты — это всё, чего я прошу.

— Я позвоню в полицию!

— Ты знаешь, что не позвонишь. Ты не можешь, только не после того, что Понтер сделал со мной, и…

Внезапно Корнелиус замолк. Сердце Мэри выпрыгивало из груди, и, должно быть, Корнелиус заметил что-то в выражении её лица.

— Ты не знаешь! — сказал он, вытаращив глаза. — Ты ведь не знаешь, правда? Он тебе так и не сказал!

— Не сказал мне что? — спросила Мэри.

Худая фигура Корнелиуса обмякла и просела, словно соединение его ног с туловищем вдруг ослабло.

— Мне и в голову не пришло, что ты в этом не участвовала, что ты ничего не знала…

— Не знала чего? — требовательно сказала Мэри.

Корнелиус попятился.

— Я не причиню тебе вреда, Мэри. Я *не могу* причинить тебе вреда.

— О чём ты говоришь?

— Ты знаешь, что Понтер приходил ко мне домой?

— Что? Ты врёшь.

— Нет, не вру.

— Когда?

— В сентябре. Поздно ночью…

— Ты *врёшь*. Он никогда…

— Не вру.

— Он бы мне сказал.

— Я тоже так думал, — согласился Корнелиус, безучастно пожав плечами. — Но, как видим, он не сказал.

— Послушай, — сказала Мэри. — Мне на всё это плевать. Просто убирайся отсюда. Я приехала сюда, чтобы от тебя избавиться! И я позвоню в

полицию.

— Ты не хочешь этого делать, — сказал Корнелиус.

— Следи за руками — и если ты сделаешь ещё шаг, я заору.

— Мэри…

— Не подходи.

— Мэри, Понтер *кастрировал* меня.

Мэри почувствовала, как у неё упала челюсть.

— Ты врёшь, — сказала она. — Ты всё это выдумал.

— Могу показать, если хочешь…

— Нет! — Мэри чуть не вырвало — мысль о том, чтобы увидеть его обнажённую плоть была нестерпима.

— Это правда. Он пришёл ко мне домой, где-то в два часа ночи, и…

— Понтер никогда бы такого не сделал. По крайней мере, не рассказав мне.

Корнелиус поднёс руку к молнии на ширинке.

— Как я уже сказал, я могу доказать.

— Нет! — Мэри дышала тяжело и судорожно.

— Кейсер Ремталла сказала мне, что ты натурализовалась — переселилась на ту сторону навсегда. В противном случае я бы никогда сюда не приехал, но… — Он пожал плечами. — Мэри,

мне нужна эта работа, — сказал Корнелиус. — Йоркский для меня тупик — для меня и любого другого белого мужчины моего возраста. Ты это знаешь.

Мэри была близка к гипервентиляции.

— Я не смогу с тобой работать. Я не смогу даже в одной комнате с тобой находиться.

— Я буду держаться от тебя подальше. Обещаю. — Его голос стал тише. — Чёрт возьми, Мэри, по-твоему, *мне* тебя приятно видеть? Это напоминает мне о… — он замолчал: его голос дрогнул, самую малость. — о том, чем я был раньше.

— Я тебя ненавижу, — прошипела Мэри.

— Я знаю. — Он двинул плечом. — Я… я не могу тебя за это винить. Но если ты расскажешь обо мне Кригеру или кому угодно, для Понтера Боддета это будет конец. Он попадёт за решётку за то, что сделал со мной.

— Будь ты проклят, — сказала Мэри.

Корнелиус кивнул.

— Наверняка буду.

* * *

— Понтер! — сказала Мэри, ворвавшись в лабораторию в «Синерджи», которую отвели для работы ему, Адекору и Лонвесу Тробу. — Пойдём

со мной!

— Привет, Мэре, — сказал Понтер. — Что случилось?

— Прямо сейчас! — рявкнула Мэри. — Немедленно!

Понтер повернулся к двум другим неандертальцам, но Кристина продолжила переводить:

— Простите, я должен ненадолго отлучиться…

Лонвес кивнул и намекнул Адекору, что это, должно быть, Последние Пять. Мэри вышла из комнаты, и Понтер последовал за ней.

— На улицу! — приказала Мэри и, не оборачиваясь, направилась по укрытому коврами главному коридору особняка к дверям, забрав по пути с вешалки своё пальто.

Понтер поспешил за ней без пальто. Мэри пересекла побуревшую лужайку, перешла через улицу и остановилась только на идущем вдоль опустевшей пристани для яхт променаде. Тут она резко развернулась к Понтеру.

— Здесь Корнелиус Раскин.

— Нет, — сказал Понтер. — Я бы его унюхал, если бы…

— Должно быть, у него запах изменился от того, что ты ему яйца отчекрыжил, — прорычала Мэри.

— Ах, — сказал Понтер. И потом: — Ой.

— И всё? — спросила Мэри. — Это всё, что ты можешь сказать?

— Я… э-э… в общем…

— Какого чёрта ты мне не сказал?

— Ты бы не одобрила, — ответил Понтер, глядя в асфальт, полузасыпанный опавшей листвой.

— И это, блин, истинная правда! Понтер, ну как ты мог совершить такое? Господи Иисусе!..

— Иисус, — тихо повторил Понтер. — Он учил, что прощение — это величайшая добродетель. Но…

— Что? — крикнула Мэри.

— Но я — не Иисус, — сказал он, и в его голосе послышалась печаль. — Я не умею прощать.

— Ты пообещал мне, что не причинишь ему вреда, — сказала Мэри. Над их головами пролетела чайка.

— Я пообещал, что *не убью* его, — уточнил Понтер. — И я не убил. Но… — Он пожал своими массивными плечами. — Первоначально я собирался просто предупредить его, что я опознал в нём насильника, чтобы он никогда больше не совершал преступлений. Но когда я его увидел, учуял его зловоние, зловоние, которое он оставил на одежде последней жертвы, я не смог

сдержаться…

— Боже мой, Понтер. Ты ведь знаешь, что это значит: он теперь на коне. В любой момент, когда ему вздумается, он может донести на тебя. Подозреваю, что вопрос о том, виновен ли он в изнасилованиях, суд даже не станет обсуждать.

— Но он виновен! И я не смог смириться с мыслью, что ему ничего не будет за его преступление. — А потом, видимо, чтобы упрочить свою защиту, он повторил последнее слово во множественном числе: — Преступления, — напоминая Мэри, что она не была единственной жертвой Корнелиуса Раскина, и что второе изнасилование произошло потому, что Мэри не сообщила о первом.

— Его родственники, — сказала Мэри в ту же секунду, как мысли пришла ей в голову. — Его братья, сёстры. Родители. Господи, скажи мне, что ты ничего им не сделал!

Понтер склонил голову, и Мэри подумала, что он собирается признаться в других нападениях. Но не это было причиной его стыда.

— Нет, — сказал он. — Нет, я не тронул другие копии генов, которые сделали его тем, кто он есть. Я хотел наказать *его* — заставить *его* страдать так же, как страдала ты.

— Но теперь он может заставить страдать тебя, — сказала Мэри.

— Не волнуйся, — ответил Понтер. — Он никогда не расскажет, что я сделал.

— Почему ты так уверен?

— Обвинение против меня будет означать, что его собственные преступления выйдут на свет. Пусть не на моём суде, но на отдельном процессе, ведь так? Наверняка ведь здешние принудители от него не отстанут.

— Возможно, — сказала Мэри, всё ещё кипя внутри. — Но судья может решить, что ты его уже достаточно наказал. В конце концов, канадские законы считают кастрацию слишком тяжёлом наказанием даже за изнасилование. Так что если он уже понёс это наказание, то судья может постановить, что накладывать на него другое, менее тяжёлое наказание в виде лишения свободы не имеет смысла. И в этом случае он ничего не потеряет, а ты отправишься в тюрьму за то, что сделал с ним.

— Даже в этом случае о том, что он насильник, станет широко известно. Это не может не повлечь нежелательные для него социальные последствия.

— Мы должны были сперва всё это обсудить!

— Как я уже сказал, у меня не было намерения совершать эту… это…

— Месть, — сказала Мэри безразличным тоном, словно зачитывая слово из словаря. Она медленно покачала головой. — Ты не должен был этого делать.

— Я знаю.

— Но сделав это, ничего мне не сказать! Чёрт возьми, Понтер, у нас не должно быть друг от друга секретов! Какого чёрта ты ничего мне не сказал?

Понтер посмотрел на пустынную пристань, на холодную серую воду.

— Я уверен, что в этом мире мне ничто не угрожает, — сказал он, — потому что, как я сказал, Раскин никогда не расскажет о том, что я с ним сделал. Но в моём мире…

— Что в твоём мире?

— Не понимаешь? Если о том, что я сделал, станет известно в моём мире, меня посчитают чрезмерно агрессивным.

— Ты веришь, что Раскин сохранит тайну, но не веришь, что сохраню я?

— Не в этом дело. Вообще не в этом. Ведь всё записывается. В архиве алиби будет запись о том, как я тебе рассказываю, и в твоём архиве будет

запись о том же самом. Даже если ни один из нас не проронит ни слова, всегда есть вероятность, что суд потребует раскрытия твоего или моего архива, и тогда…

— Что? Что?

— И тогда буду наказан не только я, но и Жасмель с Мегой.

Господи, подумала Мэри. *Всё идёт по кругу.*

— Прости меня, — сказал Понтер. — Мне очень стыдно — и за то, что я сделал с Раскином, и за то, что не сказал тебе. — Он попытался заглянуть её в глаза. — Поверь мне, носить этот груз было совсем не легко.

Внезапно Мэри осенило.

— Скульптор личности!

— Да, именно поэтому я ходил к Журарду Селгану.

— Не из-за моего изнасилования… — медленно произнесла Мэри.

— Нет. Не напрямую.

— …а из-за того, то ты сделал по поводу моего изнасилования.

— Именно.

Мэри испустила долгий вздох; гнев — и многое другое — словно улетучивались из её тела. Он не стал думать о ней хуже из-за того, что её из-

насиловали…

— Понтер, — тихо сказала она. — Понтер, Понтер…

— Я люблю тебя, Мэре…

Она медленно покачала головой, думая о том, что делать дальше.

Глава 34

И это стремление гонит нас вперёд и вдаль…

Бристоль-Харбор был мечтой застройщика по имени Фред Саркис: пять роскошных многоквартирных домов, стоящих над глинистым обрывом на берегу озера Канандэйгуа. Озеро, одно из Фингер-Лэйкс в штате Нью-Йорк, было заполнившейся водой длинной глубокой бороздой, оставленной в ландшафте последним оледенением.

Бристоль-Харбор был построен в начале 1970-х, до того, как экономика Рочестера и многих других городов верхней части штата Нью-Йорк отправилась в канализацию. Это было причудливое произведение своей эпохи, такое же, как Хабитат[42] на Экспо-67. Когда Мэри впервые его увидела по рекомендации Луизы Бенуа, то подумала, что следующий фильм про Человека-паука нужно снимать именно здесь: мешанина мостов,

---

[42] Примечания: 42

Жилой комплекс в Монреале весьма нетрадиционной архитектуры, построенной к международной выставке 1967 года, темой которой были жильё и жилое строительство.

соединяющих многоуровневый гараж со зданием, где располагались жилые квартиры, была бы естественной средой обитания прыгучего такелажника.

Однако по-видимому дела пошли не совсем так, как планировалось, потому что несмотря на близость поля для гольфа прямо через дорогу и лыжного центра на горе Бристоль-Маунтин неподалёку в жилом комплексе постоянно имелось большое количество квартир для аренды или на продажу. Женщина-риэлтор, с которым разговаривала Мэри, разливалась о том, как Пэтти Дьюк и Джон Астин[43], когда только поженились, останавливались здесь на лето. Мэри подозревала, что когда оно узнает, что здесь жили двое неандертальцев, рассказ об этом станет ещё одной частью плана обработки потенциального покупателя.

Мэри сняла здесь двухуровневую квартиру с двумя спальнями площадью 1000 квадратных футов. В ней всё ещё лежал уродливый мохнатый ковёр оранжевого цвета, оставшийся, должно быть, со времени постройки — Мэри не видела ничего подобного уже целую вечность. Однако

---

[43] Примечания: 43
Известные американские актриса и актёр, женатые в 1972–85 годах.

вид из окна был изумительный — прямо на озеро и противоположный его берег. Вид с верхнего балкона, на который выходила главная спальня, ничего не загораживало; нижний же частично прикрывали верхушки деревьев, упорно цепляющихся за край осыпающегося обрыва. С любого из них была видна зацементированная дорожка, ведущая к отдельно стоящей лифтовой башне; лифт спускался на сотни футов вниз к самой воде, где располагалась пристань и искусственный пляж.

— Какое, однако, интересное место, — говорил Понтер, стоя на нижнем балконе и держась за ограждение обеими руками. — Современные удобства посреди живой природы. Я как будто вернулся назад в свой мир. Почти.

Мэри воспользовалась на балконе электрическим грилем, чтобы зажарить купленные в «Вегмансе» стейки. Понтер продолжал любоваться озером, тогда как Адекору более интересным показался ползущий по ограждению крупный паук.

Когда стейки были готовы — с кровью для мужчин, хорошо прожаренный для неё — Мэри накрыла на стол, и Понтер с Адекором вгрызлись в свои, держа их затянутыми в обеденные перчатки руками; Мэри воспользовалась ножом и

вилкой. Конечно, ужин — лёгкая часть, думала Мэри. Рано или поздно кто-то неизбежно поднимет вопрос о…

— Итак, — сказал Адекор, — где мы будем спать?

Мэри сделала глубокий вдох.

— Я думаю, мы с Понтером могли бы…

— Нет-нет-нет, — сказала Адекор. — Двое сейчас Порознь. Сегодня с Понтером сплю я.

— Да, но это мой дом, — сказала Мэри. — И мой мир.

— Это неважно. Понтер — мой партнёр. Вы двое ещё даже в союз не вступили.

— Пожалуйста! — сказал Понтер. — Давайте не будем спорить. — Он улыбнулся Мэри, потом Адекору, но несколько секунд молчал. Потом неуверенно предложил:

— Вообще-то мы могли бы спать все вместе…

— Нет! — сказал Адекор, и одновременно то же самое сказала Мэри. *О Боже!* — подумала она. — *Менаж-а-труа* с гоминидами!

— Я правда думаю, — продолжила Мэри, — что правильнее будет нам с Понтером…

— Это полный хрящ! — перебил её Адекор. — Очевидно, что…

— Возлюбленные мои… — заговорил Понтер,

но, видимо, из-за того, что «мэре» означало по-неандертальски «возлюбленный», он замолк и начал снова другими словами: — *Обе* мои любви, — сказал он. — Вы знаете, как сильно я к вам привязан. Но Адекор прав: при обычных обстоятельствах в это время месяца я был бы с ним. — Он протянул руку и нежно коснулся Адекора. — Мэре, ты должна к этому привыкнуть. Ведь так оно будет до конца моих дней.

Мэри посмотрела на озеро. Эта сторона была в тени, но солнце всё ещё освещало дальний берег в полутора милях отсюда. Мэри знала, что в квартире имеется четыре кондиционера/обогревателя — по бокам каждого уровня. Каждый вечер перед тем, как отправиться спать, она включала вентилятор в главной спальне, чтобы его белый шум заглушал какофонию птиц, встречающих по утрам зарю. Возможно, если включить его на полную, то он заглушит и звуки, доносящиеся из второй спальни…

Потому что Понтер прав. Ей придётся к этому привыкнуть.

— Хорошо, — сказала она, прикрывая глаза. — Но тогда вы готовите завтрак.

Адекор взял Понтера за руку и улыбнулся Мэри.

— Договорились, — сказал он.

* * *

В кабинете Джока уже был большой сейф, вделанный в дальнюю стену; это было первое, что он приказал сделать, когда «Синерджи Груп» приобрела особняк. Сейф, вмурованный в бетон, отвечал стандартам министерства обороны по безопасности и несгораемости. Джок хранил кодонатор в нём, доставая его только для работ под своим личным наблюдением.

Джок сидел за столом. На одном его краю лежал соединительный блок, собранный Лонвесом Тробом; с его помощью было возможно загружать в кодонатор композиции, составленные на персональном компьютере. Сейчас Джок разглядывал одну такую композицию. Его монитор — 17-дюймовый LCD в чёрном корпусе — демонстрировал пояснения и формулы, подготовленные Корнелиусом Раскином. Конечно, Джок сказал Раскину, что его интересует исключительно оборонный аспект: желание выяснить, каковы могут быть наихудшие последствия, если кодонатор попадёт не в те руки.

Джок знал, что должен был передать этот прибор в Пентагон — но тамошние идиоты сразу

захотели бы использовать его против *людей*. Нет, это был его шанс — его единственный шанс, и он собирался им воспользоваться. Сейчас, на ранней стадии контакта, это выглядело бы как трагическая случайность: страшный микроб как-то пролез на другую сторону. Весьма прискорбно, но он выкосил всех обитателей Эдема, а со стороны Homo sapiens была лишь одна жертва — Корнелиус Раскин, необходимость в котором уже отпала.

Раскин, разумеется, знал только то, что ему было необходимо. К примеру, он, как и большинство генетиков мира, считал, что естественный резервуар[44] вируса эбола — место, где он сохраняется, когда не заражает людей — неизвестен. Но Джок имел доступ к информации, о которой Раскин не имел понятия: правительство США локализовало этот резервуар ещё в 1998: Balaeniceps rex или китоглав, крупная болотная птица с востока Тропической Африки. Информация была засекречена, чтобы ею не воспользовалась какая-нибудь недружественная держава.

Эбола — РНК-вирус, геном которого полностью секвенирован, хотя, опять же, Раскин не

[44] Примечания: 44

Долговременный носитель патогенного (болезнетворного) организма. Резервуар обеспечивает патогену как биологическому виду возможность непрерывного существования.

знал и этого; эти сведения тоже были засекречены по той же самой причине. Так что, с точки зрения Раскина, ему было поручено провести манипуляции с некоей произвольной вирусной последовательностью, а не с реальным генетическим кодом вируса эбола.

Существует несколько штаммов эболы, названных по месту их первого обнаружения. Эбола-заир наиболее смертоносен, но передаётся только через биологические жидкости. В отличие от него эбола-рестон, который людей не заражает, передаётся воздушным путём. Но Раскину не составило труда — разумеется, исключительно в качестве упражнения — запрограммировать кодонатор поменять местами несколько генов и таким образом получить гибридную версию, объединившую вирулентность эболы-заир со способоностью к воздушной передаче эболы-рестон.

Ещё несколько модификаций сократили инкубационный период до десятой части его природной длительности и повысили смертность с девяноста до более чем девяноста девяти процентов. А ещё одно финальное вмешательство изменило генетические маркеры, указывавшие на естественный резервуар вируса.

Вторая часть проекта была посложнее, но Кор-

нелиус вгрызся в неё, как пёс в кость; нет ничего лучше для мотивации сотрудника, чем 200000 долларов в качестве гонорара за консультацию.

На бумаге концепция выглядела довольно просто: не давать вирусу активизироваться, пока он не попадёт в клетку с определёнными характеристиками. К счастью, посол Тукана Прат привезла в ООН десятерых самых знаменитых неандертальцев, которые щедро делились своими знаниями. Один из них, Борл Кадас, сообщил информацию, полученную в ходе секвенирования неандертальского генома, завершенного в 1953 году по глексенскому календарю. Эта база данных дала всё, что требовалось знать для того, чтобы научить вирус убивать лишь тех, кого он должен был убивать.

Так что теперь оставалась лишь одна проблема: как доставить вирус на ту сторону. Поначалу Джок думал, что самым простым решением было бы инфицировать вирусом себя самого: в конце концов, он никак не воздействовал на гоминидов с двадцатью тремя парами хромосом. Однако технология калибруемых лазеров, используемая для деконтаминации тех, кто путешествует между мирами, легко удалит вирусы из его тела. Даже дипломатическая почта проходит через

деконтаминатор, так что просто спрятать вирусы в одном из них тоже не получится.

Нет, ему нужно поместить аэрозольную бомбу в какой-то контейнер, непрозрачный для лазерных импульсов, используемых в неандертальской деконтаминационной камере. Сам Джон понятия не имел, что бы это могло быть, но его оптическая команда, изначально созданная для изучения принципов записи голографических изображений в неандертальских имплантах и состоящая из лучших специалистов, каких могли предложить «Бауш энд Ломб», «Кодак» и «Ксерокс», наверняка с этой задачей справится, особенно принимая во внимание, что технологией калибруемых лазеров неандертальцы поделились с Homo sapiens в первую очередь.

Джок поднял трубку и набрал внутренний номер.

— Привет, Кевин, — сказала он. — Это Джок. Вы с Фрэнком и Лили не подойдёте ко мне в кабинет? У меня для вас есть небольшая работа…

* * *

Мэри нашла простое краткосрочное решение для проблемы работы в одном здании с Корнелиусом Раскином. Она может приходить на работу

попозже и работать допоздна; тогда Корнелиус уйдёт домой вскоре после её прихода или, если повезёт, даже до её прихода.

Понтер и Адекор приехали из Бристоль-Харбор вместе с Мэри; без неё они не могли передвигаться, поскольку не водили машину. Однако бóльшую часть времени они работали в квантово-вычислительном проекте с Лонвесом Тробом, а частенько также с Луизой Бенуа, хотя она предпочитала более традиционные часы работы и сегодня уже ушла домой.

Мэри писала отчёт для Джока, подробно описывая всё, что ей удалось узнать о неандертальской генетике от Лурт, Вессан и других. Работа эта одновременно поднимала ей настроение и вгоняла в депрессию: поднимала настроение, потому что она узнала очень многое, и вгоняла в депрессию, потому что неандертальцы в этой области опережали глексенов на десятки лет, и многое из того, что она делала в прошлом, сразу же оказалось безнадёжно устаревшим.

Тяжёлые шаги — кто-то бежит по коридору.

— Мэре! Мэре!

В дверях её кабинета возник Адекор; его широкое круглое лицо искажено ужасом.

— Что стряслось? — спросила Мэре.

— Лонвес Троб. Он потерял сознание! Нам нужна медицинская помощь, а мы…

А неандертальцы, за исключением Бандры, знавшей шутку про 9-1-1, понятия не имели, как вызвать скорую помощь, и их компаньоны также не знали, что делать в таких случаях по эту сторону портала. Мэри вскочила и кинулась по коридору в лабораторию квантовых вычислений.

Лонвес лежал на спине, веки его глаз трепетали. Когда он их открыл, то стали видны лишь гладкие металлические сферы; по-видимому, они повернулись так, что металлические зрачки оказались с другой стороны.

Понтер стоял над Лонвесом на коленях. Он без видимых усилий раз за разом нажимал ему ладонью на грудную клетку — неандертальский вариант сердечно-лёгочной реанимации. Золотой компаньон Лонвеса в это время что-то громко говорил по-неандертальски — по-видимому, сообщал жизненные показатели своего носителя.

Мэри схватила с одного из столов телефон, набрала девятку для выхода на внешнюю линию, затем 9-1-1.

— Пожарные, полиция, или скорая? — спросил оператор.

— Скорая.

— Что случилось?

— У мужчины сердечный приступ, — сказала Мэри. — Поторопитесь!

Женщина-оператор, должно быть, уже видела на экране адрес, определённый по номеру телефона.

— Отправляю машину прямо сейчас. Вы умеете делать непрямой массаж сердца?

— Да, — ответила Мэри. — Но его уже делают, и… Да, я же не сказала сразу. Мужчина с сердечным приступом — неандерталец.

— Мэм, ложный вызов скорой — серьёзное преступление…

— Я не шучу! — рявкнула Мэри. — Я звоню из «Синержди Груп», это правительственная организация, и у нас работают неандертальцы.

Понтер продолжал надавливать Лонвесу на грудь. Адекор тем временем открыл медицинский пояс Лонвеса, и теперь вспрыскивал что-то Лонвесу в шею с помощью газового инъектора.

— Скажите ваше имя, пожалуйста, — сказала оператор.

— Скорая уже выехала? Вы её уже выслали?

— Да, мэм. Она уже едет. Скажите мне ваше имя.

— Мэри Н. Воган. — Она продиктовала по буквам. — Я генетик.

— Сколько лет пациенту, мисс Воган?

— Сто восемь — и нет, я не шучу. Это Лонвес Троб, один из неандертальцев, что месяц назад были в ООН.

В дверях появился Стэн Расмуссен, эксперт по геополитике, работавший дальше по коридору. Мэри прикрыла трубку рукой и быстро сказала ему:

— У Лонвеса Троба сердечный приступ. Найдите Джока!

Расмуссен кивнул и исчез.

— Я переключаю вас на парамедиков, — сказала оператор.

Мгновение спустя заговорил другой женский голос.

— Мы в пяти минутах от вас. Вы можете описать состояние пациента?

— Нет, — ответила Мэри, — но я могу спросить его компаньон. — Она подхватила телефонный аппарат и перенесла его через комнату, поставив рядом с Лонвесом. Потом проговорила, обращаясь к его импланту:

— Переключитесь на английский и отвечайте на все вопросы, которые вам зададут. Помощь

уже идёт...

Глава 35

И всё же некоторые из нас останутся на Марсе насовсем. По страницам научной и научно-фантастической литературы уже давно кочует идея терраформирования Марса — превращения его в похожую на Землю планету путём обогащения его атмосферы и высвобождения замороженной воды, что должно сделать его более пригодным для жизни людей…

Джок, Понтер и Адекор отправились в Мемориальный госпиталь Стронга вместе с так и не пришедшим в сознание Лонвесом Тробом. Мэри ничем не могла быть полезна, так что по настоянию Джока она осталась в «Синерджи».

У Мэри ушёл почти час на то, чтобы успокоиться и вернуться к работе, но когда ей это, наконец, удалось, вся её работа пошла прахом.

Один из друзей Мэри в Йоркском университете был яростным проповедником Линукса — пытался убедить всех и каждого на факультете генетики в том, что им нужно отказаться от Windows и перейти на операционную систему с открытым

кодом. Мэри предпочитала держаться подальше от компьютерных войн — ей удавалось держать нейтралитет и раньше, в пору войн «Макинтошей» против PC, но каждый раз, как Windows на её компьютере показывала синий экран смерти, она задумывалась о том, не перейти ли ей в стан линуксоидов.

И сейчас это случилось снова, во второй раз за день. Мэри совершила трёхпальцевый ритуал, но когда, по прошествии близкого к бесконечности времени система, наконец, перезагрузилась, она наотрез отказалась восстанавливать сетевое подключение.

Мэри вздохнула. Было семь вчера, но просто отправиться домой она не могла: ей нужно дождаться, пока Понтер с Адекором вернутся из больницы, чтобы отвезти их обратно в Бристоль-Харбор.

Конечно, в штаб-квартире «Синержди Груп» есть множество других компьютеров, но…

У Джока в кабинете было модное аэроновское кресло, про которые она читала в каталоге «Sharper Image». Реклама обещала суперкомфортабельный эргономический рай. Конечно, он, вероятно, подогнал его высоту и наклон под свой долговязое тело, но, всё же, работая в ди-

ректорском кабинете, она могла бы опробовать директорское кресло.

Мэри поднялась и направилась на первый этаж по лестнице, укрытой бордовым ковром. Дверь в кабинет Джока была широко распахнута, и Мэри вошла. У Джока было огромное окно-эркер, выходящее на юг, на пристань для яхт.

Она подошла к директорскому суперкреслу — воронёный метал и пластик, спинка из чёрной мелкой сетки, якобы позволяющей спине сидящего дышать. Чувствуя себя проказничающей школьницей, она опустилась в кресло и откинулась назад.

Бог ты мой, подумала она. *В кои то веки продукт, про который реклама не врёт!* Кресло было удобно сверх всякой меры. Она упёрлась ногами в пол, покрутив его вправо и влево. Мэри знала, что аэроны стоят как самолёты, но она *должна* заполучить такое же для себя…

Понежившись в кресле ещё пару минут, она принялась за работу. Компьютер Джока, который, узнав о приступе Лонвеса Троба, покинул кабинет в большой спешке, всё ещё был подключён к сети под его именем. Мэри предполагала, что её пароль должен сработать и с этой машины, но не была в этом уверена, так что решила ничего

по возможности не трогать и продолжить свою работу в сеансе Джока. Она открыла на сервере папку «Неандертальская генетика» и…

Брови Мэри взлетели вверх. Она проводила большую часть времени в этой папке, но сейчас в ней были две иконки, которых она никогда до сих пор не видела. Она занервничала: она редко забывала сохраняться, однако, возможно, падение операционки на её компьютере наверху поломало файловую систему рабочей папки.

Она решила проверить это, кликнув на одной из иконок, которые она видела впервые — она выглядела как красно-чёрная двойная спираль. Мэри знала большинство используемых в генетике прикладных программ и могла узнать их иконки, но эта была явно незнакома.

Через мгновение открылось окно. В его заголовке значилось «USAMRIID Geneplex — Surfaris», а само окно было заполнено текстом и формулами. Акроним USAMRIID довольно часто появлялся в литературе по генетике: он означал «Институт медицинских исследований инфекционных заболеваний Армии США»[45]. Geneplex — это, очевидно, название программы. Но вот про «Surfaris»

---

[45] Примечания: 45
United States Army Medical Research Institute of Infectious Diseases.

Мэри не могла ничего сказать.

И всё же она пробежала глазами содержимое окна. Оно оказалось совершенно потрясающим. В ходе одной из первых её работ здесь в «Синерджи» она пыталась использовать явление «подсчёта кворума» у бактерий, чтобы узнать, сколько на самом деле присутствует пар хромосом — двадцать три или двадцать четыре. Но не получилось. Во-первых, механизм кворума, похоже, не способен настолько точно различать количество. Во-вторых, хромосомы выделяются из хроматина только во время митоза, который, разумеется, никак не является нормальным состоянием клетки.

Но у Джока, по-видимому, был ещё кто-то, кто работал над этой проблемой, и этот генетик разработал гораздо более простую методику. У глексенов предковые хромосомы два и три слились, образовав гораздо более длинную хромосому. Гены, которые раньше располагались на краю хромосомы два теперь примыкали к генам начала хромосомы три где-то посередине новой комбинированной хромосомы.

Те же самые гены присутствовали и у неандертальцев, только у них они друг к другу не примыкали. У них за последним геном второй

хромосомы следовал теломер — своего рода шапочка из «мусорной» ДНК, единственная задача которой — защищать край хромосомы, как пластиковая штучка на конце обувного шнурка. Точно так же перед первым геном третьей хромосомы находится другой теломер — протектор начального края хромосомы. Так что у неандертальцев будет присутствовать такая последовательность:

На конце второй хромосомы:
…[другие гены][ген альфа][теломер]

В начале третьей хромосомы:
[теломер][ген бета][другие гены]…

Этих последовательностей не будет нигде в глексенской ДНК. Вместо этого в глексенской ДНК в миллионах базовых пар от теломера встретится такая последовательность, в свою очередь совершенно отсутствующая в ДНК неандертальцев:

…[другие гены][ген альфа][ген бета][другие гены]…

Естественное продолжение работы Мэри — и идеальный, свободный от ошибок метод различе-

ния двух разновидностей людей даже с помощью клеток, не достигших митоза. Это было именно то, что было нужно Джоку: простой и надёжный метод отличить глексена от бараста.

Мэри порадовалась, когда увидела, что метод включает все три возможные проверки. Теоретически было бы достаточно проверить генетический материал лишь на один из трёх критериев. Наличие любой из первых двух последовательностей — ген альфа или ген бета рядом с теломером — однозначно определяло их носителя как Homo neanderthalensis. А наличие третьей последовательности — гены альфа и бета рядом друг с другом — однозначно определяло Homo sapiens. Но всё всегда может пойти не так, и поэтому методика определения неандертальца включала в себя небольшой алгоритм, представленный — по-видимому, специально для Джока — в словесном виде:

> *Шаг 1: Гены альфа и бета находятся рядом?*
>
> Если **да**, то выход (это не неандерталец)
>
> Если **нет**, то это, вероятно, неандерталец: к Шагу 2

Шаг 2: Ген альфа находится рядом с теломером?

Если **да**, то это по-прежнему, вероятно, неандерталец: к Шагу 3

Если **нет**, прервать (не бывает у неандертальца)

Шаг 3: Ген бета находится рядом с теломером?

Если **да**, то это точно неандерталец: к Шагу 4

Если **нет**, прервать (не бывает у неандертальца)

Команды прерывания в шагах 2 и 3 обеспечивали надёжность. Они выполнялись, когда гены альфа и бета не находятся рядом друг с другом (это проверялось в шаге 1), но ни альфа, ни бета при этом не находятся рядом с теломером — комбинация условий, которая не может наблюдаться в ДНК ни той, ни другой разновидности гоминид.

Это чрезвычайно простой алгоритм, когда речь идёт о компьютерной программе, но не такой простой, когда его нудно закодировать в каскаде биохимический реакций, хотя, по-видимому, неизвестный генетик Джока справился и с этим. Мэри без труда проследила формулы

ферментов, образующихся на каждом этапе и убедилась, что результат в самом деле соответствует предложенному алгоритму. В самом конце она ожидала увидеть фермент или иной маркер, чьё присутствие может быть легко детектировано: несомненный индикатор, говорящий: «да, это неандерталец», или «нет, это нечто другое».

Однако прокрутив текст к следующей странице, она обнаружила, что этим алгоритм вовсе не ограничивается. У Мэри отвалилась челюсть, когда она добралась до Шага 4. Джок и многие члены его команды пришли из «RAND»; Мэри уже привыкла слышать от них клише времён холодной войны, но название следующего шага заставило её сердце пропустить удар: «Доставка полезного груза».

Тогда и только тогда, когда испытуемый определялся как неандерталец, вызывалася новая каскадная последовательность, которая в конечном итоге приводила к…

Мэри не могла поверить глазам. Её специализацией была древняя ДНК — благодаря ей она во всё это и влезла — но это не значило, что она не разбиралась в недавно идентифицированных последовательностях, особенно тех, что попадают на первые полосы газет.

Если испытуемый оказывается неандертальцем, то происходит доставка груза: груза, основанного на филовирусе, вызывающем очень быстротекущую геморрагическую лихорадку.

Смертельную геморрагическую лихорадку…

Мэри откинулась в кресле Джока Кригера. Она чувствовала подступающую к горлу тошноту.

Зачем кому-то может понадобиться стереть неандертальцев с лица Земли?

Даже не так: *с лица двух Земель*.

Геморрагическая лихорадка заразна. Глексены не умеют её лечить, и она сильно подозревала, что и барасты тоже. По друм причинам. Во-первых, поскольку они не изобрели земледелия и животноводства, то также не могли разработать технологии противостояния инфекционным заболеваниям. Во-вторых, все известные геморрагические лихорадки происходят из тропиков, так что в любом случае маловероятно, что любящие прохладу неандертальцы могли иметь с ними дело.

Мэри с трудом сглотнула, пытаясь прогнать жгучий кислый привкус.

Но зачем? Зачем кому-то убивать неандертальцев? В этом не было никакого…

Внезапно Мэри вспомнила короткий разговор

с Джоком у Дебральской никелевой шахты:

«Он *потрясающий*, — сказал тогда Джок. — Умом я знал, что мы загадили мир, в котором живём, но когда я увидел всё это… — Он обвёл рукой окружающую идиллию. — Это словно найти Эдемский сад».

И Мэри тогда рассмеялась в ответ.

«Похоже, правда? Как жаль, что в нём уже живут, да?»

Невинная шутка — вот что это было. Но Джок не смеялся. Всё, что надо сделать — избавиться от этих мерзких неандертальцев, и Эдем будет к твоим услугам…

Это было ужасно — но Джек всю свою жизнь работал со сценариями массового уничтожения. То, что для Мэри ужас, для него — лишь очередной рабочий день.

Первой мыслью Мэри было стереть файлы с компьютера — но, конечно, этим она ничего не достигнет. Наверняка есть резервные копии.

Второй мыслью было снять трубку и позвонить — как добропорядочная канадка, она, естественно, сразу подумала про «Си-би-си», которая разнесла бы новость во все уголки этого мира. Люди ни за что не смирятся с таким гнусным актом геноцида.

Однако она не знала, насколько далеко Джок продвинулся. Если он уже готов начать, то Мэри, разумеется, не хотела бы, чтобы он почувствовал себя загнанным в угол: в этом случае он мог выпустить вирус на волю, как только общественность проведает о его планах.

Мэри нужна была помощь, поддержка, идеи — не только от Понтера или Адекора, но и от кого-нибудь из глексенов, кого-то, кто знал, на чём стоит и как вертится этот мир.

В Торонто были люди, которым она доверяла, но может ли она положиться на кого-нибудь здесь, в Штатах? Конечно, есть её сестра Кристина — настоящая Кристина. Однако она в Сакраменто, на другом краю континента, в тысячах… тысячах *миль* отсюда.

И тут её осенило.

Очевидный выбор, пускай её молодость и красота и вызывают у Мэри приступы ревности.

Женщина, которая спасла Понтеру жизнь, когда он впервые попал в эту реальность.

Квантовый физик, которую Джок завербовал для того, чтобы попытаться воспроизвести неандертальские компьютерные технологии.

Луиза Бенуа.

Не то чтобы сама Луиза могла сильно помочь в

медицинских вопросах, но…

Но её спутник! Конечно, Рубен Монтего тоже не специалист, но когда речь идёт об инфекционной болезни, от него гораздо больше пользы, чем от квантового физика.

Мэри знала, что, возможно, никогда больше не получит доступ к этим файлам. Она обшарила кабинет и нашли пачку пустых CD-дисков (производства «Кодак», конечно, здесь-то в Рочестере). Она взяла один, воткнула в CD-привод в компьютере Джока и запустила приложение для прожигания дисков. Просто на всякий случай она выделила все файлы в папке. Суммарный объём получился 610 мегабайт — легко влезет на один CD. Она щёлкнула по кнопке «Копировать» и откинулась на спинку аэроновского кресла — которое теперь вовсе не казалось ей удобным — пытаясь унять бешено колотящее сердце.

Глава 36

Однако наверняка будут возражения против терраформирования Марса со стороны тех, кто считает, что, хотя на Марсе и нет собственной жизни, мы должны оставить его природную красоту в изначальном нетронутом виде; что если мы станем его посещать, то должны вести себя так же, как в наших национальных парках на Земле: не унося с собой ничего, кроме впечатлений, и не оставляя ничего, кроме следов ног.

Понтеру и Адекору пришлось остаться в больнице с Лонвесом и Джоком на всю ночь. Мэри в конце концов вернулась в Бристоль-Харбор одна, и у неё не было возможности поделиться с ним своими открытиями.

Жутко устав, на следующий день она добралась до Сибриз только к одиннадцати часам, но ни Джока, ни Понтера с Адекором там ещё не было. Услышав от миссис Уоллес новости о состоянии Лонвеса — стабильное — она поднялась по лестнице в лабораторию Луизы Бенуа.

— Как насчёт перекусить? — спросила она.

Луиза явно обрадовалась предложению.

— Конечно, — ответила она. — Когда?

— Можно прямо сейчас, — предложила Мэри.

Луиза глянула на часы и явно удивилась, обнаружив, что ещё довольно рано. Но, очевидно, что-то в голосе Мэри привлекло её внимание.

— *Bon,* — сказала она.

— Отлично, — ответила Мэри. Их пальто висели на вешалке возле главного входа в особняк. Они оделись и вышли наружу на холодный ноябрьский воздух, бросавший в лицо редкие снежинки.

На Калвер-роуд было много ресторанов по обеим сторонам улицы. Большинство открывались только на лето — Сибриз всё-таки был летним курортом, однако некоторые работали круглый год. Мэри решительно зашагала в западном направлении, и Луиза поспешила следом.

— Итак, — сказала Луиза, — что у тебя на уме?

— Я вчера вечером была у Джока в кабинете, — сказала Мэри без всякой преамбулы, — когда он уехал с Лонвесом в больницу. Он разработал вирус, который убивает неандертальцев.

— Што-о? — от удивления Луизин квебекский акцент стал сильнее.

— Я думаю, он хочет их истребить — всех до одного.

— Почему?

Мэри оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что за ними никто не идёт.

— Потому что трава зеленее по ту сторону забора. Потому что он хочет заполучить их Землю для нашего вида. — Она пинком сбросила с дорожки какой-то мусор. — Может быть, так мы сможем начать сначала без всего этого.

Впереди по левую сторону от дороги показался закрытый на зиму парк развлечений; трасса американских горок казалась грудой ржавеющих внутренностей.

— Что… что нам делать? — спросила Луиза. — Как его остановить?

— Я не знаю, — ответила Мэри. — Я наткнулась на этот вирус совершенно случайно. У меня заглючило сетевое соединение, так что я пошла к нему в кабинет, собираясь поработать с его машины, потому что он всё равно ведь уехал. Но он так торопился, что не вышел из своего аккаунта. Я скопировала схему вируса на CD, но сейчас я думаю о том, чтобы вернуться назад в его кабинет и изменить схему так, чтобы вирус стал безвредным. Я полагаю, что он собирается скор-

мить схему кодонатору, а потом выпустить вирус, который он произведёт, в мире неандертальцев.

— А что если он уже изготовил вирус?

— Я не знаю. В этом случае, возможно, мы уже ничего не сделаем.

Они шли рядом по узкому тротуару. Мимо проехала машина.

— Ты не думала о том, чтобы пойти с этим CD в газеты или на телевидение? Ну, то есть, поднять шум?

Мэри кивнула.

— Прежде чем делать это я хотела… *разрядить* его вирус. Но мне нужна помощь, чтобы снова забраться в его компьютер.

— «Синерджи Груп» пользуется RSA-шифрованием, — сказала Луиза.

— Его можно как-то взломать?

Луизу улыбнулась.

— До того, как мы встретились с неандертальцами, я бы сказала нет, практически невозможно. Большинство систем шифрования, включая RSA, основываются на ключах, получаемых перемножением двух больших простых чисел. Чтобы взломать код, нужно найти делители ключа, а в случае 512-битных ключей, используемых в нашей системе, компьютеру понадобятся тысячи

лет на перебор всех возможных делителей. Но квантовый компьютер…

Мэри уже догадалась.

— Квантовый компьютер проверяет все делители одновременно. — Но потом она задумалась. — Так что ты предлагаешь? Отключить портал, чтобы Понтер с помощью квантового компьютера смог взломать для нас кодировку на машине Джока?

Луиза покачала головой.

— Компьютер Понтера — не единственный квантовый компьютер в мире неандертальцев, он просто самый большой. Но нам не нужно отправляться туда за решением нашей проблемы. — Она улыбнулась. — Ты последнюю пару месяцев моталась туда-сюда между мирами, я же всё это время трудилась здесь, и моя работа заключалась в постройке нашего собственного квантового компьютера, отталкиваясь от того, что я узнала от Понтера. И в моей лаборатории в «Синерджи» уже есть небольшой прототип. В нём, конечно, и близко нет такого количества регистров, чтобы сделать то, на что способна установка Понтера — открыть портал в другую вселенную, но уж факторизовать 512-битное число он вполне способен.

— Луиза, ты прелесть!
Луиза улыбнулась.
— Наконец-то ты заметила.

* * *

Как только Понтер с Адекором вернулись из больницы, Мэри заявила, что им троим нужно обязательно пойти пообедать — понадеявшись, что миссис Уоллес не станет говорить Джоку, что она пошла сегодня на обед уже во второй раз. Когда они оказались на улице, Мэри обвела их вокруг здания и вывела на пустынный пляж. Над серыми волнами озера Онтарио гулял холодный ветер.

— Ты чем-то не на шутку огорчена, — сказал Понтер. — Что с тобой?

— Джок создал биологическое оружие, — сказала Мэри. — Это вирус, который определяет, принадлежит ли заражённая им клетка неандертальцу. Если да, то он выпускает в неё геморрагическую лихорадку.

Она услышала, как компаньоны Понтер и Адекора пискнули; и неудивительно — вряд когда-либо раньше речь заходила о тропических болезнях.

— Геморрагическая лихорадка смертельна, —

сказала Мэри. — В моём мире классический пример — лихорадка эбола; от неё кровь начинает сочиться из глаз и других отверстий на теле. Такие лихорадки очень заразны, и мы не умеем их лечить.

— Зачем кому-либо делать такое? — спросил Понтер; в его голосе звучало отвращение.

— Чтобы очистить ваш мир от его населения, чтобы мои соотечественники могли его заселить.

Понтер, по-видимому, не нашёл в родном языке слов, чтобы выразить то, что он чувствовал.

— *Чёрт,* — произнёс он по-английски без перевода.

— Я согласна, — сказала Мэри. — Но я не знаю, как остановить Джока. Я хочу сказать, он может действовать в одиночку, а может — и по поручению своего правительства. Возможно, и моего тоже.

— Ты кому-то ещё говорила? — спросил Понтер.

— Луизе. И я попросила её рассказать Рубену Монтего.

— Ты уверена, что им можно довериться? — спросил Адекор.

Но прежде чем Мэри успела ответить, вмешал-

ся Понтер.

— Этим глексенам я могу доверить собственную жизнь, — сказал он.

Мэри кивнула.

— Мы можем на них рассчитывать. Но больше ни в ком уверенности нет.

— Ну, — сказал Понтер, — ни в ком в *этом* мире. Но в моём мире *каждый* пострадает, если Джок выпустит вирус. Мы должны вернуться туда и…

— И что? — спросила Мэри.

Понтер пожал плечами.

— И закрыть портал. Разорвать связь. Защитить наш дом.

— Больше дюжины барастов находится по эту сторону портала, — напомнила Мэри.

— Значит, мы должны сперва переправить их домой, — сказал Понтер.

— Они здесь как раз для того, чтобы *не дать* Верховному Серому совету закрыть портал, — сказал Адекор. — Убедить их вернуться будет нелегко. Кроме того, Лонвес пока нетранспортабелен.

Понтер нахмурился.

— Всё равно, слишком опасно позволить Джоку найти способ доставить вирус в наш мир.

— Может быть, мы всё не так поняли? — сказал Адекор. — Может быть, Джоку не нравится наше

присутствие здесь, на этой Земле? Может быть, он собирается выпустить вирус здесь?

— В этом случае, — сказал Понтер, первоочередной задачей опять-таки является переправка всех барастов на ту сторону. Но ты ведь слышал, как он сказал: «Я получаю доклады о приезде и отъезде всех неандертальцев». Ему было бы проще отследить горстку барастов, которые уже находятся здесь, и убить их более простым способом.

Адекор глубоко вздохнул.

— Да, думаю, ты прав. — Он посмотрел на Мэри, потом снова на Понтера. — Когда ты в первый раз вернулся отсюда, я спросил тебя, хорошие ли глексены люди, и стоит ли нам с ними общаться.

Понтер кивнул.

— Я помню. Это моя вина. Это…

— Нет, — решительно сказала Мэри. Если она что и вынесла из брошюр, которые ей дала Кейша, так это то, что никогда не следует винить жертву. — Нет, Понтер, ты ни в чём не виноват.

— Как скажешь, Мэре. Так что же мы будет делать?

— Сегодня вечером, когда он уйдёт, я проберусь к его компьютеру, — сказала Мэри, — и изменю схему вируса так, что он станет безвредным. И будем молиться, чтобы у него ещё не было этого

вируса в готовом виде.

— Мэре… — начал Понтер.

— Я знаю, знаю. Ты не молишься. Но, возможно, стоит начать.

Глава 37

Кто бы мог подумать, что оба сценария могут одновременно воплотиться в реальность? Но, конечно, теперь это возможно. Мы прилетим на Марс в этой вселенной, в той, что украшает ночные небеса Африки, Европы, Азии, Океании и обеих Америк, и, как это всегда бывало, мы завоюем этот новый фронтир, сделав из Марса ещё один дом для Homo sapiens…

Когда они вернулись в особняк, их их уже ждал Джок. Мэри думала, что сейчас у неё разорвётся сердце.

— Адекор, Понтер, — сказал Джок. — Боюсь, вам придётся нас покинуть.

— Почему? — спросил Адекор.

— Звонили из больницы. Состояние Лонвеса ухудшается, и они не знают, что делать. Его надо отвести обратно в ваш мир и лечить его там. Я договорился с BBC, его отвезут в Садбери на военном самолёте, но он хочет, чтобы вы двое его сопровождали. Он говорит… я прошу прощения, но он

говорит, что долго не протянет и хочет успеть обсудить с вами свои идеи по поводу квантовых вычислений.

Понтер взглянул на Мэри. Мэри приподняла брови — выбора у них не было.

— Я отвезу вас в аэропорт, — сказала она.

— Да, кстати, — сказал Джок. — Прежде чем вы уедете, один вопрос.

— Да? — ответил Понтер.

— Когда будет — как вы это называете? Двое становятся Одним? Когда это будет в следующий раз?

— Через три дня, — ответил Адекор. — А что?

— Да так, — ответил Джок. — Праздный интерес.

* * *

Кодонатор остался в сейфе Джока, чтоб ему пусто было. Мэри очень хотела взять его с собой, когда они с Луизой поедут в Канаду, но это, похоже, было невозможно. Однако пусть сейф Джока и оказался неприступен, компьютер таковым не был. Луиза без труда подобрала его пароль — им оказалось слово «минимакс», которое, как Мэри смутно припоминала, имело какое-то отношение к теории игр. После того, как вечером все разо-

шлись, Мэри проскользнула в кабинет Джока, а Луиза вернулась к себе в лабораторию.

Мэри ввела «минимакс» в окошко ввода пароля и получила доступ к скрытым файлам на сервере «Синерджи». Она щёлкнула на иконке Surfaris, и открылось окно программы USAMRIID Geneplex со схемой вируса. Мэри принялась за её модификацию.

Это было непростое дело. Несмотря на свою научную подготовку, несмотря на всё, что рассказала Вессан, какая-то часть Мэри по-прежнему продолжала считать, что в процессе жизнедеятельности есть что-то мистическое; что на каком-то глубинном уровне жизнь — это нечто большее, чем просто химия. Но это, конечно, было не так, и генетик внутри неё прекрасно это знал. Выстройте правильную последовательность нуклеотидов, и вы получите серию белков, которые сделают в точности то, что вы хотите. И всё же Мэри с трудом верила в то, что делала. Это было как тогда, когда она только-только вышла за Кольма. Он писал в свободное время стихи, и продал — в поэтическом смысле: отдал за авторский экземпляр — десятки поэм в такие журналы как The Malahat Review, White Wall Review и HazMat. Мэри всегда поражало, как он может вот так вот

сесть за клавиатуру, пощёлкать клавишами в «ВордСтар» — интересно, перейдёт ли он когда-нибудь на другой редактор? — и произвести на свет что-то прекрасное, уникальное и полное смысла абсолютно из ничего.

И теперь Мэри делала то же самое: набирала последовательность, которая в конечном итоге воплотится в форму жизни — или хотя бы вирус — который прежде никогда не существовал. Конечно, на самом деле она модифицировала уже существующий шаблон Surfaris, созданный другим генетиком, но, тем не менее, вирус, который получится в результате, будет совершенно новым.

И при этом вирус, который она создаёт, по сути не будет делать ничего. Развитие оригинальной схемы прерывалось только в случае, когда клетка-носитель оказывалась глексенской; версия же Мэри будет прерываться *независимо* от результата проверки; вирус не будет делать нечего, в чью бы клетку он не попал. Мэри изменяла лишь логику ветвления. Код, производящий геморрагическую лихорадку, она оставила на месте — не из желания посмотреть, как он будет работать, а чтобы схема, хотя бы на первый взгляд, была похожа на то, что намеревался получить Джок.

Мэри захотелось дать своей версии имя, чтобы отличать её мысленно от версии Джока. Она задумалась, какое имя могло бы быть здесь уместно. Джок назвал своё творение Surfaris — такого слова не оказалось даже в Оксфордском словаре. Но потом Мэри подумала, что это может быть множественное число, и тогда в единственном это должно быть surfari — хотя это тоже больше походило на множественное.

И тут до неё дошло: это комбинация слов «серфинг» и «сафари» — словно процесс поиска серфингистом приличной войны. Мэри не смогла уловить, что Джок мог иметь в виду, и поэтому вколотила этот термин в Гугл как есть, во множественном числе.

Ну конечно.

«The Surfaris». Рок-группа, записавшая в 1963 композицию, ставшую шлягером на многие годы: «Wipeout»[46].

О Господи, подумала Мэри. *Wipeout.*

Она с отвращением покачала головой.

Какое слово могло бы быть антонимом?

В свои тридцать девять Мэри было ещё достаточно молода — ну, почти — чтобы помнить

---

[46] Примечания: 46

Основное значение — полное уничтожение, истребление. В слэнге серфингистов означает падение с доски.

золотые времена виниловых дисков на 45 оборотов. «Wipeout» наверняка выпускался в этом формате. Но что было на обратной стороне того диска? Гугл пришёл на помощь: «Серфер Джо» за авторством Рона Уилсона. Мэри не могла вспомнить, слышала ли она когда-нибудь эту песню, но такова судьба многих синглов со второй стороны.

Так или иначе, это было кодовое название не хуже любого другого: она будет называть оригинал Джока «Wipeout», а свою безвредную версию — «Серфер Джо». Разумеется, она сохранила «Серфер Джо» под тем именем, что дал вирусу генетик, которому Джок поручил его разработку, но по крайней мере мысленно она их теперь будет различать.

Мэри откинулась на спинку кресла.

Это правда напоминало игру в Бога.

И, надо признаться, это было приятно.

Она позволила себе тихий смешок, подумав о том, что у неандертальцев считается за манию величия. Уж точно не игры в Бога. Может быть, «строить из себя Лонвеса»…

— Мэри!

Её сердце подпрыгнуло. Она считала, что здесь никого нет. Она оглянулась, и…

Боже, нет!

В дверях стоял Корнелиус Раскин.

— Что ты здесь делаешь? — подрагивающим голосом спросила Мэри. Она схватила со стола тяжёлое малахитовое пресс-папье.

Корнелиус поднял руку: в ней был зажат кожаный бумажник.

— Забыл на столе бумажник. Вернулся забрать.

Внезапно Мэри осенило. Другой генетик. Тот, кому Джок поручил закодировать это… это *зло*. Это был Корнелиус. Кто же ещё?

— Что ты делаешь в кабинете Джока? — спросил Корнелиус.

От дверей Корнелиус не мог видеть монитор.

— Ничего. Просто искала книгу.

— Э-э… — сказал Раскин. — Мэри, я…

— Ты нашёл свой бумажник. Убирайся.

— Мэри, я просто…

У Мэри вдруг резко заболел живот.

— Луиза наверху. Я закричу.

Корнелиус стоял в дверях с выражением усталости на лице.

— Я просто хотел попросить прощения…

— Убирайся! Убирайся ко всем чертям!

Корнелиус секунду помедлил, потом развернулся. Мэри услышала, как его шаги удаляются

по коридору, потом — как открывается и закрывается тяжёлая дверь особняка.

В глазах у неё двоилось, к горлу подступала тошнота. Она сделала глубокий вдох, потом ещё один, пытаясь успокоиться. Её руки покрылись по́том, во рту появился кислый привкус. *Чёрт, чёрт, чёрт!..*

Сцена изнасилования снова встала у неё перед глазами, да так живо, как не случалось уже давно. Холодные голубые глаза Корнелиуса Раскина, видимые из-под чёрной лыжной маски, сигаретный смрад в его дыхании, руки, прижимающие её к бетонной стене.

Чёрт побери Корнелиуса Раскина.

Чёрт побери Джока Кригера.

Гори они оба в аду.

Гори все *мужчины* в аду.

Только мужчины могли изобрести что-то вроде этого вируса. Только мужчины могут быть такими ужасными и кошмарными.

Мэри фыркнула. Она даже слов подходящих подобрать не может для описания этого зла. «Ужасный» дискредитировано Великим и Ужасным Гудвином, а за «кошмарным» обычно следует «сон», словно подобное зло может существовать лишь вне привычной реальности.

Зло всегда ассоциировалось у неё с этим миром, с миром Чингисхана, и Гитлера, и Пол Пота, и Пола Бернардо[47], и Осамы бин Ладена.

И Джока Кригера.

И Корнелиуса Раскина.

Мир *людей*.

Нет, не просто людей. Особого вида людей. Самцов Homo sapiens.

Мэри глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Не все мужчины злы. Она это знала. Хорошо знала. Был ведь ещё и папа, и её братья, и Рубен Монтего, и отец Калдикотт, и отец Бельфонтэн.

И Фил Донахью, и Пьер Трудо[48], и Ральф Нейдер[49], и Билл Кросби[50].

И Далай-лама, и Махатма Ганди, и Мартин Лютер Кинг-младший.

---

[47] Примечания: 47

Пол Бернардо (род. 1964) — канадский серийный убийца и насильник, действовавший в конце 1980-х — начале 90-х в городе Скарборо, Онтарио. В 1995 приговорён к пожизненному заключению.

[48] Примечания: 48

Очень популярный канадский политик, 15-й премьер-министр Канады в 1968–1979 годах.

[49] Примечания: 49

Американский политик и общественный деятель, сыгравший большую роль в повышении безопасности автомобилей.

[50] Примечания: 50

Американский медик, считающийся отцом современной гематологии.

Сострадательные, достойные восхищения люди. Да, среди них есть *некоторые*…

Мэри не имела понятия, как на уровне генетики отличить доброго человека от злого, мечтателя от психопата. Но один несомненный генетический маркер мужского насилия существует — Y-хромосома. Да, не каждый, имеющий Y-хромосому — злой человек; на самом деле, подавляющее большинство не такие. Но каждый злой мужчина по определению имеет Y-хромосому, самую короткую из всех хромосом Homo sapiens, но оказывающую наибольшее влияние на его психологию.

И историю.

И безопасность женщин и детей.

У Корнелиуса Раскина есть Y.

И у Джока Кригера.

Y.

Почему?

Нет. Нет, это уже слишком. Игра в Бога и правда дурно пахнет.

Но она *может* сделать это. О, ей и во сне не приснится выпустить подобное на свободу здесь, в этом мире. Она не убийца — уж до такой-то степени Мэри была уверена в своих моральных принципах, потому что человек, которого она

ненавидела больше всего в жизни — это Корнелиус Раскин, и когда Понтер предложил его убить, Мэри заставила его пообещать, что он этого не сделает.

И вопреки предположению Адекора Мэри была уверена, что Джок Кригер не собирался выпускать «Wipeout» на этой версии Земли. Его без сомнения предполагалось доставить на другую Землю, в мир неандертальцев — словно змея в Эдемский сад.

Конечно, если всё пройдёт как запланировано, если ей удастся остановить Джока, то никакой вирус к неандертальцам не попадёт.

Но если всё же попадёт — то это, будем надеяться, будет Мэрин «Серфер Джо», либо в той форме, которую она только что сохранила — совершенно безвредной, либо…

Либо…

Либо она могла бы изменить его более радикально и сделать так, чтобы первоначальный замысел всё же выполнялся бы, но только тогда, когда…

Это было просто. Так просто.

Версия вируса, которая принимается за работу только тогда, когда клетка, в которую он попал, не принадлежит неандертальцу и содержит Y-

хромосому.

Тогда, и только тогда…

Мэри задумалась. Модифицированный «серфер Джо».

«Марк II» — как новый Папа, делающий ещё один шаг вперёд.

Она тряхнула головой. Это безумие. Грех.

А если нет? Она бы защитила целый мир от самцов Homo sapiens. В конце концов, если она и те палеоантропологии, что разделяют её точку зрения, правы, то это самцы Homo sapiens, охотники клана, а не собирательницы, не женщины — те, кто истреблял своих дальних родичей с покатым лбом и валиком над бровями, пока ни одного из них не осталось.

И теперь, пользуясь инструментами двадцать первого века и технологиями, позаимствованными у самих барастов, самец Homo sapiens готовится снова сделать то, что его далёкие предки уже однажды сделали.

Мэри смотрела в экран компьютера Джока.

Ведь это так просто. Проще простого. Логическое дерево уже имеется. Ей оставалось лишь изменить проверяемые условия и логические переходы.

Тестирование на присутствие Y-хромосомы

организовать легко: достаточно взять из базы данных проекта «Геном человека» ген, который встречается только в этой хромосоме. Мэри поискала на столе Джока ручку и бумагу и от руки набросала логическую схему на жёлтом разлинованном листе:

Шаг 1. Присутствует Y-хромосома?
Если **да,** то это мужчина: к Шагу 2
Если **нет,** прервать (это не мужчина)

Шаг 2: Ген альфа найден рядом с теломером?
Если **да**, прервать (это неандерталец)
Если **нет**, это, вероятно, глексен: к Шагу 3

Шаг 3: Ген бета найден рядом с теломером?
Если **да**, прервать (не бывает у глексена)
Если **нет**, это точно глексен: к Шагу 4

Мэри просматривала написанное снова и снова, и не видела изъяна. Эта логика не может войти в бесконечный цикл, и она делала не одну, а две проверки, чтобы убедиться, что речь идёт именно о самце Homo sapiens, а не Homo

neanderthalensis.

Конечно, всё это чистая теория — Джока наверняка остановят прежде, чем он выпустит вирус. Его модификация — лишь мера предосторожности на случай, если его всё-таки каким-то образом протащат на ту сторону.

Мэри покачала головой и посмотрела на часы. Уже было хорошо за полночь — скоро начнётся новый день.

Она должна пойти домой. Вирус Джока разряжен; он никому ничего не сделает, если только он не воспользовался уже кодонатором для изготовления вирусных молекул — Мэри всем сердцем надеялась, что нет. «Серфер Джо» не причинит никому вреда. Собственно, именно этого она с самого начала и хотела.

Это всё, что следовало сделать.

И всё же…

И всё же.

Никто не пострадает. Она найдёт способ распространить информацию, сделать так, чтобы каждый на этой земле знал: мужчинам-глексенам нельзя посещать мир неандертальцев. Барастовская технология калибруемых лазеров не даст «Серферу Джо» проникнуть через портал обратно в этот мир. Глексенские мужчины — и

безвредное большинство, и ужасное вредоносное меньшинство — будут в безопасности, если оставят мир Понтера в покое.

Мэри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

Она сложила руки на коленях и сцепила пальцы; на среднем пальце левой всё ещё виднелся бледный след там, где раньше она носила кольцо.

Мэри Воган думала, и думала, и думала.

И, наконец, расцепила пальцы.

И затем сделала единственную вещь, которую должна была сделать.

Глава 38

И хотя когда-нибудь мы, возможно, посетим и Даргал — этим именем неандертальцы называют Красную планету в своём мире, где она светит над континентами Дуркану, Подлар, Ранеласс, Эвсой, Галасой и Налкану — мы оставим ту версию Марса такой, какой мы её нашли. Как и во многих других случаях в той новой эре, в которую мы сейчас вступаем, мы сможем и яичницу съесть, и яйцо не разбить…

Мэри Воган резко села на своей постели в Бристоль-Харбор, внезапно пробудившись.

Когда будет — как вы это называете? Двое становятся Одним? Когда это будет в следующий раз? Джок спрашивал об этом вчера. Мэри была слишком расстроена ухудшением состояния Лонвеса и отъездом Понтера, чтобы обратить внимание, но сейчас её стукнуло так, что она проснулась: зачем Джоку это было надо.

Ведь это идеальное время для того, чтобы выпустить вирус. Когда жители обоих полов

собираются в Центре, можно заразить сразу всё население — по крайней мере, население Салдака. И, разумеется, когда Двое становятся Одним, количество людей, путешествующих из города в город наибольшее — легче разносить заразу.

Четырёхдневный праздник начнётся послезавтра. Что означает, что до тех пор Джок не станет ничего предпринимать. Что означает, что Мэри должна что-то предпринять *до* послезавтра.

Она подняла глаза к потолку, чтобы посмотреть, которой час — но она была *здесь*, а не *там*, и здесь на потолке её жилища ничего не было. Она повернулась к цифровому будильнику на ночном столике: красные светящиеся цифры показывали 5:04. Мэри нашарила кнопку включения настольной лампы, потом нашла свой телефон и позвонила по домашнему номеру Луизы Бенуа в Рочестере.

— Алло? — произнёс сонный голос после нескольких гудков.

— Луиза, это Мэри. Послушай — Двое станут Одним послезавтра. Я уверена, что Джок собирается выпустить вирус именно в этот день.

Луиза явно ещё боролось со сном.

— Двое станут…

— Да, да! Двое станут Одним. В эти дни в неан-

дертальских городах наибольшая концентрация населения и достаточно сильный междугородний трафик. Мы должны что-то сделать.

— *D'accord,* — хрипло сказала Луиза. — *Mais quoi?*[51]

— То, что ты говорила — пойти к газетчикам, поднять шум. Но, послушай, будет безопасней, если мы обе будем в это время в Канаде. Я выезжаю через полчаса, то есть буду у тебя в 6:30. Мы поедем в Торонто.

— *Bon,* — сказала Луиза. — Я буду готова.

Мэри положила трубку, отправилась в ванную и включила душ. Если бы я ещё знала, *как* устраивают шум. Конечно, она уже много раз давала интервью и по радио, и по телевизору, но…

Она вспомнила симпатичную продюсершу, с которой познакомилась на «Си-би-си Ньюсуорлд» в 1996, когда неандертальцы были известны только в виде окаменелостей, и когда Мэри удалось извлечь неандертальскую ДНК из привезённого из Rheinisches Landesmuseum образца. Телефонов эфирного персонала «Си-би-эс» в телефонном справочнике наверняка не было, но продюсерам вроде бы не от кого прятаться. Мэри вернулась в

---

[51] Примечания: 51
Хорошо. Но что? *(фр.).*

спальню, снова сняла трубку, набрала 1-416-555-1212 — справочную службу Торонто, и быстро получила номер, который искала.

Минутой позже из телефона послышался другой сонный женский голос.

— Ал… ло?

— Керри? — сказала Мэри. — Керри Джонстон?

Она почти слышала, как женщина на том конце провода протирает глаза.

— Да. Кто это?

— Это Мэри Воган. Помните меня? Генетик из Йоркского, специалист по неандертальской ДНК.

Какая-то часть сознания Мэри была разочарована тем, что ни Луиза, ни Кэрри не произнесли классического «вы в курсе, который сейчас час?» Вместо этого Керри, похоже, моментально проснулась.

— Да, я вас помню, — сказала она.

— У меня есть для вас история.

— Я слушаю.

— Нет, я не могу её рассказать по телефону. Я сейчас в Рочестере, в Штатах, но буду в Торонто часов через пять. Мне нужно, чтобы вы выпустили меня в эфир, когда я приеду…

* * *

Мэри и Луиза переезжали реку Ниагара по мосту мост Квинстон-Луистон. Точно посередине моста трепетали на ветру три флага, обозначая линию границы: сначала звёздно-полосатый, потом голубой флаг ООН, а за ним — канадский с кленовым листом.

— Как хорошо вернуться, — сказала Луиза, когда они проезжали мимо него.

Как всегда, возвратившись на родину, Мэри чувствовала некоторое облегчение. Вспомнилась старая шутка о том, что Канада могла бы иметь британскую культуру, французскую кухню и американские ноу-хау, но почему-то оказалась с американской культурой, британской кухней и французскими ноу-хау.

И всё же было *здорово* вернуться.

Съехав с моста, они оказались перед рядом кабинок таможни. Перед тремя из тех четырёх, что были открыты, выстроились короткие очереди легковых машин; четвёртая обслуживала грузовики. Мэри подрулила к средней очереди легковушек и дождалась, пока стоящие перед ней машины пропустят, нетерпеливо барабаня пальцами по рулевому колесу.

Наконец, подошла их очередь. Мэри подъехала к кабинке и опустила боковое стекло. Она ожидала обычного для канадской таможни приветствия «Гражданство?» и была глубоко удивлена, услышав от таможенницы:

— Мисс Воган, правильно?

У Мэри подпрыгнуло сердце. Она кивнула.

— Проедьте вон туда, чуть дальше.

— Что-то… что-то не так? — спросила Мэри.

— Просто сделайте, как я сказала, — ответила она и взялась за телефон.

Мэри, ощутив, как резко вспотели ладони на рулевом колесе, медленно проехала к указанному месту.

— Как они узнали, что ты? — спросила Луиза.

Мэри покачала головой.

— По номеру машины?

— Может быть, нам надо удирать? — спросила Луиза.

— Меня зовут Мэри, а не Тельма. Но чёрт возьми, если…

Лысеющий таможенник с переваливающимся через ремень животом направлялся к ним от низкого длинного здания инспекции. Он жестом приказал Мэри въехать на одно из размеченных парковочных мест перед зданием. Раньше

она останавливалась здесь лишь раз, чтобы воспользоваться туалетом, да и то по большой необходимости — туалет здесь был довольно грязным.

— Мисс Воган? Мисс Мэри Воган? — уточнил таможенник.

— Да?

— Мы вас ожидали. Нас попросили позвонить, когда вы появитесь.

Мэри моргнула.

— Когда я появлюсь? Здесь? — неуверенно переспросила она.

— Да — и это срочно. Пойдёмте!

Мэри вышла из машины, Луиза последовала за ней. Они прошли в здание таможни, и толстый таможенник завёл их в служебную зону. Он взял телефонную трубку, нажал кнопку селектора.

— Мисс Воган у нас, — сказал он и передал трубку Мэри.

— Мэри Воган, — сказала она в трубку.

— Мэри! — воскликнул голос с ямайским акцентом.

— Рубен! — Она оглянулась и увидела широкую улыбку Луизы. — Что стряслось?

— Боже, женщина, тебе нужен мобильник, — сказал Рубен. — Слушай, я знаю, что вы с Луизой

собирались в Торонто, но думаю, что вам лучше поспешить сюда — в Садбери. И как можно быстрее.

— Почему?

— Ваш Джок Кригер прошёл на ту сторону.

Сердце Мэри опять подпрыгнуло.

— Что? Как он туда так быстро добрался?

— Должно быть, на самолёте прилетел, и вам следует сделать то же самое. От границы досюда шесть часов на машине. Но я организовал для вас «Никелированный огурчик», он ждёт вас в Сент-Кэтринс. — «Никелированным огурчиком» назывался частный самолёт компании «Инко», выкрашенный в зелёный цвет. — Про Джока я узнал совершенно случайно, — продолжал Рубен. — Увидел его имя в журнале посещений шахты, когда вписывал туда другого посетителя.

— Почему его никто не остановил? — спросила Мэри.

— На каком основании? Я спросил армейцев, которые охраняют портал; они сказали, что у него был американский диппаспорт, так что они отвели его прямиком на ту сторону. Так вот, я выслал карту на таможню по факсу, на ней отмечено, как добраться до аэродрома…

Глава 39

И мы в самом деле вступаем в новую эру. Кайнозойская эра — эра новой жизни — почти закончилась. Скоро начнётся новозойская эра — эра новейшей жизни…

— Срочная медицинская необходимость! — сказал Рубен Монтего. Его гладко выбритая голова поблёскивала в ярком свете ламп, освещавших огромное здание. — Без остановок на уровень 6800 футов.

— Будет сделано, док, — ответил оператор подъёмника.

Мэри знала, что клеть уже ожидет их здесь, на нулевом уровне — Рубен позвонил оператору из офиса. Мэри, Рубен и Луиза быстро вошли в клеть, и оператор, который оставался наверху, закрыл за ними тяжёлую дверь. Прозвучало пять сигналов зуммера — экстренный спуск без остановок, и подъёмник начал спуск по шахте, уходившей под землю на глубину впятеро большую, чем высота башен Всемирного торгового центра — какой она была, пока самцы Homo sapiens их не разрушили.

По пути сюда все трое захватили каски и шахтёрские плащи с полок перед входом в подъёмник. Пока клеть с лязгом и скрежетом опускалась, все трое пытались их надеть.

— У них на той стороне есть какая-нибудь полиция? — спросил Рубен низким голосом с густым ямайским акцентом.

— Практически никакой, — ответила Мэри, перекрикивая шум. *И таким он должен остаться*, подумалось ей: миром без преступлений и насилия.

— Так что надежда только на нас? — спросил Рубен.

— Боюсь, что так, — сказала Мэри.

— Может, возьмём с собой военных? — предложила Луиза.

— Мы до сих пор не знаем, кто за этим стоит, — сказала Мэри. — Джок мог работать в одиночку — а мог и по заданию нашего минобороны или Пентагона.

Луиза взглянула на Рубена, и Мэри увидела, как он привлекает её к себе. Если они испуганы хотя бы вполовину так, как Мэри, она не может винить их за желание быть ближе друг к другу. Мэри отодвинулась на другой край заляпанной грязью клети и сделала вид, будто следит за сменой уров-

ней, так что Рубен с Луизой могли провести эти минуты в относительном уединении.

— Мой запас английских слов всё ещё оставляет желать лучшего, — произнёс голос Кристины в кохлеарных имплантах. — Что означает «жат-эм»?

Мэри ничего такого не слышала, но микрофоны Кристины были более чувствительны. Она ответила шёпотом, так, чтобы Рубен и Луиза не услышали:

— Это не английский, это французский: *«je t'aime»*. Это значит «я тебя люблю». Луиза мне рассказывала, что Рубен всегда говорит это по-французски.

— Ах, — сказала Кристина. Клеть продолжала спускаться, пока, наконец, не задёргалась и не застыла. Рубен открыл дверь, за которой показался уходящий во тьму штрек.

* * *

— В котором часу он прошёл? — требовательно спросила Мэри, когда они, наконец, добрались до бывшей детекторной камеры Нейтринной обсерватории Садбери, посреди которой на платформе на высоте трёхэтажного дома над полом находился портал.

Охранявший портал канадский военный вскинул брови.

— Кто?

— Джок Кригер, — ответила Мэри. — Из «Синерджи Груп».

Военный — светловолосый и светлокожий — сверился с журналом.

— Джон Кевин Кригер прошёл около трёх часов назад.

— Это он, — сказала Мэри. — У него с собой что-нибудь было?

— Простите, доктор Воган, — сказал военный, — но я правда не уверен, что имею право разглашать…

Рубен выступил вперёд и предъявил ему своё удостоверение.

— Я доктор Монтего, штатный медик этой шахты, и у нас чрезвычайная медицинская ситуация. Кригер может быть носителем опасной инфекции.

— Я должен позвонить своему начальству, — сказал военный.

— Звоните, — сказал Рубен, — но прежде скажите, что у него с собой было.

Военный задумался, вспоминая.

— Маленький чемоданчик на колёсиках.

— Что-нибудь ещё?

— Да, металлический ящик размером с коробку из-под обуви.

Рубен взглянул на Мэри.

— Чёрт, — сказала она.

— Ящик прошёл деконтаминацию? — спросила Луиза.

— Конечно, — ответил военный несколько обиженно. — Ничто не попадёт на ту сторону без деконтаминации.

— Хорошо, — сказала Мэри. — Пойдёмте.

— Я могу увидеть ваши документы?

Мэри и Луиза сунули ему свои паспорта.

— Всё в порядке? — спросила Мэри? — Тогда пропустите нас.

— А его? — сказал военный, указывая на Рубена.

— Да я же вам только что удостоверение показал, — возмутился Рубен. — Паспорта с собой нет.

— Я не должен пропускать…

— Да чёрт возьми! — воскликнула Мэри. — Чрезвычайная ситуация — помните?

Военный кивнул.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Хорошо, проходите.

Мэри ринулась к деркеровой трубе и, не оста-

навливаясь, нырнула в неё.

Синий огонь.

Покалывание статики.

Другой мир.

Мэри слышала позади топот двух пар ног, так что не стала оборачиваться, дабы убедиться, что они следуют за ней. Плотный неандертальский техник вскинул на неё удивлённый взгляд. По-видимому, никто ещё не преодолевал портал бегом.

Этого неандендертальца Мэри узнала сразу. Он её также явно узнал, но, к изумлению Мэри, бросился наперехват Рубену, который следовал за ней по пятам.

Внезапно Мэри поняла, что происходит: неандерталец подумал, что Луиза и Рубен гонятся за Мэри.

— Нет! — крикнула она. — Нет, они со мной! Пропустите их!

Поскольку она кричала, Кристине пришлось дождаться, пока она замолчит, прежде чем начать перевод, иначе Мэри заглушила бы звук её внешнего динамика, способного на значительную громкость, но, конечно, не такого громкого, как орущий во всё горло человек. Мэри услышала неандертальские слова, вылетающие из её левого

предплечья:

— *Рак! Та соопарб, рак! Дерпант хелк!*

Где-то в середине этого сообщения неандертальский техник попытался затормозить, но поскользнулся на гладком гранитном полу и врезался в Рубена, опрокинув его. Луиза споткнулась об упавшего неандертальца и тоже упала, сделав почти полное сальто.

Мэри протянула руку и помогла Луизе встать. Рубен поднялся на ноги самостоятельно.

— *Лупал!* — сказал неандерталец. *Простите!*

Мэри взбежала по ступеням в бывшую пультовую, миновав ещё одного ошарашенного неандертальца и зашагала к штреку, соединявшему лабораторию квантовых вычислений с остальной шахтой.

— Стойте! — крикнул неандерталец. — Вы должны пройти деконтаминацию!

— Нет времени! — крикнула Мэри в ответ. — Чрезвычайное…

— Нет, Мэри, — прервал её Рубен. — Он прав. Вспомни, какой Понтер был больной, когда попал на нашу сторону. Мы пытаемся предотвратить эпидемию, а не стать её причиной.

Мэри выругалась.

— Ладно, — сказала она. Она оглядела Рубена

и Луизу: чёрного ямайца с выбритой головой и бледную квебечку с длинными каштановыми волосами. Друг друга они наверняка видели голыми много раз, а вот Мэри — ни разу.

— Раздевайтесь, — сказала она. — Снимайте всё, в том числе часы и украшения.

Луиза и Рубен были знакомы с процедурами очистки по работе в нейтринной обсерватории, в которой поддерживался режим «чистой комнаты», пока прибытие Понтера не разрушило детектор. И всё же они на мгновение заколебались. Мэри начало быстро расстёгивать блузку.

— Давайте, — сказала она. — У нас совсем нет времени.

Рубен и Луиза принялись раздеваться.

— Одежду просто оставьте тут, — сказала Мэри, кидая трусики в цилиндрическую корзину. — В соседнем помещении подберём неандертальскую.

Мэри, совершенно голая, вошла в цилиндр деконтаминационной камеры. Её размеры соответствовали габаритам взрослого неандертальца, но Мэри настояла, чтобы ради экономии времени они влезли в неё все сразу. Мэри слишком нервничала, чтобы почувствовать смущение, когда зад Луизы упёрся в её зад, а Рубена прижало

лицом к её груди.

Мэри вытянула рычажок включения. Пол начал медленно вращаться, включились лазеры. Мэри уже привыкла к этой процедуре, но расслышала, как охнула Луиза, когда зловещего вида эмиттеры, загудев, ожили.

— Всё в порядке, — сказала Мэри, пытаясь не обращать внимания на ту часть своего сознания, которая вычисляла, какими именно частями тела Рубен упирается в неё. — Всё совершенно безопасно. Лазеры знают, какие протеины могут находиться в человеческом теле, включая протеины кишечных бактерий и прочего; их они пройдут насквозь. Но они разложат все чуждые нам протеины и убьют все патогены.

Мэри почувствовала, как Луиза немного поёжилась, но в её голосе слышался интерес.

— И что же за лазеры способны на такое?

— Квантово-каскадные лазеры, — повторила Мэри то, что когда-то слышала от Понтера. — В диапазоне порядка триллиона циклов в такт.

— Калибруемые терагерцовые лазеры! — восхитилась Луиза. — Ну да, конечно. Что-то вроде этого и правда способно на селективное взаимодействие с крупными молекулами. Сколько времени занимает процесс?

— Минуты три, — ответила Мэри.

— Кстати, Мэри, — сказал Рубен. — Тебе надо показать кому-нибудь ту родинку на левом плече.

— Что? — не поняла Мэри. — Рубен, сейчас не время для… — Но она заставила себя замолчать, осознав, что он делает в точности то же самое, что и Луиза: концентрируется на технических мелочах, пытаясь отвлечься. В конце концов, он оказался зажатым в тесном помещении с двумя голыми женщинами, одна из которых — его любовница, а вторая — её подруга. Последнее, чего ему — или самой Мэри — было бы сейчас нужно, это мысленно сочинять письмо в «Пентхаус». — Я покажусь дерматологу, — уже спокойнее ответила она и пожала плечами, насколько позволяло их стиснутое положение. — Гадский озоновый слой…

Мэри немного повернула голову.

— Луиза, там должна быть квадратная лампа над дверью прямо перед тобой. Видишь её?

— Да. О, она зелёная. Отлично. — Она задвигалась, будто пытаясь выйти.

— Стой! — крикнула Мэри. — У неандертальцев зелёный означает сигнал тревоги: зелёное мясо — протухшее мясо. Выходить будет можно, когда она покраснеет. Скажи нам, как только это

увидишь.

Луиза кивнула; Мэри спиной ощутила её движение. Наверное, ей не следовало тащить двоих неподготовленных людей в неандертальский мир. В конце концов, они могли бы…

— Красная! — воскликнула Луиза. — Лампочка стала красной.

— Хорошо, — сказала Мэри. — Открывай дверь. Ручка похожа на морскую звезду — видишь? Она скользит вверх и разблокирует дверь.

Мэри ощутила, как Луиза у неё за спиной завозилась, и внезапно давление на спину пропало — Луиза вышла из камеры. Мэри шагнула назад, повернулась и тоже выскочила из камеры.

— Сюда! — крикнула она.

Они вбежали в помещение, стены которого покрывали квадратные ячейки, в каждой из которых размещался комплект неандертальской одежды.

— Рубен, вон то на тебя налезет, — сказала она, указывая на один ряд. — Луиза, вот этот для тебя, — указывая на другой.

Мэри уже успела привыкнуть к барастовским одеяниям, но Луиза с Рубеном были явно озадачены. Мэри быстро дала Рубену инструкции и склонилась к Луизе, которая никак не могла разо-

браться с неандертальской обувью, совмещённой со штанами. Мэри быстро затянула ей ремешки вокруг стопы и лодыжки.

Затем они поспешили по штреку к лифту. Мэри надеялась, что их будет ждать какое-нибудь транспортное средство, но если бы оно тут было, то его наверняка бы забрал Джок.

Три километра бегом, думала Мэри. Добрый боженька, она не делала ничего подобного с тех пор, как была студенткой, и даже тогда это был страх и ужас. Но адреналин хлынул в неё так, словно она жила последний день — и она знала, что для барастов этот день и правда может стать последним. И она рванула вдоль по тоннелю, пол которого был выложен деревянными досками.

Здесь туннель был освещён гораздо хуже, чем на глексенской стороне. Для работы в шахтах неандертальцы использовали роботов, которым свет не нужен. Собственно, он не нужен и самим неандертальцам — они вполне способны сориентироваться с помощью одного обоняния.

— Дале… ко… е… щё? — донёсся сзади Луизин голос.

Несмотря на серьёзность ситуации Мэри порадовалась, что Луиза, хоть и младше её, уже запыхалась.

— Три километра, — крикнула она в ответ.

Внезапно что-то перебежало дорогу прямо перед ней. Если бы её сердце уже не выскакивало бы из груди, оно сейчас попыталось бы это сделать. Но это оказался всего лишь горный робот. Мэри прокричала об этом назад, чтобы Луиза с Рубеном не напугались, а потом закричала на робота:

— Стой! Вернись сюда!

Кристина послушно перевела, и мгновение спустя робот снова появился из темноты. Мэри осмотрела его со всех сторон: низкая, плоская, шестиногая штуковина, словно двухметровый краб; конические буры и полусферические ковши торчат вперёд на суставчатых манипуляторах. Эту штуку сделали, чтобы двигать горы, чёрт её побери. Она *должна быть* достаточно прочной.

— Ты сможешь нести нас? — спросила Мэри.

Компаньон перевёл её слова, и на корпусе робота вспыхнул красный огонёк.

— Эта модель не умеет говорить, — добавила Кристина, — но ответ утвердительный.

Мэри взобралась на серебристый панцирь машины, сильно ударившись при этом правой голенью. Она повернулась к Рубену и Луизе, которые остановились позади неё.

— Все на борт!

Луиза и Рубен обменялись ошарашенными взглядами, но быстро взобрались к роботу на спину. Мэри хлопнула его по корпусу.

— Н-но-о!!

Кристина, вероятно, не знала этого выражения, но явно поняла намерения Мэри и передала их роботу. Все шесть ног согнулись одновременно, словно оценивая добавочный вес, а затем робот побежал в нужном направлении, двигаясь достаточно быстро, чтобы Мэри почувствовала лицом дуновение ветра. На полу тут и там были разлиты лужи грязной воды, и каждый раз как нога робота попадала в лужу, всех троих окатывало брызгами.

— Держитесь! — раз за разом кричала Мэри, хотя и сомневалась, что Луизе и Рубену нужно напоминание. Мэри сама несколько раз чуть не слетела с панциря робота, и её мочевой пузырь энергично протестовал против такого обращения.

Они миновали другого горного робота — иной, вертикальной конструкции, немного напомнившего Мэри богомола, а потом, ещё метрах в шестистах впереди, наткнулись на идущих навстречу двоих неандертальцев, которые успели отпрыгнуть с пути несущегося робота как раз

вовремя.

Наконец, они добрались до остановки лифта. Слава Богу те двое неандертальцев только что приехали — лифт всё ещё был внизу. Мэри соскочила с робота-краба и бросилась к лифту. Луиза и Рубен последовали за ней. Вскоре все трое были внутри цилиндрической кабины, Мэри топнула по вмонтированной в пол педали пуска, и они поехали вверх.

Мэри воспользовалась передышкой чтобы посмотреть, как справляются остальные; в люцифериновом свете всё приобрело немного зеленоватый оттенок. Луиза больше не была похожа на супермодель: её лицо заливал пот, волосы спутаны и заляпаны грязью, а неандертальская одежда вымазана той же грязью и чем-то, что Мэри после некоторых раздумий определила как какую-то смазку с робота или её аналог.

Рубен был в ещё худшей форме. Робот бежал, подпрыгивая, и иногда лысая голова Рубена касалась потолка тоннеля. Его темя пересекала нехорошего вида рана, и он осторожно ощупывал её пальцами, время от времени вздрагивая.

— Ладно, — сказала Мэри. — У нас есть несколько минут, пока лифт поднимается наверх. Там будет один или два охранника, и они не выпустят

вас наружу без временных пристяжных компаньонов. Вам лучше подчиниться — это будет быстрее, чем убеждать их, что у нас срочное дело. Кроме того, с компаньонами мы сможем общаться друг с другом и с любыми неандертальцами, с которыми нам нужно будет поговорить. Все выдаваемые здесь компаньоны снабжены функцией перевода.

Мэри знала, что кабина лифта медленно поворачивается на 180 градусов, но сомневалась, что Луиза и Рубен это замечают. Она подняла левую руку и произнесла:

— Кристина, ты уже подключилась к планетарной инфосети?

— Нет, — ответил голос у Мэри в кохлеарных имплантах. — Скорее всего соединение станет возможно только непосредственно у поверхности, но я непрерывно пытаюсь… Погодите. Да, да, есть! Я в сети.

— Здорово! — обрадовалась Мэри. — Свяжись с Понтером.

— Вызываю, — ответил имплант. — Ответа пока нет…

— Давай же, Понтер, — торопила Мэри. — Давай же…

— Мэре! — произнёс голос Понтера, вернее, его

имитация в перводе и исполнении Кристины. — Что ты делаешь на этой стороне? Двое ещё на стали Одним, так что…

— Понтер, замолкни! — сказала Мэри. — Джок Кригер прошёл на эту сторону. Мы должны его найти и остановить.

— На нём должен быть пристяжной компаньон, — сказал Понтер. — Я следил по визору за дебатами в Верховном Сером совете после того, как глексенам позволили разгуливать без них. Поверь мне — больше такого не будет никогда.

Мэри покачала головой.

— Он не идиот. Конечно, стоит попробовать отследить его компаньон, но я держу пари, что он как-то от него избавился.

— Он не мог, — сказал Понтер. — Сработала бы сигнализация. И он ведь не бродит где-то сам по себе — он наверняка с Бедросом или с каким другим официальным лицом. Нет, мы его быстро найдём. А вы сейчас где?

Кабила лифта остановилась, и Мэри жестом велела Рубену и Луизе выходить наружу.

— Мы только что поднялись наверх из Дебральской шахты, сейчас в комнате, где цепляют компаньонов. Со мной Луиза и Рубен.

— Я дома, — сказал Понтер. — Хак, вызови

транспортный куб для Мэре и отдельный для меня, и свяжись с арбитром. — Мэри услышали, как Хак подтверждает получение приказа, потом Понтер снова заговорил: — Есть идеи, где Кригер может быть?

— В данный момент нет, — ответила Мэри, — хотя я думаю, что он планирует выпустить вирус в Центре, когда Двое станут Одним.

— Имеет смысл, — сказал Понтер. — Население максимально скучено, а по окончании много переездов между городами, так что…

Вмешался голос Хака; он что-то сказал Понтеру по-неандертальски.

— Мэре, — сказал Понтер через секунду, — Хак связался с арбитром от моего имени. Когда придёт твой транспортный куб, езжайте сразу в павильон архива алиби в Центре. Я вас там встречу.

Служитель-неандерталец в это время уже пристёгивал компаньон к левому предплечью Рубена. Мгновением позже он подошёл к Луизе и пристегнул компаньон и ей. Мэри подняла руку и показала служителю, что у неё постоянный имплант.

— Ну что, — сказала она Луизе и Рубену. — Надевайте на себя что-нибудь и идём.

С тех пор, как Мэри последний раз была здесь,

выпал снег; он ослепительно искрился под солнцем.

— Арбитр вызывает двух других арбитров, — сказал Понтер, — чтобы можно было установить судебный надзор над передачей его компаньона. Как только это будет сделано, они установят его местоположение.

— Чёрт, — сказала Мэри, прикрывая рукой глаза и осматривая горизонт в поисках транспортного куба. — Сколько это займёт времени?

— Надеюсь, не много, — ответил Понтер.

— Ладно, — сказала Мэри. — Я тебе ещё позвоню. Кристина, соедини меня с Бандрой.

— Здравый день, — произнёс голос Бандры.

— Бандра, солнце, это Мэри.

— Мэри, моя дорогая! Я не ждала тебя раньше послезавтра. Я так нервничаю по поводу следующего раза. Если Гарб…

— Бандра, уезжай из Центра. Не спрашивай меня почему, просто уезжай.

— Гарб что-то…

— Нет, Гарб тут не при чём. Просто вызови транспортный куб и уматывай, куда-нибудь подальше от Центра.

— Я не понимаю. Если это…

— Просто сделай это! — сказала Мэри. — До-

верься мне.

— Конечно я…

— И… Бандра? — сказала Мэри. — Она покосилась в сторону Рубена и Луизы, потом подумала — ну и пускай. — Бандра, я должна была сказать тебе это раньше. Я люблю тебя.

Судя по голосу, Бандра была вне себя от радости.

— Я тоже тебя люблю, Мэре. Не могу дождаться, когда мы снова будем вместе.

— Я должна бежать, — сказала Мэри. — Торопись. Уезжай из Центра!

Мэри решительно посмотрела на Луизу, на лице которой застыло потрясённое выражение. Однако Луиза смотрела мимо неё. Мэри обернулась. К ним приближался транспортный куб, летящий над покрытой снегом равниной. Они бросились к нему, как только он опустился на землю; Мэри забралась на седлокресло рядом с водителем, Рубен и Луиза неуклюже взгромоздились на задние места.

— Центр Салдака, как можно быстрее, — сказала Мэри водителю. Секунды мучительно утекали, пока компаньон переводил её слова, а потом ответ водителя.

— Да, я знаю, что Двое Порознь, — огрызнулась

Мэри. — И я знаю, что он мужчина, — добавила она, качнув головой в сторону Рубена. — У нас чрезвычайная ситуация медицинского характера. Поехали!

Кристина была очень смышлёной машинкой. Мэри расслышала, что первым словом в её переводе было *«Тэк!»*, что означало, что она поставила «Поехали!» в начало фразы. Остаток Мэриной реплики Кристина договорила уже после того, как водитель привёл машину в движение.

— Кристина, позвони Понтеру.

— Готово.

— Понтер, за каким чёртом нужно *три* арбитра, чтобы отследить Джока?

Понтер снова заговорил через кохлеарные импланты. Мэри вытянула штырёк на серебристой панели компаньона, и переключила его на внешний динамик, чтобы Луиза и Рубен тоже могли слышать.

— Ты же сама жаловалась, что, мол, система архивов алиби открыта для злоупотреблений. Так вот, требуется единогласное решение трёх арбитров, чтобы установить судебный надзор за передачей компаньона в отсутствие выдвинутых против его носителя обвинений.

Мэри взглянула на окружающий ландшафт,

через который они неслись с приличной — по неандертальским меркам — скоростью: около шестидесяти километров в час.

— А разве ты не можешь обвинить его в преступлении? — спросила Мэри. — Тогда будет нужет лишь один арбитр, не так ли?

— Нет, так будет быстрее, — сказал Понтер. — Выдвижение обвинения — довольно сложная юридическая процедура, и… о, вот и мой куб. — Мэри услышала звук опускающейся машины и какие-то стуки и бряканье, когда Понтер садился в неё. Он произнёс неандертальские слова, означающие «архив алиби», которые Мэри уже научилась распознавать, а потом снова вернулся к разговору с Мэри.

— Так вот, — сказал он, — давай теперь… ох, погоди пару тактов… — Соединение оборвалось на несколько секунд, потом голос Понтера послышался снова. — Арбитры установили судебный надзор. Техник архива алиби устанавливает его местоположение.

Рубен наклонился вперёд и заговорил в компаньон Мэри:

— Понтер, это Рубен Монтего. Как только они отследят Джока, пусть эвакуируют город. Мне ничего не угрожает, Луизе и Мэри тоже, но лю-

бой неандерталец, заразившийся его вирусом, считай труп.

— Обязательно, — сказал Понтер. — Мы передадим экстренное сообщение на все компаньоны. Я скоро буду в павильоне алиби; я за всем прослежу.

Впереди показались здания Центра Салдака. Десятки женщин украшали их к празднику.

— Мы его отследили, — произнёс голос Понтера. — Хак, прекрати перевод; передавай напрямую. — Понтер начал кричать по-неандертальски, очевидно, обращаясь к водителю их куба.

Водитель ответил несколькими словами, одно из которых было *«Ка»*. Машина начала поворачивать.

— Он на площади Конбор, — сказал Понтер снова по-английски. — Я сказал водителю везти вас туда. Я вас там встречу.

— Нет, — сказала Луиза, наклоняясь вперёд. — Нет, Понтер, для тебя это слишком рискованно. Оставь это нам.

— Он не один. Арбитры смотрят передачу его компаньона; с ним Декант Дорст.

— Кто это? — спросила Мэри.

— Одна из выборных должностных лиц Салда-

ка. Из поколения 141.

— Чёрт, — сказала Мэри. Мэри не сомневалась, что в обычных обстоятельствах любая неандерталка скрутит любого глексена в бараний рог, но 141-е означало, что женщине семьдесят восемь. — Мы не хотим, чтобы это кончилось захватом заложника. Её надо увести оттуда.

— Именно, — согласился Понтер.

— У Декант Дорст есть кохлеарные импланты? — спросила Мэри.

— Конечно, — ответил Понтер.

— Кристина, соедини меня с Декант Дорст.

— Выполнено.

Мэри заговорила тут же, чтобы не дать неандерталке среагировать на сигнал компаньона, раздающийся будто бы в центре её головы.

— Декант Дорст, ничего не говорите и не подавайте Джоку Кригеру вида, что с вами кто-то разговаривает. Просто кашляните один раз, если вы меня поняли.

Из внешнего динамика Кристины раздалось покашливание.

— Да, отлично. Меня зовут Мэри Воган, я глексенка. Джок находится под судебным надзором. Мы полагаем, что он сумел провести в Центр Салдака опасное вещество. Вы должны удалиться

от него при первой возможности. Мы в данный момент направляемся к вам. Всё понятно?

Снова покашливание.

Мэри чувствовала себя ужасно; женщина же, должно быть, перепугана до смерти.

— Есть идеи? — спросила она Луизу и Рубена.

— Она может сказать Джоку, что ей нужно в туалет, — предложила Луиза.

— Блестяще! Понтер, где они находятся прямо сейчас? В помещении или на улице?

— Сейчас спрошу арбитра… Они снаружи, идут пешком по направлению к центральной площади.

— Вирус Джока предназначен для распространения воздушно-капельным путём, — сказала Мэри. — В том металлическом ящике у него наверняка что-то вроде аэрозольной бомбы. Вероятно он рассчитывает заложить её на центральной площади и привести в действие, когда Двое станут Одним.

— Если так, — сказал Понтер, — то он наверняка настроит её так, чтобы вирус был выпущен в последний день праздника, чтобы мужчины отправились по домам до того, как появятся первые признаки болезни. Так болезнь не только попадёт на Окраину, но и с иногородними мужчинами

также в другие города.

— Точно, — сказала Мэри. — Декант, когда представится возможность, скажите Джоку, что вам нужно зайти в одно из общественных зданий, чтобы посетить уборную, но он должен остаться снаружи, поскольку он — мужчина. Хорошо? Мы скоро будем.

Снова покашливание, потом Мэри впервые услышала голос Декант; она явно нервничала.

— Учёный Кригер, — сказала она, — вы должны меня простить, но моё престарелое тело требует внимания… боюсь, мне срочно нужно облегчиться. Вот здесь есть туалет, которым я могу воспользоваться.

Голос Джока, отдалённый и глухой:

— Хорошо. Я только…

— Нет, вы должны подождать снаружи. Двое ещё не стали Одним, знаете ли. Пока ещё нет.

Джок сказал ещё что-то, но Мэри не расслышала. Примерно через двадцать секунд Декант произнесла:

— Всё в порядке, учёная Воган. Я в безопасности внутри здания.

— Отлично, — сказала Мэри. — Теперь, если…

Однако её прервал женский голос, раздавшийся из компаньонов всех четверых присутствующих

в транспортном кубе и, предположительно, из всех компаньонов, подключенных в салдакскому архиву алиби:

— Это арбитр Макалро, — сказал голос. — Чрезвычайная ситуация. Немедленно покиньте Центр Салдака. Пешком, на автобусе, транспортным кубом — но сделайте это прямо сейчас. Не медлите. Очень скоро в воздухе появится смертельное инфекционное заболевание. Если вы увидите мужчину-глексена с серебряными волосами — избегайте его! Над ним осуществляется судебный надзор; сейчас он находится на на площади Конбор. Повторяю…

Внезапно водитель опустил машину на землю.

— Дальше я следовать не могу, — сказал он. — Вы слышали арбитра. Если вам нужно дальше, то придётся идти пешком.

— Да чтоб тебя… — сказала Мэри, но Кристина не стала этого переводить. — Далеко ещё?

Водитель показал.

— Площадь Конбор вон там. — Мэри разглядела в отдалении ряд низких строений, штабель транспортных кубов и открытое пространство.

Кипя от злости, Мэри потянула вверх похожую на морскую звезду рукоятку, отпирающую дверь, и вышла наружу. Луиза и Рубен последовали за

ней. Как только они вышли, транспортный куб снова поднялся и улетел прочь.

Мэри побежала в направлении, указанном водителем. Джок был на открытом пространстве, покрытом хорошо утоптанным снегом. Мэри видела другие транспортные кубы, покидающие Центр и направляющиеся на Окраину. Она надеялась, что у арбитра достало соображения не передавать экстренное сообщение на пристяжной компаньон Джока. Мэри, Рубен и Луиза быстро сокращали расстояние. Остановившись метрах в двадцати, Мэри перевела дыхание и крикнула:

— Всё кончено, Джок!

На Джоке была надета типичная местная мамонтовая шуба; в руках он держал металлический ящик, который описывал военный на той стороне портала — вероятно, его аэрозольная бомба. Он повернулся с удивлённым видом.

— Мэри? Луиза? И… доктор Монтего, не так ли? Что вы здесь делаете?

— Мы знаем о «серфарисе», — сказала Мэри. — У вас ничего не выйдет.

К изумлению Мэри, Джок ухмыльнулся.

— Да, да, да. Трое храбрых канадцев спасают неандертальскую расу. — Он покачал головой. —

Я всегда считал вас до смешного нелепыми с вашим глупым социализмом и мягкосердечностью. Но знаете, что в канадцах мне казалось особенно смешным? — Он запустил руку за пазуху и вытащил полуавтоматический пистолет. — Что вы не носите оружия. — Он направил пистолет на Мэри. — Моя дорогая, ну почему вы снова пытаетесь меня остановить?

Глава 40

Заря кайнозойской эры, знаменитая мел-третичная граница, когда вымерли динозавры, обозначена слоем глины, присутствующим на обоих версиях Земли. Начало новозойской эры в этой вселенной, нашей вселенной, вселенной Homo sapiens, будет обозначено отпечатками ног первого колониста на Марсе — первого представителя нашего вида, покинувшего свою земную колыбель навсегда…

Понтер и трое арбитров находились в самой большой просмотровой комнате павильона архива алиби, наблюдая за событиями с нескольких точке зрения. Арбитры установили судебный надзор над компаньонами не только Кригера, но и Мэри, Луизы, и Рубена. Четыре голосферы висели посреди комнаты, показывая ближайшие окрестности четырёх компаньонов.

Конечно, Понтер и трое арбитров рисковали. Хоть павильон архива и располагался на периферии Центра, он всё равно был слишком близко к эпицентру событий.

— Глексенка с тёмными волосами права, — сказала арбитр Макалро, коренастая женщина 142-го поколения. — Вы должны уйти, учёный Боддет. Мы все должны уйти.

— Вы трое уходите, — сказал Понтер, складывая руки на груди. — Я останусь.

И в этот момент Понтер увидел, как Джок достаёт пистолет. Его позвоночник словно закаменел; Понтер не сталкивался с огнестрельным оружием с тех пор, как его чуть не застрелили перед зданием штаб-квартиры Объединённых Наций. Он снова заново пережил момент, когда пуля врезалась в его тело, горячая и острая, и…

И он не мог допустить, чтобы то же самое произошло с Мэре.

— Какого рода оружие имеется здесь? — спросил Понтер.

Белая бровь Майкларо взлетела вверх.

— Здесь? В павильоне архива?

— Или по соседству, — сказал Понтер, — в здании Совета.

Неандерталка покачала головой.

— Никакого.

— А усыпляющее оружие принудителей?

— Его держат в их штаб-квартире на площади Доронал.

— Принудители его не носят с собой?

— Обычно нет, — ответил другой арбитр. — Серому Совету Салдака разрешено приобрести только шесть единиц; я думаю, что все они сейчас на складе.

— Что можно сделать, чтобы его остановить? — спросила Понтер, указывая на парящее в голосфере изображение Джока.

— Глексены ничего не смогут сделать, — сказала арбитр Макалро.

Понтер понимающе кивнул.

— Тогда я помогу им. Они далеко отсюда?

Второй арбитр сверился с дисплеем.

— 7200 саженей.

Понтер легко пробежит такое расстояние.

— Хак, у тебя есть их точное местоположение?

— Да, — ответил компаньон.

— Ладно, арбитры, — сказала Понтер, — уходите в безопасное место. И пожелайте мне удачи.

* * *

— Вы не можете просто застрелить нас, — сказала Мэри, стараясь, чтобы её голос не дрожал и не в силах отвести взгляд от пистолета. — Это будет записано в архиве алиби.

— О да, конечно, — сказал Джок. — Отличную

систему они тут себе устроили — дистанционный чёрный ящик для каждого мужчины, женщины или ребёнка. Но отыскать наши архивные блоки не составит труда, и когда все неандертальцы будут мертвы, я войду в павильон и уничтожу их — меня некому будет остановить.

Краем глаза Мэри заметила, что Рубен потихоньку отодвигается от неё. В паре метров от было дерево; если он окажется за ним, то Джок не сможет в него выстрелить, не сменив позиции. Мэри не могла обвинять Рубена за попытку спасти свою жизнь. Луиза тем временем находилась где-то позади неё и, вероятно, немного справа.

— Вы не можете ожидать, что ваш вирус распространится по всему миру, — сказала Мэри. — У неандертальцев не хватит плотности населения для организации пандемии. Зараза не выйдет за пределы Центра Салдака.

— О, об этом не беспокойтесь, — сказал Джок, тряхнув металлической коробкой. — Собственно, я вас должен благодарить, доктор Воган: ваши ранние исследования сделали это возможным. Мы изменили естественный резервуар для этой разновидности эболы с африканского китоглава на странствующего голубя. Эти птицы разнесут вирус по всем континентам.

— Неандертальцы — мирные люди, — сказала Луиза.

— Да, — ответил Джок. Его взгляд переместился на Луизу, дуло пистолета тоже. — И это их изъян: сейчас, как и 27000 лет назад, мы их победили.

Мэри подумала о том, чтобы броситься наутёк, и…

И Рубен сделал именно это — внезапно рванулся в сторону. Джок резко повернулся к нему и выстрелил. Звук выстрела переполошил и поднял в воздух стаю птиц — Мэри опознала странствующих голубей. Но Джок промахнулся, и вот Рубен уже за деревом — в безопасности, по крайней мере, прямо сейчас.

Когда Рубен совершил свой рывок влево, Луиза воспользовалась моментом и бросилась вправо. Как и на большинстве территории Северного Онтарио в обеих вселенных, земля была усеяна эрратиками: валунами, принесёнными ледником, отступившим по окончании оледенения. Луиза побежала, потом нырнула и спряталась за покрытым лишайником валуном достаточного размера, чтобы скрыть её всю.

Мэри по-прежнему стояла в центре: и дерево слева, и валун справа были слишком далеко, чтобы успеть до них добежать раньше, чем Джок

её подстрелит.

— Ну, отлично, — сказал Джок, пожатием плеч давая понять, что бегство Луизы и Рубена — не более, чем временное неудобство. Он навёл пистолет на Мэри. — Молитесь, доктор Воган.

* * *

Понтер бежал быстрее, чем когда бы то ни было в своей жизни. Хотя на земле лежал снег, в нём было расчищено много дорожек, так что он мог держать приличную скорость. Он следил за тем, чтобы дышать только через нос, чтобы морозный воздух в его обширной носовой полости успевал увлажняться и согреваться.

— Далеко ещё? — спросил он.

— Если они не двигались, то должны быть уже за тем пригорком, — ответил Хак через кохлеарные импланты. Мгновение спустя: — Постарайся не шуметь. Тебе не нужно, чтобы Джок узнал о твоём приближении.

Понтер нахмурился. *Не учи старого охотника подкрадываться к добыче.*

* * *

Компаньон Мэри заговорил через ушные импанты:

— Понтер в пятидесяти метрах от тебя. Если ты отвлечёшь Джока ещё на чуть-чуть…

Мэри кивнула ровно настолько, чтобы Кристина смогла зафиксировать движение.

— Стойте! — сказала она. — Стойте! Есть что-то, чего вы ещё не знаете!

Пистолет в руке Джока не дрогнул.

— Что?

Мэри думала так быстро, как только могла.

— Не… неандертальцы… они… они природные экстрасенсы!

— Да бросьте! — сказал Джок.

— Это правда! — Внезапно Понтер появился из-за пригорка позади Джока; его силуэт обозначился на фоне садящегося солнца. Мэри стоило огромного усилия не дать себе измениться в лице. — Как раз поэтому у нас есть религиозные чувства, а у них нет. Наш мозг пытается контактировать с другими разумами, но не может — это заставляет нас думать, что существует некая высшая сущность, с которой мы не в состоянии общаться. Но у них этот механизм работает превосходно. У них нет религиозных переживаний, — Боже, она бы в это и сама не поверила, чего уж говорить о нём? — у них нет религиозных переживаний, потому что они всегда находятся в

контакте с разумами других людей!

Понтер двигался, чрезвычайно осторожно переступая ногами по снегу и не производя никакого шума. Он подходил с наветренной стороны; будь Джок неандертальцев, он бы наверняка его уже учуял, но он, слава Богу, неандертальцем не был…

— Подумайте, как полезна будет телепатия в тайных операциях! — сказала Мэри, повышая голос, но так, чтобы не было очевидно, что она пытается заглушить те тихие звуки, которые Понтер всё-таки производил. — И я напала на след генетического регулятора этой способности! Если вы убьёте меня и барастов, секрет будет утерян навсегда!

— Надо же, доктор Воган! — воскликнул Джок. — Упражнение в дезинформации. Я впечатлён. — Понтер уже подобрался к Джоку на минимальное расстояние — чуть ближе, и он заметил бы его длинную тень, чёрт бы побрал низкое зимнее солнце. Понтер сцепил пальцы в замок, готовясь обрушить его на затылок Джока, и…

Должно быть, тот всё-таки что-то услышал. Он начал поворачиваться кругом за долю секунды до того, как удар Понтера достиг цели, и вместо

черепа удар обрушился на его левое плечо. Мэри услышала треск ломающейся кости; Джок заорал от боли и уронил ящик с бомбой. Однако пистолет всё ещё был у него в правой руке, и он нажал на спуск. У Джока не было неандертальского надбровья, и когда он повернулся лицом к солнцу, оно моментально заслепило ему глаза; выстрел ушёл в никуда.

Мэри никак не могла добежать до Понтера, не подставившись под пули, и поэтому она сделала то, что посчитала самым разумным — бросилась вправо и спряталась за дерево вместе с Рубеном. Понтер издал страшный рёв и ударил наотмашь, повалив Джока лицом в снег. Понтер тут же заломил его правую руку, дёрнул её в направлении, в котором она не могла сгибаться, и воздух снова разорвал отвратительный хруст. Джок закричал и Понтер моментально завладел пистолетом. Он отбросил его в сторону с такой силой, что послышался свист рассекаемого им сухого морозного воздуха. После этого Понтер развернул Джока к себе лицом и замахнулся правой рукой, сжатой в массивный кулак.

Джок перекатился вправо и здоровой рукой схватил металлический ящик. Он что-то с ним сделал, и из ящика повалил белый дым. Его клубы

наполовину скрыли Понтера, но Мэри разглядела, как он схватил Джока за горло и приготовился другой рукой нанести удар прямо в лицо.

— Понтер, нет! — крикнула Луиза, кинувшись к нему из-за своего валуна. — Мы должны узнать…

Понтер уже начал наносить удар, хотя, должно быть, и успел немного смягчить его, услышав крик Луизы. Тем не менее удар достиг цели с таким звуком, будто сто фунтов кожи шлёпнулось на пол. Голова Джока откинулась назад, и он с закрывшимися глазами свалился на засыпанную снегом землю.

Облако белого дыма расползалось в стороны. Мэри побежала вперёд, к ящику. Дым продолжал валить из него, загораживая обзор. Она на ощупь поискала на нём какой-нибудь клапан, но ничего не нашла.

Рубен тоже подбежал, но его целью был Джок. Сейчас он сидел возле него на корточках, щупая пульс.

— Без сознания, но жив, — объявил Рубен, глядя снизу вверх на Понтера.

Мэри скинула шубу, пытаясь завернуть в неё бомбу. Поначалу её вроде бы удалось остановить истечение газа, но потом ящик взорвался, разорвав шубу в клочья; Мэри легко порезало в

дюжине мест, а облако разрослось ещё больше. Оно выглядело как сверхплотный лондонский смог; Мэри могла видеть не дальше метра или двух.

Луиза тоже склонилась над Джоком.

— Сколько он пробудет без сознания?

Рубен взглянул на неё и слегка пожал плечами.

— Ты слышала звук удара. У него как минимум сотрясение, вероятно, проломлен череп. Несколько часов как минимум.

— Но он нам нужен сечас! — сказала Мэри.

— Для чего? — спросил Рубен.

Сердце Мэри беспорядочно колотилось, в желудке бурлило, кислый привкус поднимался по пищеводу.

— Чтобы узнать, какую версию вируса он выпустил!

Рубен совершенно растерялся.

— Что? — переспросил он, поднимаясь на ноги.

— Мэри вчера модифицировала схему вируса, — сказала Луиза. — Если Джок изготовил вирус по модифицированной схеме, то…

Мэри не слушала. У неё в голове застучали молотки, перед глазами всё поплыло. Ей хотелось заплакать. Если Джок изготовил вирус сегодня

утром, то произвёл «серфера Джо», которого Мэри сконструировала вчера. Но если он изготовил его раньше, то расплывающееся сейчас облако состояло из оригинальной версии «wipeout», что означает…

У Мэри защипало в глазах, стало трудно сохранять равновесие.

…что означает, что ублюдок-глексен, лежащий сейчас в снегу, только что убил мужчину, которого она любит.

Глава 41

Учёные полагают, что поскольку до того, как 40000 лет назад на Земле появилось сознание, существовала, по-видимому, только одна вселенная, значит, нигде в нашей необъятной вселенной не было другого сознания — по крайней мере, старшего, чем наше. Если всё это правда, то исследование космоса — не только наша судьба: это наша обязанность, ибо ни у кого, кроме нас, Homo sapiens, нет желания и возможности этим заниматься…

В данный момент Понтер выглядел здоровым; ни один вирус не работает настолько быстро. Он отодрал полосу мамонтовой шкуры от шубы Рубена, и Рубен с Луизой связали ею лежащему без сознания Джоку руки и ноги. Сделав это, Понтер и Рубен отнесли Джока в ближайшее здание, возможно, то самое, в котором укрылась от него Декант Дорст. Солнце село, и начало заметно холодать; несмотря ни на что, они не могли бросить его замерзать.

Рубен закрыл дверь здания, и потом они с Пон-

тером вернулись к Мэри и Луизе.

— Ну что, дружище, — сказал Рубен. — Давай отвезём тебя на шахту и там засунем в деконтаминационную камеру.

Понтер вскинул голову: его светлая бровь вскарабкалась на надбровье. Как и Мэри, он об этом не подумал.

— Думаешь, есть шанс? — спросила Мэри, глядя теперь на Рубена покрасневшими глазами, в которых застыла надежда на чудо.

— Не вижу, почему нет, — сказал Рубен. — Ну, то есть, если лазеры работают, как ты сказала, они же и вирусные молекулы должны разрушать, разве нет? По крайней мере, Понтера это должно спасти, хотя, наверное, здесь, в Центре, есть более мощные средства деконтаминации. — Он посмотрел на Понтера. — Здесь есть какая-нибудь больница?

Понтер качнул головой.

— Есть, но самая современная установка деконтаминации из всех, что мы делали, была построена как раз для обслуживания портала.

— Значит, нам надо туда, — сказал Рубен.

— Мы сначала должны будем эвакуировать всех из шахты и лаборатории, — сказал Понтер. — Мы не можем рисковать заразить кого-нибудь ещё.

— Давайте вызовем транспортный куб, — сказала Мэри и заговорила в свой компаньон.

Но Рубен тронул её за руку.

— Кто его сюда приведёт? Мы не можем подвергать опасности других неандертальцев.

— Тогда… тогда мы его туда понесём! — заявила Мэри.

— *Ce n'est pas possible*[52], — сказала Луиза. — Это же много километров.

— Я пока ещё могу идти, — сказал Понтер.

Но Рубен покачал головой.

— Я хочу тебя обработать как можно быстрее. У нас может не быть тех нескольких часов, которые мы потратим на дорогу.

— Да что за чёрт! — воскликнула Мэри. — Это смешно! Должен же быть способ добраться туда вовремя! — И тут внезапно её осенила. — Хак, ты тут самый опытный компаньон. Под твоим руководством Понтер сможет вести транспортный куб?

— Я имею доступ к инструкциям по вождению, и я могу их ему объяснить, — ответил голос из предплечья Понтера.

— Так чего мы ждём? По пути сюда мы прошли

---

[52] Примечания: 52
Это невозможно *(фр.)*.

мимо штабеля таких машин, — сказала Мэри. — Поехали!

* * *

Они быстро добрались до штабеля запаркованных машин. Рядом со штабелем нашлась цилиндрическая стойка управления. Понтер переключил на ней что-то, и похожая на складской погрузчик штуковина приподняла верхний куб и опустила его на землю. Прозрачные бока машины взметнулись вверх.

Понтер забрался в правое переднее седлокресло; Мэри заняла место рядом с ним, Рубен и Луиза уселись позади.

— Ну что же, — сказал Понтер. — Хак, скажи мне, как эта штука включается.

— Чтобы включить питание, вытяни штырёк янтарного цвета, — сказал Хак через внешний динамик.

Мэри посмотрела на пульт управления перед Понтером. На самом деле на нём было даже меньше всего, чем на приборной панели её собственной машины — в транспортном кубе было гораздо меньше удобств.

— Вон там, — подсказала она. Понтер протянул руку и вытянул штырёк.

— Правый рычаг управляет движением по вертикали, — продолжал Хак. — Левый рычаг управляет движением по горизонтали.

— Но они же оба ходят вверх-вниз, — озадаченно заметил Рубен.

— Правильно, — подтвердил Хак. — Так удобнее для плечевых суставов водителя. Теперь, для управления вентиляторами подъёма используется пульт между рычагами — видишь его?

Понтер кивнул.

— Большой рычаг изменяет скорость вращения ходового вентилятора. Теперь…

— Хак, — сказал Рубен с заднего сиденья. — У нас нет времени. Просто скажи ему, какие кнопки нажимать.

— Хорошо, Понтер, — сказал Хак. — Очисти мысли и постарайся не думать. Просто в точности выполняй то, что я говорю. Вытяни зелёный штырёк. Теперь синий. Возьмись руками за рычаги. Хорошо. Когда я скажу «вперёд», потяни правый рычаг на пятнадцать процентов круга к себе, одновременно потяни левый рычаг на пять процентов. Всё понял?

Понтер кивнул.

— Готов? — спросил Хак.

Понтер снова кивнул.

— Вперёд!

Транспортный куб сильно дёрнуло, но он приподнялся над землёй.

— Теперь утопи зелёный штырёк, — сказал Хак. — Да, так. Потяни правый рычаг на себя до упора.

Куб ринулся вперёд, сильно наклонившись при этом набок.

— Мы кренимся, — сказала Мэри.

— Не беспокойтесь об этом, — ответил Хак. — Понтер, левый рычаг на одну восьмую круга от себя. Да. Теперь…

Уже через несколько минут они покинули Центр Салдака, но дорога впереди ещё была неблизкая — и управлять летающей машиной оказалось трудно до чёртиков. Мэри никогда не верила рассказам о том, как простые пассажиры под руководством диспетчеров с земли сажают самолёты, и…

— Нет, Понтер! — сказал Хак на максимальной громкости. — В другую сторону!

Понтер потянул рычаг горизонтальной скорости на себя, но было слишком поздно. Правая сторона машины врезалась в дерево. Понтера и Мэри бросило вперёд. Рычаги управления исчезли в глубине приборной панели — по-видимому,

мера безопасности, чтобы при аварии водителя на них не насадило. Куб упал на боковую сторону.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила Мэри.

— Нет, — ответил Рубен.

— Нет, согласилась Луиза.

— Понтер?

Молчание. Мэри повернулась к нему.

— *Понтер?*

Понтер смотрел на компаньон у себя на левом предплечье. Очевидно, он обо что-то ударился. Лицевая панель Хака открылась, что явно потребовало значительного усилия — крышка была сильно деформирована.

Понтер поднял взгляд; в его глубоко сидящих глазах блестели слёзы.

— Хак серьёзно повреждён, — сказал он через Кристину.

— Нам нужно идти, — мягко напомнила Мэри.

Понтер ещё пару секунд глядел на повреждённый компаньон, потом толкнул дверную защёлку в виде морской звезды, и боковая сторона куба раскрылась. Рубен полез наверх, выбрался наружу и спрыгнул на землю. Луиза полезла за ним следом. Понтер легко подтянулся на край куба, потом подал Мэри руку и вытянул её наверх.

Спустившись на землю, Понтер осмотрел открывшееся брюхо лежащей на боку машины. Мэри проследила его взгляд; нагнетающие вентиляторы были ужасно изуродованы.

— Он уже не полетит? — спросила она.

Понтер покачал головой и развёл руками, словно говоря «сама видишь».

— Как далеко до Дебральской шахты? — спросила Мэри.

— Двадцать один километр, — ответила Кристина.

— А ближайший рабочий транспортный куб?

— Секунду, — сказала Кристина. — В семи километрах к западу.

— *Merde,* — выругалась Луиза.

— Ну что же, — сказала Мэри. — Давайте двигаться.

Уже почти совсем стемнело — а они оказались одни посреди глуши. Днём Мэри видела здесь диких зверей довольно часто; мысль о том, чтобы наткнуться на кого-нибудь из них ночью приводила её в ужас. Они прошли по снежной целине, наверное, километров десять — в таких тяжёлых условиях это заняло пять часов. Луиза благодаря своим длинным ногам постоянно уходила вперёд.

Впереди на небе появились звёзды — приполярное созвездие, которое барасты называли Треснувший Лёд или Голова Мамонта. У Мэри начали неметь на морозе уши. Они шли и шли, вперёд и вперёд, пока…

— Хрящ! — сказал Понтер. Мэри обернулась. Понтер тяжело опирался на Рубена. Он поднял руки и…

Сердце Мэри упало; она услышала, как у Луизы вырвался возглас ужаса. На руках Рубена была кровь; в лунном свете она казалась чёрной. Было слишком поздно; геморрагическая лихорадка с её искусственно уменьшенным инкубационным периодом дала о себе знать. Мэри посмотрела Понтеру в лицо, уже содрогаясь от того, что ожидала увидеть, однако, за исключением удивлённого выражения, оно выглядело нормально.

Мэри быстро приблизилась к Понтеру и подхватила его под руку, чтобы не дать ему упасть. И только тут она осознала, что это не Рубен поддерживает Понтера; это Понтер помогает Рубену держаться на ногах.

В тусклом свете луны и на фоне его тёмной кожи Мэри не сразу заметила кровь у него на лице. Она бросилась к нему, и её чуть не вырвало. Кровь сочилась у него из-за глазных яблок, из

ушей, стекала из ноздрей и из уголков рта.

Луиза подскочила к Рубены двумя длинными прыжками и принялась вытирать кровь, сначала рукавом шубы, потом голыми руками, но кровь уже шла так обильно, что она не справлялась. Понтер осторожно уложил Рубена на землю, и кровь шумно плеснула на снег, протаивая в нём глубокие воронки.

— Боже, — тихо сказал Мэри.

— Рубен, *mon cher,* — сказала Луиза, скорчившись в снегу возле него. Она подложила ладонь ему под затылок; выросшая за день щетина, должно быть, колола ей руку.

— Лу… и-и-за… — тихо сказал он. — Милая, я… — Он закашлялся, и кровь хлынула у него из горла. А потом он, как всегда, говоря эти слова, перешёл на французский: — *Je t'aime.*

Из глаз Лизы полились слёзы, когда голова Рубена обмякла на её ладони. Мэри искала пульс на его правой руке; Понтер делал то же самое с левой. Она посмотрели друг на друга и покачали головами.

Лицо Луизы исказилось и она разрыдалась. Мэри придвинулась к ней, упав коленями в снег, и обняла её за плечи, прижав к себе.

— Прости, — говорила Мэри снова и снова, гла-

дя её по волосам. — Прости, прости, прости…

Через некоторое время Понтер мягко тронул Луизу за плечо; Она подняла голову.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал он, снова через посредство Кристины.

— Луиза, Понтер прав, — сказала Мэри. — Становится слишком холодно. Мы должны идти.

Но Луиза продолжала плакать, крепко сжимая кулаки.

— Этот ублюдок, — говорила она, вздрагивая всем телом. — Проклятый монстр.

— Луиза, — тихо сказала Мэри. — Я…

— Ты не понимаешь? — спросила Луиза, глядя на Мэри. — Не понимаешь, что он сделал? Ему мало было убить неандертальцев. Он сделал так, чтобы вирус убивал ещё и чёрных! — Она мотнула головой. — Но… я не знала, что вирус может действовать так быстро.

Мэри пожала плечами.

— Большинство вирусных инфекций начинается с проникновения в тело всего нескольких частиц в одном-единственном месте. Бóльшая часть инкубационного периода тратится на то, чтобы из этих нескольких частиц наплодить достаточно много вирусов, чтобы они смогли сделать свою чёрную работу. Но нас буквально

осыпали вирусами с головы до ног; мы вдохнули и поглотили сразу миллиарды вирусов. — Она взглянула на темнеющее небо, потом снова посмотрела на Луизу. — Мы должны найти укрытие.

— А что с Рубеном? — спросила Луиза. — Мы не можем оставить его здесь.

Мэри посмотрела на Понтера, безмолвно умоляя его молчать. Последнее, что Луизе сейчас нужно услышать, это то, что «Рубена больше нет».

— Мы вернёмся за ним завтра, — сказала Мэри, — но сейчас нам нужно где-то укрыться.

Луиза помедлила несколько секунд, и Мэри достало соображения не торопить её. Наконец, она кивнула, и Мэри помогла ей подняться на ноги.

Начал задувать холодный ветер, неся по снегу позёмку. Тем не менее их следы в снегу были хорошо видны.

— Кристина, — сказала Мэри, — поблизости есть, где укрыться?

— Проверяю, — ответила Кристина. — Согласно центральной картографической базе данных неподалёку от места крушения куба есть охотничья хижина. Добраться до неё будет проще, чем до Центра Салдака.

— Вы двое идите туда, — сказал Понтер. — Я же попытаюсь всё же добраться до установки деконтаминации. Не обижайтесь, но вы меня только задержите.

У Мэри подпрыгнуло сердце. Она так много хотела ему сказать, но…

— Со мной всё будет хорошо, — сказал Понтер. — Не волнуйся.

Мэри сделала глубокий вдох, кивнула и дала Понтеру обнять себя на прощанье; её трясло. Понтер выпустил её и пошёл в холодную ночь. Мэри вернулась к Луизе, и они побрели туда, куда указывала им Кристина.

Через какое-то время Луиза споткнулась и упала лицом в снег.

— Ты в порядке? — спросила Мэри, помогая ей встать.

— *Oui,* — ответила Луиза. — Я… я что-то задумалась. Он был такой замечательный человек…

Им понадобился почти час, чтобы дойти до хижины — мороз уже пробирал Мэри до костей, но в конце концов они это сделали. Хижина была очень похожа на жилище Вессан, только побольше. Они вошли внутрь и активировали светильные рёбра, которые залили помещение холодным зеленоватым светом. Здесь был

небольшой обогреватель, и вскоре они сообразили, как его включать. Мэри поглядела на часы и покачала головой. Даже Понтер не смог бы за это время одолеть расстояние до шахты.

Они обе были вымотаны, и физически, и эмоционально. Луиза упала на одну из лежанок и свернулась клубком, тихо плача. Мэри легла на выложенный подушками участок пола и обнаружила, что тоже плачет, павшая духом, подавленная, переполненная горем и чувством вины и преследуемая образом хорошего человека, проливающего кровавые слёзы.

Глава 42

А если это представление неверно, если, как считают некоторые учёные и философы, эта и другие вселенные изобилуют разумной жизнью, то у нас всё равно есть долг, которому мы должны следовать, делая свои маленькие шаги вперёд, и состоит он в том, чтобы произвести хорошее впечатление на другие формы жизни, показать им всё величие Homo sapiens во всём нашем чудесном и бесконечном многообразии…

Мэри много раз молилась в ту ночь, тихим шепотом, чтобы не потревожить Луизу. «Господи на небесах, Господи всемилостивый, спаси его…»

И потом: «Господи, прошу, не дай Понтеру умереть…»

И потом ещё: «Проклятье, Господи, ты задолжал мне за тот раз…»

* * *

Наконец, проворочавшись всю ночь, измученная кошмарами, в которых она тонула в море

крови, Мэри заметила, что через маленькое окошко хижины струится солнечный свет и доносится «кек-кек-кек» странствующих голубей, встречающих зарю.

Луиза тоже проснулась и лежала на лежанке, уперев взгляд в деревянный потолок.

В хижине был вакуумный шкаф и лазерная печь, предположительно, питаемые солнечными батареями на крыше. Мэри открыла вакуумный шкаф и нашла нарезанные куски мяса — какого животного, она определить не смогла — и какие-то корнеплоды. Она испекла их в печи на завтрак для себя и Луизы.

В хижине был также небольшой квадратный стол с седлокреслами по четырём сторонам. Мэри забралась в одно из них, Луиза уселась напротив.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Мэри, когда они закончили есть. Она никогда не видела Луизу такой: растрёпанной, с тёмными кругами под глазами.

— Я в порядке, — ответила она тихо со своим характерным акцентом, но по её голосу было ясно, что это совсем не так.

Мэри не знала, что сказать. Не знала, стоит заводить разговор о Рубене, или лучше эту тему обходить стороной в надежде, что Луиза каким-

то образом перестанет о нём думать хотя бы ненадолго. Но потом Мэри подумала об изнасиловании, о своей неспособности не думать о нём хоть на секунду. Луиза просто не могла сейчас думать ни о чём другом, кроме как о смерти любимого человека.

Мэри потянулась через стол и взяла Луизу за руку.

— Он был очень хороший человек, — сказала она, и её собственный голос предательски дрогнул.

Луиза кивнула; ей карие глаза покраснели, но сейчас были сухи.

— Мы собирались съехаться. — Луиза качнула головой. — Он был разведён, ну и, ты знаешь, в Квебеке люди моего возраста уже вообще перестали жениться — закону теперь плевать, есть у вас бумажка или нет, так что к чему беспокоиться? Но он говорил о том, что хочет сделать наши отношения постоянными. — Она посмотрела в сторону. — Это у нас стало почти дежурной шуткой. Он всё время говорил что-то вроде «Если мы собираемся жить вместе, то нужно подыскать жильё с большим гардеробом», потому что считал, что у меня слишком много одежды. — Она посмотрела на Мэри; её глаза теперь блестели от

слёз. — Он просто шутил, но… — Она покачала головой. — Но, ты знаешь, я думала, что это и правда скоро случится. Я бы отработала свой контракт с «Синерджи» и вернулась бы в Садбери. Или мы бы переехали в Монреаль, и Рубен организовал бы там частную практику. Или… — Она пожала плечами, видимо, осознав, как бессмысленно теперь перечислять планы, которые уже никогда не сбудутся.

Мэри сжала Луизину руку и просто сидела так некоторое время. Наконец, она сказала:

— Я хочу пойти поискать Понтера. — Потом тряхнула головой. — Чёрт, я так привыкла к тому, что компаньоны находятся в постоянном контакте, но теперь, когда Хак разбился…

— С Ппонтером всё будет хорошо, — сказала Луиза, осознав, по-видимому, что сейчас её очередь утешать подругу. — У него не было ни малейших признаков лихорадки.

Мэри попыталась было кивнуть в ответ, но её голова попросту отказалась двигаться. Она была так расстроена, так волновалась, так…

Внезапно за дверью послышалась какая-то возня. Сердце Мэри подпрыгнуло. Она знала, что неандертальцев ей совершенно нечего опасаться, но они находились на охотничьей территории —

иначе здесь не стали бы строить охотничью хижину. Так что кто знает, какие звери тут рыщут.

— Мы не можем идти искать Понтера, — сказала Луиза. — Сама подумай: лазеры, может, и выжгут вирус из его организма, но иммунитета это ему не даст, а мы-то по-прежнему инфицированы, нет разве? Может, вирус и не делает ничего белым глексенам, но мы — переносчики. Он не может с нами встречаться, пока мы тоже не пройдём деконтаминацию.

— И что же нам тогда делать? — спросила Мэри.

— Найти Джока Кригера, — сказала Луиза.

— Что? Зачем? Там, где мы его оставили, он никому не навредит.

— А что, если у него есть антидот против вируса, или если есть какой-то способ его нейтрализовать, то кому про него знать, как не ему?

— Почему ты думаешь, что он нам расскажет? — спросила Мэри.

Впервые с тех пор, как умер Рубен, в голосе Луизы прорезалась решимость.

— Потому что если не скажет, я его прикончу, — ответила она.

Они подождали ещё какое-то время после того,

как звуки за стенами хижины стихли, а потом осторожно открыли дверь. В неё залетал снег.

На то, чтобы добраться до здания на площади Конбор, где они оставили оглушённого Кригера, ушла бóльшая часть утра.

— Я почти уверена, что он скрылся, — сказала Луиза, когда они приближались к закрытой двери. — У этого ублюдка всегда есть лишний козырь в рукаве…

Она потянула за ручку с пятью отростками, которая отпирала дверь.

Джок не скрылся.

Он лежал на боку. Вокруг него разлилась лужа тёмной крови. Его кожа была белая и словно вощёная.

Мэри перевернула его. Свернувшая кровь покрывала его щёки и подбородок и поднималась к ушам багровыми бакенбардами. Она взглянула на его ноги и обнаружила, что штаны также пропитаны кровью, по-видимому, вытекшей из других телесных отверстий.

Мэри усилием воли не дала съеденным на завтрак мясу и корнеплодам покинуть желудок. Она взглянула на Луизу — та закусила губу. Мэри отвернулась и попыталась всё осмыслить.

Два мёртвых глексена.

Два мёртвых глексена-*самца*.

Так, словно…

«Серфер Джо», «Марк II».

Но нет. Нет, это невозможно. Невозможно! Да, Мэри поиграла со схемой вируса так, чтобы он убивал только глексенов-мужчин, но она ведь отправила тот листок бумаги в шредер и уж точно не вносила этих изменений в файл на компьютере Джока. И он совершено точно изготовил этот вирус *до того,* как Мэри сделала его безвредным, но…

Но всё же он вёл себя в соответствии с задумкой Мэри — убивал только тех Homo sapiens, у которых есть Y-хромосома.

Мэри не делала этого вируса. *Нет.*

Если только…

Нет, нет. Это чушь.

Но она путешествовала между мирами, и Джок тоже. И если в одной версии реальности она не сделала «серфера Джо» смертельным для самцов Homo sapiens, то…

То, вероятно, в какой-то другой версии реальность она реализовала свою фантазию, сконструировала такой вирус…

И этот Джок Кригер, тот самый, что истёк кровью из всех своих отверстий, мог явиться как раз

из *той* версии реальности…

Мэри покачала головой. Это всё слишком замысловато. Кроме того, не говорили ли Понтер с Луизой о том, что та вселенная, которую Мэри называет домом, и та, которую домом называет Понтер, как-то связаны друг с другом? Что они — те две изначальные ветви, на которые расщепилась вселенная, когда 40000 лет назад на Земле впервые пробудилось сознание?

И если всё это так…

Если всё это так, что схему вируса модифицировал кто-то ещё.

Но кто? И зачем?

Глава 43

Ибо таковы мы есть: великий и чудесный народ. Да, мы совершали ошибки — но мы совершали их, потому что мы всегда шли вперёд, всегда шагали к нашей судьбе…

Смотря выпуск новостей, Корнелиус Раскин пытался совладать с собой, но его всё равно била крупная дрожь.

Он задумывал свою модификацию разработанного Джокор Кригером «серфариса» как оборонительное оружие, а не наступательное — как способ защиты неандертальского мира от посягательств таких, как…

По сути, от таких, как он сам. Таких, каким он был раньше.

А теперь два человека мертвы.

Конечно если дальше всё пойдёт так, как он ожидает, больше никто не погибнет. Глексены-мужчины останутся в своём мире и не потеряют ничего, кроме права проносить своё зло через портал.

Корнелиус снял в Рочестере приличный дом на

обсаженной деревьями улице словно прямиком из сериала «Проделки Бивера»[53]. Это был такой приятный контраст с его старым пентхаусом в трущобах. Он сжимал подлокотники новенького раскладного кресла и пытался успокоиться, в то время как CNN транслировал интервью с Мэри Воган, одной из женщин, которых он изнасиловал. Нет, речь шла не об этом; она объясняла, почему глексенам-мужчинам придётся остаться здесь, в их собственном мире, и почему дорога в мир неандертальцев им теперь заказана. Вместе с ней в студии присутствовал Понтер Боддет; вид у него был крепкий и бодрый.

Изначально интервью было дано канадскому «Си-би-си Ньюсуорлд», а CNN его ретранслировал. По-видимому, Мэри оставила «Ньюсуорлд» без материала несколько дней назад, торопясь остановить Джока Кригера, но теперь снова вернулась назад, в эту реальность.

В реальность, с которой Корнелиусу Раскину теперь жить.

— То есть вы говорите, что представителю вида Homo sapiens мужского пола появляться в мире неандертальцев теперь небезопасно? — спраши-

[53] Примечания: 53

Американский сериал, выходивший в 1957–1963 годах, о похождениях школьника из зажиточного предместья.

вала ведущая-азиатка.

— Именно так, — ответила Мэри. — Вирусный штамм, выпущенный Джоком Кригером…

— Это штамм, который американский Центр по контролю и профилактике заболеваний окрестил «эбола-салдак», верно? — спросила ведущая.

— Да, это так, — ответила Мэри. — Мы полагаем, что Кригер намеревался создать штамм, смертельный только для неандертальцев, но вместо этого у него получился вирус, селективно убивающий мужчин Homo sapiens. Мы не знаем, насколько широко распространился этот вирус в неандертальском мире, но мы знаем точно, что для мужчин нашего вида он смертелен в течение нескольких часов после заражения.

— А что же неандертальская технология деконтаминации? Доктор Боддет, что вы можете сказать по этому поводу?

— В ней используются калибруемые лазеры, уничтожающие биомолекулы в нашем организме, — сказал Понтер. — Мы с доктором Воган прошли через эту процедуру перед тем, как вернуться на эту версию Земли. Эта технология надёжна и эффективна, но, как сказала доктор Воган, любой мужчина-глексен, заразивший «эболой-салдак», умрёт, если только не подвергнется

этой процедуре сразу после заражения. А установок деконтаминации в моём мире очень мало.

— И помимо этой лазерной процедуры не существует никаких лекарств или вакцин?

— Пока нет, — сказала Мэри. — Конечно, мы попытаемся их найти. Но помните: мы ищем средства против эболы уже много лет, и без какого-либо успеха.

Корнелиус покачал головой. Когда он осознал, что Джок не моделирует теоретический сценарий, а в самом деле планирует изготовить этот вирус, Корнелиус модифицировал его код, дал Джоку произвести несколько литров вируса в запаянных ампулах, а потом, когда всё было готово, вернул в файлы оригинальный код, чтобы если Джоку придёт в голову снова его просмотреть, он бы не догадался, что код меняли.

Предполагалось, что это немного скомпенсирует, станет шагом на пути к выравниванию кармического счёта Корнелиуса — хотя, конечно, вряд ли он когда-либо сможет искупить то, что наделал в Торонто. Однако насильником был прежний он, рассерженный он. Сейчас он был по-настоящему другим человеком — по-прежнему обиженный и несправедливо обойдённый, но способный контролировать свой гнев по этому

поводу. Нет, сейчас он чувствовал себя совсем по-другому, не так, как во время нападения на Мэри Воган или Кейсер Ремтуллу, когда по его сосудам гулял тестостерон. Но они, наверное, до сих пор чувствуют это, просыпаются в холодном поту, преследуемые жуткими видениями…

Ну, конечно, видениями не *его,* а некоего мужчины в чёрной лыжной маске. По крайней мере, таким он должен представляться Кейсер Ремтулле, поскольку она не знала, кто на неё напал.

Но Мэри Воган знала.

Корнелиус понимал, что это было словно палка о двух концах. Мэри не могла раскрыть Корнелиуса, не подставив Понтера под обвинение в… скажем так, в *лечении*, которому тот его подверг.

И тем не менее образ, преследующий Мэри, наверняка имеет лицо — светлокожее, голубоглазое, с искажёнными гневом и ненавистью чертами.

А теперь, осознал Корнелиус, ему почти безразлично, что никто, по всей видимости, никогда не узнает о его роли в смерти Рубена и Джока. Мэри уже рассказала миру, что Джок Кригер совершил какую-то ошибку при проектировании вируса, что он подорвался на собственной бомбе, пал жертвой своего собственного творения.

И, по правде говоря, по поводу его смерти Корнелиус не испытывал особых угрызений — в конце концов, он планировал геноцид неандертальцев.

Но умер также и ни в чём не повинный человек, этот доктор — настоящий доктор, целитель, спасающий жизни — Рубен Монтего.

Корнелиус отпустил подлокотники кресла и поднёс руки к глазам — посмотреть, не перестали ли они дрожать. Они не перестали. Он снова крепко ухватился за подлокотники.

— Ни в чём не повинный человек, — сказал он вслух, хотя вокруг не было никого, кто мог бы его услышать. Он покачал головой.

Как будто такие существуют в природе…

Но, опять же — а вдруг существуют?

Некрологи и соболезнования, уже появившиеся в сети, говорили о Рубене Монтего в превосходной степени. Его подруга, Луиза Бенуа, которую он встречал в «Синерджи», была совершенно раздавлена его смертью. Она снова и снова повторяла, какой чуткий и добрый он был человек.

Снова Корнелиус принёс женщине огромное горе.

Он знал, что должен в ближайшее время что-то сделать по поводу кастрации. В конце концов, скоро должны были начаться и другие изменения:

метаболизм замедлится, в теле начнёт накапливаться жир. Он уже заметил, что борода теперь растёт медленнее, и он почти всё время чувствует какую-то апатию — апатию или депрессию. Очевидным решением было начать принимать тестостероновые препараты. Он знал, что тестостерон — это стероид, в основном производимый содержащимися в семенниках клетками Лейдига. Но он также знал, что тестостерон может быть синтезирован из более легкодоступных стероидов, таких как диосгенин: его наверняка можно достать на чёрном рынке. Живя в Дрифтвуде, Корнелиус старался игнорировать ведущуюся в окрестностях его жилища торговлю наркотиками, но если бы ему понадобился торговец тестостероном, он без труда нашёл бы такого что в Торонто, что здесь, в Рочестере.

Но нет. Нет, он не хочет этого делать. Он не хочет снова становиться таким, как был, снова чувствовать то, что чувствовал раньше.

Для него обратного пути нет.

И…

И пути вперёд тоже.

Он поднял руки. Они больше не дрожали. Не дрожали вообще.

Он подумал, что люди скажут о *нём*, когда его

не станет.

Он следил за развернувшимися в последнее время дебатами в прессе по поводу религиозности. Если такие люди, как Мэри Воган, правы — он узнает. Узнает, даже после смерти. И возможно — лишь возможно — что спасение мира неандертальцев от таких, как он сам, как-нибудь ему зачтётся.

Конечно, если правы неандертальцы, то смерть — лишь забвение, простое прекращение существования.

Корнелиус надеялся, что неандертальцы правы.

Он не хотел оставлять свидетельств нанесённого ему увечья. Ему было безразлично, что станет с Понтером Боддетом, но он не хотел, чтобы его семья когда-либо узнала, что он совершил в Торонто.

Корнелиус Раскин спустился в гараж и принялся сливать бензин из бака своей машины.

* * *

— Ну, Бандра, что ты думаешь? — спросила Мэри.

Бандра была одета как глексенка — коричневые кроссовки, джинсы-варёнки и свободная

зелёная рубашка, всё куплено в том же самом «Марке», где они покупали одежду Понтеру в первый его визит в мир Мэри. Она стояла посреди комнаты и поражённо оглядывалась вокруг.

— Это… это непохоже ни на одно жилище, что я видела.

Мэри также оглядела просторную гостиную.

— Примерно в таких домах живёт бóльшая часть людей — по крайней мере, здесь, в Северной Америке. Ну, если честно, это весьма и весьма *хороший* дом, а большинство людей живут в больших городах, а не в сельской местности. — Она помолчала. — Тебе нравится?

— Мне понадобится время, чтобы привыкнуть, — сказала Бандра. — Но да, мне *очень* нравится. Он такой большой!

— Два этажа, — сказала Мэри. — Тридцать пять сотен квадратных футов, плюс подвал. — Она дала Бандриному компаньону секунду, чтобы перевести единицы площади, потом улыбнулась. — И здесь *три* ванные комнаты.

Пшеничные глаза Бандры округлились.

— Какая роскошь!

Мэри улыбнулась, припомнив рекламный лозунг своей краски для волос.

— Мы этого достойны.

— И ты говоришь, земля вокруг тоже наша?

— Ага. Все 2,3 акра.

— Но… но мы можем это себе позволить? Я знаю, что всё имеет свою цену.

— Мы определённо не могли бы позволить себе такой здоровый участок в окрестностях Торонто. Но здесь, на окраине Лайвли? Запросто. В конце концов, Лаврентийский университет будет нам платить очень приличную зарплату. Насколько это вообще возможно в сфере высшего образования.

Бандра уселась на диван и сделала жест в сторону антикварного вида книжных шкафов тёмного дерева, уставленных резными статуэтками.

— Мебель и отделка очень красивые.

— Это необычное смешение стилей, — сказала Мэри. — Канадского и карибского. Конечно, семья Рубена захочет что-то из этого забрать, и Луиза наверняка тоже, но бóльшая часть останется. Я купила дом со всей обстановкой.

Бандра опустила взгляд.

— Как бы мне хотелось познакомиться с твоим другом Рубеном.

— Тебе бы он понравился, — сказала Мэри, садясь на диван рядом с Бандрой. — Это был замечательный человек.

— И тебе не будет грустно жить здесь? — спросила Бандра.

Мэри покачала головой.

— Нет. Видишь ли, это место, где Понтера, меня, Рубена и Луизу изолировали на карантин, когда Понтер впервые попал в наш мир. Это место, где я узнала Понтера, где я начала влюбляться в него. — Она указала на массивный шкаф на дальнем краю комнаты, заполненный детективами. — Я помню, как он стоял вон там и чесал спину об угол шкафа, как об чесальный столб, двигаясь из стороны в сторону. И мы вели такие интересные беседы вот на этом самом диване. Я знаю, что отныне я буду с ним лишь четыре дня в месяц, и по большей части в его мире, а не в моём, но у меня такое чувство, что это, в некотором смысле, и *его* дом тоже.

Бандра улыбнулась.

— Понимаю.

Мэри похлопала её по колену.

— Вот за это я тебя и люблю. За то, что понимаешь.

— Но мы недолго будем тут вдвоём, — сказала Бандра, широко улыбаясь. — Давненько я не жила в доме, в котором есть дети.

— Надеюсь, ты мне поможешь, — сказала Мэ-

ри.

— Конечно. Уж я-то знаю, что такое кормление в девятую деци!

— Он, я вовсе не имела в виду… хотя спасибо, конечно! Нет, я хотела сказать, что ты поможешь мне воспитывать нашу с Понтером дочку. Я хочу, чтобы она любила и ценила обе культуры — и глексенскую, и барастовскую.

— Настоящая синергия, — сказала Бандра, улыбаясь во всё лицо. — Чтобы Двое воистину стали Одним.

Мэри улыбнулась в ответ.

— Точняк.

* * *

Телефон зазвонил через два дня, где-то в шесть вечера. Мэри и Бандра отработали свой первый полный день в университете и теперь расслаблялись у себя, в доме, который раньше принадлежал Рубену. Мэри растянулась на диване, дочитывая, наконец, роман Скотта Туроу, который начинала читать давным-давно, ещё до первого открытия портала между мирами. Бандра лежала в большом шезлонге, доставшемся им вместе с домом — том самом, на котором спала Мэри во время карантина. Она тоже читала книгу с неан-

дертальского планшета.

Когда телефон на низком столике возле дивана зазвонил, Мэри загнула страницу книги, встала и подняла трубку.

— Алло?

— Здравствуйте, Мэри, — сказал женский голос с пакистанским акцентом. — Это Кейсер Ремтулла из Йоркского.

— О Боже, Кейсер! Здравствуйте! Как вы?

— У меня всё хорошо. Но я с не слишком весёлыми новостями. Вы помните Корнелиуса Раскина?

У Мэри внутри что-то болезненно сжалось.

— Конечно.

— Мне очень жаль, что приходится сообщать вам эту новость, но он недавно скончался.

Мэри удивлённо вскинула брови.

— Правда? Но он ведь был ещё молодой…

— Тридцать пять, как мне сказали.

— Что случилось?

— Был пожар, и… — Она замолчала, и Мэри услышала, как она с трудом сглатывает слюну. — И от него, по-видимому, мало что осталось.

Мэри безуспешно пыталась найти подходящий ответ. В конце концов с её губ сорвалось лишь краткое «Ох…»

— Вы не хотели бы… не хотите приехать на по-

минальную службу? Она будет в пятницу, здесь, в Торонто.

Об этом Мэри не надо было даже задумываться.

— Нет. Нет, я ведь его почти не знала, — сказала она. *Я его совершенно не знала.*

— Да, хорошо, я понимаю, — сказала Кейсер. — Просто подумала, что нужно вам рассказать.

Мэри хотелось сказать Кейсер, что она теперь может спать спокойно — теперь, когда человек, изнасиловавший её — их обеих — мёртв, однако…

Однако предполагалось, что Мэри вообще не знает о том, что Кейсер изнасиловали. Её мысли путались. Однажды она найдёт способ сделать так, чтобы Кейсер узнала.

— Спасибо за звонок. Простите, что не приеду.

Они попрощались, и Мэри осторожно положила трубку. Бандра вернула шезлонг в вертикальное положение.

— Кто это был?

Мэри подошла к Бандре и протянула к ней руки, чтобы помочь встать. Потом они притянула её ближе к себе.

— С тобой всё в порядке? — спросила Бандра.

Мэри крепко её обняла.

— Всё хорошо, — сказала она.

— Ты плачешь, — сказала Бандра. Она не видела Мэриного лица, которое которое та прижимала к её плечу; должно быть, слёзы промочили ткань.

— Не волнуйся, — глухо сказала Мэри. — Просто обними меня.

И Бандра так и сделала.

Глава 44

Мои дорогие люди, дорогие Homo sapiens, мы продолжим наше большое путешествие, продолжим наш чудесный поиск, продолжим наш путь вперёд и ввысь. Это наша история, и это наше будущее. И мы не остановимся, не запнёмся, не сдадимся, пока не достигнем самых дальних звёзд.

Понтер и Адекор много времени проводили в штаб-квартире ООН, консультируя комитет, который пытался решить, следует ли продолжать строительство нового, постоянного портала между комплексом ООН и соответствующим местом острова Данкат. В конце концов, доказывали некоторые, если мужчины не смогут им пользоваться, то проект следует закрыть. Луиза Бенуа также была включена в этот комитет.

В Лаврентийской университете, разумеется, начались рождественские каникулы — что означало, что Мэри и Бандра не были привязаны к Садбери. Они решили слетать в Нью-Йорк, чтобы встретить Новый год с Луизой, Понтером и Аде-

кором на Таймс-сквер.

— Это невероятно! — говорила Бандра, почти крича, чтобы её было слышно за шумом толпы. — Сколько здесь народу?

— Обычно собирается где-то полмиллиона.

Бандро огляделась вокруг.

— Полмиллиона! Я не думаю, чтобы полмиллиона барастов вообще хоть когда-нибудь собирались вместе.

— Так почему вы празднуете новый год именно в этот день? — спросил Понтер. — Это не солнцестояние и не равноденствие.

— Гмм, — сказала Луиза. — Если честно, я не знаю. Мэри?

Мэри покачала головой.

— Без понятия. — Она заглянула Луизе в глаза и попыталась изобразить её квебекский акцент, перекрикивая при этом гомон толпы. — Но любой день подходит, чтоб устроить фи-и-есту! — Нет, улыбку на её лице увидеть пока не удастся; ещё слишком рано.

— Так что же будет сегодня вечером? — спросил Адекор.

Всё вокруг было залито неоновыми огнями.

— Видите вон то здание? — спросила Мэри, указывая рукой.

Адекор и Понтер кивнули.

— Когда-то там располагалась главная редакция газеты «Нью-Йорк Таймс» — вот почему это место зовётся Таймс-сквер. Так вот, видите флагшток на самом верху? Его высота семьдесят семь футов. Огромный шар весом в тысячу фунтов начнёт спускаться по этому флагштоку ровно в 23:59, и ему понадобится ровно шестьдесят секунд, чтобы достичь нижней точки. Когда это произойдёт, это будет знаком начала нового года, и начнётся грандиозное шоу фейерверков. — У Мэри была в руках сумка; все присутствующие получили такие в подарок от Департамента содействия бизнесу Таймс-сквер. — Когда шар коснётся нижней точки, полагается расцеловать тех, кого вы любите и крикнуть «С Новым годом». Но вам ещё надо будет подбросить в воздух содержимое ваших сумок. Они наполнены маленькими кусочками бумаги, которые называются конфетти.

Адекор покачал головой.

— Сложный ритуал.

— Звучит восхитительно! — сказала Бандра. — Я думаю… *Изумление! Изумление!*

— Что? — не поняла Мэри.

Бандра показала куда-то ей за спину.

— Это мы!

Мэри повернулась. Один из гигантских телеэкранов показывал Бандру и Мэри. На глазах у Мэри — это и правда было захватывающее зрелище — камера переместилась влево и показала Понтера и Адекора. Впрочем, через несколько секунд на экране появился мэр Нью-Йорка, машущий толпе. Мэри снова повернулась к остальным.

— Наше присутсвие не прошло незамеченным, — сказала она, улыбаясь.

Понтер рассмеялся.

— О, мы к этому уже привыкли.

— Вы приходите сюда каждый год? — спросил Адекор.

С неба падал негустой снег, и дыхание Мэри было ясно видно в холодном воздухе.

— Я? Я никогда здесь не была — но я каждый год смотрю эту церемонию по телевизору вместе с примерно 300 миллионами других людей по всему миру. Это уже традиция.

— Который сейчас час? — спросил Понтер.

Мэри глянула на часы; неонового света вокруг было достаточно, чтобы рассмотреть стрелки.

— Ещё только 23:30, — сказала она.

— О-о-о! — сказала Бандра, снова указывая на экран. — Теперь очередь Лу!

Гигантский экран теперь показывал крупным планом прекрасное лицо Луизы и то, как она очаровательно улыбается, заметив своё лицо на экране. Раздались одобрительные крики десятка тысяч мужских голосов. Что же, Памела Андерсон тоже начинала с появления на джамботроне[54]…

Изображение сменилось, и в кадре появился Дик Кларк в чёрном шёлковом пиджаке, стоящий на широком помосте, окружённом сотнями розовых и прозрачных воздушных шаров.

— Здравствуй, мир! — крикнул он, и потом, словно поправляя себя, с идеальной белозубой улыбкой: — Здравствуйте, *миры*!

Толпа взорвалась криками. Мэри начала хлопать в ладоши одетыми в варежки руками.

— И снова добро пожаловать на Рок-н-рольный новогодний бал Дика Кларка!

Снова крики. Повсюду вокруг них люди махали маленькими американскими флажками, которые раздавали вместе с сумками с конфетти.

— Это был *потрясающий* год, — сказал Кларк. — Год, в котором мы встретились с нашими давно потерянными братьями, неандертальцами. — На

---

[54] Примечания: 54

Карьера канадской актрисы Памелы Андерсон началась с появления её на телеэкране стадиона во время футбольного матча.

экране крупным планом появился Понтер, которому потребовалась секунда, чтобы определить место, откуда его снимают и помахать прямо в камеру — лицевая панель Хака ярко блестела в неоновой радуге.

Толпа начала скандировать: «Пон-тер! Пон-тер! Пон-тер!»

Мэри чувствовала, что вот-вот лопнет от гордости. Дик Кларк, однако, повёл свою речь дальше.

— Сегодня ночью наряду с известнейшими музыкальными коллективами нашего мира Крек Доналт исполнит своё величайшее произведение «Двое становятся Одним» — прямая трансляция из нашей студии в Голливуде. Но прямо сейчас мы… сэр, сэр, простите, но вы должны уйти.

Мэри растерянно смотрела на гигантский экран. Кларк был на помосте один.

— Простите сэр, но мы в эфире, — произнёс Кларк, обращаясь к пустому месту. Потом он повернулся и крикнул: — Мэтт, мы можем вывести отсюда этого клоуна?

По толпе пробежал ропот. Какую бы шутку ни пытался отколоть Кларк, она явно не сработала. Даже Бандра склонилась к Мэри и сказала:

— Похоже, он облажался…

Внезапно стоявший до тех пор спиной к ним

мужчина развернулся — непростое дело, если принять во внимание, что люди стояли как поленья в поленнице. Глядя прямо на Понтера, он сказал:

— Господи, это ты! Это ты!

Понтер вежливо улыбнулся.

— Да, я…

Но мужчина, выпучив глаза, оттолкнул Понтера в сторону и снова сказал: — Это ты! Это ты! — Похоже, он был решительно настроен идти прямиком сквозь толпу, и толпа, по большей части, расступалась перед ним.

— Иисусе! — вскричала женщина рядом с Бандрой, но Мэри не заметила, что могло её так расстроить. Она повернулась посмотреть на мужчину, который прошёл мимо Понтера и, к своему изумлению, обнаружила, что тот опускается на колени.

Из громкоговорителей снова донёсся голос Дика Кларка; в нём слышалась паника.

— Я не могу это сделать, пока он здесь!

Мэри ощутила, как вдруг резко пересохло в горле. Она протянула левую руку, пытаясь опереться на что-нибудь, чтобы не упасть. Бандра схватила её за руку.

— Мэри, с тобой всё хорошо?

Мэри заставила себя коротко кивнуть.

— Иисусе! — снова закричала женщина.

Но Мэри покачала головой.

— Нет, — сказала она едва слышно.

Нет, то был не Иисус.

То была Мария.

Пресвятая Дева Мария!

— Понтер, — позвала Мэри дрожащим голосом. — Понтер, ты видишь её? Ты видишь её?

— Кого? — спросил Понтер.

— Она прямо здесь, — сказала Мэри, показывая — и тут же одёрнула руку и перекрестилась. — Она прямо здесь!

— Мэре, здесь полмиллиона человек…

— Но она светится… — тихо сказала Мэри.

Понтер повернулся к Луизе, и Мэри заставила себя на секунду взглянуть в том направлении. Луизины карие глаза округлились, и она шептала что-то снова и снова, слишком тихо, чтобы Мэри могла услышать, но губы складывались в «*Mon Dieu, mon Dieu, mon Dieu…*»

— Видишь! — сказала Мэри. — Луиза тоже её видит! — Но ещё не договорив, Мэри засомневалась: к Деве, пусть и Пресвятой, вроде бы не обращаются словами «Боже мой, Боже мой, Боже мой…»

Взгляд Мэри словно сам собой сместился обратно к светящейся фигуре, стоящей прямо перед ней в окружении вздымающихся к небу зданий.

Бандра всё ещё держала Мэри за руку. Женщина по другую сторону от неё упала на колени.

— Мария! — воскликнула она. — Пресвятая Дева Мария!

Но она смотрела в совершенно другую сторону.

— Смотрите, — раздался голос — один из десятков тысяч звучащих одновременно голосов, но Мэри почему-то выделила его на общем фоне. — Корабль пришельцев!

Мэри подняла взгляд. Прожекторы шарили по чёрному пустому небу.

— Мэре! — Голос Понтера. — Мэре, что с тобой? Что происходит?

Человек впереди Мэри повернулся и запустил руку за пазуху. На какие-то полсекунды Мэри показалось, что он достаёт пистолет, но на свет появился толстый бумажник, набитый наличными. Он раскрыл его.

— Возьмите! — сказал он, суя несколько банкнот Мэри. — Вот, возьмите! Берите! — Он повернулся к Понтеру и протянул деньги и ему. — Возьмите! Возьмите! У меня их так много…

Откуда-то сзади донёсся громкий крик:

— Аллаху акбар! Аллаху акбар!

И спереди:

— Мессия! Наконец-то!

И слева:

— Да, да! Забери меня, о Господи!

И справа, распевно:

— Аллилуйя!

Мэри захотелось, чтобы у ней были чётки. Дева была здесь — прямо здесь — и кивнула ей, подзывая поближе.

— Мэре! — орал Понтер. — Мэре!

Позади Мэри кто-то рыдал. Впереди кто-то безостановочно смеялся. Кто-то закрывал лицо руками, кто-то хлопал в ладоши, или протягивал руки к небесам.

Мужчина кричал:

— Кто это? Кто там?

Женщина кричала:

— Уходи! Уходи!

И кто-то ещё кричал:

— Добро пожаловать на планету Земля!

В нескольких футах от себя Мэри увидела, как человек потерял сознание, но остался стоять, стиснутый толпой.

— Судный день! — кричал один голос.

— Первый контакт! — кричал второй.

— Махди! Махди! — кричал третий.

Неподалёку женщина читала нараспев:

— Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое…

А рядом с ней мужчина причитал:

— Прости, прости, прости, я так виноват…

А кто-то ещё заявлял категорически:

— Этого не может быть! Так не бывает!

— Мэре! — сказал Понтер, хватая её за плечи и разворачивая лицом к себе, спиной к Пресвятой Деве. — Мэре!

— Нет, — смогла сказать Мэри. — Нет, отпусти. Она здесь…

— Мэре, здесь становится опасно. Нам надо выбираться отсюда!

Мэри вывернулась у него из рук, найдя в себе силы, о которых и не подозревала. Она сделает всё, лишь бы быть с Пресвятой Девой…

— Адекор, Бандра, быстро! — Голос Понтера, прошедший через транслятор, ворвался в её мозг, заглушая голос Святой Девы. Мэри подняла руки с согнутыми когтями пальцами, пытаясь выдрать из ушей кохлеарные импланты. Голос Понтера продолжал: — Нам нужно увести отсюда Лу и Мэре!

Белое сияние — идеально белое сияние —

теперь начало мерцать; по краям появились радужные переливы. Мэри чувствовала, как её сердце расширяется, её душа взмывает вверх, её…

Выстрелы!

Мэри взглянула вправо. Белый мужчина лет сорока достал пистолет и палил в какого-то невидимого демона; его лицо искажено ужасом. Прямо перед ним умирали люди, но Таймс-сквер была заполнена слишком плотно, и люди не могли упасть. Мэри увидела лицо сначала одного человека, затем второго, в тот момент, как их пронзала пуля.

Крики боли смешались с возгласами восторга.

— Бандра! — закричал Понтер. — Расчищайте нам дорогу! Я понесу Мэре. Адекор, бери Лу!

Мэри чувствовала как по её лицу струится пот, несмотря на зимний холод. Понтер собирается увести её от…

Нет, думала рациональная часть Мэри, сражаясь за доступ к её сознанию. Девы здесь нет.

Есть! кричала другая её часть. *Она здесь!*

Нет! Нет! Девы нет. Никакой Девы нет…

Но она была — её не могло не быть, потому что Мэри вдруг почувствовала, как её ноги отрываются от земли, и она взлетает…

Потому что её поднимает Понтер, выше, ещё выше, забрасывая её на своё широкое плечо. Бандра впереди расталкивала людей в стороны, словно кегли, заставляя людское море расступиться, открыть путь. Понтер бросался вперёд, спеша занять место, которое Бандра только что очистила, пока оно не схлопнулось под людским напором. На площади были места с пониженной плотностью людей — то, что ещё осталось от дорожек, предназначавшиеся изначально для подъезда машин аварийных служб, и Бандра проталкивалась к одной из них.

Мэри повертела головой по сторонам, пытаясь снова разглядеть сияние Девы Марии, и увидела Луизу, лежащую на плече у Адекора — оба следовали за Мэри и Понтером по пятам.

К ним подскочил мужчина с совершенно диким взглядом. Он ударил Понтера, который легко уклонился. Но тут на Понтера наскочил другой мужчина и заорал:

— Изыди, нечистая сила!

Понтер пытался уклоняться от ударов, но тщетно. Нападающий был словно одержим — хотя почему «словно», подумала Мэри. Он попал кулаком по широкой челюсти Понтера, и тот наконец вынужден был ответить, ударив на-

падающему открытой ладонью в грудь. Даже сквозь окружающую какофонию Мэри услышала треск ломающихся рёбер, и мужчина упал. Толпа хлынула в очищенное Бандрой пространство, и похоже было, что нападавшего сейчас затопчут, но Понтер рванулся вперёд и через несколько секунд уже протиснулся достаточно далеко, чтобы Мэри не смогла разглядеть, что стало с упавшим мужчиной.

Мэри у Понтера на плече нещадно швыряло и трясло, перед глазами всё прыгало, но внезапно она заметила, как гигантский светящийся шар начал свой спуск по флагштоку — геодезическая сфера шести футов в диаметре, покрытая уотерфордским хрусталём, освещённая изнутри и снаружи. Вряд ли кто-то сохранил достаточно рассудка, чтобы запустить процесс; наверняка всё контролировалось компьютером.

Стробоскопы. Прожектора. Лазерные лучи, прошивающие облака сухого льда.

Новые крики. Новые выстрелы. Звук бьющегося стекла. Завывание сирен. Лошадь пытается сбросить конного полицейского.

— Мария! — закричала Мэри. — Спаси нас!

— Понтер! — донёсся сзади голос Адекора. — Осторожно!

Мэри ощутила, как дёрнулась голова Понтера. Ещё один безумец пробирался к нему, в этот раз размахивая монтировкой. Понтер отклонился вправо, расталкивая людей в стороны и уклоняясь от удара по голове.

Бандра развернулась и схватила нападавшего за запястье. Снова Мэри расслышала хруст ломающейся кости, и монтировка упала на мостовую.

Мэри отчаянно вертела головой, высматривая Деву Марию. Гигантский шар почти завершил свой путь — и они почти выбрались с Таймс-сквер на 42-ю стрит.

Внезапно небо взорвалось.

Мэри вскинула голову. Владыка небесный! Это…

Но нет. Нет, просто компьютер, должно быть, контролировал не только опускающийся шар, но и фейерверк. Огромный павлиний хвост света начал раскрываться позади них, и в небеса взмыли красные, белые и синие ракеты.

Ноги Понтера поднимались и опускались, словно поршни машины. Толпа редела, и они уже двигались с приличной скоростью. Бандра по-прежнему держалась впереди, Адекор с Луизой на плече замыкал строй; так они и бежали все вместе в ночь и в Новый год.

— Мария! — звала Мэри Воган. — Святая Дева, вернись!

* * *

Штаб-квартира Объединённых Наций находится всего в миле к востоку от Таймс-сквер. Им понадобилось девяносто минут, чтобы добраться дотуда пешком, борясь с дорожным движением и толпами вдоль всего пути, но в конце концов они сделали это и без проблем попали внутрь — охранник-глексен узнал Понтера и впустил их.

Видения закончились вскоре после полуночи, прекратившись так же внезапно, как и начались. У Мэри раскалывалась голова; она чувствовала себя пустой и холодной внутри.

— Что ты видела? — спросила она Луизу.

Луиза медленно покачала головой, очевидно, припоминая ушедшее ощущение чуда.

— Бога, — сказала она. — Бога-отца, такого же, как на крыше Сикстинской капеллы. Это было… — Она поискала подходящее слово. — Это было само совершенство.

Остаток ночи они провели на двадцатом этаже здания Секретариата; они заснули в конференц-зале, под звуки доносящихся снизу криков и завывания сирен: видения кончились, но хаос

только начинался.

* * *

Утром они смотрели по телевизору обывочные новостные выпуски — некоторые каналы не работали вообще — пытаясь понять, что же всё-таки случилось.

К этому моменту коллапс магнитного поля Земли продолжался уже четыре месяца — впервые со времени появления сознания в этом мире. Напряжённость поля сильно флуктуировала, силовые линии непредсказуемо сходились и расходились.

— Ну, — сказала Луиза, глядя в экран телевизора, — нельзя сказать, что оно именно *зависло,* но…

— Но что? — спросила Мэри. Они обе были смертельно усталые, немытые и сильно исцарапанные.

— Я говорила Джоку, что главной проблемой, которую принесёт коллапс магнитного поля, будет не ультрафиолетовое излучение или что-то в этом роде. Скорее, говорила я, это будут эффекты, производимые им на человеческое сознание.

— Я почувствовала то же самое, что и в тестовой камере у Вероники Шеннон, — сказала Мэри, —

только гораздо ярче.

Понтер кивнул.

— А я, как и в камере Вероники, ничего не почувствовал, как и, я уверен, любой другой бараст.

— Однако все остальные на всей нашей планете, — сказала Мэри, делая жест в сторону телевизора, — похоже, пережили религиозное откровение.

— Или похищение инопланетянами, — сказала Луиза. — Или, на худой конец, встретились с чем-то, чего там на самом деле не было.

Мэри кивнула. Пройдут дни, если не месяцы, прежде чем точно подсчитают количество жертв и величину ущерба, но уже сейчас ясно, что сотни тысяч, если не миллионы людей погибли в канун Нового года или — к востоку от нью-йоркского часового пояса — в первый его день.

И, разумеется, ещё многие годы будут спорить о том, что это откровение — которое уже по крайней мере один телекомментатор назвал «День последний» — должно было означать.

Папа Марк II собирался обратиться к верующим сегодня после полудня.

Однако что он мог сказать? Одобрить видения Иисуса и Святой Девы, но отвергнуть сообщения

о встрече с божествами, пророками и мессиями, почитаемыми мусульманами и мормонами, индуистами и иудеями, сайентологами, викканами и маори, чероки и микмаками и алгонкинами и индейцами пуэбло, и интуитами, и буддистами?

А что сказать о тех, кто видел НЛО, серых пришельцев, многоглазых монстров?

Папе придётся очень многое объяснить.

Как и всем религиозным лидерам.

Адекор, Бандра и Луиза увлеклись очередным выпуском новостей «Би-би-си», освещающим события, которые произошли вчера на Ближнем Востоке. Мэри похлопала Понтера по плечу, и когда он обернулся, поманила его за собой на дальний край конференц-зала.

— Да, Мэре? — тихо сказал Понтер.

— Какое дерьмище, а? — сказала она.

Хак пискнул, но Мэри его проигнорировала.

— Слушай, я передумала. Насчёт нашего ребёнка…

Она увидела, как широкое лицо Понтера моментально погрустнело.

— Нет, нет! — поспешно сказала она, протягивая руку и касаясь его короткого мускулистого предплечья. — Нет, я по-прежнему хочу от тебя ребёнка. Но забудь, что я сказала в хижине Вес-

сан. У нашей дочери не будет «органа Бога».

Золотистые глаза Понтера что-то искали в её глазах.

— Ты уверена?

Она кивнула.

— Да, наконец, впервые в жизни я по-настоящему уверена в чём-то. — Она дала своей ладони скользнуть по его руке, и их пальцы переплелись.

Эпилог

С Нового года прошло уже шесть месяцев, и откровение больше не повторялось. Однако магнитное поле, охватывающее эту версию Земли, продолжало флуктуировать, так что не было гарантий, что однажды не произойдёт такой же стимуляции мозга Homo sapiens, как и в прошлый раз. Может быть лет через четырнадцать-пятнадцать, когда реверсия поля завершится, люди в мире Мэри — по поводу его общего названия консенсуса так и не возникло — смогут перестать беспокоиться о повторении видений.

Тем временем Вероника Шеннон и другие учёные, ведущие похожие исследования, стали телевизионными знаменитостями; пока мир приходил в себя и восстанавливался, они давали пояснения — по крайней мере, тем, кто был готов их слушать. В Северной Америке посещаемость церквей достигла рекордно высокого уровня — а потом рекордно низкого. Прекращение огня в Израиле пока держалось. Исламских экстремистов изгнали из всех стран арабского мира.

Но здесь, на Жантаре, в мире барастов, коллапс

поля закончился больше десяти лет назад, и жизнь текла так, как текла всегда — без мыслей о богах, демонах и пришельцах из глубин космоса.

Мэри Воган всегда хотела, чтобы её свадьба была летом — первая, с Кольмом, была в феврале. А поскольку по неандертальской традиции свадебная церемония проводится на открытом воздухе, правильный выбор времени года приобретал особую важность.

Церемония вступления в союз пройдёт здесь, в ненаселённой местности между Центром Салдака и его Окраиной. Мэри уже видела одну такую церемонию, когда вступали в союз дочь Понтера Жасмель Кет и Траон Ругал. Тогда обстановка сложилась очень неловкая: Даклар Болбай, бывшая опекунша Жасмель, обвинительница Адекора и, на короткое время, соперница Мэри за внимание Понтера, явилась туда незванной. Но даже если считать и её тоже, то гостей было очень мало — так было у барастов принято.

Но Мэри всегда хотела шумную свадьбу. Когда они с Кольмом завязали узелок, то пригласили лишь родителей, братьев и сестёр — получилась простенькая и, самое главное, недорогая свадьба, подходящая для их аспирантских заработков.

Но в этот раз народу собралось много, по край-

ней мере, по неандертальским меркам. Пришёл Адекор вместе со своей партнёршей Лурт и сыном Дабом. Пришли родители Понтера, двое самых приятных представителей 142-го поколения, каких она встречала. И дочери Понтера Жасмель и Мега тоже были здесь, как и партнёр Жасмель Траон. Присутствовали также Хапнар и Дрэнна со своими партнёрами. Как и Луиза Бенуа — потому что Мэри желала, чтобы на её свадьбе была подружка невесты, а у барастов такой традиции не было. А также, по собственной просьбе — а кто бы ему отказал во время празднования тысячемесячной годовщины изобретённых им компаньонов, освободивших народ барастов — сам Лонвес Троб, теперь уже в возрасте совершенно немыслимых 109 лет и лишь в немного худшей форме после установки механического сердца.

Ни одна из присутствующих женщин ещё не показывала признаков, но скоро станет очевидно, что поколение 149 приближается своим чередом: Мэри уже была беременна, так же, как и Лурт, Жасмель, Хапнар и Дрэнна.

Понтер ещё не появлялся. По традиции мужчина перед вступлением в союз отправляется на охоту и приносит добычу в качестве подарка невесте. Мэри же со своей стороны насобирала в

качестве свадебного подношения огромное количество кедровых орехов, кореньев и съедобных грибов.

— Папа идёт! — закричала маленькая Мега. Мэри присмотрелась. Далеко на западе на самом горизонте появился Понтер. Он что-то нёс в каждой руке, хотя Мэри не могла рассмотреть, что.

— А вот и мама! — сказала Хапнар, указывая на восток. Точно, оттуда к ним приближалась Бандра.

Понтер говорил, что двойные церемонии устраивают нечасто, но Мэри подумала, что в данном случае это будет весьма уместно: заключить союз с Понтером как партнёром и Бандрой как партнёршей одновременно. Небо над головой было безоблачно, воздух прогрет и сух. Мэри чувствовала себя великолепно — она влюблена, любима, и любит жизнь.

Понтеру и Бандре нужно было пройти одинаковый путь, но местность на западе была тяжелее, так что Бандра добралась до поляны первой. Она обняла дочерей, потом поприветствовала родителей Понтера — её собственные жили слишком далеко, но, как было известно Мэри, следили за церемонией через передачу компаньона Бандры. Потом Бандра подошла к Мэри и поцеловала её.

Бандра выглядела такой счастливой, что сердце Мэри было готово взорваться от радости. Бандра уже многие месяцы не видела Гарба: её партнёр знал, что она переехала в другой мир, но не предприняла никаких шагов к разрыву своего союза с ним — потому что, как она сказала, в этом случае он стал бы искать другую партнёршу. Возможно, в какой-то момент он сам решит разорвать их союз… но хватит о Гарбе, решила Мэри. Сегодня день заключения союзов, а не их разрыва.

На спине Бандры был рюкзак, который она теперь опустила на землю. Он содержал её подношение пищи для Мэри. Мэри принесла вдвое больше, но лишь половина предназначалась Бандре — остальное было для Понтера.

Вскоре — наконец-то! — прибыл и Понтер. Мэри с удивлением осмотрела его ношу. Когда Жасмель вступала в союз с Траоном, тот появился с тушей свежеубитого оленя на плечах; от вида струящейся из многих ран крови Мэри тогда стало дурно. Но Понтер нёс в руках два больших кубических контейнера — Мэри опознала в них хранилища-термостаты. Она вопросительно посмотрела на него, он он лишь отставил контейнеры в сторону. После этого он обнял Мэри, и они стояли так, наслаждаясь близостью друг друга,

довольно долгое время.

На церемонии не требовалось никакого официального присутствия: ведь всё и вся записывается несколькими компаньонами с нескольких точек зрения и сохраняется в архивах алиби. Так что они просто начали: Мэри в центре, Понтер по одну сторону от неё, Бандра — по другую.

Мэри повернулась к Понтеру и заговорила на неандертальском языке, который она изучала последние полгода под терпеливым руководством Бандры.

— Я обещаю, дорогой мой Понтер, держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним.

Понтер взял Мэри за руку. Она продолжала:

— Я обещаю, что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные. Если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю отпустить тебя, не тая зла, и наилучшим образом позаботиться о благополучии наших детей.

Золотистые глаза Понтера сияли. Мэри повернулась к Бандре.

— Я обещаю, дорогая моя Бандра, держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое Порознь. Я обещаю, что

твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные, и если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю отпустить тебя, не тая зла.

Бандра, которая, в свою очередь, теперь владела английским почти свободно — по крайней мере, теми словами, что могла произнести — тихо произнесла по-английски:

— Устану от тебя? Даже через тысячу лет…

Мэри улыбнулась и снова повернулась к Понтеру. Теперь была его очередь говорить, и он заговорил:

— Я обещаю, — сказал он своим необычайно глубоким резонирующим голосом, — держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним. Я обещаю, что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные. Если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю отпустить тебя, не тая зла, и наилучшим образом позаботиться о благополучии наших детей.

Мэри сжала руку Понтера и повернулась к Бандре, которая повторила те же слова клятвы, что только что произнесла Мэри, и добавила по-английски:

— Я люблю тебя.

Мэри снова поцеловала Бандру.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она. Потом повернулась и поцеловала Понтера, долго и крепко. — И ты тоже знаешь, как я тебя люблю, мой великан.

— Союз заключён! — закричала Мега, хлопая в ладоши.

Адекор приблизился и обнял Понтера.

— Поздравляю!

Луиза обняла Мэри.

— *Félicitations, mon amie!*

— А теперь, — воскликнул Понтер, — будем пировать!

Он подошёл к кубическим контейнерам, которые принёс, и открыл их. Изнутри они были покрыты металлической фольгой. Понтер вытащил большой бумажный пакет из одного, потом из второго, и Мэри разглядела на них знакомый рисунок седовласого глексена с козлиной бородкой и в очках.

— *Изумление!* — воскликнула она по-неандертальски. — Kentucky Fried Chicken!

Понтер улыбался от уха до уха.

— Для тебя, дорогая — только самое лучшее.

Мэри улыбнулась в ответ.

— О да, дорогой мой, — сказала она. — Лучшее

из двух миров.

Благодарности

За консультации в области палеонтологии и антропологии я благодарен Майклу К. Бретту-Сарману, Ph.D., и Рику Поттсу, Ph.D., оба из Национального музея естественной истории; Филиппу Либерману, Ph.D., из Университета Брауна; Роберту Ридингтону, Ph.D., Professor Emeritus, Университет Британской Колумбии; Гэри Сойеру (не родственнику) и Иэну Таттерсоллу, Ph.D., оба из Американского музея естественной истории; Милфорду Х. Уолпоффу, Ph.D., из Мичиганского университета; а также другим экспертам, перечисленным в секции благодарностей моей предыдущей книги, «Гоминиды».

За консультации в области генетики и инфекционных заболеваний я благодарен Джорджу Р. Кармоди, Ph.D., с факультета биологии Карлтонского университета; Питеру Халасу; Хасану Масуму, аспиранту Карлтонского университета; Элисон Синклер, Ph.D.; и Эдварду Уиллетту. За советы в других областях медицины, фигурирующих в сюжете, я благодарю эндокринолога Кристофера Ковача, M.D., из Центра проблем

здоровья Мемониального университета Ньюфаундленда.

За информацию о Нейтринной обсерватории Садбери и возможность её посетить я благодарю Арта Макдональда и Дж. Данкана Хэпберна, Ph.D.

За привлечение моего внимания к теориям об электромагнитной природе сознания я благодарю Норма Нельсона. Две из этих теорий, схожие во многих аспектах, были недавно предложены независимо друг от друга Джонджо Макфадденом, Ph.D., с факультета биологии и биомеханики Университета Суррея, и Сьюзан Покетт, Ph.D., с физического факультета Оклендского университета. Для тех, кто хочет подробнее ознакомиться с ними Макфадден даёт подробный обзор в заключительной главе своей книги *Quantum Evolution: The New Science of Life (*HarperCollins UK, 2000; W. W. Norton USA, 2001); Покетт же посвятила своей версии этой теории целую книгу *The Nature of Consciousness: A Hypothesis* (Writers Club Press, 2000).

В «Людях», предыдущей книге трилогии, многое строилось вокруг палеомагнитных свидетельств в пользу того, что в прошлом магнитное поле Земли схлопывалось очень быстро. Поскольку это исследование фигурирует также и в этой кни-

ге, я приглашаю интересующихся ознакомиться с оригинальным исследованием Роберта С. Коу и Мишеля Прево «Свидетельства в поддержку экстремально быстрых вариаций геомагнитного поля при смене полярности» в «Earth and Planetary Science Letters», 92:292-98 (1989) и последующей работой Коу, Прево и Пьера Кампа «Новые свидетельства в пользу чрезвычайно быстрого изменения напряжённости геомагнитного поля во время реверсий» в «Нейчур», 374:687-92 (1995). За другие советы в области геомагнитных реверсий я благодарю К. Маккормика и Ариэля Райха, Ph.D.

Огромное спасибо моей любимой жене Каролин Клинк; моему редактору Дэвиду Дж. Хартвеллу и его помощнику Моше Федеру; моему агенту Ральфу Вичинанце и его помощникам Кристоферу Лоттсу и Винсу Джерардису; Тому Догерти, Линде Квинтон, Дженнифер Маркус, Дженнифер Хант, Ирэн Гало и всем остальным в издательстве «Тор Букс»; Гарольду и Сильвии Фенн, Роберту Говарду, Нейди Уинтер, Мелиссе Кэмерон, Дэвиду Леонарду, Стиву Сент-Аманту и всем остальным сотрудникам «H. B. Fenn and Company».

Также я благодарю друзей и коллег, которые позволяли мне испытывать на них свои идеи

или помогали мне иными способами, в том числе Линду Карлсон, Марселя Ганье, Джеймса Алана Гарднера, Эла Катеринski, Герба Кодерера и Роберта Чарльза Уилсона. Бета-тестерами этой книги были Тэд Блини, Каролин Клинк, Дэвид Ливингстон Клинк, Ричард Готлиб, Питер Халас, Говард Миллер, Ариэль Райх, Алан Б. Сойер, Салли Томашевич, Эдо ван Белком и Дэвид Уиддикомб.